II.

ПРОМЫСЛЫ и ВНѢЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ ЗАНЯТІЯ

КРЕСТЬЯНЪ

ЦЕНТРАЛЬНАГО РАЙОНА.

КУРСКЪ.

Типографія Губернскаго Земства

1885.

Дозволено цензурою. Москва 31 марта 1885 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Общая часть.

II. Детальное описаніе отдѣльныхъ промысловъ.

Наши деревенскіе промыслы, на всемъ пространствѣ нашей великой и обильной земли, являются въ большинствѣ случаевъ только въ качествѣ болѣе или менѣе значительнаго подспорья земледѣльческому крестьянскому хозяйству. Только въ центральныхъ, густо населенныхъ и малоземельныхъ губерніяхъ, гдѣ земля, и безъ того уже плохая по своему качеству, до-нельзя истощена многолѣтними посѣвами, и гдѣ земледѣліе уже совершенно невыгодно для крестьянъ,—только тамъ промыслы занимаютъ первенствующее мѣсто въ бюджетѣ крестьянина и въ нихъ лежитъ центръ тяготѣнія крестьянской жизни, такъ какъ ими нормируются всѣ хозяйственныя отправленія крестьянскаго двора. Земля тамъ—дѣло второстепенное, ее безъ сожалѣнія забрасываютъ, къ ней не питаютъ никакой симпатіи, потому что она оказывается очень неблагодарной къ своему „сѣятелю" и „хранителю." Всѣ помыслы крестьянъ, всѣ ихъ тенденціи сосредоточены на одномъ только „стороннемъ заработкѣ", потому что семья живетъ исключительно промыслами, а не земледѣліемъ. Въ Московской и Владимірской губерніяхъ есть цѣлыя громадные районы, въ которыхъ всѣ мужчины, достигшіе извѣстнаго возраста,—всѣ поголовно ходятъ на фабрики и заводы; часто даже тащатъ за собою жену, сестру, мать и малолѣтнихъ дѣтишекъ. *) Очевидно, тамъ промыслы и сторонніе заработки имѣютъ огромное значеніе, играютъ первенствующую роль въ жизни крестьянина; они даже отражаются на общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ деревни, ускоряя процесъ разложенія однородной массы крестьянскаго населенія на рѣзко обособленныя соціально-экономическія группы, съ одной стороны, и расшатывая „устои" старой патріархальной семьи, съ другой. **)

Ничего этого нѣтъ, да и быть еще скоро не можетъ у насъ, въ черноземной полосѣ, гдѣ земля, несмотря на плохую обработку, все-таки съ большою лихвою возвращаетъ земледѣльцу его посѣвъ и даетъ ему возможность прокормиться. Крестьянинъ здѣсь живетъ исключительно землею, о ней одной думаетъ, ею дышетъ. Когда вы пріѣзжаете въ деревню, съ вами прежде всего заводятъ разговоръ о землѣ, объ урожаѣ, арендной платѣ и т. д. Этимъ разговоръ начинается, этимъ же и кончается; какъ бы вы ни старались перевести его на что--нибудь другое, постороннее, разговоръ непремѣнно сведется на землю, такъ что въ концѣ концовъ для нашего брата, городскаго человѣка, это становится даже скучно.

*) Янжулъ. „Дѣтскій фабричный трудъ"—рефератъ, читанный авторомъ въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества, въ январѣ настоящаго 1884 года.

**) С. А. Харизоменовъ. Значеніе кустарныхъ промысловъ. Юрид. Вѣстн., XII, 1883.

Привязавшись такъ сильно къ землѣ, крестьянинъ здѣшній можетъ бросить ее ради какого-нибудь промысла только развѣ въ случаѣ самой крайней, неисходной нужды. Но до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, вся наша Курская губернія являлась въ строгомъ смыслѣ слова земледѣльческой губерніей. Когда, при подворной переписи, спрашиваешь здѣшняго крестьянина, чѣмъ онъ занимается еще, кромѣ земледѣлія, то онъ обыкновенно отвѣчаетъ: „да чѣмъ еще намъ займоваться-то?.... Мы вѣдь крестьяне, люди темные и черные. Уберешся съ хлѣбомъ да оба-пола домишка съ топоришкомъ походишь,— вотъ и все наше занятіе, больше намъ и дѣлать нечего"..... И въ этомъ, дѣйствительно, есть значительная доля правды.

Чисто земледѣльческій характеръ Курской губерніи вездѣ даетъ себя знать и обнаруживается на каждомъ шагу. Возьмемъ хоть, напримѣръ, промышленныя заведенія въ изслѣдуемомъ нами районѣ. Ихъ можно раздѣлить собственно на три категоріи: 1) спеціально-торговыя (лавки, кабаки, постоялые дворы), 2) промышленныя заведенія съ земледѣльческимъ, сельско-хозяйственнымъ характеромъ, 3) промышленныя заведенія съ ремесленнымъ и кустарнымъ характеромъ.

Всѣхъ заведеній у крестьянъ въ 5 уѣздахъ 7549;

изъ нихъ—заведеній 1-й категоріи - - 1093 или 14,5 %.
2-й категоріи - - 5427 или 71,9 %.
3-й категоріи - - 1029 или 13,6 %.

Такимъ образомъ оказывается, что промышленныхъ заведеній съ характеромъ земледѣльческимъ—громадное большинство во всѣхъ пяти уѣздахъ, тогда какъ другихъ заведеній, торговыхъ и ремесленно-кустарныхъ, сравнительно, очень немного,—гораздо меньше, чѣмъ это можно бы предполагать, судя по количеству населенія.

По уѣздамъ промышленныя заведенія группируются такимъ образомъ:

Уѣзды.	Промышленныхъ заведеній.			Всего.	% промышленныхъ заведеній 2-й категоріи къ общему числу.
	1 катег.	2 катег.	3 катег.		
Суджанскій . .	237	1529	341	2107	72,6 %
Льговскій . .	211	1289	184	1684	76,5 %
Дмитріевскій .	253	673	174	1100	61,2 %
Фатежскій . .	139	1064	177	1380	77,1 %
Курскій. . .	253	872	153	1278	68,2
Итого. .	1093	5427	1029	7549	71,9 %

Такимъ образомъ, не только въ Фатежскомъ, Льговскомъ и Суджанскомъ — чисто земледѣльческихъ уѣздахъ, съ незначительнымъ развитіемъ обрабатывающей и отхожей промышленности, но даже въ не особенно плодородномъ, суглинистомъ Дмитріевскомъ уѣздѣ, даже въ Курскомъ уѣздѣ, заключающемъ въ своемъ районѣ губернскій городъ съ 60/тыс. населеніемъ и Коренной ярмаркой, % промышленныхъ заведеній съ сельско-хозяйственнымъ земледѣльческимъ характеромъ чрезвычайно высокъ, сравнительно съ торговыми и ремесленно-кустарными.

Этотъ живой, наглядный примѣръ способенъ, разумѣется, всякаго убѣдить, что губернія наша, или, по крайней мѣрѣ, тотъ районъ, который мы теперь изслѣдуемъ, есть чисто земледѣльческій, и главнымъ занятіемъ жителей здѣшнихъ служитъ земледѣліе и непосредственно связанные съ нимъ промыслы.

Это ясно видно и изъ приложенной къ этому отдѣлу таблицы промышленниковъ. Всѣхъ занятыхъ земледѣльческими промыслами рабочихъ здѣсь, въ изслѣдуемомъ нами районѣ, 28936 чел. мужскаго пола, промышленниковъ же всѣхъ другихъ категорій всего 29839 чел.—очень не много, сравнительно съ первыми. По группамъ промышленники представляютъ такія процентныя отношенія:

Земледѣльческія промыслы - - -	49,2 %.
Фабрично-заводскіе заработки - - -	3,1 %.
Торговля разнаго рода - - - -	2,9 %.
Профессіональныя занятія - - -	9,8 %.
Кустарныя производства - - - -	6,2 %.
Мастерства и ремесла - - - -	28,8 %.

Такимъ образомъ, оказывается, что наибольшій процентъ падаетъ на долю хозяйственно-земледѣльческихъ заработковъ. Въ своихъ діаграммахъ, представленныхъ на Московскую всероссійскую выставку 1882 года, г. Орловъ приводитъ такого рода разсчетъ, основанный на точномъ изученіи предмета: *) въ Московской губерніи крестьяне получаютъ отъ земледѣлія 18,000,000 р., отъ промысловъ и заработковъ разнаго рода 23,000,000, р. Относительно нашей Курской губерніи, въ полномъ ея составѣ, можно смѣло заранѣе сказать,—прежде чѣмъ итоги по всѣмъ статьямъ будутъ подведены и Курская губернія изслѣдована, что выводъ получится какъ разъ обратный.

Уже давно люди, изслѣдовавшіе Курскую губернію, говорили, что она представляетъ сплошное пахатное поле; всѣ мало-мальски удобныя для хлѣ-

*) Труды И. В. Э. общества, 1882, октябрь.

бошества мѣста обращены въ пашни, размѣры которыхъ къ тому же съ каждымъ годомъ все увеличиваются и увеличиваются. Въ началѣ 60 годовъ, пашня, по Частавскому, занимала 67% всей площади губерніи, съ тѣхъ поръ количество ея, вѣроятно, увеличилось еще болѣе, такъ, напримѣръ, въ Фатежскомъ уѣздѣ, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, пашни оказалось 80% (Сбор. стат. свѣд. по Фатежскому уѣзду. Матеріалы для опредѣленія цѣнности и доходности земель). Во многихъ мѣстахъ крестьяне распахали положительно все, что только возможно распахать; распахали даже сторожевые и могильные курганы, которыхъ много встрѣчается у насъ по полямъ; распахали даже „неудобія“ свои, т. е. неудобныя земли, отошедшія имъ въ надѣлъ, яры и овраги, иногда очень крутыя, съ уклономъ въ 70° и болѣе. Выгоны уцѣлѣли только въ немногихъ деревняхъ,—тамъ, гдѣ запахать ихъ было уже положительно невозможно, въ силу тѣхъ или другихъ мѣстныхъ условій; сѣнокосы остались только на самыхъ низменныхъ заливныхъ лугахъ и „подморинахъ“, гдѣ вода почти никогда не пересыхаетъ.

Увеличеніе производства хлѣба путемъ расширенія площади распашныхъ земель не спасаетъ однако здѣшнихъ крестьянъ отъ нужды. Не анализируя подробно экономическаго положенія крестьянъ различныхъ группъ, такъ какъ это не входитъ въ нашъ отдѣлъ, мы здѣсь скажемъ все-таки по этому поводу нѣсколько словъ, по скольку это необходимо для выясненія нашихъ дальнѣйшихъ положеній.

Высшій надѣлъ, какой могли получить бывшіе помѣщичьи крестьяне изслѣдуемаго района, по положенію 19-го февраля, въ 3 уѣздахъ—Фатежскомъ, Льговскомъ и Суджанскомъ равняется $2^3/_4$ десят., въ Дмитріевскомъ онъ нѣсколько выше—$3^1/_2$ десят. Но получили этотъ надѣлъ очень не многія общины,—именно только тѣ, которыя владѣли до положенія высокимъ тягловымъ надѣломъ; большинство-же получило гораздо меньше. Вслѣдствіе этого, у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ-собственниковъ въ настоящее время земли, по четыремъ уѣздамъ, среднимъ числомъ по 2,3 дес. на ревизскую душу, по 4,7 дес. на наличный надѣльный дворъ, по 1,6 дес. на наличную душу мужскаго пола и на наличную душу обоего пола—0,8 дес.; по Дмитріевскому уѣзду на ревизскую душу приходится—2,9 десят., на надѣльный дворъ—8 дес., на наличную душу мужскаго пола—2,3 дес., на наличную душу обоего пола—1,2 дес.; по всѣмъ пяти уѣздамъ, среднимъ числомъ, на ревизскую душу приходится—2,5 дес., на надѣльный дворъ—5,7 десят., на мужскую наличную душу—1,7 дес., на душу обоего пола—0,9 дес. У крестьянъ дарственниковъ земли и еще того меньше: всего по 5 уѣздамъ по 0,9 дес.—на ревизскую душу, по 2,1 дес.—на надѣльный дворъ, по 0,6 дес.—на наличную мужскую душу и по 0,3 дес.—на душу обоего пола.

Само собой разумѣется, что крестьяне послѣдней категоріи, т. е. получившіе $^1/_4$ надѣла въ даръ (одну усадьбу), прокормиться отъ своихъ надѣловъ не могутъ ни въ какомъ случаѣ. Даже при высшемъ надѣлѣ въ $2^3/_4$—$3^1/_2$ десят. на душу, семья не въ состояніи будетъ прокормить себя только одною землею; въ годовомъ бюджетѣ у нея будетъ получаться постоянный дефицитъ, даже въ годы съ самымъ высокимъ урожаемъ (самъ 8 для ржи и самъ 7 для овса). При нормальныхъ же существующихъ у насъ въ Курской губерніи урожаяхъ (см. наши по-уѣздные сборники), прокормиться могутъ только тѣ дворы средняго состава, которые имѣютъ не менѣе 10 десят. на наличный надѣльный дворъ. Среди крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, такихъ надѣловъ совсѣмъ нѣтъ, ихъ развѣ можно найти только у крестьянъ, бывшихъ государственныхъ четвертнаго права. Эти послѣдніе имѣютъ, въ среднемъ, по 5 уѣздамъ, по 4,2 десят. удобной земли на ревизскую душу и по 11,4 дес. на наличный надѣльный дворъ; поэтому значительная часть государственныхъ крестьянъ нужды большой не терпятъ, живутъ въ достаткѣ и и сплошь да рядомъ даже продаютъ избытки хлѣба, пеньки и конопли. Но бывшихъ государственныхъ крестьянъ только 59% общаго крестьянскаго населенія указанныхъ 5 уѣздовъ, остальные же всѣ бывшіе помѣщичьи—собственники, дарственники, водворенные на собственныхъ земляхъ etc. Экономическое положеніе этихъ послѣднихъ, разумѣется, незавидное. Какъ бы ни были ограничены и не развиты ихъ потребности, они, очевидно, никоимъ образомъ не могутъ быть удовлетворены ничтожными доходами, какіе получаются съ ихъ незначительнаго надѣла. Волей неволей, для покрытія хозяйственнаго дефицита, имъ приходится ежегодно обращаться къ стороннимъ вспомогательнымъ средствамъ.

Беремъ для примѣра среднюю крестьянскую семью изъ крестьянъ-собственниковъ. Для изслѣдуемаго района она будетъ заключать въ себѣ 6 ч., изъ которыхъ, положимъ, трое мужчинъ и три женщины; въ томъ числѣ 2 мужчинъ работниковъ и 1 женщина работница, а остальные трое—или малолѣтки, или старики.

Средній размѣръ надѣла на надѣльный наличный дворъ по 3 уѣздамъ 4,9 дес., въ Дмитріевскомъ—8 дес., стало быть по всѣмъ четыремъ уѣздамъ средній размѣръ надѣла будетъ равняться 5,7 дес. Впрочемъ, въ виду того, что доходность надѣла Дмитріевскаго крестьянина, не смотря на его количественную величину, едва только равняется доходности надѣла въ другихъ уѣздахъ, намъ слѣдовало бы принять средній размѣръ надѣла по всѣмъ уѣздамъ одинаковымъ въ 4,9 дес., игнорируя небольшое повышеніе цифры по этой рубрикѣ по Дмитріевскому уѣзду, что сглаживалось бы плохимъ качествомъ почвы въ этомъ уѣздѣ; но чтобы насъ не заподозрили въ пристрастной оцѣнкѣ, мы вводимъ въ нашу среднюю и Дмитріевскій уѣздъ и даемъ ему мѣсто наравнѣ съ прочими уѣздами.

Головъ крупнаго скота у крестьянъ-собственниковъ приходится, по всѣмъ уѣздамъ, на 1 надѣльный дворъ 2,6; головъ мелкаго—6,4; такъ что во взятомъ нами среднемъ дворѣ, стало быть, предполагается 2 лошади, 1 жеребенокъ 1 корова 4 овцы, и 1 свинья съ подсвинкомъ.

На продовольствіе семьи необходимо, по самому минимальному расчету: на хлѣбъ, творушки, лепешки, куженьки и т. под. на каждаго взрослаго $2^1/_2$ четверти въ годъ озимаго (норма принятая нашимъ Бюро при всѣхъ вычисленіяхъ); на каждаго малолѣтка и старика—половину этого количества, т. е. $1^1/_4$ четв.; всего, стало быть, на нашу семью потребуется $10^3/_4$ четв. Кромѣ того, на приварокъ: на крупу, въ похлебку, на кашу и кашицу, на начинку въ пироги etc. ежегодно на каждаго взрослаго $1^1/_2$ четв. яроваго (овса, ячменя и гречи), на каждаго малолѣтка и старика опять таки по половинѣ этого количества; всего яроваго для семьи въ годъ потребуется $6^3/_4$ четв.

На кормъ и содержаніе скота здѣшній крестьянинъ издерживаетъ хлѣба яроваго очень не много. Лошадей онъ кормитъ больше яровой соломой въ рабочую же пору сѣномъ (а иногда при недостаткѣ его и рѣзкою, посыпанной мукой); предполагая, что въ году всего 60 рабочихъ лошадиныхъ дней и полагая, что въ день на лошадь идетъ около 3 ф. яровой муки, мы найдемъ, что всего на двухъ лошадей муки изойдетъ въ годъ 9 пудовъ или 1 четв. Овса здѣшняя лошадь совсѣмъ не видитъ. *) На выкормку двухъ свиней къ Рождеству и 1 барана къ осени—$1^3/_4$ четв. (на каждую свинью по $^3/_4$ четв. и на барана $^1/_4$ четв.); коровѣ на пойло и на кормъ домашней птицы не менѣе 1 четверти.

Слѣдовательно, всего на продовольствіе семьи и на содержаніе скота понадобится:

Озимаго хлѣба		$10^3/_4$	четв.
Яроваго:	приварокъ	$6^3/_4$	„
	2 лошадямъ	1	„
	выкормить барана и свиней	$1^3/_4$	„
	коровѣ и птицамъ	1	„
Всего:	озимаго	$10^3/_4$	четв.
„	яроваго	$10^1/_2$	„

*) Оттого-то наша „здѣшняя крестьянская лошадь мелка и слабосильна“, какъ справедливо замѣчено было въ „Отчетѣ распорядительнаго комитета по устройству Харьковской сельско-хозяйственной выставки 1880 г.“. Причина этого явленія, по мнѣнію отчета, заключается не только въ породѣ, но и въ дурномъ уходѣ, которымъ она пользуется: въ ранней случкѣ, недостаточномъ кормленіи и часто непосильномъ изнуреніи работою. Выведенная и содержимая при лучшихъ условіяхъ, она представляетъ типъ крѣпкій, свободный отъ всякихъ пороковъ въ тѣлосложеніи и чрезвычайно выносливый. Таково заключеніе экспертовъ, относительно Харьковской лошади, и оно всецѣло примѣнимо къ нашей, потому что Харьковская губ., по своимъ мѣстнымъ, климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, очень близко подходитъ къ Курской.

Теперь посмотримъ, что можетъ дать крестьянину надѣлъ въ 5,7 дес. При такомъ количествѣ земли, угодья распредѣлены вездѣ приблизительно такимъ образомъ: усадебной земли съ одворицею, коноплянникомъ и огородомъ— $^{3}/_{8}$ д., сѣнокоса— $^{1}/_{3}$ д., подъ выгономъ около 0,2 д.; лѣсъ въ помѣщичьихъ общинахъ встрѣчается рѣдко, стало быть, вся остальная земля, входящая въ надѣлъ, есть пахоть; остается ея 4,8 д.; въ томъ числѣ озимымъ засѣвается около 1,6 д., яровымъ также, и такое же количество земли ежегодно паруетъ.

Среднiй урожай для всѣхъ пяти уѣздовъ—озимаго самъ 5,5, яроваго (овесъ)—3,8. Стало быть, сборъ съ полей въ крестьянскомъ хозяйствѣ будетъ:

Ржи—съ	1,6	десят.	9 четв.
Яроваго—съ	1,6	„	9,5 „

Теперь слѣдуетъ сопоставить сборъ съ потребностями двора, и у насъ получится:

	Сборъ.	Потребности.	Разность.
Озимаго	9.	$10^{3}/_{4}$.	— $1,^{3}/_{4}$.
Яроваго	9,5.	10,5.	— 1.

Стало быть, при среднемъ урожаѣ, земля не въ состоянiи удовлетворить необходимымъ потребностямъ семьи. Въ годовомъ бюджетѣ у домохозяйства образуется въ продовольственныхъ средствахъ дефицитъ въ $1^{3}/_{4}$ чет. озим. + 1 четв. яров., или въ 13 руб. 50 коп.

Теперь разсмотримъ доходность другихъ статей крестьянскаго двора.

Съ $^{1}/_{3}$ десят. сѣнокоса сѣна снимается ежегодно никакъ не больше 35 пудовъ; кромѣ того, яровой соломы съ 1,6 дес. домохозяйство получитъ около 180 пудовъ и озимой 240 пудовъ (для подстилки скоту). Въ этомъ и всѣ кормовыя средства домохозяйства. Предположимъ, что крестьяне совсѣмъ не даютъ корма скоту весною и лѣтомъ, оставляя все время его на подножномъ корму; предположимъ, что кормить скотину приходится всего 160 зимнихъ дней. Двумъ лошадямъ въ день нужно никакъ не меньше 30 фунтовъ сѣна, (съ посыпкой изъ муки) и 10 фунтовъ соломы яровой; стало быть въ 160, дней, имъ понадобится 120 пудовъ сѣна и 40 пудовъ соломы; жеребенку 10 фун. сѣна и 5 фун. соломы,—въ годъ 40 пудовъ сѣна и 20 пудовъ соломы; да четыремъ овцамъ, считая по 7 фун. соломы въ день на каждую— 28 ф. въ день, еще 112 пуд. въ зиму; для коровы въ теченiи 160 зимнихъ дней потребуется, считая по 15 ф. въ день—яровой соломы также 60 п.; но необходимо замѣтить здѣсь, что корова удовлетворяется 15 фунтами на день только въ томъ случаѣ, если солому яровую будутъ посыпать мукою, а это у крестьянъ рѣдко дѣлается; по большей части вмѣсто посыпки коро-

вѣ даютъ лишнихъ 3—4 фун. соломы въ день. Всего, стало быть, потребуется сѣна 160 пуд. и яровой соломы—232 пуда. Дефицитъ—125 пудовъ сѣна и 52 пуда яровой соломы.

Выгонъ не доставляетъ крестьянину никакого дохода. Конопляникъ въ $1/4$ десят. (въ Дмитріевскомъ, Льговскомъ, а особенно въ Фатежскомъ уѣздахъ есть селенія, гдѣ величина конопляника достигаетъ до 1 десят. на надѣлъ, таковы напр. селенія Поныры, Гниловоды, Хмѣлевое etc.; но въ этихъ селеніяхъ, разведеніе конопли составляетъ главное занятіе жителей, главный ихъ промыселъ; мы здѣсь не касаемся такихъ мѣстностей, предметъ нашего обсужденія—средній крестьянскій дворъ вообще по всѣмъ 5 уѣздамъ, а спеціальная культура конопли развита далеко не вездѣ; см. объ этомъ ниже, особенную рубрику въ отдѣлѣ „земледѣльческихъ промысловъ)“, засѣвается 1 гарнцомъ. Средній урожай зерна—самъ 4; кромѣ того, пеньки собирается на 1 десятинѣ около 20 пуд. Стало быть, съ конопляника въ $1/4$ десят. можно получить зерна 1 четверть и волокна 5 пудовъ.

Изъ этого числа необходимо для домашнихъ потребностей—конопли для постнаго масла—$1/2$ четв.; изъ этого можно набить масла не болѣе 30 фун., что составитъ почти по $1/10$ фунта въ день на всѣхъ; необходимо замѣтить, что здѣшніе крестьяне ѣдятъ кушанья съ постнымъ масломъ постоянно, а не въ одни только постные дни; происходитъ это, разумѣется, отъ того, что количество молочныхъ скоповъ, при крайне ограниченномъ числѣ коровъ, здѣсь очень незначительно.

Кромѣ того, на приварокъ, для заправки постныхъ щей, на припекъ къ лепешкамъ, конопли идетъ въ годъ—$1/4$ четверти. Всего, стало быть, для домашняго употребленія идетъ $3/4$ четверти зерна; пенька вся отправляется на продажу. На холсты для бѣлья и платья бабы употребляютъ здѣсь не пеньку, а „замашку“ (см. „конопляно-пенковое производство“). Стало быть хозяйство можетъ продать.—

Конопли -	-	$1/4$ четв.
Пеньки -	-	5 пуд.

Конопли четверть стоитъ около 6 рублей; стало быть, за $1/4$ четв. хозяйство получитъ 1 руб. 25 коп., а за пеньку, считая по цѣнѣ ниняшняго года, 3 руб. 40 коп. за пудъ—17 рублей.

Это и весь доходъ, взятаго нами примѣрнаго хозяйства. Съ огорода оно не только не получаетъ никакого дохода, но даже еще прикупаетъ каждый годъ овощей: огурцовъ, капусты и т. д.

Если годъ средственный, съ обыкновеннымъ урожаемъ, то на эти 17 р. нужно прикупить недостающее количество хлѣба ржанаго $1\,3/4$ четв., + 1 четв. яров., всего на $13\,1/2$ руб. Сверхъ того нужно прикупить сѣна 125

пудовъ, считая по 10 коп., на 12 руб. 50 коп. и яровой соломы 52 пуд. на 2 руб. 50 коп. При недостаткѣ сѣна, крестьянинъ рѣдко покупаетъ его, замѣняя болѣе дешевой яровой соломою. При такихъ условіяхъ ему приходится прикупить 15—17 возовъ соломы, около 250 п., на 12 р. 50 к. Кромѣ того, домохозяйству необходимо заплатить годовыя подати и всякіе другіе налоги.

Среднимъ числомъ, по всѣмъ 4 уѣздамъ подати съ 1 дес. у собственниковъ равняются 4,7 р.; всего, стало быть, за 5,7 дес. домохозяйство должно заплатить 26 руб. 79 коп. Кромѣ того, домохозяйству предстоятъ ежегодно расходы на ремонтъ строеній, земледѣльческихъ и разныхъ хозяйственныхъ орудій, въ родѣ сохи, топора, долота, расходы на одежду, на разныя мелочи, какъ-то: гвозди, горшки, рукавицы, деготь и т. п. Такихъ расходовъ „по домашности“ въ нашей семьѣ, изъ 6 человѣкъ, дѣлается въ годъ худо-худо на 30—40 руб. Стало быть, въ дефицитѣ каждый обыкновенный годъ остается:

покупка хлѣба - - - -	13 р. 50 к.
покупка сѣна или соломы - - -	12 р. 50 к.
подати - - - - - -	26 р. 79 к.
мелкіе расходы - - - -	35 р. — к.
Итого - - - -	87 р. 79 к.

Видимое дѣло, домохозяйству прожить однимъ земледѣліемъ нельзя. Minimum земельнаго участка, на которомъ можно „колотиться“ здѣсь семьѣ, въ 6 человѣкъ,—это 10 десят., да и то при условіи, что подъ коноплянниками, которые составляютъ самую доходную статью въ бюджетѣ здѣшняго крестьянина, будетъ не 1/4, а не меньше 1/2 дес. земли изъ общаго количества семейнаго надѣла. Но, вѣдь, для большаго коноплянника требуется пропасть навозу, требуется держать много скота, а это, пожалуй, и не возможно, въ виду скудости кормовыхъ средствъ у здѣшняго населенія.

О дарственныхъ крестьянахъ мы здѣсь уже не говоримъ. Ихъ положеніе, конечно, гораздо хуже собственниковъ; въ земледѣльческомъ бюджетѣ ихъ еще больше минусовъ, чѣмъ у этихъ послѣднихъ.

Теперь возьмемъ семью государственныхъ крестьянъ. Средній составъ семьи будетъ у нихъ такой же, какъ и у собственниковъ; разница—лишь въ 0,2—0,3 такъ что ее не стоитъ даже и во вниманіе принимать.

На 1 надѣльный дворъ, по 4 уѣздамъ, у крестьянъ государственныхъ всѣхъ трехъ категорій, приходится по 11,4 десят.; въ томъ числѣ: усадьбы —около 0,75 десят., сѣнокоса—0,7 дес., выгона—0,3 дес., лѣсу—0,8 дес., остальное—пашня 9,6 дес., по 3,2 въ каждомъ клину.

Хозяйство высѣваетъ ржи 3,2 четв., овса—4,4 четв., гречихи—1/2 четв. и проса—1/2 четв. При среднемъ урожаѣ, сборъ съ надѣльной земли будетъ:

ржи - - - 17 четв.

яроваго - - 16,7 „

Стало быть, сравнивая сборъ съ потребностями, найдетъ, что

озимаго останется - - + 6,2 четв.

яроваго - - - - + 6,2 четв.

Стало быть, сборъ хлѣбовъ удовлетворяетъ потребности въ продовольствіи.

Сѣнокосъ дастъ домохозяйству 70 пудовъ сѣна; недостанетъ на прокормленіе 2 лошадей и одного жеребенка, стало быть, всего 90 пуд. Яровой соломы всего соберутъ, съ 3,2 дес., около 360 пуд.,—излишекъ въ 128 пуд.; ржаной соломы тоже получится избытокъ. Лѣсъ денежнаго дохода крестьянину недаетъ никакого, но онъ за то обезпечиваетъ ему протопленіе, по крайней мѣрѣ, на половину зимы, а также дастъ возможность меньше тратить на ремонтъ зданій, потому что въ этомъ случаѣ лѣсъ для подѣлокъ употребляетъ крестьянинъ свой. Конопляникъ въ полдесятины, при урожаѣ самъ 4, можетъ дать чистаго сбора, за исключеніемъ сѣмянъ, 2 четв. конопли и 10 пудовъ пеньки. Принимая во вниманіе, что семья должна будетъ часть конопли и пеньки употребить на собственныя хозяйственныя надобности, найдемъ, что получится все таки излишекъ—

конопли - - 1 1/4 четв.

пеньки - - - 10 пуд.,

что̀ стоитъ, въ переводѣ на деньги,—41,5 руб. (7,5 руб. конопля и 34 р. пенька).

Домохозяйству нужно, стало быть, прикупить сѣна 90 пудовъ—на 13 руб. 50 коп., или, какъ суррогатъ этого, скормить свой излишекъ яровой соломы.

Потомъ ему нужно также на мелочные расходы, по хозяйству, среднимъ числомъ, 35 руб., а также уплатить подати. На каждую десятину надѣла, среди государственныхъ крестьянъ всѣхъ 3 категорій, по 4 уѣздамъ, приходится различныхъ платежей, круглымъ числомъ, 2,7 руб. Стало быть, съ 11,4 дес. придется въ годъ заплатить 30 руб. 78 коп.

На покрытіе этихъ расходовъ у домохозяйства есть избытки—

ржи - - - - 6,2 четв. — 37,2 руб.

яроваго - - - 6,2 четв. — 21,2 руб.

Конопли - - -	$1^1/_4$ чет.	—	7,5 руб.
Пеньки - - -	10 пуд.	—	34 руб.
	Всего - - -		99 р. 70 к.

Стало быть, расходы всѣ - -	65 руб. 78 коп.	
доходы - - -	99 руб. 70 коп.	
Итого -	+ 33 р. 92 коп.	

Стало быть, при среднемъ надѣлѣ на дворъ въ 11,4 дес., государственные крестьяне могутъ не только удовлетворять всѣ свои насущныя потребности, но у нихъ даже еще остается небольшой излишекъ въ 33 р. 92 коп., который они могутъ употребить на предметы роскоши: на чай и сахаръ, на водку, на городскіе платки и платья для женъ и дочерей etc., или же отложить его на „черный день."

Но какъ среди крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, встрѣчаются за частую дворы, имѣющіе нѣсколько земельныхъ надѣловъ и удовлетворяющіе съ земли всѣ свои потребности, такъ и среди государственныхъ крестьянъ много, въ свою очередь, такихъ домохозяйствъ, которыя имѣютъ земли гораздо меньше взятаго нами средняго размѣра надѣла у государственныхъ крестьянъ. Такіе дворы, въ большинствѣ случаевъ, не могутъ прокормиться съ одной только своей надѣльной земли, и принуждены обращаться, вмѣстѣ съ большинствомъ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, къ стороннимъ вспомогательнымъ средствамъ.

Изъ этихъ вспомогательныхъ средствъ самыми главными являются: аренда земли у владѣльцевъ и разныхъ видовъ заработки и промыслы.

Намъ не разъ приходилось слышать, что аренда земли собственно и составляетъ тѣ двери, въ которые выходитъ здѣшній крестьянинъ изъ заколдованнаго circle-vercieux, созданнаго нуждою и малоземеліемъ послѣдняго времени. Но въ этомъ можно сильно сомнѣваться, въ виду того, что аренда земли совсѣмъ не такъ выгодна и не такъ часто имѣетъ мѣсто, какъ можно было бы подумать съ перваго взгляда. Вотъ цифры. По Курскому уѣзду изъ 22254 дворовъ, имѣющихся въ наличности, въ настоящее время (по переписи 1882 г.), только 6434 домохозяевъ, т. е. не много болѣе $^1/_4$ части, берутъ помѣщичью землю, которой на каждый надѣльный дворъ приходится всего 1,4 десятины. По Суджанскому уѣзду, изъ 19593 домохозяевъ, арендуютъ землю у помѣщиковъ всего только 5922 домохоз., т. е. $^1/_3$ общаго

количества наличныхъ дворовъ, на каждый наличный дворъ приходится всего 0,8 десят. По Дмитріевскому уѣзду, изъ общаго числа 15026 домохозяевъ, арендуютъ землю у помѣщиковъ 7710 дворовъ,—на каждый наличный дворъ падаетъ по 2,2 дес. По Льговскому уѣзду, изъ 16754 всѣхъ домохозяевъ, землю берутъ у помѣщиковъ 9243 домохозяина, и на каждаго приходится по 1,7 десятины. По Фатежскому уѣзду, изъ 16052 дворовъ, у помѣщиковъ берутъ землю—только 4459 домохозяевъ, т. е. 1/4 часть общаго количества; на каждый надѣл. дворъ приходится по 1 десятины. Всего по всѣмъ 5 уѣздамъ, снимается земли крестьянами у помѣщиковъ 122018 дес. въ томъ числѣ: пахатной—подъ озимое и яровое 105614 десят. и покосу 16404 десят.

Согласитесь, что этого очень мало на 89679 дворовъ и 289168 муж. душъ наличнаго населенія. На каждый наличный дворъ приходится арендованной земли всего 1,1 десятинъ пах. земли и 0,1 дес. сѣнокоса.

Говорятъ, что земля, арендуемая у помѣщиковъ крестьянами, приноситъ послѣднимъ большія выгоды, но это опять таки иллюзія, нисколько не подтверждающаяся фактами дѣйствительности. Въ Суджанскомъ уѣздѣ средняя арендная цѣна за 1 десятину озимаго—20,5 рубл., яроваго—13,7 рубл.; средній урожай ржи—самъ 6,2, овса—самъ 4. Четверть ржи тоитъ, по здѣшнимъ мѣстамъ, круглымъ числомъ, 6 рублей, а четверть овса—3 рубля 50 коп., слѣдовательно стоимость 6,2 четвертей ржи опредѣляется въ 37 рублей 20 коп., а 8 четвертей овса въ 28 рублей. Но изъ этого нужно вычесть арендную плату—20 рублей 30 коп. за озимое и 13 рублей за яровое; остается, стало быть, у мужика отъ озимаго 16 рублей 90 коп. и отъ яроваго 15 рублей, всего съ 2 десятинъ—17 руб. 90 коп.

Не нужно забывать при этомъ, что обработка и уборка одной десятины озимаго (ржи) стоитъ, по мѣстнымъ цѣнамъ,—8 рублей 50 коп. (4 рубля 50 коп.—обработка и 4 рубля—уборка), а яроваго—7 рублей. Всего 15 руб. 50 коп. Стало быть, за вычетомъ стоимости обработки и уборки хлѣба, крестьянину остается ничтожный заработокъ въ 2 р. 40 к. Но не будемъ даже считать стоимость обработки и уборки, не будемъ принимать во вниманіе всей массы труда и времени, затраченныхъ крестьянами на этотъ предметъ, и предположимъ, что онъ получаетъ полностію всѣ 17 руб. 90 коп. безъ всякихъ затратъ съ своей стороны. Цифра эта все таки есть не болѣе, какъ капля въ морѣ, въ сравненіи съ тѣмъ дефицитомъ, который образуется ежегодно въ крестьянскомъ бюджетѣ.

Такой же незначительный доходъ отъ арендуемой земли получаютъ крестьяне и во всѣхъ другихъ уѣздахъ изслѣдуемаго нами района.

Названіе уѣздовъ.	Арендная цѣна 1 дес. подъ озимое.	Арендная цѣна 1 дес. подъ яровое.	Посѣвъ на 1 дес. Озимаго.	Посѣвъ на 1 дес. Яроваго.	Урожай озимаго—самъ сколько.	Урожай яроваго—самъ сколько.	Валовой доходъ съ десят. озимаго. (въ рубляхъ.)	Валовой доходъ съ десят. яроваго. (въ рубляхъ.)	Чистый доходъ. *) Съ 1 десятины озимаго.	Чистый доходъ. *) Съ 1 десятины яроваго.	Чистый доходъ. *) Съ 2 съемныхъ десятинъ.
Курскій	23,5	15,5			5,5	4,3	33	26,1	9,5	10,6	20,1
Фатежскій	22,6	11,1			5,3	3,5	31,8	24,5	9,2	13,4	22,6
Дмитріевскій	15,4	6,6	1	2	5	3,3	30	23,1	14,6	16,5	31,1
Льговскій	19,8	10,9			5,7	3,8	40	26,6	20,2	15,7	35,9
Суджанскій	20,3	13			6,2	4	37,2	28	16,9	14,	30,9

*) За уплатой аренды.

Этотъ расчетъ сдѣланъ нами для средняго урожая; при урожаѣ же плохомъ, аренда приходится иногда крестьянамъ прямо въ убытокъ, и получаемый съ такой земли хлѣбъ достается по весьма дорогой цѣнѣ.

Средній урожай по всѣмъ 5 уѣздамъ будетъ самъ 5,5 для ржи и 3,8 для яроваго. Стало быть, валовой доходъ съ 1 дес., по всему району, 33 р. съ одной дес озимаго и 26 р. съ дес. яроваго. Средняя арендная цѣна 1

дес. озимаго, по всѣмъ уѣздамъ, 20,3 руб., яроваго—11,6 р. За вычетомъ ея изъ валоваго подесятиннаго дохода, чистой прибыли крестьянинъ—арендаторъ въ среднемъ выводѣ, по 5 уѣздамъ, получитъ съ каждой дес. озимаго—12,2 р. и яроваго 14,4 р., всего съ обѣихъ съемныхъ дес. 26,6 р.,—сумма, какъ хотите, очень небольшая, въ сравненіи съ дефицитомъ.

Такимъ образомъ, при настоящихъ арендныхъ цѣнахъ, увеличивающихся къ тому же съ году на годъ, аренда земли помѣщичьей совсѣмъ не такъ выгодна крестьянамъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; если она и доставляетъ какой—нибудь доходъ крестьянину, то ужъ, во всякомъ случаѣ, доходъ этотъ настолько незначителенъ, что имъ никоимъ образомъ невозможно пополнить дефицитъ въ крестьянскомъ бюджетѣ.

Аренда была выгодна только въ первое десятилѣтіе послѣ освобожденія, пока помѣщики, озадаченные внезапнымъ переходомъ отъ крѣпостнаго труда къ вольно-наемному, не успѣли еще придти въ себя и не оріентировались на новой почвѣ. Они сдавали тогда свою землю крестьянамъ, по большей части, исполу, или изъ 2/5 частей урожая. Такимъ образомъ, на долю крестьянина доставалось всегда извѣстное количество хлѣба, соломы, мякины и сѣна, пополнявшее недостатки его въ продовольственныхъ средствахъ и въ кормахъ. Даже въ плохой годъ онъ получалъ порядочный доходъ и могъ существовать, не особенно нуждаясь. При среднихъ цѣнахъ на продукты, онъ могъ имѣть ежегодно съ двухъ съемныхъ десятинъ отъ 16 р. до 24 рубл. При такихъ условіяхъ, ему, конечно, былъ расчетъ арендовать землю. Теперь же, при арендѣ денежной и при ежегодномъ прогрессивномъ возрастаніи ея, выгоды отъ арендуемой земли становятся съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Во многихъ мѣстностяхъ изслѣдуемаго района крестьяне даже прямо побросали аренду, перестали брать совсѣмъ землю у помѣщиковъ, потому что барышей съ нея, кромѣ соломы, никакихъ не получается. Такъ напр. сдѣлали крестьяне нѣкоторыхъ селеній Благодатенской волости, Суджанскаго уѣзда, Сергіевской волости—Фатежскаго и т. д.

Промыслы имѣютъ здѣсь нѣсколько большее значеніе, чѣмъ аренда помѣщичьихъ земель,—уже по тому одному большее, что ихъ доходность съ каждымъ годомъ возрастаетъ, какъ, наоборотъ, падаетъ съ каждымъ годомъ доходность арендуемой земли. Можно даже сказать, что, по мѣрѣ того, какъ аренда земли становится все менѣе и менѣе выгодною для крестьянъ, значеніе промысловъ для ихъ хозяйства все болѣе и болѣе возрастаетъ, какъ будто бы между этими двумя явленіями существуетъ обратное отношеніе. Существуетъ ли оно на самомъ дѣлѣ—мы этого не знаемъ и доказать не беремся, но во всякомъ случаѣ фактъ несомнѣненъ: промыслы становятся съ каждымъ годомъ все доходнѣе и прибыльнѣе и захватываютъ все большее и

большее количество рабочихъ рукъ, между тѣмъ какъ выгодность аренды земли постепенно уменьшается; крестьяне начинаютъ ее бросать; рабочія руки оттягиваются отсюда на другое поприще дѣятельности—на арену обрабатывающей и отхожей промышленности.

Но промыслы наши, во всякомъ случаѣ, явленіе еще очень молодое на здѣшней почвѣ. Крестьянинъ нашъ курскій еще не успѣлъ къ нимъ привыкнуть хорошенько; ему нѣкогда еще было приспособить сякъ извѣстному занятію, выработать надлежащихъ привычекъ къ промышленному труду и внести въ него принципы строгой организаціи, а безъ этого, очевидно, никакой промыселъ не можетъ идти и развиваться съ успѣхомъ.

Въ Миропольѣ и до сихъ поръ встрѣчается оригинальная, примитивная форма кустарнаго производства: одинъ и тотъ же человѣкъ и кожи выдѣлываетъ, и сапоги шьетъ. Вѣроятно, такъ дѣлали предки его еще въ Кіевскую эпоху, во времена Владиміра Святаго—такъ дѣлаетъ онъ и до сихъ поръ... Насколько намъ извѣстно, такую примитивную форму производства, вполнѣ аналогичную съ Миропольской, можно встрѣтить еще только на самомъ сѣверѣ, въ дикихъ лѣсахъ древней Біарміи, у вотяковъ и зырянъ. Отсутствіе специализаціи въ производствѣ и занятіяхъ замѣчается и во многихъ другихъ мѣстахъ изслѣдуемаго района. При подворной переписи, намъ сплошь и рядомъ случалось записывать, что одинъ и тотъ же работникъ въ семьѣ занимается 2—3 промыслами: онъ и чеботарь и печникъ, веревочникъ и въ то же время крендельщикъ и, кромѣ того, онъ же лѣтомъ, въ рабочую пору, пашетъ, боронитъ, коситъ,—исполняетъ, словомъ, всѣ домашнія работы по хозяйству. Такое отсутствіе раздѣленія труда земледѣльческаго и промышленнаго—съ одной стороны, и разныхъ видовъ труда промышленнаго между собою—съ другой, указываетъ на то, что нашъ здѣшній курскій крестьянинъ еще очень плохой промышленникъ, слишкомъ мало подготовленъ къ занятію разными промыслами и производствами. Энциклопедизмъ въ промышленности, по историко-экономической теоріи, характеризуетъ самую низкую ступень въ исторіи промышленнаго развитія. Тотъ, кто можетъ дѣлать все, навѣрное ничего не можетъ сдѣлать хорошо и довести свои издѣлія до совершенства; для этого нужна специализація въ занятіяхъ. Степенью этой специализаціи у насъ и измѣряется промышленный прогрессъ.

Въ 1-мъ выпускѣ нашемъ было совершенно справедливо замѣчено, относительно Курскаго уѣзда, что промыслы мѣстные кустарные, равно какъ и всѣ другіе, имѣющіе ремесленный характеръ, занимаютъ каждый въ отдѣльности такое ничтожное число рабочихъ рукъ, что ихъ, не безъ основанія, можно считать едва удовлетворяю-щими потребностямъ мѣстнаго населе-

нія. То же самое, только еще категоричнѣе, слѣдуетъ сказать и объ остальныхъ 4 уѣздахъ: Суджанскомъ, Фатежскомъ, Льговскомъ и Дмитріевскомъ. Собственные деревенскіе промышленники—кустари и ремесленники прямо не удовлетворяютъ и не могутъ удовлетворить потребностямъ всего населенія. Нашъ курскій крестьянинъ, какъ мы уже выше говорили, до сихъ поръ сильно тяготѣетъ къ земледѣлію, предпочитая его всякимъ промысламъ на свѣтѣ. Правда, новыя послѣреформенныя условія уже указываютъ ему новую дорогу и гонятъ его отъ сохи прочь на чужую сторону, но, повторяемъ, онъ все еще никакъ не съумѣетъ приспособиться къ новому своему положенію, какъ съумѣлъ это, наприм., сдѣлать юркій Владимірецъ или Ярославецъ, которыхъ нужда давно уже научила, какъ слѣдуетъ на обухѣ рожь молотить.

Но какъ бы то ни было, разъ существуетъ спросъ на извѣстный трудъ — должно явиться вмѣстѣ съ тѣмъ и предложеніе. Вслѣдствіе этого въ каждой деревнѣ вы встрѣтите нѣсколько человѣкъ, такъ называемыхъ „постороннихъ“ не причисленныхъ къ крестьянскому обществу и занимающихся почти исключительно обрабатывающей промышленностью. Это, по большей части, бывшіе дворовые, мѣщане и разная прогорѣвшая городская голь, забравшаяся въ деревню потому-же самому, почему въ извѣстной баснѣ муха изъ городскихъ хоромъ въ мужицкую хату улепетывала. Большинство ихъ кустари и ремесленники—столяры, плотники, кирпичники, портные и т. д. Всѣ они, пріѣзжая изъ города, обыкновенно очень плотно и прочно осѣдаютъ въ деревнѣ; нѣкоторые заводятъ осѣдлость, строятъ хату на купленной или арендованной у крестьянъ усадьбѣ и живутъ, припѣваючи, питаясь трудами рукъ своихъ. Очень не многіе обзаводятся лошадью и нанимаютъ землю для обработки. Такихъ „постороннихъ“ промышленниковъ въ деревняхъ очень много. Въ таблицы наши, которыя помѣщены въ спеціальныхъ поуѣздныхъ сборникахъ, они не вошли, потому что тамъ дѣло касалось только однихъ крестьянъ земледѣльцевъ и ихъ хозяйства, но здѣсь мы считаемъ не лишнимъ привести цифровыя данныя о нихъ,—тѣмъ болѣе, что это будетъ имѣть не только теоретическій, но и чисто практическій интересъ, особенно въ виду тѣхъ нареканій, которымъ не разъ подвергалась наша статистика, заподозрѣваемая въ неправильности регистраціи промысловъ. Нареканія эти мы слышали и отъ общества, и даже со стороны литературы. „Неужели возможно предположить, возражали намъ не разъ, чтобы, наприм., въ Суджанскомъ уѣздѣ (понимаете, въ цѣломъ уѣздѣ!) былъ только одинъ стекольщикъ, какъ это показано въ вашихъ экономическихъ таблицахъ? Или, напримѣръ, возьмемъ лѣсоторговцевъ, неужели ихъ во всемъ уѣздѣ только 6 человѣкъ? Да помилуйте, я лично знаю ихъ человѣкъ 7, а мнѣ извѣстны только 3—4 волости, не больше. Опять, вотъ тоже у васъ, въ таблицахъ, проставлено поваровъ по всему уѣзду 5 человѣкъ, а у насъ у каждаго помѣщика есть поваръ, и все больше изъ здѣшняго же уѣзда служатъ,

—какъ же послѣ этого вѣрить вашимъ таблицамъ?" Съ своей точки зрѣнія, гг. возражающіе правы, конечно, но они не приняли во вниманіе того, что въ нашихъ таблицахъ спеціальныхъ сборниковъ внесены только одни промышленники—крестьяне, а посторонніе совсѣмъ игнорированы. Лѣсоторговцевъ въ Суджанскомъ уѣздѣ, дѣйствительно, не 6 а 13, точно также стекольщиковъ не 1 а 7, поваровъ не 5, а 23, но, тѣмъ не менѣе, регистрація промышленниковъ въ нашихъ сборникахъ остается совершенно правильною, потому что, какъ лѣсоторговцы, такъ и стекольщики съ поварами, набираются, главнымъ образомъ, изъ лицъ постороннихъ, т. е. „живущихъ въ средѣ крестьянской осѣдлости, но не приписанныхъ къ сельскому обществу". Да и не по одному только Суджанскому, но и по всѣмъ другимъ уѣздахъ наблюдается это явленіе: лѣсоторговцы рекрутируются больше всего изъ мѣщанъ, бывшихъ содержателей питейныхъ заведеній въ деревняхъ, достаточно туго набившихъ свой карманъ, на счетъ крестьянской простоты и халатности; стекольщики тоже, по большей части, пришлые люди въ деревнѣ,—тѣже мѣщане и дворовые, пришедшіе сюда изъ городовъ, а также сосѣднихъ не черноземныхъ губерній—Тверской, Смоленской и Калужской; повара вербуются исключительно изъ дворовыхъ.

Вотъ цифры относительно промышленниковъ—постороннихъ по четыремъ уѣздамъ:

Промышленниковъ. *)	Фатеж. уѣздъ.	Дмитріевскій.	Суджанскій.	Льговскій.	Всего.
Ремесленниковъ и кустарей .	287	551	287	359	1484
Земледѣльческихъ рабочихъ .	130	210	136	142	618
Професіальныхъ работниковъ и предложеніе личныхъ услугъ	113	192	104	122	531
Торговцы и служащіе при торговлѣ	76	104	123	64	367
Итого .	606	1057	650	687	3000

Распредѣлены они по уѣздамъ и деревнямъ довольно равномѣрно. Мы не встрѣчали ни одной деревни, гдѣ бы не было этихъ постороннихъ промышленниковъ. По вычисленію, произведенному нами, оказалось, что на каждые 19 промышленниковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ приходится 1 промышленникъ посторонній, и на каждые 30 семей крестьянскихъ, занимающихся промыслами,—1 промышленная семья постороннихъ.

*) Здѣсь, какъ и во многихъ случаяхъ потомъ, мы не принимаемъ во вниманіе данныхъ по Курскому уѣзду, такъ какъ промыслы въ этомъ уѣздѣ были уже изслѣдованы въ первомъ выпускѣ.

Но это еще не все. Кромѣ этихъ „постороннихъ“ промышленниковъ, постоянно проживающихъ въ нашихъ деревняхъ, сюда еще приходитъ масса промышленниковъ „съ чужи“ *на время* только, въ извѣстный сезонъ, когда происходятъ тѣ или другія работы. Они несомнѣнно составляютъ довольно большой %, но къ сожалѣнію неуловимы для статистики, такъ какъ ихъ никоимъ образомъ, невозможно зарегистрировать и уложить въ такіе же ряды цифръ, въ какіе уложены промышленники свои, деревенскіе. Здѣсь мы можемъ только указать на тѣ отрасли промышленности, которыя находятся въ рукахъ такихъ „нахожихъ“ мастеровъ. Такова, напр., *выдѣлка овчинъ*, которая на всемъ сѣверѣ Курской губерніи, въ уѣздахъ Фатежскомъ, Дмитріевскомъ и даже Льговскомъ, находится всецѣло въ рукахъ калужскихъ овчинниковъ. Эти послѣдніе приходятъ сюда тотчасъ же послѣ жатвы, нанимаютъ себѣ какую нибудь „хибарку“ у крестьянина, пристраиваютъ здѣсь чанъ и съ Успенья начинаютъ свою работу, которая продолжается вплоть до масляницы, когда они забастовываютъ и убираются опять во-свояси унося, съ собою каждый разъ приличный заработокъ. Такой порядокъ ведется издавна,— цѣлые десятки, а можетъ быть и сотни лѣтъ. Наша деревня выдѣлываетъ свои овчины чужими руками и доставляетъ хорошій заработокъ „чужимъ“ людямъ, приходящимъ сюда. Богъ знаетъ за сколько верстъ; сами же мы, отдавшись вполнѣ исключительно—земельнымъ интересамъ, и до сихъ поръ не умѣемъ и не желаемъ этого дѣлать. Даже въ с. Понырахъ, въ этомъ чуть ли не самомъ промышленномъ центрѣ сѣверной части изслѣдуемаго нами района, даже тамъ половина овчинниковъ—пришлые (3 калужскихъ и 4 своихъ); а свои завелись всего года 3—4 тому назадъ. Въ такомъ же положеніи находится *шерстобойно-валяльный промыселъ* въ уѣздахъ Дмитріевскомъ, Фатежскомъ и Курскомъ. Своихъ шерстобоевъ здѣсь очень мало, всего, по тремъ уѣздамъ, насчитывается 20 чел.—изъ нихъ 5 въ Дмитріевскомъ, 10 въ Фатежскомъ и 5 въ Курскомъ. При такомъ ничтожномъ количествѣ, конечно, и рѣчи быть не можетъ объ удовлетвореніи потребностей всего населенія этихъ трехъ уѣздовъ (273,711 чел.). Да и эти шерстобои явились у насъ очень недавно, не болѣе 5—6 лѣтъ назадъ, а до этого времени и шерсть били, и шапки, и войлоки валяли все чужіе шерстобиты—орловцы, приходившіе къ намъ сюда изъ какого-то с. Собаченскаго, изъ-за Орла, за 350 верстъ, и с. Трусова, Малоархангельскаго уѣзда. И не хитрое бы, кажется, дѣло научиться бить шерсть при помощи лучка, и инструментъ требуется для этого такой несложный,—и однако нашъ крестьянинъ и до сихъ поръ никакъ не можетъ научиться этому и продолжаетъ пользоваться услугами орловскихъ шерстобитовъ. Сколько именно человѣкъ приходитъ ихъ каждую зиму въ наши края—опредѣлить не возможно; но, вѣроятно, не мало, потому что въ двухъ только смежныхъ волостяхъ—Поныровской и Горяи-

новской, Фатежскаго уѣзда, прошлой зимой 1883—84 г. ихъ работало 11 человѣкъ. *Бондарей* у насъ также своихъ мало, особенно же по Фатежскому и Дмитріевскому уѣзду—все больше пришлые работаютъ. Въ самыхъ промышленныхъ селеніяхъ этихъ двухъ уѣздовъ, каковы, напр., сл. Михайловка и упомянутое село Поныры,—и тамъ свои бондари, изъ мѣстныхъ крестьянъ, составляютъ только половину промышленниковъ этой категоріи: въ Михайловкѣ на 5 своихъ бондарей — 6 прихожихъ, въ Понырахъ на 4 своихъ — 3 прихожихъ. Бондари приходятъ сюда по большей части изъ Рязанской губ., Новоспасскаго уѣзда (с. Ижевское и др.). Своихъ бондарей много только въ Суджанскомъ уѣздѣ, гдѣ они составляютъ весьма значительный % общаго числа промышленниковъ, но это обусловливается единственно тѣмъ, что здѣсь, въ Черномъ Олехѣ, находится центръ щепнаго производства; оттого въ волостяхъ Черноолешанской и Замостянской бондарей и насчитывается такъ много (219 челов.); въ другихъ мѣстностяхъ того же Суджанскаго уѣзда значительное количество бондарей—тоже народъ пришлый изъ Рязанской и Калужской губ. *Коновалы* въ изслѣдуемомъ нами районѣ также блистательно отсутствуютъ. По всѣмъ 4 уѣздамъ ихъ насчитывается всего-на, все 9 челов., тогда какъ однихъ лошадей рабочихъ въ этомъ районѣ насчитывается 107859, да, кромѣ того, еще 31148 жеребятъ. Дѣло немыслимое, разумѣется, невозможное, чтобы, при такихъ условіяхъ, 9 челов. коноваловъ одни справились съ своимъ дѣломъ. Здѣсь опять таки на выручку является чужой промышленникъ, изъ сосѣдней Орловской и Калужской губерніи. По окончаніи масляницы, съ первыхъ дней великаго поста оттуда трогаются цѣлыя партіи коноваловъ, которые, дойдя до Курской губерніи, разсыпаются по разнымъ концамъ ея и работаютъ по одиночкѣ. Вся работа ихъ заключается въ томъ, чтобы выложить жеребца, или, въ случаѣ надобности, „отворить кровь“ лошади. Коновальскій сезонъ кончается обыкновенно къ Троицѣ; дня за 3 до этого праздника, собравши свои инструменты и пожитки, коновалы трогаются въ обратный путь, чтобы поспѣть домой къ полевымъ работамъ. Опредѣлить количество коноваловъ, приходящихъ ежегодно въ изслѣдуемый районъ, опять таки невозможно, какъ невозможно опредѣлить число шерстобитовъ и другихъ, временно только работающихъ у насъ, промышленниковъ. Мы можемъ относительно ихъ дать только нѣсколько цифръ: въ Мирополѣ въ текущемъ 1884 году весною работало 4 чужихъ коновала, въ Бѣлой—3, въ Поныровской волости—2, въ Михайловкѣ—2 и т. д. Но категорическихъ цифровыхъ выводовъ какихъ-либо изъ этихъ отрывочныхъ данныхъ сдѣлать, разумѣется, невозможно.

Точно такое же явленіе представляетъ промыселъ *добыванія торфа*, Извѣстно, что по рр. Тускари, Сновѣ и ихъ притокамъ у насъ издавна добываютъ это драгоцѣнное топливо. Промыселъ этотъ возникъ около 30-хъ го-

довъ настоящаго столѣтія („лѣтъ 50, а можетъ и больше“, по собственному отзыву крестьянъ), и случилось это при такихъ обстоятельствахъ: здѣшніе крестьяне-однодворцы и бывшіе экономическіе („саяны“) занимались прежде почти исключительно отхожими промыслами, ходили въ качествѣ плотниковъ, пильщиковъ, кучеровъ, лакеевъ etc. въ южныя, тогда еще очень слабо населенныя, губерніи—Екатеринославскую, Симферопольскую, Землю Войска Донскаго, Херсонскую и т. д. Здѣсь, „толкаясь промежь людей“, они замѣтили, что на топливо, на многихъ фабрикахъ и заводахъ, употребляютъ не дрова и даже не каменный уголь, а просто болотную „черную землю“. Развѣдали они, чтò и какъ, откуда достаютъ эту болотную землю и какъ ею топятъ; потомъ пришли на родину и здѣсь попробовали сами это топливо; оказалось—сносно, ничего. А лѣсовъ здѣсь уже давно не было, и давно передъ крестьянами стоялъ грозный „дровяной вопросъ“, который съ каждымъ годомъ обострялся, и все болѣе и болѣе давалъ себя чувствовать крестьянамъ, нуждавшимся въ отопленіи. Когда же спознали они, что въ этихъ полузаброшенныхъ гнилыхъ болотахъ, которыя до сихъ поръ такъ незаслуженно всѣми игнорировались, лежитъ неистощимый почти запасъ топлива, котораго хватитъ на нѣсколько поколѣній, то, разумѣется, всѣ устремились разрывать эти драгоцѣнные клады, и начали передѣлывать свои печки, чтобы онѣ были годны для новаго топлива. Но долгое время торфъ разработывался здѣсь только для своего собственнаго потребленія, и только потомъ уже, когда проведена была желѣзная дорога (Московско-Курская, лѣтъ 17 назадъ), наши помѣщики стали эксплоатировать свои торфяныя залежи; сбытъ для продуктовъ эксплоатаціи былъ вполнѣ гарантированъ со стороны винокуренныхъ и свеклосахарныхъ заводовъ, которые въ половинѣ 60-хъ годовъ росли съ замѣчательной быстротой, какъ грибы послѣ дождя; въ виду увеличивавшейся не по днямъ, а по часамъ дороговизны дровъ, торфъ явился какъ нельзя болѣе кстати и сразу былъ принятъ на всѣхъ заводахъ. Съ самаго же начала организованной эксплоатаціи торфяныхъ залежей, сюда привалили массы рабочихъ изъ сосѣдней Орловской губерніи, главнымъ образомъ, изъ нечерноземнаго промышленнаго Малсархангельскаго уѣзда и изъ Смоленской и Калужской губерніи.—Крестьяне здѣшніе спокойно смотрѣли на это, не обращая вниманія на то, что „чужаки“ изъ-подъ носа вырываютъ у нихъ кусокъ хлѣба, хорошій хотя и тяжелый заработокъ. Но съ теченіемъ времени, благодаря увеличенію плотности населенія и измельчанію семейныхъ надѣловъ, и у насъ самихъ появилась масса рабочихъ рукъ, ни чѣмъ не занятыхъ, и не имѣющихъ возможности приложить свои силы къ земледѣлію. Стали тутъ наши мужички подумывать, какъ бы вытѣснить чужихъ, пришлыхъ работниковъ съ торфянниковъ и самимъ захватить ихъ разработку. Но чужаки уже такъ плотно утвердились на своемъ мѣстѣ, что вытѣснить ихъ, сковырнуть было чрезвычайно мудре-

но, потому что за ними была опытность, знакомство съ этимъ дѣломъ, а у нашихъ—только однѣ руки, готовыя работать, и стремленіе заработать хоть что нибудь себѣ на пропитаніе. Наши „спесли было даже цѣну“ на задѣльный трудъ, но и этимъ выиграли не много, потому что землевладѣльцы и арендаторы охотнѣе нанимали дорогихъ, но опытныхъ и обученныхъ орловскихъ и смоленскихъ рабочихъ и очень рѣдко брали своихъ, курскихъ. Изъ-за этого между пришлыми и здѣшними работниками не разъ возникали серьезныя столкновенія, доходившія иногда до драки. Мѣстнымъ жителямъ очень хочется вытѣснить чужаковъ съ торфяниковыхъ копей и монополизировать этотъ промыселъ въ своихъ рукахъ. Разумѣется, въ концѣ концовъ такъ оно и будетъ; но до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, своихъ „торфокопателей“ Курскій уѣздъ выставилъ всего 119 челов., чтѐ составляетъ всего около 40% общаго количества работниковъ, занятыхъ этимъ промысломъ въ предѣлахъ уѣзда; остальные 60% падаютъ на долю пришлыхъ, орловскихъ рабочихъ.

Также мало у насъ собственныхъ *кузнецовъ - ремесленниковъ, садоводовъ* и *портныхъ*. Первые приходятъ изъ Калужской губ., вторые—изъ Орловской, третьи изъ Калужской и Смоленской губ. Встрѣчаются поразительные факты въ этомъ отношеніи. Въ с. Никольскомъ и д. Прилѣпахъ, Фатежскаго уѣзда, на 300 дворовъ, нѣтъ, напримѣръ, ни одной кузницы. Чтобы подковать лошадь или наварить сошникъ, нужно ѣхать въ Малоархангельскъ,—за 15 в.!.. Въ с. Поныряхъ собственный кузнецъ только 1, а двое ежегодно приходятъ сюда на весенній сезонъ изъ г. Малоархангельска, и т. д., и т. д.

Всѣ эти факты, какъ нельзя лучше, доказываютъ, что промыслы еще очень мало развиты въ нашихъ деревняхъ,—такъ мало, что собственные деревенскіе промышленники, особенно же кустари и ремесленники не въ состояніи удовлетворить всѣмъ нуждамъ и потребностямъ даже своей деревни, своей мѣстности.

Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются такіе большіе торговые и малоземельные центры, какъ Михайлова и Мирополье, да и то, какъ мы видѣли выше, далеко не во всѣхъ случаяхъ. Михайловка, производящая ежегодно громадное количество веревокъ, которыми переполнены всѣ рынки нашей губерніи, которыя доходятъ даже до Москвы, Харькова, Кіева,—эта Михайловка нуждается въ самыхъ необходимыхъ промышленникахъ—коновалахъ, кузнецахъ, бондаряхъ etc., которые приходятъ сюда изъ другихъ мѣстностей, изъ сосѣднихъ нечерноземныхъ и earthземледѣльческихъ губерній. Такое же странное явленіе представляетъ изъ себя и г. Мирополье...

Всѣхъ семей, занимающихся промыслами, по четыремъ уѣздамъ, 35926, т. е. 53% общаго количества. Когда изслѣдовалъ г. Чаславскій хлѣбную торговлю въ нашей губерніи, въ то время внѣземледѣльческими промыслами занималось, какъ онъ отмѣтилъ въ своей книгѣ, не болѣе ½ наличнаго состава дворовъ. Это было еще очень недавно, не далѣе, какъ 12 лѣтъ тому назадъ, въ первыхъ годахъ прошлаго десятилѣтія. Увеличеніе числа промышленниковъ за послѣдніе годы, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести на счетъ увеличившагося малоземелья крестьянскаго, которое особенно ярко вырисовывается и выступаетъ на свѣтъ Божій, благодаря частымъ семейнымъ раздѣламъ въ здѣшней крестьянской средѣ.

Процентное отношеніе промышленныхъ семей къ общему валовому количеству всѣхъ семей крестьянскихъ, по 4 изслѣдуемымъ уѣздамъ, таково:

	Всѣхъ семей.	Семей промышленныхъ.	% послѣднихъ къ первымъ.
Суджанскій .	19593.	10948.	55,7 %.
Льговскій .	16754.	8546.	51 %.
Дмитріевскій	15025.	8342.	55,5 %.
Фатежскій .	16052.	8090.	50 %.

Стало быть, наименьшее количество промышленныхъ семей приходится на Фатежскій уѣздъ, наибольшее—на Суджанскій и Дмитріевскій.

Общее число промышленниковъ по уѣздамъ распредѣляется такимъ образомъ:

У ѣ з д ы.	Общее число промышленниковъ.	% отношеніе къ рабочему населенію мужскаго пола.
Суджанскій	14556	46
Льговскій	10195	39
Дмитріевскій	11577	44
Фатежскій	10589	49
Курскій	10427	29

Выходитъ, стало быть, что наибольшее число промышленниковъ падаетъ на Суджанскій и Дмитріевскій уѣзды, наименьшее—на Курскій уѣздъ. Но это

отношеніе никоимъ образомъ нельзя считать истиннымъ показателемъ развитія кустарной и отхожей внѣземледѣльческой промышленности въ нашемъ районѣ. Чтобы найти его, этотъ истинный показатель, необходимо выдѣлить изъ общаго числа промышленниковъ, всѣхъ сельско-хозяйственныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ, служащихъ по найму въ экономіяхъ и имѣющихъ собственныя заведенія земледѣльческаго характера (вѣтрянки, крупорушки, маслобойни etc.) Изъ приложенной при этомъ таблицы промысловъ, читатель можетъ убѣдиться, что число промышленниковъ этой категоріи въ нашемъ районѣ достигаетъ весьма почтенной цифры — 28936 человѣкъ, по всѣмъ 5-ти уѣздамъ. Въ Суджанскомъ уѣздѣ, по преимуществу земледѣльческомъ, однихъ мельниковъ, имѣющихъ собственныя вѣтрянки, насчитывается 1171 чел., въ Льговскомъ ихъ оказывается 730 чел., въ Курскомъ — 635 чел. etc. Поставленные вмѣстѣ со всѣми другими промышленниками, съ кустарями, мастеровыми, заводскими и фабричными рабочими, они не даютъ намъ возможности опредѣлить истиннаго процента „промышленниковъ", въ собственномъ смыслѣ этого слова; даже болѣе того — могутъ ввести въ заблужденіе и заставить сдѣлать неправильные выводы. Глядя на приведенныя нами цифры, показывающія % отношеніе количества промышленниковъ къ общему числу мужскаго рабочаго населенія, можно придти къ тому заключенію, что Суджанскій уѣздъ, по развитію промышленности, занимаетъ первое мѣсто среди пяти разсматриваемыхъ уѣздовъ, затѣмъ слѣдуетъ уже Дмитріевскій уѣздъ, Льговскій, Фатежскій и Курскій. Но такое заключеніе, даже разсуждая a priori, было бы несправедливо, потому что Суджанскій уѣздъ, въ почвенномъ отношенія, стоитъ гораздо выше, чѣмъ остальные 4 уѣзда; на всемъ пространствѣ Суджанскаго уѣзда почва — чистый черноземъ, съ ежегоднымъ среднимъ урожаемъ самъ 6,2, тогда какъ, наприм., въ Дмитріевскомъ уѣздѣ почва въ большинствѣ случаевъ суглинковая и супесчаная, чернозема во всемъ уѣздѣ сдва ли наберется и ¼ часть, средній урожай — только самъ 5 для озимаго и самъ 3,3 для овса. Само собой разумѣется, что, при такихъ условіяхъ, немыслимо предположить, чтобы въ Дмитріевскомъ уѣздѣ % промышленниковъ былъ ниже, чѣмъ въ Суджанскомъ. И здравый смыслъ, и теорія экономической науки говорятъ, что чѣмъ меньше земля обезпечиваетъ населеніе извѣстной мѣстности, тѣмъ больше народа занимается здѣсь мѣстными и отхожими внѣземледѣльческими промыслами. Это — общее положеніе, одинаковое для всѣхъ мѣстностей и ни въ какомъ случаѣ не допускающее исключеній. Цифры въ приведенной нами выше таблицѣ только потому не подтверждаютъ этого положенія, что здѣсь, наряду съ промышленниками въ собственномъ смыслѣ, проставлены и сосчитаны и всѣ сельско-хозяйственные земледѣльческіе рабочіе. Если ихъ выдѣлить изъ общаго количества всѣхъ промышленниковъ, то %-ное отношеніе получится нѣсколько инаго свойства.

Уѣзды.	Общее число всѣхъ внѣземлед. промышл.	% отношеніе къ рабочему населенію обоего пола.	% отношеніе ко всему мужскому населенію.
Суджанскій	7203	22,6	11,3
Льговскій	4988	18,5	9,3
Дмитріевскій	7759	29	15
Фатежскій . . , ...	5045	18,7	9,6
Курскій	5449	15,5	7,5

Стало быть, по развитію внѣземледѣльческой промышленности, первое мѣсто занимаетъ Дмитріевскій уѣздъ, затѣмъ уже Суджанскій, потомъ Фатежскій, Льговскій и наконецъ Курскій.

Такое распредѣленіе промышленниковъ зависитъ, конечно, не отъ случайности какой нибудь, а имѣетъ свои законныя основанія. Если мы заглянемъ въ экономическія таблицы по--уѣздныхъ сборниковъ, то увидимъ, что экономическія условія разсматриваемыхъ нами пяти уѣздовъ далеко не одинаково. Въ Суджанскомъ и Фатежскомъ уѣздахъ почва — чистый черноземъ, около $^3/_4$ арш. глубины и урожай средній по уѣзду--самъ 6,2. Въ Льговскомъ—урожай самъ 5,7; даже Курскій, самый центральный и наиболѣе населенный, даетъ средній урожай въ 5,5; Дмитріевскій же уѣздъ оказывается хуже всѣхъ, почва въ немъ на половину--суглинокъ, на половину же (въ $^1/_4$ — $^1/_2$ арш.) мелкій черноземъ, и урожай всего самъ 5, а по нѣкоторымъ волостямъ (Михайловская) понижается до—самъ 4. То-же самое отношеніе получится, если мы возьмемъ количество скота по уѣздамъ: въ Фатежскомъ и Суджанскомъ уѣздахъ, на каждый надѣльный дворъ, головъ крупнаго скота приходится 3,6, въ Курскомъ 3,3, въ Дмитріевскомъ всего 2,7, въ Льговскомъ—тоже самое.

Такимъ образомъ, обнаруживается несомнѣнная связь между общимъ уровнемъ экономическаго положенія и состояніемъ промышленности по уѣздамъ. Такъ оно и должно быть, конечно. Чѣмъ меньше урожай въ извѣстной мѣстности, чѣмъ меньше земля обезпечиваетъ земледѣльца, тѣмъ больше поводовъ для него искать заработковъ на сторонѣ. Развитіе промышленности всегда есть слѣдствіе того, что наличный надѣлъ земельный не въ состояніи прокормить мѣстное населеніе. Наши центральныя густонаселенныя и малоземельныя губерніи представляютъ лучшее доказательство этого.

Еще ближе, еще яснѣе обнаружится эта связь между состояніемъ промышленности и хозяйственными условіями въ данномъ районѣ, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ правильно совпадаютъ цифры, показывающія, съ одной стороны, общее количество промышленниковъ, съ другой —количество домохозяевъ малосильныхъ, то есть, безлошадныхъ и имѣющихъ только одну лошадь.

	Промышленныхъ семей.	Домохоз. безлошадныхъ и съ 1 лошадью.
Суджанскій уѣздъ - -	10948	8397.
Льговскій „ - -	8546	8112.
Фатежскій „ - -	8090	8241.
Дмитріевскій „ - -	8342	6963.

Особенно же ральефно выступаетъ это совпаденіе, если взять промышленниковъ и малолошадныхъ по волостямъ. Вотъ напримѣръ въ Льговскомъ уѣздѣ.

	Домохоз. съ 1 лошадью и безлошадныхъ.	Промышленныхъ семей.
По волости Шептуховской -	641	648
„ „ Городенской - -	546	543
„ „ Бобринской - -	496	653
„ „ Вышнедеревенской -	589	564
„ „ Угонской - -	567	407
„ „ Ивановской - -	983	1320
„ „ Кожлянской - -	751	752
„ „ Шустовской - -	485	526
„ „ Износковской - -	444	557
„ „ Ольшанской - -	496	467
„ „ Нижнедеревенской -	618	448
„ „ Ивницкой - -	472	485
„ „ Конышевской - -	547	480
„ „ Солтановской - -	477	696
Итого - -	8546	8112

Съ повышеніемъ чиселъ въ первомъ столбцѣ, повышаются они и во второмъ, и пониженіе ихъ въ первомъ сопровождается соотвѣтствующимъ пониженіемъ во второмъ. Значитъ, разъ увеличивается въ волости количество домохозяевъ слабосильныхъ,—увеличивается вмѣстѣ съ тѣмъ и число промышленныхъ семей, и, наоборотъ, чѣмъ меньше въ извѣстномъ районѣ семей слабо-

сильныхъ, тѣмъ ниже въ нихъ % промышленныхъ семей. Послѣдняя таблица даетъ намъ право заключить также, что контингентъ промышленниковъ рекрутируется, главнымъ образомъ, изъ семей, въ хозяйственномъ отношеніи слабосильныхъ. Оно и естественно. Въ нашей мѣстности, какъ по преимуществу земледѣльческой, *крестьянинъ идетъ на сторонній заработокъ только* уже въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда хозяйство его поставлено, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, въ самыя неблагопріятныя условія, когда ему нѣтъ возможности „путемъ" даже одного своего надѣла обработать. При этомъ, количество рабочаго скота оказываетъ особенно сильное вліяніе на рѣшеніе роковаго вопроса: „быть или не быть" крестьянину при землѣ? Если во дворѣ нѣтъ лошади, то онъ, этотъ дворъ, волей-неволей долженъ будетъ выслать своего работника на промыселъ, потому что ему не остается никакого иного средства пополнить свой дефицитъ. Не нужно забывать, что семьѣ при этомъ нужно не только прокормиться, обуться и одѣться, но и наймомъ обработать свой надѣлъ, а это въ нашихъ мѣстахъ стоитъ тоже не дешево: отъ 5 до 7 рублей. Если же крестьянинъ не хочетъ обработывать свой надѣлъ наймомъ, то онъ долженъ сдавать его сосѣдямъ за извѣстную плату; при чемъ онъ, конечно, очень мало выигрываетъ, потому что, вмѣсто своего хлѣба, ему приходится въ этомъ случаѣ цѣлый годъ сидѣть на купленномъ; а это совсѣмъ невыгодно, особенно при тѣхъ цѣнахъ на хлѣбъ, которыя установились за послѣдніе „горевые", неурожайные годы, такъ что и въ этомъ случаѣ не миновать ему идти на заработки, на сторону, или „по домашности" заняться какимъ нибудь ремесломъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей. Стало быть, наймомъ-ли обработываютъ безлошадные свой надѣлъ, или сдаютъ его,—въ обоихъ случаяхъ они неминуемо поступаютъ въ разрядъ промышленниковъ. Это уже фатально.

Домохозяйство, имѣющее одну только лошадь, по степени своего экономическаго благосостоянія, стоитъ развѣ только немногимъ выше домохозяйства безлошаднаго. Разъ во дворѣ числится одна лошадь,—само собой уже подразумѣвается, что въ этомъ дворѣ мало надѣльной земли. Въ такомъ случаѣ (при 1 напр. душевомъ надѣлѣ), домохозяйство, хотя исправится съ своей землей, даже съ одной лошадью, но за то *житейскія его потребности не будутъ всѣ* удовлетворены, потому что съ однимъ душевымъ надѣломъ можетъ прокормиться, въ крайнемъ случаѣ, за уплатою податей, только одинъ человѣкъ, а семья здѣсь, по всѣмъ уѣздамъ, заключаетъ въ себѣ, среднимъ числомъ, 6 человѣкъ. Стало быть, это домохозяйство, во что бы то ни стало, должно отпустить одного работника на заработки, чтобы свести концы съ концами. Вотъ почему почти весь контингентъ промышленниковъ набирается изъ семей малосильныхъ, безлошадныхъ и имѣющихъ только одну лошадь.

Колебанія % сдающихъ свои надѣлы по уѣздамъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того или инаго качества почвы: на хорошей, черноземной почвѣ Фатежскаго и Суджанскаго уѣздовъ процентъ этотъ гораздо ниже чѣмъ, въ Льговскомъ, съ его смѣшанной, на половину суглинковой, на половину черноземной. почвой; въ Льговскомъ же, въ свою очередь, чуть не вдвое ниже, чѣмъ на тощихъ почвахъ Дмитріевскаго уѣзда. Впрочемъ, самое лучшее, вотъ подлинныя цифры.

		Сдаютъ свой надѣлъ.
Дмитріевскій уѣздъ - -	1449 домох.	или 10% общ. кол.
Суджанскій „ - -	1015 „	„ 5% „ „
Льговскій „ - -	822 „	„ 5% „ „
Фатежскій „ - -	1038 „	„ 7% „ „

Паралельно съ этимъ повышеніемъ, или пониженіемъ сдатчиковъ, повышается, или понижается процентъ промышленниковъ; въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, отпускающемъ самое большое количество промышленниковъ, онъ гораздо выше чѣмъ въ Суджанскомъ, Льговскомъ и во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ. Изъ этого можно сдѣлать прямой выводъ, что количество сдатчиковъ оказываетъ несомнѣнное вліяніе на повышеніе, или пониженіе числа промышленниковъ въ извѣстномъ районѣ. Нельзя того же сказать про другую категорію безхозяйныхъ дворовъ,—именно про тѣхъ домохозяевъ, которые наймомъ обработываютъ свою землю. Здѣсь не замѣчается уже такого тѣснаго соотношенія между цифрами. Изъ всѣхъ надѣльныхъ домохозяевъ наймомъ свой надѣлъ обработываютъ:

въ Дмитріевскомъ - -	1599 домох.	или 11% общ. кол.
„ Суджанскомъ - -	2963 „	„ 15% „ „
„ Льговскомъ - -	2602 „	„ 16% „ „
„ Фатежскомъ - -	2828 „	„ 18% „ „

Получается, стало-быть, какъ разъ обратное: въ уѣздахъ, наиболѣе промышленныхъ, какъ напр., въ Дмитріевскомъ, % обработывающихъ надѣлъ свой наймомъ гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ непромышленныхъ уѣздахъ, гдѣ процентъ такихъ безхозяйныхъ дворовъ, обработывающихъ землю чужимъ инвентаремъ, достигаетъ своего maximum'а. Выводъ, на первый взглядъ, совсѣмъ непонятный. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ могло случиться, что получилась обратная пропорціональность—тамъ, гдѣ, по всей видимости, цифры должны давать прямую, простую пропорцію, по извѣстной формулѣ: чѣмъ больше—тѣмъ больше и чѣмъ меньше—тѣмъ меньше? Объясняется это просто тѣмъ, что въ промышленныхъ уѣздахъ почва, за небольшими исключеніеми, довольно плоха по своему качеству, и поэтому обработка земли здѣсь давно не доставляетъ тѣхъ выгодъ, какія выпадаютъ на долю земледѣльца въ уѣздахъ, менѣе промышленныхъ, но за то болѣе плодородныхъ, какъ напримѣръ, Льговскомъ или Фатежскомъ. При такихъ условіяхъ, разъ домохозяинъ почему либо ли-

шился лошади, ему гораздо выгоднѣе сдать свой надѣлъ, чѣмъ нанимать сосѣда для его обработки, потому что сдаточная арендная цѣна на землю за послѣдніе годы, благодаря увеличенію плотности населенія и нѣкоторымъ другимъ причинамъ, сильно поднялась, и земля ниже 15 р. за десятину нигдѣ не ходитъ. Обработывая свой надѣлъ наймомъ, домохозяинъ долженъ заплатить за обработку и свозку 3—4 р., и, кромѣ того, подвергается риску плохаго урожая, который даже не можетъ окупить всѣхъ издержекъ на обработку. А эти недороды и плохіе урожаи стали повторятся у насъ за послѣднее время все чаще и чаще... На оборотъ въ уѣздахъ, съ большимъ плодородіемъ, крестьянамъ-промышленникамъ гораздо болѣе выгоднымъ представляется не сдавать свой надѣлъ, а обработывать его путемъ найма, потому что, при этихъ условіяхъ, семья круглый годъ прокормится своимъ хлѣбомъ, а неурожаи ей не страшны, потому что здѣсь, на почвахъ чисто-черноземныхъ, они бываютъ очень рѣдко. Въ Суджанскомъ уѣздѣ, напр., на памяти живущаго поколѣнія, былъ только одинъ неурожайный годъ—1882 г., „а то, можетъ, годовъ уже сто не бывало, или больше." какъ говорятъ сами крестьяне. Такимъ образомъ, % сдающихъ и наймомъ обработывающихъ свой надѣлъ нормируется по районамъ, главнымъ образомъ, качествомъ почвы и ея урожайностью. При этомъ, количество сдатчиковъ, въ своемъ пониженіи или повышеніи, всегда совпадаетъ съ общимъ количествомъ промышленниковъ, а число домохозяевъ, обработывающихъ свой надѣлъ наймомъ, всегда обратно пропорціонально общему числу семей, занимающихся промыслами.

Строгая зависимость развитія промышленности отъ чисто экономическихъ факторовъ, отъ болѣе или менѣе высокаго уровня благосостоянія, особенно хорошо выдѣлится и обрисуется, если мы сравнимъ распредѣленіе промышленныхъ семей между различными категоріями крестьянъ, проставивши для наглядности, наряду съ этимъ, нѣкоторыя цифры, обрисовывающія экономическое положеніе, всѣхъ этихъ группъ крестьянъ. *)

Разряды крестьянъ.	Отношеніе промышлен. семей къ общему числу.	% сдающ. свой земельный надѣлъ.	Головъ скота на 1 пад. дв.	% безлошадныхъ.	% бездомовыхъ.	Платежъ на 1 дес. (въ рубляхъ.)
Государств. четв. . .	46,7	4,7	3,1	17,5	2	2,6
Госуд. душево-четв. .	60,3	6	2,7	25,7	2,5	2,6
Госуд. душевые . .	52,4	4,5	2,7	20,5	2	2,9
Собственники . . .	54,6	8	2,6	23,5	3,7	4,7
Дарственные . . .	60,3	9,2	2,5	28,2	5,5	4,7

*) Данныя представлены только для 4 уѣздовъ, безъ Курскаго.

Такимъ образомъ, оказывается, что у государственныхъ крестьянъ % промышленниковъ гораздо ниже, чѣмъ у крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ. У дарственниковъ же, получившихъ, такъ называемый, нищенскій надѣлъ, процентъ этотъ очень высокъ. Чѣмъ обусловливается такое колебаніе числа промышленниковъ по разнымъ категоріямъ крестьянъ—дѣло ясное. При одномъ взглядѣ на приведенную таблицу, можно понять, что причина этого явленія заключается въ той разницѣ, какая существуетъ въ экономическомъ положеніи крестьянъ государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ. Табличка прямо говоритъ намъ, что крестьяне государственные живутъ гораздо состоятельнѣе, чѣмъ бывшіе помѣщичьи обѣихъ указанныхъ категорій. На это указываетъ, съ одной стороны, количество скота, считающееся обыкновенно самымъ вѣрнымъ критеріумомъ при опредѣленіи степени экономическаго положенія крестьянъ; головъ крупнаго скота на надѣльный дворъ, по всѣмъ тремъ категоріямъ государственныхъ крестьянъ, приходится, въ среднемъ выводѣ, по 2,8 головъ, тогда какъ у бывшихъ помѣщичьихъ на каждый надѣльный дворъ приходится всего по 2,5 головъ. Очевидно, государственнымъ крестьянамъ живется гораздо лучше, чѣмъ бывшимъ помѣщичьимъ. На это-же указываютъ и факторы отрицательнаго характера, приведенные нами въ табличкѣ—сдача надѣловъ, безлошадность и бездомовность. Какъ число головъ крупнаго скота на надѣльный дворъ, отъ государственныхъ четвертныхъ до дарственниковъ, на нашей табличкѣ постепенно понижается: такъ, на оборотъ, % % сдатчиковъ, безлошадныхъ и бездомовыхъ, если идти по столбцамъ внизъ,—повышаются—конечно, не въ пользу собственниковъ и дарственныхъ крестьянъ. Сверхъ всего этого и платежи ложатся тяжелѣе на землю крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, чѣмъ на землю крестьянъ государственныхъ. Послѣдніе, оказывается, платятъ по всѣмъ 4 уѣздамъ по 2,6 руб. съ 1 дес., тогда какъ помѣщичьи крестьяне съ каждой десятины несутъ подать въ 4 руб. 70 к., т. е. почти вдвое больше, чѣмъ первые.

Всѣ эти чисто экономическія, хозяйственныя условія и произвели такое замѣтное колебаніе въ распредѣленіи промышленниковъ по разнымъ категоріямъ крестьянъ. Понятнымъ становится послѣ этого, почему четвертникъ меньше занимается промыслами, чѣмъ собственникъ, обремененный нуждою и малоземельемъ; понятнымъ становится также, чѣмъ вызывается и обусловливается вообще возникновеніе и развитіе промысловъ.

Всѣ промышленники, внесенные нами въ статистическія таблицы, дѣлятся, по мѣсту ихъ занятія, на двѣ группы: промышленниковъ мѣстныхъ и промышленниковъ отхожихъ. Мѣстныхъ промышленниковъ всѣхъ категорій по нашему району считается 23307 чел., отхожихъ 23910 чел.

По уѣздамъ они распредѣляются такимъ образомъ:

Уѣзды.	Общее число промышленниковъ.	Мѣстныхъ.	Отхожихъ.
Суджанскій	14559	7916	6640
Льговскій	10495	6262	4233
Дмитріевскій	11577	4927	6650
Фатежскій	10589	4202	6387
Всего	47220	23307	23910

Общія причины, вліяющія на сравнительные размѣры мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ въ разныхъ уѣздахъ нашей Курской губ., опредѣлить до-довольно мудрено. Несомнѣнно, тутъ имѣлъ большое значеніе, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, характеръ естественныхъ условій мѣстности и, на ряду съ этимъ, искони создавшіяся привычки населенія и масса внѣшнихъ постороннихъ условій, изъ которыхъ, въ кустарныхъ производствахъ, напримѣръ, особенно важны два: удобство добыванія сыраго матеріала и близость рынка для сбыта.

Дмитріевскіе плотники, поясники Фатежскаго уѣзда, Миропольскіе кожевники и сапожники извѣстны уже издавна по всей нашей сторонѣ. Они установили для своихъ мѣстностей опредѣленную репутацію и выработали въ себѣ традиціонныя промышленныя привычки, которыя крѣпко приковали ихъ къ своей мѣстности, къ своему излюбленному занятію. Бываетъ иногда, что исторія шутитъ плохія шутки съ людьми, отдавшими весь свой досугъ какому нибудь промыслу; бываетъ, что вдругъ, при измѣненіи тѣхъ или другихъ соціально-политическихъ или экономическихъ условій, старый промыселъ, которымъ съ давнихъ временъ кормилось населеніе, къ которому оно издавно привыкло,—оказывается совсѣмъ непригоднымъ, перестаетъ приносить выгоду, какую приносилъ до сего времени. Случиться это можетъ или потому, что не стало возможности добывать сырые матеріалы на прежнихъ условіяхъ, или потому, что, вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги, или иныхъ какихъ—нибудь неблагопріятныхъ условій, мѣстный рынокъ подорвался, ярмарки, центральные торги и базары уничтожились, и промышленникамъ негдѣ стало сбывать издѣлія своего производства; или же, наконецъ, просто потому, что эти издѣлія, бывшія до того во всеобщемъ употребленіи, начали вытѣсняться другими болѣе сложными и современными (шляпа-грешневикъ—картузомъ, лапоть—сапогомъ etc.) Гибель промысла въ этихъ случаяхъ неизбѣжна. Такъ погибло, наприм., во многихъ мѣстахъ нашего района

колесничество и санное производство, вслѣдствіе недостатка сырого матеріала для производства. Такъ погибло табачное производство въ Мирополья, вслѣдствіе изданія послѣдняго табачнаго устава (1882 года). Тоже произошло и съ поясным производствомъ въ Фатежскомъ, Курскомъ и Щигровскомъ уѣздахъ. Покамѣстъ здѣсь была Коренная ярмарка и пока чугунка не „подвалила" сюда издѣлій Московскихъ фабрикъ и мануфактуръ, промыселъ этотъ здѣсь процвѣталъ, производство, по общему отзыву крестьянъ, „шло шибко". Небольшой районъ въ 27 деревень снабжалъ своими кушаками не только нашу Курскую губ., но и Харьковскую, Полтавскую, Черниговскую, Екатеринославскую,—„до самаго до-моря доходилъ кушакъ нашъ", хвалятся старожилы, еще помнящіе эти свѣтлые деньки производства. Да и не одна хохландія,—но даже Минскъ, далекая Казань, Астрахань забирали здѣшніе кушаки; даже персы и хивинцы, пріѣзжавшіе сюда на ярмарку, цѣлыми возами отвозили здѣшнія издѣлія къ себѣ на родину. Занимались тканіемъ кушаковъ не только женщины, но даже и мужчины: „съ младенчества" ихъ нарочно къ этому пріучали. Теперь, съ тѣхъ поръ, какъ желѣзная дорога привезла сюда дешевый московскій машинный кушакъ, промыселъ этотъ по всей здѣшней сторонѣ совершенно упалъ. Теперь не только мужчинъ не пріучаютъ къ нему, но и бабы, въ большинствѣ случаевъ, бросили его, потому—„работа нищенская", себѣ въ убытокъ. Прежде каждая женщина выручала въ годъ отъ 20—40 рублей, (а, по тогдашнему времени, это были большія, очень большія деньги), теперь же не выручить и 3—5 руб. На ярмаркѣ ихъ уже больше не берутъ, потому что они, въ сравненіи съ 25—30 копѣечнымъ московскимъ кушакомъ, кажутся уже слишкомъ дороги (здѣшніе кустари не могутъ продавать кушака ниже 35 коп., потому что въ противномъ случаѣ онъ будетъ себѣ въ убытокъ). Единственный сбытъ ихъ—на вокзалахъ, проходящей мимо Московско-Курской желѣзной дороги, да въ лавки деревенскихъ торговцевъ.

Точно также гибнетъ шаповальство, еще не давно, сравнительно, кормившее цѣлые районы. Въ Рыльскомъ уѣздѣ, въ южной его части, по лѣвую сторону р. Сейма, около 12 деревень только и кормились этимъ занятіемъ, теперь тамъ осталось всего какихъ—нибудь 15 шаповаловъ, да и тѣ хотятъ „пошабашить", потому что издѣлія негдѣ сбывать; нигдѣ ихъ не берутъ, никто въ нихъ не нуждается. Городской картузъ совсѣмъ убилъ этотъ промыселъ. Онъ же подкузьмилъ бѣлорусскую мергелку (валяный колпакъ), распространившійся было у насъ въ сѣверной части Путивльскаго, Фатежскаго и Рыльскаго уу.

Но даже и при такихъ условіяхъ, при условіяхъ полной непригодности и невыгодности промысла для населенія, онъ еще обыкновенно долго держит-

ся въ прежнемъ районѣ, держится, разумѣется, только по традиціи, въ силу многолѣтней, исторически сложившейся привычки. Мы уже видѣли, какія ничтожныя выгоды представляетъ теперь поясное производство. и тѣмъ не менѣе оно, все таки, еще держится и до сихъ поръ, особенно, у крестьянъ четвертнаго права, отличающихся вообще замѣчательнымъ консерватизмомъ въ своихъ формахъ семейно-бытовой и общественной жизни.

Вліяніе историческихъ привычекъ населенія и внѣшнихъ условій его быта на характеръ промысла очень рѣзко бросается въ глаза, если мы сгруппируемъ промыслы даннаго района по разрядамъ крестьянъ. Изъ общаго числа промышленниковъ по четыремъ уѣздамъ, составляютъ:

	Мѣстный.	Отхожій.
Государств. четвертные .	44,5 %.	55,5 %.
„ душев. четв.	46 %.	54 %.
„ душевые .	48,4 %.	51,6 %.
	46,3 %.	53,7 %.
Собственники . . .	50,8 %.	49,2 %.
Дарственники . . .	52,9 %.	47,1 %.
	51,8 %.	48,2 %.

Такимъ образомъ, оказывается, что отхожіе промыслы больше всего развиты у крестьянъ государственныхъ. Оно и понятно. „Государственые крестьяне, говорится въ предисловіи къ нашему сборнику по Фатежскому уѣзду, всегда пользовавшіеся сравнительно большею свободой, имѣли возможность заниматься отхожими промыслами, которые являлись здѣсь болѣе выгодными въ силу того, что помѣщики пользовались даровымъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ работниковъ; это преобладаніе отхожихъ промысловъ у государственныхъ крестьянъ сохранилось и въ настоящее время. Наоборотъ, бывшіе владѣльческіе крестьяне, неимѣвшіе во время крѣпостнаго права возможности уходить въ дальніе заработки, занимаются и въ настоящее время, въ значительной степени, мѣстными промыслами, не смотря на ихъ сравнительную безвыгодность; у нихъ нѣтъ знакомства съ тѣми отдаленными мѣстностями, которыя привлекаютъ рабочія силы; они не знаютъ ни маршрута, ни тамошнихъ условій быта, они не умѣютъ выбрать наиболѣе удобное время для того, чтобы отправиться на промыселъ или остаться дома; къ нимъ, наконецъ, не заѣдетъ и рядчикъ, у котораго есть свои знакомства и облюбованныя мѣстности для найма рабочихъ.“ (Сб. стат. свѣд. по Фатежск. уѣзду, стр. XIX).

Въ послѣдней табличкѣ своей мы сгруппировали данныя относительно всѣхъ четырехъ уѣздовъ—Льговскаго, Суджанскаго, Дмитріевскаго и Фатежскаго, но Суджанскій уѣздъ, собственно говоря, подъ это правило не подхо-

дить, здѣсь только одни крестьяне четвертные (подв. влад.) представляютъ дѣйствительный перевѣсъ отхожихъ промысловъ надъ мѣстными; другія-же двѣ категоріи государственныхъ крестьянъ—душево-четвертрые и душевые наоборотъ, оказывается, больше тяготѣютъ къ мѣстнымъ промысламъ, а не къ отхожимъ. Среди душево-четвертныхъ крестьянъ, Суджанскаго уѣзда, отхожихъ промышленниковъ всего 42%, а мѣстныхъ 58%; среди душевыхъ отхожихъ 37,7%, мѣстныхъ 62,3%. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Суджанскомъ уѣздѣ искони, „изъ предківъ", были распространены разныя кустарныя производства: сапожничество, кузнечество, скорнячество, производство саней, дугъ, телѣгъ и т. п. Послѣ земледѣльческихъ, сельско-хозяйственныхъ промышленниковъ, здѣсь всего больше мелкихъ, домашнихъ производителей-кустарей. Если бы не это обстоятельство, то процентное отношеніе, выведенное нами, несомнѣнно, еще резче оттѣняло бы разницу въ организаціи промышленности между крестьянами государственными и собственниками, бывшими помѣщичьими.

Тѣ же самые выводы получатся, если мы сгруппируемъ—опять таки по разрядамъ крестьянъ—промыслы земледѣльческіе и внѣземледѣльческіе. Изъ общаго количества промышленниковъ занято:

		Земледѣльческими промыслами.	Внѣземледѣльческими промыслами.
Государств.	четвертные	32,7.	67,3.
„	душево-четв.	29,2.	70,8.
„	душевые	50,5.	49,5.
		37,4.	62,6.
Собственники		42,7.	57,3.
Дарственники		35,7.	64,3.
		39,2.	60,8.

Такая неравномѣрность въ распредѣленіи промышленниковъ земледѣльческихъ и внѣземледѣльческихъ между различными группами крестьянъ объясняется опять таки тѣмъ-же обстоятельствомъ,—что государственнымъ крестьянамъ всегда жилось, во всѣхъ отношеніяхъ, лучше, чѣмъ помѣщичьимъ. Первое и самое главное благо, которымъ они пользовались испоконъ вѣку,—была полная свобода. Они ни отъ кого не зависѣли и могли, по личному усмотрѣнію и вкусу, выбрать себѣ то или другое занятіе. Уже не говоря о другихъ сторонахъ дѣла, одна только выгода, простой математическій разсчетъ указывалъ имъ, что отхожій, или вообще какой бы то нибыло сторонній промыселъ несравненно сподручнѣе и доходнѣе, чѣмъ наемъ въ земледѣльческіе батраки.

Правда, не всѣ промыслы такъ просты, какъ, напр., плотничество, характеризующееся извѣстнымъ народнымъ ироническимъ присловьемъ: „тяпъ да ляпъ и вышелъ корабль“; — нѣкоторые изъ нихъ требуютъ спеціальной подготовки, а порой даже и значительнаго оборотнаго капитала. Но всѣ эти препятствія временнаго характера, и передъ ними энергичный и смѣтливый четвертникъ не останавливался... Крестьянинъ-собственникъ, бывшій во время крѣпостнаго права несамостоятельнымъ, принужденъ былъ весь свой вѣкъ стоять у сохи и бороны, потому что, на здѣшней черноземной почвѣ, прямой интересъ помѣщика заключался въ томъ, чтобы употребить всю людскую наличную силу имѣнія на обработку земли. Послѣдней въ экономіяхъ всегда было много, такъ что дѣла на полѣ хватало на всѣхъ. О какомъ-нибудь стороннемъ заработкѣ крестьянамъ некогда было и подумать. Женщины были не свободны наравнѣ съ мужчинами. Единственный промыселъ, имѣвшій въ то время значительное распространеніе среди крестьянъ, былъ зимній извозъ, такъ какъ по зимамъ въ экономіи требовалось народу значительно меньше, чѣмъ лѣтомъ.

Привязавъ курскаго крестьянина къ черноземной, еще тогда богатой и сильной, почвѣ, крѣпостное состояніе надолго удержало чисто-земледѣльческій характеръ всего населенія и не дало возможности развиться промысламъ. Крѣпостному крестьянину, сплошь да рядомъ, нельзя было не только уйти, для заработка, на сторону, но и дома не позволялось заняться чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ земли, потому что, повторяемъ, не въ интересахъ экономіи было отвлекать рабочіе руки отъ сохи и бороны. Въ с. Кутке, Дмитріевскаго уѣзда, горшечная глина была у крестьянъ подъ бокомъ; всякій могъ найти ее у себя на усадьбѣ, но тѣмъ не менѣе экономія строго предписывала крестьянамъ отъ земледѣлія не отдаляться, а производствомъ горшковъ были заняты всего нѣсколько дворовъ, спеціально съ этою цѣлью посаженныхъ на оброкъ. Въ с. Кожлѣ, Льговскаго уѣзда, изъ 120 дворовъ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, всего только 40 домовъ дѣлали горшки, да и позволеніе имъ было дано на это только потому, что они были „съ-истари“ безхозяйными, такъ что господской экономіи, все равно, пользы принести много не могли. Въ „отхожую“ помѣщики, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ для полевыхъ занятій, своихъ крестьянъ почти совсѣмъ не пускали. Изъ большихъ имѣній, въ описываемомъ районѣ, намъ извѣстны только два, гдѣ людей отпускали на заработки на сторону, это имѣнія гр. Соллогуба (Фатѣевка) и гр. Шереметьева; отсюда ходили на косовицу и „по плотницкой части“, въ Полтавскую, Харьковскую и Кіевскую губерніи. Многія экономіи просто не могли отпускать крестьянъ на заработки, такъ какъ рабочей силы едва хватало на то, чтобы произвести необходимыя работы по хозяйству, по двору и на

конюшнѣ. Мы знаемъ массу такихъ примѣровъ. Мелкія экономіи по здѣшней сторонѣ вообще рѣдко пускали своихъ крестьянъ куда бы то ни было на сторонніе заработки...

Только уже съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права въ значительномъ количествѣ начинаютъ появляться среди крестьянъ-собственниковъ разные промышленники съ внѣземледѣльческимъ характеромъ. Но дальнѣшее развитіе этой промышленности у нихъ и до сихъ поръ все еще тормозитъ отсутствіе привычекъ къ промышленному труду и недостаточное знакомство съ техникой производства.

Впрочемъ, останавливаясь такъ подробно на выясненіи историческихъ условій, которыя способствовали развитію отхожей промышленности у государственныхъ четвертныхъ крестьянъ и тормозили ее у бывшихъ помѣщичьихъ, мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что историческія условія были единственной причиной этого явленія. Нѣтъ, кромѣ исторіи, здѣсь участвовалъ и до сихъ поръ участвуетъ еще другой факторъ, чисто экономическаго свойства. Прежде мы уже, кажется, затрогивали этотъ вопросъ, а теперь считаемъ не лишнимъ привести здѣсь еще одно соображеніе по этому поводу. Государственные четвертные крестьяне, по всѣмъ вообще изслѣдованнымъ уѣздамъ, живутъ гораздо состоятельнѣе и богаче крестьянъ-собственниковъ. Вслѣдствіе этого имъ доступны наиболѣе доходные и наиболѣе выгодные категоріи распространенныхъ здѣсь промысловъ: торговля и ремесла, которыя всегда почти тащатъ людей, занимающихся ими, „на сторону", „гдѣ вольготнѣе" и „мѣста привольнѣе и богаче". Стоитъ только заглянуть въ экономическія таблицы предъидущихъ сборниковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вотъ, хоть бы взять Миропольскую, Черноолешанскую и Замостянскую волости, Суджанскаго уѣзда, почти сплошь заселенныя крестьянами государственными. Здѣсь, изъ общаго числа 5310 промышленниковъ (56,5% къ общему числу рабочаго населенія мужескаго пола), занимаются:

Названіе занятій.	Миропольская.	Черноолешанская.	Замостянская.	Всего.
Земледѣльческими работами	433	916	325	1674
Заводскими работами . .	6	39	6	51
Професіональн. занятіями .	64	62	273	399
Торговлею во всѣхъ видахъ	72	12	22	106
Мастерствами и ремеслами.	619	1073	1388	3080
Итого . . .	1194	2102	2014	5310

Послѣдняя категорія является преобладающею и составляетъ во всѣхъ трехъ волостяхъ 58% общаго числа всѣхъ промышленниковъ. Это же наблюдается и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, такъ что фактора экономическаго игнорировать во всякомъ случаѣ невозможно. Въ дѣлѣ распредѣленія разныхъ видовъ промышленности по разнымъ категоріямъ крестьянъ онъ имѣетъ такое же, если еще не большее вліяніе, какъ и факторъ историческій.

Такимъ образомъ, какъ отхожіе, такъ и всѣ вообще внѣземледѣльческія промыслы болѣе развиты среди государственныхъ крестьянъ, чѣмъ у собственниковъ. Это и послужило главной причиной того значительнаго колебанія въ распредѣленіи мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ по уѣздамъ, которое мы видѣли въ предъидущихъ таблицахъ. Изъ слѣдующей таблицы это можно видѣть яснѣе:

Уѣзды.	Крестьянъ государственныхъ.	Крестьянъ бывшихъ помѣщич.	Промышленниковъ отхожихъ.	Промышленниковъ мѣстныхъ.	Промышл. земледѣльческихъ.	Промышл. внѣземледѣльческ.
Суджанскій . . .	44617	18656	6640	7916	7630	6926
Дмитріевскій . . .	13325	34497	6650	4927	4155	7422
Фатежскій . . .	40329	12100	6387	4202	4292	6297
Льговскій . . .	17761	35382	4233	6262	5893	4602

Тамъ, гдѣ государственные крестьяне составляютъ большинство - преобладаютъ промыслы отхожіе и внѣземледѣльческіе, и наоборотъ тамъ, гдѣ главную часть населенія составляютъ бывшіе помѣщичьи крестьяне, первое мѣсто, по численности рабочихъ рукъ, принадлежитъ промысламъ мѣстнымъ и сельско-хозяйственнымъ заработкамъ.

Въ частности, въ каждомъ уѣздѣ есть свои особыя, специфическія условія, послужившія причиной неравномѣрнаго распредѣленія отхожихъ и мѣстныхъ промысловъ по изслѣдуемому нами району.

Въ Суджанскомъ уѣздѣ на высокій % мѣстной промышленности повліяли, главнымъ образомъ, три волости: Миропольская, Замостянская и Чернолешанская, гдѣ населеніе издавна занимается мелкими домашними кустарными производствами, въ особенности щенным, кожевеннымъ, кузнечнымъ и сапожнымъ производствами, получившими громадную извѣстность не только въ Курской, но и въ ближайшихъ сосѣднихъ губерніяхъ. Въ Замостянской волости мѣстныхъ промышленниковъ насчитано по переписи —1069, или 56% общаго количества всѣхъ, занимающихся промыслами; въ Миропольской мѣст-

ныхъ промышленниковъ — 1362, или 89%; въ Черноолешанской ихъ — 1254 человѣка, или 63% общаго количества. Преобладающій элементъ населенія въ этихъ трехъ волостяхъ — государственные крестьяне, составляющіе здѣсь подавляющее большинство (около 89%).

Въ Льговскомъ уѣздѣ также замѣтно очень сильное колебаніе цифры промышленниковъ въ пользу мѣстныхъ, а не отхожихъ промысловъ. Объясняется это просто тѣмъ обстоятельствомъ, что Льговскій уѣздъ есть по преимуществу уѣздъ земледѣльческій; большая половина его населена помѣщичьими крестьянами (66,4% общаго количества); главный контингентъ зарегистрированныхъ переписью промышленниковъ принадлежитъ къ категоріи земледѣльческихъ рабочихъ. Промышленнѣе другихъ волость Ивановская, въ которой всѣхъ, занимающихся отхожими и мѣстными промыслами, оказывается 1575 человѣкъ, или 29% всего мужскаго, наличнаго населенія волости; но изъ этого числа только 476 человѣкъ уходятъ на сторону (на заводъ, въ батраки въ экономію, плотники, кузнецы и т. д.), остальные же 1099 занимаются „по домашности", — по большей части, сельско-хозяйственными, земледѣльческими работами.

Въ Дмитріевскомъ уѣздѣ невольно поражаетъ замѣтное несоотвѣтствіе между нашими выводами и цифровыми данными, показывающими несомнѣнное преобладаніе отхожихъ промысловъ надъ мѣстными, не смотря на то, что главный элементъ населенія здѣсь составляютъ крестьяне бывшіе помѣщичьи (около 70% общаго количества). Несоотвѣтствіе это установилось, благодаря тому, что по здѣшнимъ краямъ наиболѣе распространеннымъ промысломъ является плотничество. Плотники отхожіе и мѣстные составляютъ 31,4% общаго количества промышленниковъ; изъ нихъ отхожихъ 3327 человѣкъ, т. е. 29% всѣхъ промышленниковъ уѣзда. Плотничество здѣсь существуетъ издавна, но развиваться оно стало только за послѣдніе 15—20 лѣтъ, уже послѣ освобожденія. Изъ всѣхъ волостей здѣсь особенно выдается, по количеству промышленниковъ Михайловская волость, въ которой характеръ занятій по преимуществу торгово-ремесленный. Земледѣльческими промыслами занято всего 69 человѣкъ; кустарей, веревочниковъ и горшечниковъ — 291 человѣкъ; всѣ остальныя занятія носятъ професіональный или торговый городской характеръ: торговцевъ — 103 челов., шинкарей — 4, приказчиковъ — 37, кучеровъ, легковыхъ извощиковъ — 3, рыбаковъ — 8, винокуровъ — 3, а также сапожниковъ — 27, кузнецовъ — 19, булочниковъ — 9; есть даже иконописцы и мѣдники. Такое, чисто городское, развитіе торгово-ремесленной промышленности обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Михайловка издавна, съ самыхъ первыхъ временъ ея основанія, сдѣлалась, по своему удобному положенію, торговымъ центромъ для всего средняго теченія рр. Усожи и Свапы. Всѣ крестьяне въ Михайловской волости собственники, бывшіе помѣщичьи.

Въ Фатежскомъ уѣздѣ отхожіе промыслы опять преобладаютъ надъ мѣстными. И это понятно, при такомъ неравномѣрномъ соотношеніи между государственными (78% общ. кол.) и бывшими помѣщичьими (22% общ. кол.) Наибольшее количество семей, занимающихся промыслами, приходится на Сергіевскую волость (23% общаго количества семей въ уѣздѣ); наименьшее—на Нижне-Реутскую волость (18%). Въ Сергіевской волости 67% общаго числа промышленниковъ занято отхожими промыслами; болѣе всего здѣсь плотниковъ, каменьщиковъ и кирпичниковъ; земледѣльческихъ рабочихъ—365 чел. Въ Нижне-Реутской волости 47%—мѣстныхъ промышленниковъ и 53%—отхожихъ; главный промыселъ—земледѣльческіе заработки; изъ переписи видно, что на эти заработки каждый годъ уходитъ 551 чел.

Организація нашихъ промысловъ здѣшнихъ очень несложна и проста; выше мы уже вскользь упоминали объ этомъ. Количество промышленныхъ семей по 4 уѣздамъ—Суджанскому, Льговскому, Дмитріевскому и Фатежскому, по видимому, довольно значительно (35926). Если остановиться на этой цифрѣ, то можно, пожалуй, подумать, что среди нашихъ здѣшнихъ крестьянъ промышленность получило весьма широкое развитіе. На самомъ же дѣлѣ ничего этого нѣтъ да и быть неможетъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго времени—въ нашемъ черноземномъ районѣ. Значительная же высота % промышленныхъ семей, зарегистрированныхъ нашею переписью, объясняется просто-на-просто тѣмъ, что во время переписи заносились въ число промышленниковъ всѣ тѣ, которые занимаются чѣмъ-либо внѣ своего хозяйства. не для личнаго употребленія только, хотя бы эти занятія являлись временными и случайными. А промыслы наши въ большинствѣ случаевъ являются занятіями именно такого рода. Взять хоть бы, напр., нашихъ курскихъ грабарей и косарей. Кто привыкъ мѣрять промышленность на аршинъ Московской и Владимірской губерніи, тотъ жестоко ошибется, приложивши къ этимъ двумъ категоріямъ нашихъ промысловъ свою мѣрку. Дѣло въ томъ, что грабарство у насъ—не спеціальность, не промыселъ въ собственномъ смыслѣ, какимъ онъ является, напр., въ Нижегородской губерніи, а просто заработокъ, обусловленный часто чисто внѣшней случайностью. Открываются грабарскія, землеройныя работы въ экономіи—и крестьяне ближайшихъ деревень, вмѣсто того, чтобы идти Богъ знаетъ въ какую даль на косовицу, или по каменной, по плотницкой части, покупаютъ себѣ англійскіе кривые заступы и отправляются копать канавы и прорывать рвы въ экономіи. Усвоивъ себѣ, до нѣкоторой степени, привычки къ грабарскому дѣлу, они и на слѣдующій годъ идутъ работать въ качествѣ грабарей, если въ ближайшихъ экономіяхъ найдется такая работа; если же нѣтъ, грабарь нашъ отправляется съ легкимъ сердцемъ на какіе-нибудь другіе

заработки: идетъ съ „артелью робятъ“ на косовицу, или на заводъ какой-нибудь, а то нанимается въ пастухи въ свою или сосѣднюю деревню, идетъ въ батраки къ помѣщику, корчуетъ или въ сосѣднемъ помѣщичьемъ лѣсу и т. д. Подвернется опять грабарская работа — онъ и отъ нея не откажется. Ему „все едино“, только бы заробить малость гдѣ-нибудь... Также мало организованы и косовица съ батрачествомъ и масса другихъ занятій, не имѣющихъ профессіональнаго и ремесленнаго характера, такъ что, собственно говоря, занятія эти невозможно считать промыслами въ строгомъ смыслѣ этого слова; это не болѣе, какъ „заработки“ временнаго и случайнаго свойства. Значительное же количество зарегистрированныхъ нами промышленниковъ указываетъ лишь на то, что *около половины населенія принуждено въ свободное отъ полевыхъ земледѣльческихъ работъ время искать какихъ бы то ни было занятій, чтобы пополнить недостатокъ въ средствахъ прокормленія.*

Занятіе промыслами, въ большинствѣ случаевъ, только во время, свободное отъ полевыхъ земледѣльческихъ работъ, составляетъ одну изъ главныхъ, характерныхъ особенностей здѣшней крестьянской промышленности. Это замѣчается не только въ такихъ заработкахъ, какъ наприм., поденьщина, батрачество, грабарство, извозъ, но даже порою и въ промыслахъ, по видимому, строго-организованныхъ, каковы всѣ почти кустарныя производства, мастерства и ремесла. Было бы конечно нисколько неудивительно, если бы такая организація существовала только въ мѣстныхъ промыслахъ, но дѣло въ томъ, что сплошь и рядомъ это проявляется и въ промыслахъ отхожихъ, какъ наприм., въ плотничествѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Селепинской волости, этомъ центрѣ Дмитріевскаго плотничества, крестьяне уходятъ на свой промыселъ не на все лѣто, а именно только на свободное отъ полевыхъ работъ время. Уходятъ они обыкновенно съ ранней весны, съ апрѣля мѣсяца, и работаютъ до косовицы, т. е. до половины іюня, когда „вертаются“ назадъ домой для сѣнокоса и жатвы; затѣмъ, окончивши это, идутъ опять въ Харьковскую губернію, гдѣ и остаются уже до глубокой осени. На такую же организацію плотничества мы напали недавно, при изслѣдованіи, и въ Грайворонскомъ уѣздѣ, по волостямъ Дорогощанской и Лисичанской.

Строго организованныхъ промысловъ у насъ не много (см. детальное описаніе ихъ, ниже.) Нашъ промышленникъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, есть прежде всего земледѣлецъ; въ свободное время онъ отправляется и на сторонніе заработки, готовъ взяться за иглу, за топоръ, за лопату, но всѣ эти занятія у насъ еще мало спеціализировались. Энциклопедизмъ — это главнѣйшая характерная черта нашего черноземнаго промышленника; онъ за все берется, все дѣлаетъ что ни заставятъ, что ни приведется, но по большей части ничего спеціально не знаетъ и не умѣетъ.

Конечно, это не можетъ относиться къ работникамъ-кустарямъ, занятія которыхъ, по самому существу своему, необходимо требуютъ спеціализаціи. Энциклопедизмъ и отсутствіе раздѣленія труда замѣчается преимущественно среди рабочихъ I, II, III и IV группъ, указанныхъ нами въ таблицахъ. Объ организаціи кустарныхъ производствъ по изслѣдуемому району будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ отхожихъ промыслахъ здѣшняго района замѣчается широкое распространеніе артельнаго начала, принципа „складничества" и „братчины". Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Дмитріевскій уѣздъ, изстари занимавшійся отхожими промыслами и успѣвшій выработать для нихъ болѣе или менѣе опредѣленныя, устойчивыя формы. Здѣшніе отхожіе плотники, пильщики и каменьщики, составляющіе главный контингентъ всѣхъ внѣземледѣльческихъ промышленниковъ въ уѣздѣ (около 15% общаго количества), въ большинствѣ случаевъ ходятъ работать самостоятельными артелями. Артели устроиваются обыкновенно въ 12—18 челов. Промышленники здѣшніе уже давно сознали прямую выгоду такихъ артелей и потому въ нихъ поступаютъ рѣшительно всѣ, кто только не запутался въ долгахъ у мѣстныхъ рядчиковъ: Пестехина, Кабалдина, Черюкина et tutti quanti. А запутаться у нихъ здѣшнему крестьянину (Михайловской и друг. сѣверныхъ волостей, съ песчаной и суглинковой почвой) не долго. Послѣ голодной и длинной зимы крестьянину приходится—разомъ и хлѣбъ покупать, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ его хватаетъ только до масляницы или до „чистой" недѣли, и „подати править" за первое полугодіе. Обратиться за деньгами не къ кому, кромѣ рядчика, такъ какъ здѣсь никто, кромѣ ихъ, денегъ въ долгъ не даетъ. Идетъ крестьянинъ къ рядчику и проситъ денегъ.—„Подъ работу, что-ль?" спрашиваетъ рядчикъ.—Да ужъ, вѣстимо, Иванъ Пиманычъ, подъ работу, а то какъ же иначе? говоритъ крестьянинъ-плотникъ, прекрасно понимая, что безъ этого условія рядчикъ ему не дастъ ни копѣйки. Сдѣлка тотчасъ-же заключается, рядчикъ охотно даетъ 10—15 рублей, всегда безъ росписки, безъ „лажи" *) и безъ %. За это послѣднее крестьяне рядчиковъ любятъ, „потому какъ они все таки по божески дѣлаютъ, накидной копѣйки николи не берутъ"...

Если бы не эта кабала, если бы возможно было устроить правильный кредитъ для Дмитріевскаго крестьянина, то онъ никогда и ни за что не пошелъ бы къ рядчикамъ и не разстался съ „артелью", потому что это послѣднее не примѣръ выгоднѣе для него. Въ самостоятельной артели, въ качествѣ „братчика" (такъ называются члены товарищества), работникъ первой руки—каменьщикъ получаетъ за лѣто 140—160 рублей, плотникъ—120—140 р.; работникъ второй руки каменьщикъ—120—130 р., плотникъ—80—100 р.; работникъ третьей руки каменьщикъ—отъ 90—100 р.,

*) „Лажа"—росписка, отъ слова—ладить, ладиться.

плотникъ—60—80 руб., даже перволѣтчикъ каменьщикъ получитъ 60—70 р., плотникъ—50 р.; тогда какъ у рядчика каменьщики получаютъ—первой руки—90—110 руб., второй—70 руб., третьей—40 руб. и даже до 30 руб. доходитъ; плотнику первой руки рядчикъ даетъ 80—90 руб., второй—60 р., третьей—40—50 руб., а перволѣтчику—будь онъ каменьщикъ или плотникъ—онъ никогда не дастъ больше 30 р. Рабочіе разницу эту прекрасно понимаютъ, но избавиться отъ рядчиковъ имъ очень трудно...

Артель организуется такимъ образомъ. Когда подберется достаточное количество „братчиковъ“ и „на кругу“ порѣшатъ, что больше въ артель принимать никого не слѣдуетъ,—приступаютъ къ выбору „старосты“, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы распоряжаться работами, „надсматривать“ за всѣмъ что дѣлается въ артели и хранить братскую кассу. „Паекъ“ его, т. е. заработную плату, увеличиваютъ на 20—30 руб. въ лѣто, такъ что если онъ каменьщикъ первой руки, то принесетъ домой не 150 руб., а 180 р., если второй,—то 150 руб. Мастеромъ второй руки староста впрочемъ бываетъ рѣдко; онъ всегда долженъ работать лучше чѣмъ всѣ другіе, чтобы учить новичковъ-перволѣтчиковъ и умѣть исправлять промахи товарищей-„братчиковъ“. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, онъ выбирается изъ работниковъ первой руки. Если онъ ко всѣмъ своимъ достоинствамъ присоединяетъ еще то, что грамотѣ знаетъ и умѣетъ съ архитекторскими планами разбираться, указать, „чтò въ нихъ и къ чему“, то ему еще набавляютъ за это рублей по 30 въ лѣто. Затѣмъ братчики выбираютъ изъ своей среды еще артельщика, который обязанъ блюсти хозяйственную часть артели, закупать для нея съѣстные припасы, нанимать квартиру, прописывать паспорты и т. д. Артельщикъ выбирается обыкновенно изъ степенныхъ, солидныхъ мужиковъ, которые потрезвѣе, болѣе бережливы и умѣютъ хорошо „торговаться“ при покупкахъ. Артельщику не платится ничего: изъ чести служитъ. Каждую недѣлю артель дѣлаетъ артельщику учетъ; происходитъ это обыкновенно въ воскресенье, по-утру, когда вся артель въ сборѣ и „напиться еще не успѣли“. Должность артельщика никакихъ выгодъ не представляетъ; сплошь да рядомъ за артельщикомъ по прошествіи недѣли оказывается „прочетъ“ („коли что не досмотришь...“) рубля въ 2—3, которые онъ долженъ дополнять изъ своего кармана. Чаще всего впрочемъ артель беретъ „грѣхъ“ на себя и принимаетъ прочетъ на свой счетъ.

Въ городѣ, куда приходитъ артель, тотчасъ же нанимаютъ квартиру гдѣнибудь въ предмѣстьи, или въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ улицъ; платятъ обыкновенно по 5—6 рублей за комнату, съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и съ тѣмъ, чтобы хозяйка варила имъ щи и кашу изъ ихнихъ припасовъ. Если хозяйка на это послѣднее не согласна, то вступаютъ въ договоръ съ какойнибудь торговкой на базарѣ и нанимаютъ ее рубля за 2—3 въ мѣсяцъ го-

товить обѣдъ на всю артель. За квартиру въ такомъ случаѣ платится дешевле, рубля на 2—3.

Отыскивать работу по городу отправляютъ обыкновенно старосту и тѣхъ, кто побойчѣе да порѣчистѣе, чтобы при случаѣ слово умѣлъ сказать гдѣ нужно. На работы, смотря по надобности, выходятъ или всѣ вмѣстѣ, или по частямъ, „кучками“, человѣка по 4—5. Деньги получать ходитъ староста, но не одинъ, „чтобы мошенства какого не вышло,—всѣ вѣдь мы люди, всѣ человѣки“, а непремѣнно въ сопровожденіи 2—3 человѣкъ братчиковъ. Получивъ деньги, изъ нихъ сначала уплачиваютъ „заборъ“ въ лавки; при чемъ сюда идетъ уже артельщикъ—опять таки не одинъ, а съ 2—3 братчиками, „для вѣрности“. Затѣмъ деньги поступаютъ на храненіе къ старостѣ до „дувана“; а дувановъ этихъ впродолженіе лѣтняго сезона бываетъ три: первый около Петрова дня, второй къ Спасу (6-го августа) и третій наконецъ передъ отправкой домой. Получивши съ дувана деньги, каждый отсылаетъ ихъ тотчасъ же домой, оставляя сабѣ рубля 2—3 на табакъ и разные мелочные необходимые расходы.

Каменьщики и плотники наши ходятъ по Полтавской, Черниговской и Кіевской губ. и вездѣ почти, по единогласному отзыву ихъ самихъ, наниматели-хозяева самостоятельныя артели предпочитаютъ артелямъ подрядчиковъ. Имъ только церкви почему-то строить не даютъ. Что же касается купцовъ и помѣщиковъ—не говоря уже о крестьянахъ,—то они находятъ для себя гораздо болѣе выгоднымъ нанимать самостоятельныя артели, потому что они всегда берутъ гораздо дешевле, чѣмъ рядчикъ; да и работа такихъ артелей всегда добросовѣстнѣе. Сами крестьяне сознаются, что, работая съ рядчикомъ, они не такъ хорошо и не такъ добросовѣстно относятся къ дѣлу, какъ въ артеляхъ „братскихъ“. „Тутъ мы не про себя работаемъ, говорили намъ, напр., каменьщики въ с. Жидяевѣ, а про рядчика,—чего же намъ особенно усердствовать? Похвалятъ—его, похулятъ—опять его же, а не меня. А ежели работы у насъ не будетъ изъ за этого, такъ это даже намъ лучше, потому—гулять гуляй, а денежки отъ него получай“... Купцы въ особенности считаютъ выгоднымъ нанимать братскія артели, потому что работа у нихъ лучше, прочнѣе, складнѣе оказывается. Если не красивѣе, за то прочнѣе, чѣмъ у рядчика. А купцу только это и нужно. Задумавши строить домъ, купецъ старается первѣе всего, чтобы онъ „вѣковой“ былъ; а „фортоплясовъ“—то различныхъ, до которыхъ господа такіе охотники, ему не нужно. Наши братскія артели, въ которыхъ обыкновенно нѣтъ художниковъ—мастеровъ, умѣющихъ изукрасить домъ гирляндами и рѣзными карнизами, вполнѣ за то удовлетворяютъ этому условію и могутъ складть домъ на-диво прочно и устойчиво. Купцы даже отыскиваютъ такія артели, и если ихъ нѣтъ по близости, то засылаютъ за ними нарочно верстъ за 40—50 своихъ прикащиковъ.

Также организуются артели пильщиковъ и отхожихъ кирпичниковъ. На косовицу ходятъ также больше артелями (см. опис. этого промысла).

Самостоятельныя братскія артели въ отхожихъ промыслахъ—явленіе у насъ далеко не новое. Государственные крестьяне, надъ которыми не тяготѣлъ режимъ крѣпостнаго права, давно уже практиковали ихъ и боролись такимъ путемъ противъ рядчиковъ, разживавшихся и богатѣвшихъ насчетъ нанимаемой ими голыдьбы. Крестьяне помѣщичьи не могли этого дѣлать, потому что экономіи не охотно и рѣдко пускали однихъ крестьянъ, безъ рядчика, на чужую сторону, потому что не надѣялись на нихъ нисколько: „замотаться де могутъ". Они могли уходить на заработки только „подъ рукою" рядчика, которому они отдавались на попеченіе барскими экономіями и который, во все время работъ, пользовался по отношенію къ нимъ всѣми правами и привилегіями барина (имѣніе гр. Соллогуба, въ Дмитріевскомъ уѣздѣ). Къ „братской артели" они перешли уже только послѣ освобожденія, на послѣднихъ 20 годахъ, и эта форма организаціи сразу всѣмъ понравилась и прочно привилась среди нихъ, не смотря даже на отсутствіе какихъ бы то ни было историческихъ традицій. Въ настоящее время изъ 250 чел. плотниковъ Фатѣевской волости болѣе 150 челов. ходятъ на заработки такими артелями. Нынѣшнимъ лѣтомъ, наприм., 1884 г., ушло съ рядчиками всего 98 чел., остальные распредѣлились на 13 самостоятельныхъ артелей и пошли работать „сами по себѣ" Изъ Гламадзинской вол. уходило нынѣшнимъ годомъ съ рядчиками всего 150 чел.; остальные же 300 чел. работали въ качествѣ артельныхъ „братчиковъ". Изъ 172 каменьщиковъ Кармановской и Михайловской вол. только 60 чел. нанялись къ рядчикамъ; остальные 112 чел. работали самостоятельно. Среди государственныхъ крестьянъ, если вѣрить ихъ собственнымъ показаніямъ, количество братскихъ артелей за послѣдніе годы также увеличилось; прежде, говорили намъ, ихъ было значительно меньше. Но мы не имѣемъ подъ руками въ настоящее время ни цифръ, ни фактовъ, чтобы провѣрить, на сколько это справедливо.

Насколько сильна здѣсь тенденція къ братской самостоятельной артели,— это можно видѣть изъ того, что въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, изъ общаго количества каменьщиковъ, около 40% уходятъ на заработки такими самостоятельными товариществами; изъ общаго числа плотниковъ и пильщиковъ братскими артелями ходитъ нѣсколько меньше народа, именно около 30%.

Но какъ бы ни сильна была тенденція къ этой формѣ организаціи отхожей промышленности, тѣмъ не менѣе всѣмъ этимъ братскимъ артелямъ можно предсказать въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ несомнѣнную гибель, потому что нужда, обостряющаяся съ каждымъ годомъ, все сильнѣе и сильнѣе будетъ затягивать узелъ кабалы, завязанный рядчиками и пропорціонально

увеличивающейся нуждѣ будетъ все больше съ каждымъ годомъ увеличиваться количество промышленниковъ, приходящихъ къ рядчику съ поклономъ и съ словами: „не оставь, кормилецъ! Будь отецъ родной!..“ Если увеличилось число братскихъ артелей за послѣднее время, какъ среди собственниковъ, такъ и среди государственныхъ крестьянъ, то увеличилось вмѣстѣ съ тѣмъ и количество рядчиковъ, и количество рабочихъ, набираемыхъ ими. Лѣтъ 15-ть тому назадъ въ Дмитріевскомъ уѣздѣ не было ни одного рядчика, у котораго бы число плотниковъ или каменьщиковъ превышало 50 чел.; въ настоящее же время нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ у себя въ распоряженіи буквально цѣлыя арміи въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Это уже предвѣстіе грядущаго... Единственное, что можетъ помочь нашему отхожему промышленнику въ его борьбѣ съ рядчиками, это организація кредита, который бы устранилъ кабалу и позволилъ ему распустить свободно свои крылья...

Примѣненіе артельнаго принципа въ кустарныхъ производствахъ мы встрѣтили всего только одинъ разъ и въ одномъ промыслѣ,—гончарномъ. Общими здѣсь являются главныя орудія производства—горны, которые обыкновенно находятся въ общемъ владѣніи 2—4 дворовъ горшечниковъ-производителей. Впрочемъ такой порядокъ существуетъ только въ четырехъ сѣверныхъ уѣздахъ разсматриваемаго района; въ Суджанскомъ же уѣздѣ, среди хохловъ, „артельщины“ въ этомъ производствѣ совсѣмъ нѣтъ. Кстати сказать, во всемъ малорусскомъ районѣ мы не встрѣтили хотя-бы даже какого нибудь намека на существованіе братской артели, ни въ мѣстныхъ кустарныхъ, ни въ отхожихъ промыслахъ. Не говоря уже о кирпичникахъ и пильщикахъ здѣсь даже плотники и каменьщики всегда нанимаются къ рядчикамъ, а не вступаютъ въ свободныя товарищества, какъ въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, хотя по видимому, здѣсь въ Суджанскомъ уѣздѣ, на чисто-черноземной почвѣ гораздо больше благопріятныхъ условій для сохраненія работникомъ своей самостоятельности, чѣмъ въ уѣздахъ сѣверныхъ, съ почвой суглиноватой и песчаной. Экономическое положеніе Суджанскаго крестьянина, какъ мы уже не разъ указывали, гораздо выше, чѣмъ положеніе крестьянина другихъ уѣздовъ, и это давало бы здѣшнему промышленнику широкую возможность вести успѣшную борьбу съ эксплоататорами-рядчиками... если бы только онъ самъ хотѣлъ вести эту борьбу; но для этого требуется большой запасъ энергіи, и живости, а малороссъ вообще очень вялъ и флегматиченъ. Русскіе крестьяне, живущіе рядомъ съ маллороссами, именно этимъ и объясняютъ отсутствіе промышленной артели у малороссовъ: „безъ рядчика, иронически отзываются русскіе объ этихъ послѣднихъ, въ чужомъ то городѣ они съ голоду перемрутъ всѣ, потому—работы имъ самимъ не сыскать“...

Выше мы уже говорили о томъ, что разныя сельско-хозяйственныя условія мѣстности, какъ то: качество почвы, количество надѣльной земли, оказываютъ прямое вліяніе, съ положительной стороны, на развитіе нашей деревенской промышленности. Но не нужно забывать и того, что всякая промышленность, въ свою очередь, оказываетъ такое или иное вліяніе на состояніе земледѣлія и уровень экономическаго благосостоянія крестьянъ. Въ большинствѣ случаевъ, говоритъ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ статистиковъ-изслѣдователей, *) промышленность, какая бы она ни была, организуется на началахъ враждебныхъ тѣмъ принципамъ, которые лежатъ въ основѣ преобладающей у насъ формы землевладѣнія и земледѣлія. Отъ общиннаго землевладѣнія, отъ мірскихъ сходовъ, гдѣ всѣ члены считаются равноправными, отъ земледѣлія, гдѣ хозяинъ и потребитель сливаются въ одномъ лицѣ, крестьянинъ попадаетъ въ область промышленности. Здѣсь орудія производства составляютъ личную собственность, производитель не потребляетъ своихъ продуктовъ и даже невидитъ этого потребителя. Хозяинъ жнетъ то, чего не сѣялъ, а производитель лишается половины своего заработка. Мірскія помочи смѣняетъ отчаянная конкуренція, а мірское равенство стройная система промышленной іерархіи. Построенная на принципахъ индивидуализма и конкурренціи, промышленность плохо вяжется съ патріархальными формами земледѣльческаго быта.

Впрочемъ далеко не всѣ промыслы оказываютъ одинаковое вліяніе на земледѣліе и весь строй хозяйственно-бытовой жизни крестьянъ. Тѣ роды промышленности, которые даютъ занятіе жителямъ лишь на незначительную часть года въ сравненіи съ земледѣліемъ, играютъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ роль подспорья,—оказываютъ на земледѣліе вообще благотворное вліяніе. При такихъ условіяхъ промышленность даетъ возможность уплачивать подати не прибѣгая къ дешевой, несвоевременной продажѣ хлѣба и скота, позволяетъ сводить концы съ концами, когда продуктовъ земледѣлія не достаетъ на сѣмена и продовольствіе семьи. Но когда само земледѣліе становится подспорьемъ промышленности, доставляя не больше $1/4$ доли въ общую сумму дохода промышленника, какъ это замѣчается, напримѣръ, въ Московской и Владимірской губерніяхъ, тогда земледѣліе подчиняется промыслу, а не господствуетъ надъ нимъ. Эта зависимость, въ общемъ итогѣ, крайне дурно отражается на земледѣліи. Промышленникъ крестьянинъ въ этомъ случаѣ удѣляетъ на земледѣліе столько времени, средствъ и труда, сколько оставляетъ промыселъ.

Мѣстные промыслы, если ихъ брать en masse, оказываютъ на земледѣліе и хозяйство крестьянъ благотворное вліяніе, такъ какъ населеніе въ большинствѣ случаевъ занимается ими только въ свободное, отъ полевыхъ работъ, время; рабочій, находясь постоянно при домѣ, за всѣмъ самъ досмотритъ и уг-

*) С. А. Харизоменовъ. Loc. cit.

лядитъ и сдѣлаетъ вообще все, что въ его силахъ, для поддержанія своего хозяйства, если оно начинаетъ расшатываться. Связь его съ землей въ данномъ случаѣ не порывается, и это служитъ, конечно, лучшей гарантіей благосостоянія двора-домохозяйства. Экономическое положеніе крестьянъ, занимающихся мѣстными промыслами, гораздо выше, чѣмъ положеніе промышленниковъ отхожихъ. Это говорятъ намъ и цифры по-уѣздныхъ, частныхъ сборниковъ. Возьмемъ, напр., количество безлошадныхъ, считающееся однимъ изъ самыхъ характерныхъ показателей упадка крестьянскаго благосостоянія. Въ изслѣдуемомъ нами районѣ по пяти уѣздамъ средній % безлошадныхъ—23, если взять безразлично крестьянъ всѣхъ категорій. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ болѣе всего развиты промыслы земледѣльческіе, безлошадныхъ всего 18,5% общаго количества дворовъ; стало быть, % безлошадныхъ сдѣсь гораздо ниже средняго. Наоборотъ въ деревняхъ, гдѣ жители заняты преимущественно отхожими промыслами, % безлошадныхъ нѣсколько выше средняго, а именно—23,3.

По уѣздамъ безлошадные, по указаннымъ категоріямъ промышленниковъ, распредѣляются такимъ образомъ:

У ѣ з д ы.	% безлошадныхъ въ общинахъ съ преобладаніемъ мѣстныхъ промысловъ.	% безлошадныхъ въ общинахъ съ преобладаніемъ отхожихъ промысл.
Суджанскій	21	19
Льговскій	21,1	25
Дмитріевскій	17,1	22,2
Фатежскій	20	24,9
Курскій	13,6	26,4
Итого	18,5	23,3

Въ Суджанскомъ уѣздѣ перевѣсъ безлошадныхъ оказался на сторонѣ тѣхъ общинъ гдѣ преобладаютъ мѣстные, а не отхожіе промыслы; произошло это потому, что въ Суджанскомъ уѣздѣ мѣстные промыслы вообще преобладаютъ надъ отхожими, а изъ мѣстныхъ промысловъ здѣсь въ особенности распространены кустарныя производства, изъ которыхъ большинство давно уже получили капиталистическую организацію (Мирополье, пригородняя Замостянская волость и Черный Олехъ, съ своими разновидностями щепнаго производства), всегда влекущую за собою пониженіе экономическаго уровня среди производителей-промышленниковъ. Благодаря этому, по Миропольской волости безлошадныхъ считается теперь 26%, по Замостянской 38%.

Особенно рельефно вырисовывается эта разница въ экономическомъ положеніи отхожихъ и мѣстныхъ промышленниковъ, если взять % безлошадныхъ и безхозяйныхъ по волостямъ Курскаго уѣзда.

Волости. (*)	Мѣстные промыслы.	Отхожіе.	% безлошадныхъ.	% безхозяйныхъ.
Долговская	367	1383	33	10
Каменевская	767	830	27	11
Рождественская. . . .	629	438	12	6
Чаплыгинская	382	663	28	12
Старковская.	455	429	21	6,6
Троицкая	487	255	16	10
Спасская	264	262	16	10,7
Муравлевская	248	246	12,6	6,2
Рышковская.	320	136	20	12
Колоденская.	154	163	24	15
Чермошенская	193	40	7,9	4
Дьяконовская	32	31	16	7
Всего . .	4298	4876	19,4	9,2

Цифры говорятъ здѣсь сами за себя. Они какъ нельзя яснѣе показываютъ, какое вліяніе оказываютъ на крестьянское хозяйство отхожіе и мѣстные промыслы. Съ повышеніемъ цифры отхожихъ промышленниковъ повышается и % безлошадныхъ и безхозяйныхъ дворовъ, и съ пониженіемъ ея — % безлошадныхъ съ безхозяйными понижается. И на оборотъ, чѣмъ больше въ волости мѣстныхъ промышленниковъ, сравнительно съ отхожими, тѣмъ ниже % безло адныхъ и безхозяйныхъ дворовъ.

Чтобы выяснить хорошенько вліяніе отхожихъ промысловъ на сельскохозяйственный бытъ крестьянъ, возьмемъ, напр., отхожихъ плотниковъ Гламадзинской волости, Дмитріевскаго уѣзда. Выдѣлимъ ихъ въ особую табличку по селеніямъ.

*) Въ эту таблицу мы не включили трехъ подгородныхъ волостей—Ямской, Стрѣлецкой и Казацкой, которые представляютъ значительное уклоненіе отъ высказаннаго нами положенія. Здѣсь при значительномъ преобладаніи мѣстныхъ промысловъ, % безлошадныхъ и безхозяйныхъ дворовъ очень высокъ, сравнительно даже и другими волостями Курскаго уѣзда, а именно:

ВОЛОСТИ.	Мѣстные.	Отхожіе.	% безлошадныхъ	% безхозяйныхъ.
Стрѣлецкая	567	166	58	58
Ямская	1151	189	73,8	—
Казацкая.	516	258	37	56
Всего. . .	2234	613	56,3	57

Объясняется это, конечно, исключительно близостью города и сильнымъ развитіемъ здѣсь городскихъ заработковъ.

НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Дворовъ съ отхожими плотниками.	Населеніе.		Размѣръ надѣла.			Обработываютъ надѣлъ (въ процентахъ).			Аренда земли.		Количество скота.			Головъ крупнаго скота на надѣльный дворъ.	% домохозяевъ безлошадныхъ.	Платежъ на десятину (въ рубляхъ).	Купчія земли.		Количество плотниковъ.
		Мужескаго пола.	Женскаго пола.	На ревизскую душу.	На работника.	На душу обоего пола.	Сами.	Наймомъ.	Сдаютъ.	Количество десятинъ.	По скольку на надѣльн. дворъ.	Лошадей.	Коровъ.	Мелкаго скота.				Сколько дворовъ имѣютъ купленную землю.	Общее число такой земли.	
с. Романово.	14	37	34	3,4	4,8	1,8	15,4	15,4	69,2	18	1,4	8	8	33	1,2	76	4,1	—	—	18
с. Деменино.	71	246	233	3,2	4,7	1,5	63,7	24,6	11,6	—	—	83	79	330	2,3	40	3,5	—	—	89
с. Вѣть.	106	361	381	2,9	6	1,6	67,9	25,5	6,6	18,5	0,2	119	96	284	2	33	3,9	—	—	128
д. Самохвалова.	42	107	121	2,9	4,6	1,1	52,5	30	17,5	3	0,1	34	37	175	1,7	50,2	3,8	—	—	54
д. Свято-Озеро.	25	83	98	3,5	4,6	1,3	80	20	—	14	0,6	45	33	178	2,1	20	3,4	—	—	32
с. Хомутовка.	39	167	163	3,4	4,9	1,4	86,8	—	10,5	39	1	86	61	321	2,7	13	3,5	—	—	46
с. Гламаздино.	84	401	336	4,8	7,9	2,2	72,3	6	21,6	2	0,02	155	125	622	3,2	36	3	—	—	105
Итого.	381	1402	1366	3,4	5,3	1,5	67,6	18,2	14,2	94,5	0,2	530	439	1943	2,6	38,3	3,6	—	—	472

Если сравнить экономическія данныя этой таблицы съ общими итогами по волости и всему уѣзду, какъ они проставлены въ „Сборникѣ по Дмитр. уѣзду", то выводъ будетъ говорить далеко не въ пользу гламадзинскихъ плотниковъ.

При среднемъ надѣлѣ въ 3,4 дес. на душу, плотники здѣшніе имѣютъ всего 2,6 головъ крупнаго скота и по 5,5 гол. мелкаго, тогда какъ по всей Гламадзинской волости (при среднемъ надѣлѣ въ 3,3 дес.) головъ крупнаго скота приходится на 1 надѣльный дворъ—2,7, а мелкаго скота—5,5; по всему Дмитріевскому уѣзду, при такомъ же среднемъ надѣлѣ въ 3,2 дес. на душу, головъ крупнаго скота на надѣльный дворъ приходится 2,7, мелкаго —6,7. Домохозяевъ безлошадныхъ по всему Дмитріевскому уѣзду считается всего 21%, по Гламадзинской волости, среднимъ числомъ —26%, а въ указанныхъ 7 общинахъ у плотниковъ—38%. Сдатчиковъ, т. е. домохозяевъ, сдающихъ свой надѣлъ, по Дмитріевскому уѣзду считается по переписи 10%, по Гламадзинской волости—12%, у плотниковъ взятыхъ нами общинъ—14,2 Арендуемей земли по всему уѣзду выходитъ по 2 дес. на надѣльный дворъ, по волости—по 0,7 дес. на дворъ, у плотниковъ—по 0,2 дес. на дворъ. Во всемъ уѣздѣ 40% домохозяевъ берутъ землю у помѣщиковъ, въ Гламадзинской вол.—20%, среди плотниковъ всего—12%.

Очевидно, плотничество не оказываетъ хорошаго вліянія на крестьянское хозяйство. Высокій % домохозяевъ безлошадныхъ и сдающихъ свои земли, а также все, что мы здѣсь перечислили,—прямо указываетъ на сравнительный упадокъ земледѣлія среди этого рода промышленниковъ.

Тѣже самыя отношенія получаются, если мы возьмемъ каменьщиковъ или кирпичниковъ отхожихъ (а не кустарей,—между тѣми и другими большая разница.)

Кромѣ своего прямаго вліянія на экономическій, сельско-хозяйственный бытъ крестьянства, отхожіе промыслы дѣйствуютъ и на его, такъ сказать, нравственную сторону. Уходя каждое лѣто на заработки и шляясь по чужой сторонѣ, сталкиваясь со всевозможными людьми и обстоятельствами, промышленникъ прежде всего привыкаетъ высоко цѣнить „умственность" въ людяхъ, грамотность, потому что видитъ на каждомъ шагу пользу грамоты и самъ на себѣ чувствуетъ постоянно, какъ плохо быть неученымъ. Поэтому, первымъ долгомъ, по приходѣ домой, онъ считаетъ отдать своего мальчугана въ школу, если имѣется къ тому хоть какая-нибудь возможность,—если школа есть неподалеку, если найдется въ карманѣ лишнихъ три четвертака, чтобы купить мальченкѣ сапоги валяные на зиму. Процентъ грамотныхъ среди семей съ отхожими промышленниками всегда гораздо выше, чѣмъ среди семей—домосѣдовъ. Это прямо бросается въ глаза, какъ только откроешь наши по-уѣздные сбор-

ники. Сразу можно замѣтить, что въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ болѣе всего развиты отхожіе промыслы,—и грамотность даетъ, въ свою очередь, болѣе высокій процентъ. Вотъ напр. въ Дмитріевскомъ уѣздѣ въ нашихъ „таблицахъ грамотности“, гдѣ проценты грамотныхъ по волостямъ расположены по нисходящей градаціи, тотчасъ же послѣ Михайловской волости, давшей, вслѣдствіе особыхъ причинъ, самый высокій % грамотныхъ, слѣдуютъ по порядку волости съ сильнымъ развитіемъ отхожей промышленности:—Селинская, Прилѣповская, Поповская, Гламадзинская, Березовская и т. д., а въ концѣ таблицы, на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ волости: Киликинская, Машкинская, Фокинская, Бычковская, дающія ничтожный % отхожихъ промышленниковъ. Въ первыхъ 5 перечисленныхъ нами волостяхъ грамотныхъ насчитывается отъ 8—5,5% всего на селенія, а въ послѣднихъ четырехъ всего 2—1%. По Льговскому уѣзду замѣчается тоже самое. Вслѣдъ за торгово-промышленною Ивановскою волостью, давшей наибольшій процентъ грамотныхъ, въ таблицахъ грамотности поставлены волости съ большимъ развитіемъ отхожей промышленности (каменьщики и плотники): Шептуховская вол., Ивницкая и т. д. Также и въ Фатежскомъ уѣздѣ: волости, давшія самый высокій % промышленниковъ отхожихъ, являются и самыми грамотными (Здобниковская, Нижне-Реутская). Тоже самое мы видимъ и въ Суджанскомъ уѣздѣ, гдѣ Дарьинская волость, съ наибольшимъ количествомъ отхожихъ промышлеониковъ, дала вмѣстѣ съ тѣмъ и самый высокій процентъ грамотности (8%).

Мы конечно совсѣмъ не желаемъ сказать этимъ, что промыслы отхожіе всегда нормируютъ % грамотности и служатъ единственной причиной, почему грамотность неравномѣрно распредѣляется среди населенія. Далеко нѣтъ Мы только хотимъ указать на отхожіе промыслы, какъ на одинъ изъ факторовъ, вліяющихъ на распространеніе грамотности въ деревняхъ. А что отхожіе промыслы имѣютъ свою долю вліянія въ дѣлѣ развитія грамотности—въ этомъ, я полагаю, никто не будетъ сомнѣваться.

Чтобы выяснить хорошенько связь между грамотностью и промыслами, приведемъ здѣсь сравнительныя цифры грамотныхъ—у плотниковъ по указаннымъ 7-ми общинамъ Гламадзинской волости, у семей, не занимающихся плотничествомъ, и наконецъ у всего населенія Дмитріевскаго уѣзда.

	Число грамотныхъ и учащихся по отношенію къ населенію въ %%.		
	Обоего пола.	Мужескаго.	Женскаго.
По 7 общинамъ, у плотниковъ .	10,7	21,3%	0,1%
По тѣмъ селеніямъ, которыя не занимаются плотничествомъ. . .	7	15,4	0,1
По всему Дмитріевскому уѣзду . .	6,3	12	0,3

Такимъ образомъ, оказывается, что % грамотныхъ среди плотниковъ почти вдвое выше чѣмъ по всему Дмитріевскому уѣзду. Всѣ, взятые нами плотники—собственники, бывшіе помѣщичьи, получившіе незначительный надѣлъ по 3,1 десятины на ревизскую душу и живущіе очень не богато. Если же взять плотниковъ изъ категоріи крестьянъ, болѣе обезпеченныхъ землею и болѣе зажиточныхъ,—именно изъ среды однодворцевъ, крестьянъ государственныхъ, то разница въ грамотности между плотничьими семьями и семьями, не отпускающими плотниковъ получится, несомнѣнно, еще разительнѣе.

Но оказывая вліяніе, въ положительномъ смыслѣ, на развитіе грамотности среди крестьянъ, отхожіе промыслы деморализуютъ ихъ въ нравственномъ отношеніи. Съ чужой стороны промышленникъ приноситъ индивидуалистическіе задатки, которые уже никакъ не могутъ мириться съ патріархальнымъ строемъ старой семьи, гдѣ все поглощено авторитетомъ главы-домохозяина и совершенно нѣтъ мѣста волѣ отдѣльныхъ членовъ. Отсюда—частые семейные раздѣлы, наблюдаемые въ промышленныхъ районахъ съ отхожими заработками, Это явленіе замѣчается не только въ одной здѣшней мѣстности, но и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только существуетъ отхожая промышленность, будетъ-ли то промышленность заводская или просто „мастерщина"—это все равно; результаты получаются вездѣ одинаковые. Въ видахъ сохраненія цѣлости многочленныхъ семей и поддержанія авторитета отцовско-семейной власти, нѣкоторыя земства нашихъ промышленныхъ центральныхъ губерній (кажется Тверское и Владимірское) просили, и правительство, по слухамъ, проэктируетъ отнять у сельскаго схода право семейныхъ раздѣловъ, предоставленное ему 51 ст. общаго положенія о крестьянахъ и представить утвержденіе ихъ крестьянскому уѣздному присутствію, или вообще какому бы то ни было интеллигентно-административному городскому учрежденію.

Когда-то все это еще будетъ утверждено, и пройдетъ черезъ всѣ правительственныя инстанціи, а наши отхожіе промышленники все дѣлятся и дѣлятся... Въ с. Фатѣевкѣ, напр., въ 1858 г. было всего около 60—70 дворовъ, а въ настоящее время ихъ считается 182; стало быть, за 25 лѣтъ количество ихъ увеличилось ровно втрое. Приблизительно такое-же увеличеніе замѣчается и во всѣхъ другихъ общинахъ, гдѣ преобладаютъ промыслы отхожіе. Тогда какъ, наоборотъ, въ селеніяхъ, гдѣ отхожей промышленности совсѣмъ не существуетъ, приращеніе дворовъ очень незначительно. Вотъ напр. хотя бы Износковская волость, Льговскаго уѣзда, отпускающая на отхожіе промыслы всего 138 чел. или 3% общаго количества всѣхъ отхожихъ промышленниковъ уѣзда. По X ревизіи здѣсь въ д. Вышней-Грунѣ было 150 дворовъ, а въ настоящее время—283, увеличеніе, стало быть, произошло всего на 53%; въ с. Глиницахъ при ревизіи было 56 дворовъ, теперь—67 и

на 53%; въ с. Глиницахъ при ревизіи было 56 дворовъ, теперь—67 и т. д.; всего по Износковской волости дворовъ послѣ ревизіи за послѣдніе 25 лѣтъ прибавилось на 50%, если не считать двухъ общинъ, по которымъ „ревизскихъ сказокъ, какъ заявляетъ нашъ сборникъ, совсѣмъ не найдено".

Старики, хранители дѣдовскихъ устоевъ, пережившіе крѣпостное право и видѣвшіе „старые порядки", изумленно смотрятъ на то, что дѣлается вокругъ ихъ, пытаются остановить, усовѣстить молодое поколѣніе, вносящее разладъ въ семью, но стремленіе къ индивидуализму, благодаря все развивающимся отхожимъ промысламъ, растетъ и усиливается съ каждымъ годомъ. Хранители старыхъ традицій, жалѣющіе о разрушеніи патріархальной семьи, очень недовольны этимъ, и создали даже ироническую поговорку на счетъ постоянныхъ семейныхъ раздѣловъ: „какъ три брата такъ три хаты; на дворѣ одни поросята—то-то живутъ богато!.."

Семейные раздѣлы порождаютъ въ районѣ отхожихъ промышленниковъ размельчаніе семей. При спеціальномъ изслѣдованіи промысловъ, много разъ намъ приходилось слышать отъ крестьянъ заявленіе, что прежде ходило по плотницкой части больше народу, а теперь семьи совсѣмъ разстроились, передѣлились, „всѣ по одному живутъ" и ходить на заработки на чужую сторону стало некому...

Размѣры отхожей промышленности опредѣляются до нѣкоторой степени количествомъ бумагъ, выданныхъ на прожитіе изъ волостныхъ правленій, такъ какъ крестьянинъ беретъ въ правленіи видъ на отлучку, только въ томъ случаѣ, если ему понадобится идти куда нибудь на заработки. Больше ему и ходить некуда; развѣ въ Кіевъ на богомолье соберется по обѣщанію, но это уже такой исключительный случай, который мы съ удобствомъ можемъ игнорировать, тѣмъ болѣе, что % такихъ, ничѣмъ не занятыхъ, крестьянъ, берущихъ въ правленіи билеты на прожитіе, ничтоженъ. Впрочемъ абсолютно-вѣрнымъ критеріумомъ для опредѣленія размѣровъ отхожей промышленности тоже количество видовъ на отлучки считать невозможно, такъ какъ, съ одной стороны, отхожіе промышленники нѣкоторыхъ категорій совсѣмъ не берутъ паспортовъ (батраки въ ближнихъ экономіяхъ, трепачи, желѣзно-дорожные рабочіе, грабари, глинорои, пастухи, ломовые извозчики, печники etc.), а съ другой—многіе изъ нихъ берутъ виды на отлучки по нѣскольку разъ въ годъ (косники, торговцы разныхъ видовъ, портные и т. д.). Въ виду этого, число паспортовъ и билетовъ въ данной мѣстности нужно принимать только какъ сравнительный, а не абсолютный показатель размѣровъ отхожей промышленности.

Всѣхъ видовъ на отлучки въ годъ выдается среднимъ числомъ:

Названіе уѣздовъ.	Число бумагъ на прожитіе.						
	На 12 мѣсяц.	На 6 мѣсяц.	На 3 мѣсяца.	На 2 мѣсяца.	На 1 мѣсяцъ.	Рабочихъ книжекъ	Всего.
Курскій . . .	1148	3536	1254	298	2087	—	8323
Суджанскій. . .	756	1999	593	706	3235	23	7312
Льговскій . . .	682	1955	709	503	1629	1159	6637
Фатежскій . . .	1540	4263	361	478	843	—	7485
Дмитріевскій . .	944	2040	778	335	542	122	4761
Всего. .	5070	13793	3695	2320	8336	1304	34518

Такимъ образомъ, общее количество бумагъ, выданныхъ на прожитіе, по всѣмъ пяти уѣздамъ, равняется 34518, что составляетъ 6 % къ цифрѣ всего населенія даннаго района. Сравнительно съ Московской губерніей, этотъ % совсѣмъ незначителенъ, такъ какъ тамъ число бумагъ, выданныхъ на прожитіе, составляетъ по отношенію ко всему населенію 23 %.

Самое большее количество видовъ на отлучки падаетъ на Курскій уѣздъ, самое меньшее на Дмитріевскій.

Годовые паспорты высылаются большею частію тѣмъ крестьянамъ, которые живутъ постоянно, по нѣскольку лѣтъ, на дальнихъ заработкахъ, но изъ своего общества еще никуда не перечислены. Годовые же паспорты берутся и батраками, которые служатъ въ экономіяхъ „въ году“, „въ сроку“. Шестимѣсячные билеты берутся отхожими промышленниками, которые уходятъ изъ дому на все лѣто,—плотниками, пильщиками, каменьщиками, иногда косарями, если они уходятъ въ Донщину не на одинъ только мѣсяцъ—„на ко совицу“ въ собственномъ смыслѣ, а на все лѣто, съ апрѣля до сентября. Полугодовые же виды должны брать и разные заводскіе рабочіе, такъ всѣ вообще заводскія производства продолжаются большею частію около полугода. Полугодовыхъ билетовъ выдается наибольшее количество—39,9% общаго числа всѣхъ бумагъ. Трехъ—и двухъ-мѣсячные билеты берутся рабочими промышленниками разныхъ категорій. Одно-мѣсячные—мѣсячными батраками

въ экономіяхъ, отхожими поденьщиками и чернорабочими, а также тѣми косарями, которые уходятъ въ Черноморье не на все лѣто, а только на время уборки травъ. Рабочія книжки берутся больше заводскими и желѣзно-дорожными рабочими, а также тѣми изъ кустарей, которые ходятъ по найму работать въ ремесленно-кустарныя мастерскія, къ мастеркамъ и хозяйчикамъ; берутъ ихъ впрочемъ иногда и отхожіе промышленники—мастеровые, если нанимаются въ артели къ подрядчикамъ. Болѣе всего рабочихъ книжекъ взято по Льговскому уѣзду.—88% общаго количества; по Фатежскому уѣзду и Курскому они совершенно отсутствуютъ. Но это—чистая случайность, зависящая скорѣе отъ усмотрѣнія волостныхъ правленій, чѣмъ отъ самихъ рабочихъ. Послѣднимъ все равно, что ни получить изъ правленія—рабочую ли книжку или билетъ; они знаютъ только одно: нужно бумагу, а какую—про это должно знать волостное правленіе. Правленія же наши еще не успѣли привыкнуть къ недавно-введеннымъ рабочимъ книжкамъ и очень рѣдко берутъ ихъ изъ казначейства, пробавляясь, по старой памяти, бланками билетовъ и паспортовъ. Этимъ и объясняется, почему встрѣчаются цѣлые уѣзды, въ которыхъ не взято ни одной рабочей книжки.

По всѣмъ пяти уѣздамъ 34518 паспортовъ и билетовъ выдается на 146776 работниковъ мужескаго пола: стало быть, на 100 работниковъ всего приходится по 24 выдовъ на отлучки. По уѣздамъ, въ распредѣленіи паспортовъ на работниковъ, замѣчается нѣкоторое колебаніе:

По Курскому уѣзду на 100 раб.	приходится	24	паспортовъ и билетовъ.	
„ Суджанскому „ „ „ „	„	23	„ „	„
„ Льговскому „ „ „ „	„	25	„ „	„
„ Фатежскому „ „ „ „	„	28	„ „	„
„ Дмитріевскому „ „ „ „	„	18	„ „	„
По всѣмъ 5 уѣздамъ	„	24	„ „	„

Самое меньшее количество паспортовъ, какъ видно изъ этой таблицы, падаетъ на Дмитріевскій уѣздъ, не смотря на то, что онъ отпускаетъ наибольшее количество отхожихъ промышленниковъ. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что промыслы Дмитріевскаго уѣзда гораздо лучше организованы, чѣмъ во всѣхъ уѣздахъ изслѣдуемаго нами района. Здѣшній отхожій промышленникъ-мастеровой уже ближе стоитъ къ понятію „спеціалистъ", чѣмъ промышленникъ Фатежскаго или Льговскаго уѣзда, гоняющійся только затѣмъ, чтобы заработать малость „на чемъ нибудь" готовый приняться за всякое дѣло и незнающій спеціально ничего. Вслѣдствіе этого плотники и каменьщики Дмитріевскаго уѣзда, уходя на извѣстный срокъ на работы по своей спеціальности, берутъ въ теченіе всего года всего одинъ паспортъ—полугодовой или трехмѣсячный, смотря потому, сколько времени рас-

полагаютъ пробыть въ отсутствіи. Они знаютъ, куда идутъ, сколько времени пробудутъ въ отлучкѣ; вся бытовая сторона промысла, вся обстановка имъ, какъ спеціалистамъ, хорошо извѣстна; въ разсчетахъ ошибиться невозможно. Льговскій же промышленникъ идетъ на промыселъ невѣрною поступью, незная, что его тамъ ожидаетъ и зачастую ворочается домой съ пустыми руками, нигдѣ не найдя себѣ дѣла („косовица" въ особенности часто обманываетъ промышленниковъ); тогда онъ беретъ другой билетъ и отправляется на заработки въ другое мѣсто, на желѣзную дорогу, на заводъ, въ экономію и т. д. За годъ онъ побываетъ иногда въ 2—3 мѣстахъ на заработкахъ разнаго рода. Этимъ и объясняется, почему въ Льговскомъ уѣздѣ берется больше паспортовъ и видовъ на отлучки, чѣмъ въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, съ болѣе развитою отхожею промышленностью. Низкій % взятыхъ паспортовъ и билетовъ по Суджанскому уѣзду., сравнительно съ другими уѣздами, объясняется тѣмъ, что здѣсь на ряду съ отхожими промыслами сильно развиты домашнія кустарныя производства (щепной промыселъ шаповальство, шапошничество, скорнячество etc.)

Всѣхъ разновидностей промысловъ, какими занимается здѣшнее населеніе, насчитывается по означеннымъ 5 уѣздамъ около 180. Для удобства мы разбиваемъ ихъ въ своей таблицѣ на 7 слѣдующихъ группъ:

1) Сельско-хозяйственные, земледѣльческіе промыслы. Сюда входятъ: батраки годовые, полѣтчики, поденьщики, косари, скотники, пастухи и скотопрогонщики, огородники, маслобойщики etc, а также извощики ломовые и легковые.

2) Фабричные, заводскіе и желѣзно-дорожные рабочіе.

3) Торговля разнаго рода.

4) Профессіональныя занятія общаго характера, какъ то: буфетчики, винокуры, музыканты, пѣвчіе, трубочисты etc.

5) Профессіональныя занятія интеллигентнаго характера, напр.: адвокаты, учителя, телеграфисты.

6) Кустарные промыслы. Сюда входятъ: веревочники, гончары, санники, купцы, сапожники, столяры, колесники, бондари, шаповалы, овчинники, лапотники (есть еще у насъ и такіе промышленники „не вымерли въ конецъ", какъ отзываются про нихъ крестьяне) шорники, токари, кожевники, посудники, ткачи, ульевщики, ткачи поясьевъ, ковровъ etc.

7) Промыслы, имѣющіе ремесленный характеръ („мастерщина", какъ характерно окрестили ихъ здѣшніе крестьяне). Сюда относятся всѣ мастеровые и ремесленники, для которыхъ извѣстное занятіе составляетъ спеціальность,

доступную только послѣ долгаго и тщательнаго изученія. Таковы напримѣръ: плотники, каменьщики, кирпичники, пильщики, печники, штукатуры, слесаря, кровельщики, мѣдники, портные, маляры, позолотчики, хлѣбопеки, переплетчики, булочники etc.

Если взять всѣ эти промыслы за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ ихъ существованія, то мы увидимъ, что одни промыслы падаютъ, выдыхаются и сходятъ со сцены деревенской жизни, другіе же напротивъ возникаютъ, растутъ и расширяются, захватывая съ каждымъ годомъ все большій и большій районъ и большее количество рабочихъ рукъ. Дѣло понятное: деревня не представляетъ какого нибудь мертваго закостенѣвшаго тѣла, — она вѣчно движется и живетъ, приспособляясь къ текущимъ условіямъ. На мѣсто старыхъ отжившихъ клѣточекъ, являются другіе; эти послѣднія, въ свою очередь, опять умираютъ и даютъ мѣсто новымъ клѣточкамъ и т. д. — безконечная варьяція на одну и туже тему. Деревня живетъ — и ея потребности постоянно прогрессируютъ и вызываютъ къ жизни новые и новые промыслы; съ другой стороны, постоянно измѣняющіеся условія жизни упраздняютъ многое въ старомъ обиходѣ жизни, дѣлаютъ негоднымъ, невозможнымъ, неприличнымъ, и на мѣсто упраздненнаго ставятъ иные предметы потребленія, а это не сомнѣнно влечетъ за собой измѣненія въ обрабатывающей промышленности данной мѣстности. Какіе-нибудь лапотники, Конышевской волости Дмитріевскаго уѣзда, 30—40 лѣтъ назадъ снабжавшіе своими издѣліями всю округу, должны были уступить свое мѣсто сапожнику, вслѣдствіе того, что „народъ сталъ теперь великатвѣе“ и лаптей носить не хочетъ, гнушается ими, и только, какъ насмѣшка надъ старымъ, какъ „переживаніе въ культурѣ,“ остались здѣсь 5 лапотниковъ—старичковъ, работающихъ скорѣе по традиціи и для личнаго потребленія, чѣмъ для продажи. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ извозъ и ямщина стали во многихъ мѣстахъ анахронизмомъ. Также погибли или гибнутъ теперь и многія другія производства и промыслы...

За то, съ другой стороны, за это послѣдніе время выросло и развилось не мало новыхъ промысловъ, а изъ старыхъ многіе до того расширились и разрослись, что въ настоящее охватываютъ громадные районы въ нѣсколько тысячъ квадр. верстъ, со многими тысячами рабочихъ рукъ. Постройка свекло-сахарныхъ и рафинадныхъ заводовъ и разныхъ фабрикъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, создали массу новыхъ видовъ промышленниковъ. Въ деревняхъ чисто, земледѣльческихъ, гдѣ прежде крестьяне ничѣмъ не занимались, ничего не знали, кромѣ бороны и сохи,—появились теперь желѣзнодорожные мастера, кочегары, кондукторы, ремонтщики, будочники, буфетчики машинисты etc. etc. Отхожее плотничество развилось только за послѣднія три десятилѣтія и считается въ настоящее время въ своихъ рядахъ около

или по 5-ти изслѣдованнымъ уѣздамъ. Послѣднее время создало особенно много промышленниковъ съ профессіональнымъ характеромъ, и съ каждымъ годомъ число этихъ промышленниковъ все прибываетъ и прибываетъ. Не говоря уже о такихъ профессіяхъ, какъ кучера, дворники, половые, лекеи и т. п., въ экономическихъ таблицахъ сплошь да рядомъ встрѣчаются чисто—городскіе, интеллигентные промышленники, къ которымъ даже какъ-то неловко примѣнять эпитетъ: „промышленникъ.“ Таковы, напр., фельдшера, учителя, телеграфисты, столоначальники, рекрутирующіеся изъ среды крестьянской. Да и не только впрочемъ фельдшера, учителя и столоначальники,—современная деревня начинаетъ поставлять городу своихъ адвокатовъ, докторовъ, статистиковъ, литераторовъ, даже профессоровъ университета (Московск. губ)., и повторяемъ количество этихъ интеллигентныхъ „промышленниковъ“, пришедшихъ изъ деревни, съ каждымъ годомъ все увеличивается. До освобожденія вся интеллигенція у насъ на Руси была изъ „господскаго сословія“, изъ дворянъ, которые, со времени Петра I-го, одни держали въ своихъ рукахъ свѣточъ истины и знанія; потомъ, съ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія, исторія стала выдвигать впередъ такъ называемаго разночинца, а теперь и деревня стала посылать своихъ представителей въ интеллигенцію; изъ нея сплошь и рядомъ за послѣднее время стали выходить люди даже съ западно-европейскимъ образованіемъ.

Женскіе промыслы совсѣмъ не вошли въ наши таблицы, хотя статистическое бюро имѣетъ у себя подъ руками всѣ необходимыя данныя относительно ихъ. Мы нашли излишнимъ группировать ихъ и помѣщать на страницы сборниковъ, такъ какъ, и по своимъ размѣрамъ, и по своему вліянію на экономику крестьянскаго хозяйства, они очень незначительны. Время для нихъ еще не наступило. Настанетъ пора, когда, какъ предсказываютъ наши экономисты, начнется у насъ массовое обезземеленіе крестьянъ—съ одной стороны, и ростъ капитала, съ другой, когда совершится тотъ роковой, фатальный переломъ, который выведетъ насъ на ту-же дорогу, на какой стоитъ современная Западная Европа, создастъ у насъ капиталистическую силу и вызоветъ обособленіе земледѣльческаго и промышленнаго труда—тогда, нѣтъ сомнѣнія, появятся строго—организованные отхожіе и мѣстные женскіе промыслы, какъ явились они во Франціи, Англіи и даже въ Германіи.—Теперь же у насъ замѣтны только слабые зачатки этихъ промысловъ, зачатки, въ которыхъ еще нѣтъ ничего опредѣленнаго, выработавшагося, законченнаго. Тутъ все—неясно, потому что еще все—случайно...

Мѣстные женскіе промыслы ограничиваются, главнымъ образомъ, поденными работами въ экономіяхъ (молотьба, жнитво и др. лѣтнія работы), на свекловичныхъ плантаціяхъ (полка и копка свекловицы), и свеклосахарныхъ

заводахъ. Въ поденную ходятъ бабы и дѣвки, а на полку бураковъ выходятъ даже малыя „дівчата“, 9—12 лѣтъ. Женская поденщина—явленіе обыкновенное во всѣхъ деревняхъ, населенныхъ бывшими помѣщичьими крестьянами, особенно если есть по близости экономія, нуждающаяся въ рабочихъ рукахъ. Крестьяне четвертнаго права рѣдко пускаютъ своихъ женъ и дочерей въ экономіи, потому что, въ большинствѣ случаевъ, у нихъ самихъ въ дому хозяйство большое, „для бабъ работа завсегда найдется“. Изъ мѣстныхъ женскихъ промысловъ, кромѣ поденьщины, еще можно указать на производство кушаковъ и скатертей, которымъ заняты въ особенности въ нѣкоторыхъ деревняхъ Фатежскгао уѣзда; объ этомъ промыслѣ мы будемъ говорить подробно въ отдѣлѣ о кустарныхъ производствахъ. „На сторону“ по паспортамъ женщины здѣсь почти совсѣмъ не ходятъ; развѣ только бобылка какая-нибудь, у которой не осталось никого изъ родныхъ, выправитъ себѣ видъ изъ правленія и пойдетъ въ городъ, чтобы поступить тамъ въ кухарки, въ больничныя „сидѣлки“ и т. д. За послѣдніе годы впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ селеній Фатежскаго и Дмитріевскаго уѣздовъ мужики, отправляясь въ Украйну на „косовицу“, стали брать съ собою и женъ своихъ, руководствуясь тѣмъ простымъ соображеніемъ, что „дома-то вѣдь все равно жрать нечего“... Уходя вмѣстѣ съ мужиками въ Черноморье, женщины нанимаются тамъ въ поденьщицы на тѣ же самыя экономіи, куда поступаютъ и ихъ мужья: сѣно косятъ здѣсь, жнутъ, молотятъ etc. Но заработокъ ихъ и въ этомъ случаѣ очень незначителенъ и едва равняется половинѣ заработка мужчины.

Деньги, заработанныя женщиною на отхожемъ-ли, на мѣстнэмъ-ли какомъ промыслѣ,—въ хозяйство семьи, по большей части, не вкладываются и идутъ исключительно на собственныя бабьи нужды; дѣвушки весь свой заработокъ употребляютъ на пополненіе „приданаго“, которое они должны принести своимъ будущимъ мужьямъ, покупаютъ пестро раскрашенные платки головные съ разными узорами и „разводами“, ситецъ на платья и сарафаны, бусы на шею, серьги etc.. Вообще все свое приданое они должны снарядить сами, семья имъ обыкновенно ни въ чемъ не помогаетъ; развѣ мать сердобольная потихоньку отъ отца сунетъ иногда дочкѣ двугривенный или четвертакъ, который ей самой удалось утянуть у „стараго“ во время продажи пеньки или вынуть у него изъ кармана, въ то время, когда онъ пришелъ домой изъ кабака, захмѣлѣвши... Но не помогая ни въ чемъ „дівчинѣ“, семья, въ свою очередь, не требуетъ ничего отъ нея; такъ что дѣвушка свободно можетъ располагать своимъ заработкомъ и тратить на что угодно. Баба въ этомъ нѣсколько ограничена; мужъ во всякое время можетъ потребовать отъ нея заработанныхъ денегъ, хотя по взгляду обычнаго права и *не долженъ* бы былъ дѣлать этого, но вѣдь „мужа, говорятъ, ни въ какія двери не минешь“. Если жена не послушаетъ мужа, онъ можетъ дать ей встрепку во

всякое время—и что подѣлаетъ бѣдная женщина противъ тяжелыхъ мужниныхъ кулаковъ, которыми онъ аргументируетъ свои требованія?..

Чтобы дать полное и ясное представленіе о состояніи промышленности въ здѣшнемъ районѣ, мы представляемъ здѣсь детальную таблицу всѣхъ промышленниковъ по пяти уѣздамъ, раздѣливши ихъ на группы, и затѣмъ даемъ краткіе очерки о каждой группѣ, и обо всѣхъ, болѣе или менѣе выдающихся промыслахъ и производствахъ, зарегистрированныхъ нашимъ бюро по 5 уѣздамъ. При этомъ мы считаемъ не лишнимъ прибавить къ I группѣ промыслы очерки конопляно-пеньковой и табачной культуры, а къ VI-й—очерки производства кушаковъ, ковровъ и скатертей, хотя въ наши детальныя таблицы и не внесено количество рабочихъ рукъ, занятыхъ этими производствами.

Прилагаемыя таблицы составлены на основаніи частныхъ таблицъ поуѣздныхъ сборниковъ. Ничего новаго мы сюда не вводили; только группировка промысловъ нѣсколько измѣнена нами: вмѣсто бывшихъ 5 группъ мы дѣлаемъ 7, прибавивши къ прежнимъ пяти рубрикамъ еще двѣ новыхъ: интеллигентивно-профессіональныя занятія и кустарныя производства. Первыя выдѣлены нами изъ прежней III рубрикѣ (профессіональныя занятія вообще) вторая изъ V-й (ремесла и мастерства).

Названіе промышленниковъ.	Курскій уѣздъ.		Суджанскій.		Дмитріевскій.		Фатежскій.		Льговскій.		По всѣмъ уѣздамъ.		Всѣхъ вообще.
	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	
I-я группа.													
Батраковъ и скотниковъ	1891	1988	832	656	943	515	1188	638	898	615	3861 *)	2424 *)	6285
Полѣтчиковъ			189	79	81	—	207	—	384	8	861 *)	87 *)	948
Поденщиковъ и чернорабочихъ			1042	168	651	327	484	314	936	322	3113 *)	1131 *)	4244
Косарей			29	2719	3	535	2	1736	—	1040	34 *)	6030 *)	6064
Трепачей и мяльщиковъ	1	—	—	—	42	48	23	186	66	6	132	240	372
Маслобойщиковъ	174	2	147	1	188	2	243	2	267	—	1019	7	1026
Крупорушниковъ	154	53	231	10	63	—	60	—	122	—	630	63	693
Мельниковъ	635	49	1171	58	400	6	501	5	730	61	3437	179	3616
Толчейниковъ	2	—	—	—	2	—	13	—	5	—	22	—	22
Крупчатниковъ и мукосѣевъ	—	—	1	1	—	—	—	—	—	5	1	6	7
Солодовщиковъ и пивоваровъ	8	8	4	—	—	3	—	—	—	—	12	11	23
Садовниковъ	5	6	10	3	—	3	9	—	12	2	36	14	50
Огородниковъ	3	1	—	1	1	—	—	2	1	—	5	4	9
Пасѣчниковъ	—**)	—	5	2	7	—	2	—	30	2	44	4	48
Извощиковъ ломовыхъ	36	43	116	59	259	63	17	64	365	6	1122	235	1357
„ легковыхъ	38	122	94	2	11	2	9	5	—	10	152	141	293
Всего	3276	2272	3871	3759	2651	1504	2758	2952	3816	2077	14481	10576	28936 (съ Курск. уѣзд.)
II-я группа.													
Сахарно-заводскихъ рабочихъ	10	215	27	69	127	212	19	27	—	268	173 *)	576 *)	749
Фабричныхъ рабочихъ			—	—	14	1	—	—	—	—	14 *)	1 *)	15
Кочегаровъ			—	2	—	2	—	6	3	—	3 *)	10 *)	13
На соляныхъ варницахъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	—	16	16
Желѣзно-дорожныхъ рабочихъ	63	186	—	9	—	11	16	173	51	225	130	604	734
Углекоповъ	—	—	—	10	—	12	—	20	—	16	—	58	58
Всего	73	401	27	90	141	238	35	226	54	525	320	1265	1810 (съ Курск. уѣзд.)

*) Итогъ подведенъ только по четыремъ уѣздамъ; Курскій уѣздъ сюда не вошелъ.

**) Пасѣки по Курскому уѣзду не были занесены въ экономическія таблицы нашихъ по уѣздныхъ сборниковъ.

Названіе промышленниковъ.	Курскій уѣздъ.		Суджанскій.		Дмитріевскій.		Фатежскій.		Льговскій.		По всѣмъ уѣздамъ.		Всѣхъ вообще.
	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	
III-я группа.													
Шинкарей, трактирщиковъ и содержателей постоялыхъ дворовъ	—	—	33	3	9	8	28	12	29	11	99	34	133
Лавочниковъ и торговцевъ разнаго рода (лѣсомъ, скотомъ, дегтемъ, мелкимъ товаромъ, косами, бердами, воскомъ и т. д.)	544	262	201	50	135	35	32	96	85	156	997	599	1596
Всего	544	262	234	53	144	43	60	108	114	167	1096	633	1729
IV-я группа.													
Домашняя прислуга	34	158	29	44	31	43	20	96	59	73	173	414	587
Служащихъ на желѣзной дорогѣ (будочниковъ, стрѣлочниковъ и т. д.)	—	—	—	2	—	—	2	1	9	10	11	13	24
Рыбаковъ	22	2	24	11	12	—	19	—	16	—	93	13	106
Стекольщиковъ	1	1	1	—	2	—	1	1	—	—	5	2	7
Сторожей (лѣсныхъ, церковныхъ, полевыхъ, магазинныхъ etc.)	103	139	102	28	170	26	122	41	159	45	656	279	935
Дроворубовъ	—	—	57	58	482	56	—	—	27	5	566	119	685
Корчевщиковъ пней	—	—	24	20	10	—	—	—	11	—	45	20	65
Служителей и разсыльныхъ	—	—	4	—	1	1	—	4	—	2	5	7	12
Винокуровъ	—	—	—	1	—	3	—	—	—	—	—	4	4
Рядчиковъ	4	10	3	10	—	13	—	9	—	6	7	48	55
Водовозовъ	—	6	2	1	1	—	4	4	—	1	7	12	19
Пожарныхъ	1	3	4	3	—	1	—	6	—	—	5	13	18
Деревенскихъ учителей (грамотѣевъ)	—	—	2	—	1	—	5	—	6	—	14	—	14
Коноваловъ	—	-	1	1	1	—	2	—	3	1	7	2	9
Баньщиковъ	1	—	2	—	—	—	—	2	—	1	3	3	6
Урядниковъ, полицейскихъ служителей, жандармовъ и надзирателей	2	15	6	5	1	9	1	10	2	10	12	49	61
Буфетчиковъ и половыхъ	85	23	2	1	—	5	—	9	2	10	89	48	137
Газетчиковъ	—	2	—	—	—	—	—	1	—	2	—	5	5
Пѣвчихъ	—	—	2	—	—	—	—	1	1	1	3	2	5
Трубочистовъ	—	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	3	3
Охотниковъ и рыбаковъ	13	—	5	—	2	1	—	1	1	—	21	2	23
Артельщиковъ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—	3	3
Музыкантовъ	6	—	6	—	—	—	—	—	1	—	13	—	13
Мороженьщиковъ и квасниковъ	—	6	—	1	—	—	—	2	—	2	—	11	11
Цирульниковъ	1	2	—	—	1	—	—	—	—	—	2	2	4

Названіе промышленниковъ.	Курскій уѣздъ.		Суджанскій.		Дмитріевскій.		Фатежскій.		Льговскій.		По всѣмъ уѣздамъ.		Всѣхъ вообще.
	Мѣст.	Отхож.	Мѣст.	Отхож.	Мѣст.	Отхож.	Мѣст.	Отхож.	Мѣст.	Отхож.	Мѣст.	Отхож.	
Наборщиковъ и другихъ типографскихъ рабочихъ	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	10
Матросовъ	—	—	—	85	—	—	—	—	—	—	—	85	85
Золотарей-отходниковъ	2	1	—	—	1	—	—	—	—	—	3	1	4
Кондитеровъ, булочниковъ, кренделыциковъ и хлѣбопековъ	25	625	21	16	8	9	—	15	7	6	61	671	732
Пастуховъ	313	12	355	41	137	3	364	19	222	8	1391	83	1474
Всего	613	1017	652	329	861	170	540	223	526	185	3192	1924	5116
V-я группа.													
Писарей	—	—	26	5	5	4	12	14	19	19	62	42	104
Управляющихъ, прикащиковъ и конторщиковъ	1	5	59	71	34	48	12	52	33	22	139	198	337
Учителей	21	—	3	4	2	1	10	10	5	8	41	23	64
Машинистовъ и кондукторовъ	8	27	—	3	—	2	—	3	4	4	12	39	51
Нотаріусовъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Землемѣровъ	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	1	1	2
Смотрителей (арест. дома, училищъ etc)	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	2	1	3
Адвакатовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1
Служащихъ въ разныхъ канцеляріяхъ (писцовъ столоначальниковъ etc)	5	7	—	—	—	1	—	—	—	1	5	9	14
Почтальоновъ и телеграфистовъ	3	6	1	2	—	—	3	1	—	5	7	14	21
Фельдшеровъ, оспопрививателей и ветеринарныхъ фельдшеровъ	10	3	7	7	4	5	10	4	3	—	34	19	53
Агентовъ страховыхъ обществъ	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
Всего	51	49	98	92	46	61	47	85	65	59	307	346	653
VI-я группа.													
Веревочниковъ	35	5	13	—	189	5	91	4	85	17	513	31	544
Кузнецовъ *)	—	—	107	—	—	—	—	—	—	—	107	—	107
Кирпичниковъ *)	47	—	52	—	11	—	39	—	119	—	168	—	168
Сапожниковъ и башмачниковъ *)	—	—	304	—	—	—	—	—	—	—	304	—	304
Овчинниковъ и пушнарей	64	6	87	2	24	—	57	1	18	1	250	110	260
Каменотесовъ	—	—	—	—	2	—	38	14	—	—	40	14	54
Бондарей	91	22	198	75	22	1	32	8	46	1	389	07	496
Колесниковъ	10	2	327	10	17	11	12	—	44	2	410	25	435
Шаповаловъ, и шерстобоевъ	5	1	44	—	3	3	10	—	21	2	83	6	85

*) Исключительно-кустарей, а не ремесленниковъ.

Названіе промышленниковъ.	Курскій уѣздъ.		Суджанскій.		Дмитріевскій.		Фатежскій.		Льговскій.		По всѣмъ уѣздамъ.		Всѣхъ вообще.
	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	
Повозочниковъ, тележниковъ и санниковъ	3	1	242	5	91	—	8	1	58	—	402	7	409
Гончаровъ	13	—	69	4	62	1	4	—	110	2	258	7	265
Угольщиковъ	1	—	1	33	6	3	3	—	142	—	153	36	189
Шорниковъ	4	5	4	—	2	2	2	—	8	—	20	7	27
Кожевниковъ	4	11	20	1	1	—	—	2	—	1	25	15	40
Ткачей	3	—	2	—	—	1	—	2	1	—	6	3	9
Пряхи дѣлаютъ	—	—	41	—	2	—	—	1	—	—	43	1	44
Жестянниковъ	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	1	1	2
Корзинщиковъ	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	3	—	3
Лапотниковъ	3	—	1	—	14	—	1	—	17	—	36	—	36
Трубочниковъ	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1
Посудниковъ	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1
Ульевщиковъ (улья дѣлаютъ)	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	2	—	2
Бороны дѣлаютъ	—	—	1	—	1	2	—	—	—	—	2	2	4
Метельщиковъ	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	—	2
Дудочниковъ	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	—	2
Ткачей ситъ	14	—	37	—	—	—	—	—	—	—	51	—	51
Бердовщиковъ	—	—	31	—	—	—	—	—	—	—	31	—	31
Гребенщиковъ	15	2	—	18	—	—	—	—	—	—	15	20	35
Шапошниковъ	—	—	12	1	—	—	—	—	—	—	12	1	13
Веретенщиковъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Плетутъ волока	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Свѣчниковъ	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	6
Всего	318	55	1596	150	452	29	299	34	672	26	3337	294	3631
VII-я группа.													
Плотниковъ	245	515	262	633	307	3327	165	999	409	780	1388	6254	7642
Пильщиковъ	1	4	17	464	34	690	8	8	75	44	135	1210	1345
Печниковъ	87	32	48	97	17	12	14	82	22	17	188	240	428
Каменьщиковъ	—	—	78	152	9	437	3	578	27	193	117	1360	1477
Кровельщиковъ	97	55	45	4	5	21	1	36	10	5	158	121	279
Кирпичниковъ (всѣхъ, кромѣ кустарей)	52	335	346	719	13	17	6	341	9	8	426	1420	1846
Сапожниковъ и башмачниковъ (всѣхъ, кромѣ кустарей)	288	47	171	18	54	4	45	10	50	2	608	81	689
Кузнецовъ (всѣхъ, кромѣ кустарей)	—	—	117	15	47	7	73	12	94	9	331	43	374
Слесарей	—	—	5	2	1	3	—	4	12	22	18	31	49
Литейщиковъ и формовщиковъ	—	—	3	11	—	2	—	27	3	—	6	40	46
Мѣдниковъ	1	—	2	—	1	—	—	1	2	4	6	5	11
Столяровъ, токарей и рѣзчиковъ	48	22	88	21	17	19	11	22	33	21	197	105	302

Названіе промышленниковъ.	Курскій уѣздъ.		Суджанскій.		Дмитріевскій.		Фатежскій.		Льговскій.		По всѣмъ уѣздамъ.		Всѣхъ вообще.
	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	Мѣстн.	Отхож.	
Маляровъ, бѣлильщиковъ, красильщиковъ и синильщиковъ	28	16	7	1	2	1	1	3	2	6	40	27	67
Портныхъ	198	50	202	19	104	20	80	9	137	19	721	117	838
Штукатуровъ.	15	46	3	4	1	24	—	548	2	29	21	651	672
Позолотчиковъ	2	2	1	—	—	—	—	—	2	1	5	3	8
Переплетчиковъ	1	1	1	—	—	—	—	—	—	2	2	3	5
Живописцевъ.	2	—	2	—	1	—	—	—	—	—	5	—	5
Грабарей и глиньщиковъ. . . .	343	226	22	9	13	3	13	6	114	25	505	269	774
Мостовщиковъ	15	13	—	—	—	—	—	5	—	—	15	18	33
Обойщиковъ	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3
Часовщиковъ.	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1
Серебряниковъ	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1
Гладильщиковъ поясовъ	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	4	—	4
Каретниковъ	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1
Всего . .	1423	1367	1420	2169	626	4588	424	2693	1003	1187	4896	12004	16900
Всѣхъ промышленниковъ .	6298	5423	7898	6642	4921	6633	4163	6321	6250	4226	27629	27042	58775

I. Сельско-хозяйственные, земледѣльческiе промыслы.

Послѣ всего, что мы сказали въ предъидущей главѣ, понятно, что сельско-хозяйственныя, чисто земледѣльскiя занятiя составляютъ самую обычную форму стороннихъ заработковъ во всемъ изслѣдованномъ нами районѣ, носящемъ вполнѣ земледѣльческiй характеръ. Занятiя эти привлекаютъ большее количество рабочихъ рукъ, чѣмъ какой нибудь другой промыселъ, и это происходитъ, помимо всякихъ другихъ причинъ, уже потому одному, что крестьяне издавна привыкли и привязались къ земледѣлiю и связаннымъ съ нимъ занятiямъ. Нельзя конечно сказать, что бы всѣ промыслы земледѣльческiе были особенно выгодны и доходны. Многiе виды отхожей и мѣстной кустарной промышленности оказываются гораздо болѣе выгодными, чѣмъ промыслы земледѣльческаго характера, въ особенности такiе, гдѣ крестьянину приходится играть роль наемнаго рабочаго (батрачество, косовица). И если крестьяне здѣшнiе, не смотря на все на это, продолжаютъ упорно держаться земледѣльческихъ заработковъ, то объясняется это исключительно только традицiей, стародавней привычкой ихъ къ такого рода занятiямъ.

Во всѣхъ пяти уѣздахъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ разныхъ видовъ насчитывается по переписи 28936 или 49,2% общаго числа промышленниковъ по всѣмъ 5 уѣздамъ. Изъ нихъ 16372 чел. занимаются промыслами на мѣстѣ, не уходя далеко изъ дома, и 12564 чел.—живутъ на сторонѣ, вдали отъ своего хозяйства.

По уѣздамъ они распредѣляются такимъ образомъ:

Уѣзды.	Общее число землед. рабочихъ.	% къ общему числу промышленниковъ.
Суджанскiй - - - - - -	7630	59,3
Курскiй - - - - - -	5548	48,1
Льговскiй - - - - - -	5893	56,1
Фатежскiй - - - - - -	5710	53,9
Дмитрiевскiй - - - -	4155	36,7
Всего - - -	28936	49,2

Стало быть, болѣе всего земледѣльческіе заработки разнаго рода распространены въ уѣздахъ—Суджанскомъ, Льговскомъ и Фатежскомъ, наиболѣе плодородныхъ уѣздахъ изъ всего взятаго нами района; самое меньшее количество ихъ падаетъ на Дмитріевскій уѣздъ, съ смѣшанной, суглинисто-черноземной почвой. Эти цифры, безъ комментаріевъ даже, сами по себѣ ясно указываютъ на характеръ мѣстностей и общія тенденціи ихъ населенія. Уѣзды, въ которыхъ наиболѣе сохранился чисто-земледѣльческій характеръ жителей, даютъ очень высокій процентъ земледѣльческихъ, сельско-хозяйственныхъ промышленниковъ; и на оборотъ, тамъ, гдѣ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ почвенныхъ, историческихъ и экономическихъ условій, земледѣліе стало терять свою цѣну и земледѣльческій характеръ населенія начинаетъ измѣняться въ строго-промышленный, какъ это замѣчается въ Дмитріевскомъ уѣздѣ,—тамъ % земледѣльческихъ работниковъ-промышленниковъ значительно ниже процента промышленниковъ внѣземледѣльческихъ.

Въ частности, высокій % земледѣльческихъ промышленниковъ по Суджанскому уѣзду установился, главнымъ образомъ, благодаря тому, что здѣсь слишкомъ много мельниковъ (1229 челов.), а также косарей отхожихъ (2719), батраковъ и поденьщиковъ, какъ мѣстныхъ, такъ и отхожихъ (2553 чел.). По Льговскому уѣзду насчитывается очень много батраковъ и поденьщиковъ съ чернорабочими (2756 чел.), а также косарей (1040) чел.) и мельниковъ (791 чел.). Въ Фатежскомъ уѣздѣ особенно много батраковъ (1823 чел.) и косарей (1738 чел.). Въ Курскомъ—батраковъ хотя и много, но косарей почти нѣтъ совсѣмъ; преобладающими по количеству здѣсь являются внѣземледѣльческія и по преимуществу отхожіе, промышленники—кирпичники, плотники etc. Тоже самое, только еще рѣзче, еще рельефнѣе, мы видимъ и въ Дмитріевскомъ уѣздѣ; здѣсь на первомъ мѣстѣ, по количеству занятыхъ рабочихъ рукъ, стоитъ отдѣлъ промысловъ, которые слывутъ у крестьянъ подъ именемъ „мастерщины“—плотники, пильщики, кровельщики etc; по этому отдѣлу въ Дмитріевскомъ уѣздѣ числится 5214 чел., т. е. 45% общаго числа всѣхъ промышленниковъ.

Батрачество поденьщина—косовица.

Батрачество является несомнѣнно самымъ распостраненнымъ и обыкновеннымъ видомъ земледѣльческихъ заработковъ здѣшняго населенія. По четыремъ уѣздамъ—Фатежскому, Суджанскому, Льговскому и Дмитріевскому заработками этими занято. какъ значится въ нашихъ таблицахъ 6285 чел., изъ которыхъ 3861—батраки мѣсячные, а 2424—отхожіе. По количеству батраковъ, вербующихся изъ среды крестьянъ, Фатежскій уѣздъ занимаетъ первое мѣсто. Батраковъ въ немъ считается по переписи 1883 года 1823 че-

ловѣка, въ томъ числѣ 1188 батраковъ мѣстныхъ и 635 отхожихъ. По Суджанскому уѣзду батраковъ—832 мѣстныхъ и 656 отхожихъ; по Дмитріевскому—940 мѣстныхъ и 514 отхожихъ; по Льговскому—886 мѣстныхъ и 612 отхожихъ. Мѣстныхъ батраковъ вездѣ, по всѣмъ 4-мъ уѣздамъ; оказывается больше, чѣмъ отхожихъ, объясняется это просто тѣмъ, что крестьянину сподручнѣе наниматься въ „годовики" у себя въ селѣ, у „своего" бывшаго барина на ближайшей экономіи чѣмъ забираться куда нибудь вдаль.

Существуетъ у насъ въ литературѣ мнѣніе, что общинѣ нашей крестьянской конецъ приходитъ, что „хозяйственный" мужикъ забираетъ деревню, въ свои руки и вѣроятно скоро завладѣетъ всей общинной землей и заставитъ на себя работать бѣдняковъ—одно сельцевъ, что вездѣ куда ни глянь, замѣчается въ крестьянской средѣ тенденція къ капиталистическому батрацкому хозяйству и т. д. и т. д. Исходя изъ такого положенія, можно бы было, пожалуй, подумать, что большинство зарегистрированныхъ нашею переписью батраковъ, по большей части, нанимаются къ такимъ же крестьянамъ, какъ и они сами; помѣщичьи же „оскудѣвающія" хозяйства пользуются только незначительнымъ % наемныхъ рабочихъ. На самомъ же дѣлѣ это совсѣмъ выходитъ не такъ. Заглянемъ въ наши сборники. Тамъ, въ концѣ каждаго, помѣщены таблицы статистико-хозяйственныхъ свѣдѣній по отдѣльнымъ имѣніямъ (свыше 50 дес.) и въ этихъ таблицахъ есть одна графа, для насъ въ настоящее время далеко небезъинтересная; графа эта (59)—число полевыхъ постоянныхъ годовыхъ рабочихъ въ экономіяхъ. Такіе рабочіе вербуются, насколько намъ извѣстно, исключительно изъ мѣстныхъ крестьянъ. Если теперь сопоставить эти данныя съ цифрами, показывающими общее количество мѣстныхъ батраковъ по уѣздамъ, то окажется, что на долю крестьянъ—батраковъ приходится самое ничтожное число. По Суджанскому уѣзду всѣхъ мѣстныхъ батраковъ, по переписи, считается 832 человѣка, а у помѣщиковъ постоянно живетъ 733 человѣка, какъ это видно изъ таблицъ, относящихся къ частному землевладѣнію; стало быть, въ помѣщичьихъ экономіяхъ держится $^{1}/_{8}$ часть общаго количества батраковъ. А принимая во вниманіе, что въ „Сборникѣ по Суджанскому уѣзду" описаны еще далеко не всѣ помѣщичьи имѣнія, и предполагая, что и эти не описанныя имѣнія также прибѣгаютъ къ найму работниковъ, придется придти къ тому заключенію, что на долю крестьянскаго хозяйства батраковъ совсѣмъ не остается, или, если и остается, то крайне мало. Въ Льговскомъ уѣздѣ мѣстныхъ батраковъ считается 886 чел., а помѣщичьи имѣнія,—по крайней мѣрѣ тѣ, которыя были описаны—требуютъ 684 чел. По Дмитріевскому уѣзду мѣстныхъ батраковъ, по переписи, было насчитано 940 человѣкъ, а помѣщичьи имѣнія занимаютъ 862 чел. Въ Фатежскомъ уѣздѣ батраковъ—832, у помѣщиковъ живетъ „въ году"—733

чел. Процентъ неописанныхъ имѣній, относительно которыхъ остается неизвѣстнымъ, сколько держатъ они батраковъ, по всѣмъ почти уѣздамъ одинаково великъ.

Батраки у помѣщиковъ, на мѣстныхъ экономіяхъ получаютъ — въ Курскомъ уѣздѣ по 40—70 руб. въ годъ на экономическомъ содержаніи. Въ Фатежскомъ годовой батракъ получаетъ 45—60 руб. на экономическихъ харчахъ, полѣтчикъ — 20—30 р.; подростокъ — работникъ, 12—16 лѣтъ, получаетъ въ годъ по 7—22 руб.; лѣтомъ онъ — пасетъ скотъ, зимой ухаживаетъ за нимъ, кормъ носитъ, поитъ etc. Въ Дмитріевскомъ уѣздѣ батраки получаютъ столько же, сколько и въ Фатежскомъ. Въ Льговскомъ уѣздѣ на сѣверѣ годовой батракъ въ экономіи получаетъ, сверхъ харчей и квартиры, 40—60 руб. въ годъ; въ средней же части уѣзда годовая плата повышается до 50—75 и даже 85 руб. (с. Ивановское); такое возвышеніе заработной платы батрака объясняется исключительно тѣмъ, что здѣшній крестьянинъ, благодаря близости города и желѣзной дороги, успѣлъ уже нѣсколько культивироваться, привыкъ къ „вольнымъ", отхожимъ промысламъ и легкимъ городскимъ заработкамъ и поступаетъ въ экономію на тяжелую, черную работу только въ томъ случаѣ, если она кажется ему ужъ очень выгодной. Въ одной экономіи подъ г. Льговомъ, намъ жаловался экономическій прикащикъ, что рабочихъ иногда и совсѣмъ достать негдѣ: „кому ѣсть нечего — въ городъ идетъ, тамъ всегда на чемъ-нибудь копѣйку зашибить можно, потому — мѣсто людное; а кто не имѣетъ нужды — и въ батраки не пойдетъ"... И это, конечно, совершенно справедливо.

Изъ всѣхъ изслѣдуемыхъ нами уѣздовъ, ни одинъ не представляетъ такихъ рѣзкихъ колебаній въ наемной платѣ батраку, какъ Льговскій. Главной причиной этого служитъ несомнѣнно желѣзная дорога, проходящая поперекъ всего уѣзда. Косвеннымъ путемъ, путемъ отвлеченія рабочихъ рукъ отъ земледѣльческаго труда, она создала на всемъ своемъ протяженіи непомѣрно высокую заработную плату экономическаго батрака, тогда какъ другія мѣста, лежащія въ дали отъ желѣзной дороги, остались въ такомъ же положеніи, какъ и сосѣдніе Дмитріевскій и Фатежскій уѣзды. Поэтому-то здѣсь и замѣчается такое колебаніе въ годовой платѣ батраку отъ 40—85 р. Самую высокую заработную плату батраки получаютъ въ Ивановской, Городенской и Нижне-Деревенской вол., т. е. именно тамъ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога. Полѣтчику на сѣверѣ Льговскаго уѣзда платятъ 20—35 руб., въ средней части — 30—40 руб., въ южной — 25—35 рублей (съ Егорья и Пасхи до Введеньева дня). Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ полѣтчиковъ нанимаютъ помѣсячно съ платой 6—7 руб. въ мѣсяцъ (Ольговка, Шептуховской вол.).

Въ Суджанскомъ уѣздѣ, на востокѣ годовая плата батраку гораздо ниже, чѣмъ въ западной части, что и естественно, такъ какъ главные промышленные центры, оба города—и Суджа и Мирополье, лежатъ на западной сторонѣ уѣзда. На востокѣ годовому экономическому рабочему платятъ отъ 40—60 руб., на западѣ, въ особенности въ волостяхъ: Гонтаровской и Замостянской, плата батраку доходитъ до 75 руб., minimum—50 руб. Полѣтчикъ получаетъ на востокѣ—20 - 30 руб., на западѣ—до 40 руб.; въ лѣто подростокъ полуработникъ, получаетъ въ Гонтаровской волости 40—60 руб. въ годъ; мальчикъ, лѣтъ 10—14,—20—30 руб. Въ Черно-Олешанской вол. мальчикъ получаетъ—8—12 руб. въ годъ, а подростку, лѣтъ 17—18, даютъ 20—30 рублей, т. е. столько же, сколько въ подгородныхъ волостяхъ мальчику. Нанимая работниковъ, экономія заключаетъ съ нимъ обыкновенно письменное условіе, которое свидѣтельствуется волостнымъ старшиною и вносится въ „книгу сдѣлокъ и договоровъ“. Въ условіи этомъ проставляется, во-первыхъ, помѣсячная или годовая плата, договоренная рабочимъ; потомъ посвящена особая рубрика харчамъ, которые обыкновенно идутъ работнику отъ экономіи; иногда здѣсь упоминается только, что нанимающейся батракъ пользуется пищей отъ экономіи, но чаще всего подробно описывается, что будутъ давать работнику на завтракъ, обѣдъ и ужинъ; тутъ фигурируютъ и щи, и подбивка, и сало, каша, и соленый судакъ и всякая иная пища,—и все это съ детальностью распредѣлено по постнымъ и скоромнымъ днямъ. Въ условіи прописывается также количество рабочихъ дней въ теченіе мѣсяца; обыкновенно въ мѣсяцѣ считаютъ 25 рабочихъ дней, впрочемъ въ страдную пору приходится иногда работать и по праздникамъ, потому что время тогда дорого,—по пословицѣ: „день - годъ кормитъ“. За это въ нѣкоторыхъ экономіяхъ приплачиваютъ особую добавочную плату, а въ другихъ—это предварительно выговорено условіемъ. Кромѣ всего этого, въ каждомъ условіи есть рубрика относительно штрафа который взимается съ рабочаго за прогульные дни и пьянство. Въ нѣкорыхъ условіяхъ мы находили еще одну рубрику: если рабочій не портитъ или поломаетъ какой нибудь инструментъ, данный ему на руки, то виновный выплачиваетъ стоимость вещи.

Для иллюстраціи всего этого мы не приводимъ здѣсь ни одного договора между экономіей и нанимающимся къ ней работниками, потому что нѣсколько такихъ договоровъ было уже приведено нами въ I т. нашихъ статистическихъ сборниковъ по Курской губ. (стр. 30—31).

Женщины-батрачки живутъ въ экономіяхъ „въ году“ на тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, какъ и мужчины, только плата имъ, разумѣется, ниже, чѣмъ мужчинамъ: въ Курскомъ, Льговскомъ и Фатежскомъ уѣздахъ—35—50 р. въ годъ, въ Суджанскомъ и Дмитріевскомъ—25—35 руб., на хозяйскихъ харчахъ. Впрочемъ женщины рѣдко нанимаются въ годовыя работницы въ экономіи; сюда идетъ развѣ ужъ бобылка какая нибудь, у которой нѣтъ собственнаго хозяйства и которой буквально некуда приклонить свою голову. Женщины ограничиваются въ большинствѣ случаевъ только поденными работами: занимаются въ экономіяхъ полотьемъ, молотьбою etc.

Въ батраки къ крестьянамъ нанимаются по большей части одни только подростки (17—18 лѣтъ) и мальчики (12—13 лѣтъ),—первые для того чтобы „помогать“ при всякой работѣ хозяину - въ молотьбѣ, въ косовицѣ, при паханьи поля и т. д, вторые же спеціально для скота; лѣтомъ они лошадей въ ночную гоняютъ, зимою—сѣно носятъ для скота изъ сарая, воду носятъ, съ хозяиномъ на пилку и рубку дровъ ходятъ, а „больше за галками съ палками бѣгаютъ“, какъ отзываются на счетъ ихъ сами крестьяне. Нанимаютъ мальчиковъ, разумѣется, только тѣ дворы, гдѣ нѣтъ своихъ малыхъ ребятъ. Въ сложной машинѣ крестьянскаго хозяйства и малый ребенокъ раздѣляетъ со всѣми другими членами семьи тяжести трудовой, сѣрой жизни, и онъ подчасъ бываетъ нуженъ не меньше взрослаго работника. Мы не разъ лично слыхали отзывы самихъ крестьянъ объ этомъ: „мальченко то глупъ, да безъ него обойтись нельзя, въ хозяйствѣ прорѣха будетъ“. Мальчиковъ чужихъ сплошь да рядомъ держатъ просто „изъ-за хлѣба“, жалованья никакого не платятъ; кормятъ только и одѣваютъ. А если и назначаютъ какую-нибудь плату, то крайне незначительную—7—10—15 р. въ годъ. Подростку платятъ больше, потому что подростокъ считается уже полуработникомъ; онъ можетъ и пахать, и боронить, и молотить,—можетъ быть, не такъ хорошо и успѣшно, какъ взрослый, но все таки помощь „настоящимъ“, взрослымъ работникамъ окажетъ существенную. Совершеннолѣтнихъ батраковъ крестьяне нанимаютъ рѣдко. Къ великому сожалѣнію, количество ихъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, въ настоящее время опредѣлить невозможно, такъ какъ они подсчитаны въ нашихъ таблицахъ вмѣстѣ съ подростками и малолѣтними; но во всякомъ случаѣ мы нисколько не ошибемся, если скажемъ, основываясь только на личномъ наблюденіи, что изъ всѣхъ батраковъ, которые приходятся на долю крестьянскаго хозяйства, едва $1/4$—$1/5$ часть принадлежитъ къ взрослымъ, совершеннолѣтнимъ работникамъ; остальные же всѣ—подростки и малолѣтніе. Въ батраки въ крестьянское хозяйство идутъ неохотно,—только въ случаѣ самой крайней нужды, если сосѣднія экономіи, заваленныя предложеніями услугъ, ни на какихъ условіяхъ не принимаютъ новыхъ работниковъ; происходитъ это оттого, что у мужика батраку жить хуже, тяжелѣе, чѣмъ въ бар-

ской экономіи; мужикъ завалитъ работой и лѣниться у него нельзя, потому что онъ самъ постоянно тутъ, при дѣлѣ, первый начинаетъ его, послѣдній кончаетъ. Да и кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, плата у мужика меньше, чѣмъ въ экономіи. По Суджанскому и Льговскому уѣзду платятъ взрослому мужицкому работнику—40—50 руб., въ Дмитріевскомъ и Фатежскомъ 35—45 руб., въ Курскомъ какъ и въ Льговскомъ—отъ 40—50 руб.

Наемнымъ трудомъ, въ большинствѣ случаевъ, пользуются только крестьяне четвертнаго права, которые и земли имѣютъ больше, чѣмъ собственники, бывшіе помѣщичьи, и живутъ вообще состоятельнѣе этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, не всякое участіе наемнаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ должно быть приписываемо зажиточности и экономическому благосостоянію двора. „Необходимость имѣть работника, говоритъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ экономистовъ, *) не рѣдко считается въ народномъ быту не привиллегіей, а несчастьемъ, такъ какъ весьма часто она вызывается бѣдностью семьи рабочими силами, а не богатствомъ орудіями производства...

Крестьянскіе батраки рекрутируются, главнымъ образомъ, изъ категоріи мѣстныхъ батраковъ; отхожіе же батраки всѣ почти распредѣляются по владѣльческимъ имѣніямъ, господскимъ и купеческимъ. Въ отхожіе батраки въ нашихъ таблицахъ занесены всѣ тѣ, которые служатъ по найму не въ своихъ деревняхъ, а уходятъ куда нибудь „на сторону", въ другое селеніе или даже въ другую губернію. Много батраковъ ходитъ въ сосѣднюю Харьковскую губернію, получая въ этомъ случаѣ отъ 80—90 руб., за лѣтній сезонъ. Домой они приносятъ впрочемъ не болѣе 50—60 руб., (дорога, расходы на одежду etc.), такъ что заработокъ ихъ, въ среднемъ, нисколько не выше заработка мѣстныхъ батраковъ.

Среднимъ числомъ, по всѣмъ 5 уѣздамъ, зарабатокъ каждаго батрака, считая здѣсь и мальчиковъ—работниковъ, будетъ равняться—45 руб. въ годъ. Стало быть, общій заработокъ всѣхъ зарегистрированныхъ переписью батраковъ (6285 чел.) равняется ежегодно 282825 руб.

Рядомъ съ батрачествомъ необходимо поставить *поденьщину*, какъ одну изъ самыхъ употребительныхъ, самыхъ обыкновенныхъ формъ труда въ здѣшнемъ районѣ,—какъ и вездѣ, впрочемъ, по всей черноземной полосѣ Россіи, гдѣ только населеніе сохранило до сихъ поръ строго-земледѣльческій характеръ. Поденьщина особенно сильно распространена среди бѣднѣйшаго и наименѣе обезпеченнаго класса населенія—среди крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ. Четвертники, получившіе по родовому праву болѣе или менѣе значительные участки земли, порой даже совершенно обезпечивающіе ихъ, не ходятъ въ

*) В. В. Раздѣленіе труда земледѣльческаго и промышленнаго въ Россіи. Вѣстн. Евр. Іюль, 329 стр.

поденьщину, гнушаются даже этимъ, считаютъ это занятіемъ унизительнымъ для себя. Многіе изъ нихъ сами нанимаютъ въ рабочую пору поденьщиковъ, потому что силами только одной своей семьи со всей полевой работой справится не могутъ. У насъ нѣтъ въ настоящее время подъ руками данныхъ, чтобы опредѣлить, сколько именно, какой % всѣхъ четвертныхъ крестьянъ пользуются наемными трудами поденьщиковъ, но, на основаніи показаній самихъ крестьянъ, можно думать, что къ этому прибѣгаютъ всѣ дворы, имѣющіе болѣе 15 десятинъ земли, а такихъ, по всѣмъ изслѣдуемымъ уѣздамъ, найдется ни какъ не меньше 25% общаго числа четвертныхъ крестьянъ.

Поденьщина—работа трудная, тяжелая и неблагодарная. Съ поденьщика какъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ, такъ и у крестьянъ взыскивается строже, чѣмъ съ постояннаго, годоваго или лѣтняго работника; онъ долженъ первый приходить на работу и послѣдній забастовывать. Что же касается платы, то она въ различныхъ мѣстностяхъ излѣдуемаго района различна, и регулируется тѣми же самыми обстоятельствами, на которыя мы указывали, говоря о годовыхъ батракахъ. Въ частности, въ Дмитріевскомъ уѣздѣ за одинъ мужескій день весною, во время пахоты и бороньбы, платятъ 25 коп., въ покосъ—35—40 коп., за одинъ женскій--20 коп.; во время жатвы 1 мужескій день 30—40 коп. и женскій—25—35 коп.; на молотьбѣ - мужчинѣ платятъ по 25—35 коп., женщинѣ—15—20 коп. Харчи—свои во всѣхъ случаяхъ. Въ Льговскомъ уѣздѣ на сѣверѣ зимою подецьщикъ получаетъ 15—20 коп., весною - 25 коп., въ покосъ - 35—45 коп., на молотьбѣ—25 коп.; въ мѣстностяхъ же, прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ—зимою—20—30 коп., весною на пахотѣ - 25 - 30 коп., въ покосъ 40—50 коп., на молотьбѣ—25 – 30 коп. Въ Суджанскомъ уѣздѣ и Фатежскомъ уѣздѣ зимою поденьщикъ получаетъ по 12—20 коп., весною -20—25, въ покосъ—30—45 коп., во время молотьбы—25 коп. На сѣверо-востокѣ Фатежкаго уѣзда, въ с. Понырахъ и въ другихъ селеніяхъ, прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ (Московско-Курская), поденная плата нѣсколько выше, а именно: зимою доходитъ до 25 коп., весною--до 30 коп., въ покосъ—до 50 к., во время молотьбы осенью—до 30 коп.; точно также повышается поденная плата земледѣльческому поденьщику и около Суджи и Мирополья, на западѣ Суджанскаго уѣзда: весною тамъ платятъ поденьщину—20—28 к., въ косовицу—до 55 коп., во время жатвы—30 --40 к. Это—плата поденьщикамъ въ экономіяхъ, у помѣщиковъ; крестьяне же платятъ имъ меньше, потому что въ большинствѣ случаевъ поденьщики нанимаются къ нимъ „съ харчами“, т. е. съ тѣмъ условіемъ, чтобы столъ былъ отъ хозяина—нанимателя, тогда какъ, при наймѣ у помѣщика, харчи бываютъ у работника свои. За харчи дѣлается скидка 10—15 коп. съ обыкновенной нормальной цѣны рабочаго дня, какая существуетъ въ извѣстной мѣстности.

Въ поденьщину ходятъ не только одни взрослые мужчины и женщины, но также и мальчики—подростки (12—18 лѣтъ) и малые „дівчата“, въ особенности же въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть такая легкая работа, какъ напр,, полка „бураковъ“, огуречныхъ и арбузныхъ бахчей и т. д. Обыкновенная плата мальчикамъ и дівчатамъ—10 15, иногда 18 коп. въ день.

Съ батрачествомъ тѣсно граничитъ такъ называемая *косовица*, которая въ сущности и есть ничто иное, какъ отхожее, дальнее батрачество или поденьщина. На косовицу ходятъ: въ Ставропольскую, Таврическую, Херсонскую, Екатеринославскую губ., и даже на Кубань,—вообще „на Украйну“, какъ говорятъ у насъ. Подпимаются отсюда обыкновенно на Страстной недѣлѣ, чтобы поспѣть на мѣсто къ началу Ѳоминой недѣли, съ которой начинаются всѣ сельскія полевыя работы. Нѣкоторые за послѣднее время стали ѣздить туда по желѣзной дорогѣ, но эту роскошь позволяютъ себѣ лишь очень не многіе, большинство же отправляется туда, по старинному, пѣшкомъ; а такъ какъ каждому работнику приходится нести съ собою, во первыхъ, запасъ хлѣба на 10—15 дней, и потомъ еще топоръ и косу, со всей ея „снастью“, съ косьемъ и точильными лопатками, а также одну или двѣ пары бѣлья, что все вмѣстѣ составитъ порядочную таки тяжесть, фунтовъ около 22—25, то они подбираются обыкновенно артелями, человѣкъ 5—12 и запрягаютъ одну лошадь съ повозкой на всю артель. Повозка бываетъ всегда крытая кожей или дерюгой; въ нее складывается весь скарбъ, который несутъ съ собой отправляющіеся на косовицу, въ ней же находитъ себѣ пріютъ рабочій, если заболѣетъ въ пути. Сложивши вещи въ повозку, рабочіе идутъ всю „путину“ пѣшкомъ. Артель эта никогда не разбивается и ходитъ по заработкамъ, нанимается въ работу вся вмѣстѣ, и куда бы она ни пошла, вездѣ за нею тянется повозка со скарбомъ. Хозяинъ повозки и лошади получаетъ съ каждаго рабочаго по 3—5 руб. въ лѣто съ обратной путиной и по 2—3 руб. безъ нея. Выгоды большой ему, разумѣется, отъ этого нѣтъ, но и проигрываетъ онъ очень мало, потому что лошадь его все лѣто сыта, такъ какъ артель, поступая куда-нибудь на работу въ экономію договаривается при этомъ, чтобы пастбище для лошади было экономическое, а луга и пастбища въ тѣхъ мѣстахъ привольные, за скотину безпокоиться нечего, сыта будетъ. За лѣто лошадь обыкновенно такъ отгуляется на вольныхъ, степныхъ травахъ, что ее и не узнать. Пойдетъ туда „палошницей“, придетъ назадъ домой—„печь печью...“ Бѣднѣйшіе крестьяне даже и для вещей своихъ лошади не нанимаютъ, и на себѣ несутъ весь скарбъ свой до самаго мѣста; но и они также никогда не ходятъ въ одиночку, а тоже всегда артелями, человѣка по 3—4, потому что „со своими все таки охотнѣе, веселѣе.“ До Дона доходятъ въ 19 дней, до Таврической губерніи—въ 17, до Кубани—27 дней. На всю путину пѣшій рабочій издержитъ на себя р. 5—7.

Каждая артель рабочихъ имѣетъ у себя во главѣ человѣка опытнаго, бывалаго, который уже не разъ пробовалъ чужаго хлѣба—соли, не разъ хаживалъ на Украйну въ качествѣ косаря. Онъ ведетъ свою артель на мѣсто, уже ему давно извѣстное, куда-нибудь въ знакомую экономію, къ знакомому купцу или просто на рынокъ. Такими центральными рынками, куда сходятся рабочіе отовсюду, въ Симферопольской губерніи, напр., являются два пункта — Мелитополь и мѣстечко Михайловскъ. Здѣсь они нанимаются куда нибудь, въ помѣщичью экономію, или къ богатымъ крестьянамъ, для обработки яроваго; плата при этомъ поденная, по 40—50 коп. въ день. Кончится эта работа — косари наши вынимаютъ изъ своихъ сумокъ и „пещеровъ“ (плетеный лыковый сакъ-вояжъ) кто топоръ со стамеской, кто кирку съ каменьщицкой лопаточкой и нанимаются въ качествѣ плотниковъ, штукатуровъ, каменьщиковъ, кирпичниковъ въ экономіи, гдѣ въ это время обыкновенно производятся ремонтныя работы. Какъ только поспѣетъ трава, работы эти бросаютъ и берутся за косы. Косовица—самый главный, самый прибыльный заработокъ всѣхъ, отправляющихся на Украйну; если она не выручитъ—косарю приходится плохо, хоть безъ рубашки домой ворочайся. Обыкновенная средняя плата косарю во время покоса по 1 руб.—1 руб. 20 коп. въ день, но иногда, вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ силахъ, заработная плата повышается до 1 руб. 80 коп. и даже до 2—3 руб. При уборкѣ хлѣбовъ, (по всей „Украйнѣ“ хлѣба не жнутъ, а косятъ), цѣна рабочаго дня еще больше повышается. Мы лично знаемъ такого рода примѣръ: въ Екатеринославской губерніи, на югѣ Верхнеднѣпровскаго уѣзда, назадъ тому два года, платили въ сутки по 4 руб. 80 коп.—5 руб. Но это бываетъ рѣдко, очень рѣдко; въ такіе счастливые года рабочій ворочается домой съ деньгами и приноситъ иногда по 70—100 руб. чистыхъ денегъ, не считая проѣзднаго билета по желѣзной дорогѣ съ мѣста до самаго дома. Въ прежнее время, назадъ тому не болѣе 10 лѣтъ, такой заработокъ на косовицѣ считался обыкновеннымъ, но теперь, благодаря тому, что какъ помѣщики, такъ равно и богатые крестьяне тамошніе позавели въ своихъ хозяйствахъ „жатки“, т. е. жатвенныя машины, *) спросъ на рабочія руки значительно уменьшился; „гдѣ нужно было прежде 50 человѣкъ, тамъ теперь 10 человѣкъ справляются“ какъ отзываются и сами крестьяне. А между тѣмъ предложеніе рабочихъ рукъ увеличилось

---

*) Въ одномъ напримѣръ селѣ Буурчакѣ, Мелитопольскаго уѣзда, на 200 дворовъ государственныхъ крестьянъ 63 „жатки“ („американскія“, по 360 руб. за штуку и мѣстныя нѣмецкія—по 180—190 руб.), какъ сообщаютъ люди, изслѣдовавшіе Симферопольскую губернію. Вообще у тамошнихъ крестьянъ обнаруживается сильная тенденція къ машинамъ. „Соха здѣсь рѣдкость, читали мы въ одномъ частномъ письмѣ, о ней говорятъ со смѣхомъ. Пашутъ плугами. Много соломорѣзокъ, вѣялокъ, жатокъ, у крестьянъ есть даже молотильныя машины (паровыя и конныя)“. Такое явленіе замѣчается и въ Екатеринославской губ., см. „Сбор. статист. свѣд. по Екатеринославской губ.“ т. I, стр. 126—132.

въ громадной степени, потому что, если прежде ходили на косовицу въ Украйну изъ Черниговской, Полтавской, нашей Курской и Воронежской губерній, то теперь, прослышавши про выгодный заработокъ въ черноморскихъ степяхъ, гонимые нуждою и безхлѣбицей, потянулись туда же и Орловцы и Тамбовцы; даже Смоленская, Минская и Могилевская губерніи стали высылать туда излишекъ своихъ рабочихъ рукъ. Вслѣдствіе этого, чаще и чаще начинаютъ повторяться случаи, подобные тому, который былъ разсказалъ какъ-то прошлымъ лѣтомъ въ „Русск. Вѣдом." относительно 200 человѣкъ, отправившихся было изъ Орловской губерніи на косовицу. Работы они никакой не нашли и, прохарчивши деньги, взятыя ими изъ дому, принуждены были воротиться назадъ, питаясь на дорогѣ милостыней. Этотъ фактъ попалъ въ газеты и сдѣлался извѣстнымъ читающей публикѣ только случайно, а сколько ихъ не занесено въ наши газетныя и статистическія лѣтописи — объ этомъ одному Аллаху вѣдомо! Въ каждой деревнѣ, гдѣ только ходятъ на косовицу, вамъ могутъ разсказать по нѣскольку десятковъ такихъ печальныхъ исторій. Въ нынѣшнемъ, напр., 1884 года, много народа воротилось съ косовицы, не найдя нигдѣ работы, въ Фатежскомъ и Льговскомъ уу. Въ с. Конышевкѣ изъ 34 чел., ушедшихъ на косовицу, воротились 22 чел. Прошли они, какъ разсказываютъ, всю Екатеринославскую губ., были за Ростовомъ, даже въ Крыму, — но нигдѣ не могли отыскать работы; такъ и вернулись назадъ. Взяли съ собою изъ дома по 5—7 р. на брата и все истратили, когда шли туда, на обратномъ же пути питались Христовымъ именемъ.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, за послѣдніе 10 лѣтъ, изъ нашей Курской губерніи крестьяне стали уходить на косовицу въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ прежде. По Суджанскому уѣзду такое уменьшіе косарей отмѣчено нами въ селеніяхъ: Любостани, Леоновкѣ, Заложномъ, Ржавомъ, Мартыновкѣ, Будищахъ. Ивановкѣ; по Дмитріевскому—въ Приходьковой, Генеральшинѣ, Машкинѣ, Рыжковѣ, Злобинѣ; по Льговскому—въ Журавинкѣ, Роговой, Соглаевой, Старогатищѣ, Затолокинѣ, Малѣевкѣ, Орловкѣ, Левшинѣ, Ольшанкѣ, Конышевкѣ, Захарковой, Шустовѣ, Плотавѣ; по Фатежскому уѣзду—во всѣхъ селеніяхъ, занимающихся этимъ промысломъ.

Сами крестьяне объясняютъ это уменьшеніе двумя главными причинами: во первыхъ, тѣмъ, что южные землевладѣльцы понакупили теперь „жатокъ", которыя прекрасно замѣняютъ для нихъ ручной трудъ, а во вторыхъ, измельчаніемъ крестьянскихъ семей, которое, дѣйствительно, замѣчается вездѣ по изслѣдуемому нами району. Теперь, жалуются крестьяне, некому стало и ходить на косовицу, потому что, благодаря постояннымъ раздѣламъ, дворы до того обезсилѣли, что не въ состояніи отпустить хотя бы одного работника безъ видимаго ущерба для своего земельнаго хозяйства.

Въ частности, относительно, напр., Екатеринославской и Симферопольской губерніи, мы слыхали отъ крестьянъ (въ с. Конышевкѣ, Льговскаго уѣзда) такого рода отзывы: прежде тамъ работы было много для нашего брата, потому что помѣщиковъ было много, а теперь помѣщики пораспродали свои земли крестьянамъ, которые по большей части сами обработываютъ и убираютъ свой хлѣбъ, а въ наемномъ трудѣ не нуждаются. Любопытную также вещь передавали намъ въ с. Никольскомъ, Фатежскаго уѣзда. Ходили отсюда прежде на косовицу въ Черноморье, около Козіяра работали; жила тутъ какая-то „татарва" (sic!); землей татары эти сами не занимались, все обработывали по найму, а сами промышляли торговлей. Тогда выгодно было здѣшнимъ крестьянамъ ходить въ тѣ края, съ хорошими заработками ворочались. Теперь же, послѣ войны 1877—78 гг., татарва выселилась отсюда, а на мѣсто ея пришли болгары—народъ работящій, земледѣльческій, отъ сохи не отгонишь; работниковъ они не нанимаютъ, все сами обработываютъ; потому изъ Никольскаго и ходить туда перестали, а въ другое мѣсто идти не рискуютъ, потому что, по слухамъ, „вездѣ нонѣ заработки плохи стали."

Въ настоящее время на косовицу ходатъ:

въ Суджанскомъ уѣздѣ - - - -	2719	чел.
„ Фатежскомъ - - - - -	1736	„
„ Льговскомъ - - - - -	1040	„
„ Дмитріевскомъ - - - - -	535	„
А всего - -	6030	чел.

Изъ этой таблицы видно, что косовица, какъ промыселъ, распространена по уѣздамъ далеко неравномѣрно. Самое большее количество косарей—въ Суджанскомъ, самое меньшее въ Дмитріевскомъ уѣздѣ. Такое распредѣленіе косарей знаменательно. Самое большее количество ихъ оказывается въ такихъ уѣздахъ, которые, по качеству почвы и развитію земледѣлія, занимаютъ высшее мѣсто,—уѣздахъ Фатежскомъ и Суджанскомъ; minimum же ихъ приходится на неплодородный Дмитріевскій уѣздъ. Объясненіе этого явленія, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать въ разницѣ, какая заключается въ организаціи промышленности въ той и другой мѣстности. Суджанскій и Фатежскій уѣзды—по преимуществу земледѣльческіе; почва здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, и если крестьянинъ отсюда также пошелъ на сторонніе заработки, то это случилось такъ недавно, что онъ еще не успѣлъ сдѣлаться настоящимъ промышленникомъ, усвоить себѣ какую нибудь промышленную спеціальность, вродѣ плотничества, портняжества etc. Его промыслы гораздо меньше организованы, чѣмъ промыслы Дмитріевскаго крестьянина. Онъ ходитъ на чужую сторону не на промыселъ, въ собственномъ смыслѣ,

не въ качествѣ промышленника, потому что для этого требуется быть спеціалистомъ какого—нибудь дѣла, а просто въ качествѣ чернорабочаго, который съ умѣетъ „все сдѣлать" по хозяйству, но не знаетъ никакой спеціальности. Это не промыслы, въ буквальномъ смыслѣ слова, а только заработки. Дмитріевскій крестьянинъ представляетъ явленіе совершенно иного рода. Благодаря тому, что земля здѣсь далеко не такъ ласково относиться къ нему, какъ въ другихъ уѣздахъ, онъ уже давно пріучился къ тому, что бы добывать на покрытіе ежегоднаго дефицита, средства гдѣ—нибудь на сторонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, можетъ быть, печальнымъ опытомъ многихъ лѣтъ, убѣдился что такіе „заработки", какъ, напр., косовица,—вещь случайная, непрочная, ненадежная. Нынѣшній годъ воротился съ деньгами, а на слѣдующій—съ котомочкой. По этому онъ счелъ за лучшее освоиться съ какой—нибудь спеціальностью, такъ какъ она рѣдко обманываетъ и почти всегдадоставляетъ кусокъ хлѣба. Вотъ почему, здѣсь мы находимъ такъ много мастеровыхъ разнаго рода—каменьщиковъ, кирпичниковъ, плотниковъ etc., и очень мало такихъ, которые довольствуются одними „заработками", вродѣ косовицы.

Районъ распространенія этого промысла очень общиренъ. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ восточныя волости. Суджанскаго уѣзда—Бѣловскую, Уланковскую, Большесолдатченскую, Скороденскую, Благодатенскую и Черноолешанскую; восточныя волости Льговскаго уѣзда—Бобрикскую, Колпаковскую, Угонскую, Ольшанскую и захватываетъ часть Шустовской; касается отчасти восточныхъ волостей Дмитріевскаго уѣзда—Генеральшинской, Старобѣлицкой, и Кармановской и затѣмъ захватываетъ весь Фатежскій уѣздъ съ небольшими промежутками. Замѣчательно, что въ трехъ волостяхъ Фатежскаго уѣзда: Больше-Жировской, Миленинской и Хмѣлевской, находящихся какъ разъ на большой шоссейной Московско-Курской дорогѣ, промыселъ этотъ почти совсѣмъ отсутствуетъ и мѣсто его занимаетъ плотничество, наиболѣе распространенное въ этихъ волостяхъ изъ всего Фатежскаго уѣзда.

Обыкновенный срокъ работы на косовицѣ—4 мѣсяца, до окончанія жнитва. Но многіе остаются тамъ до конца рабочаго года и нанимаются въ экономіяхъ на молотьбу и обработку земли подъ озимое, получая поденно отъ 30—75 коп. въ сутки. Харчи какъ при уборкѣ травъ и хлѣбовъ, такъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ хозяйскіе. Кормятъ рабочихъ пшеничными сухарями, шамайкою и просяной похлебкой; изрѣдка даютъ молока и мясо. „Не русская ѣда! отзываются крестьяне: легко очень; нашему брату, рабочему человѣку, не подстать."

При сѣнокосѣ и уборкѣ хлѣба работаютъ иногда не за поденную плату, а сдѣльно: траву косятъ отъ 8—15 руб. за такъ называемый кругъ, равняющійся—4 дес. 400 саж. (100×100 саж.); что же касается хлѣба, то его убираютъ отъ десятины по 7—13 р. (скосить и связать). Нерѣдко

рабочіе, приходя на мѣсто, нанимаются прямо на мѣсяцъ, или на все лѣто. Особенно часто это бывало въ прежнее время, назадъ тому 5—7 лѣтъ; теперь такое обыкновеніе уже выводится. Но еще не далѣе, какъ въ 1879 г., изъ Бѣловской волости, Суджанскаго уѣзда, крестьяне цѣлыми массами поступали на украинскіе экономіи въ качествѣ полѣтчиковъ. Условія заключались или тамъ на мѣстѣ, или же здѣсь, при Бѣловскомъ волостномъ правленіи. Вотъ, напр., одинъ изъ договоровъ, какіе заключались между сторонами: крестьяне слободы Бѣлой—27 чел., с. Вшинева—21 и с. Озерокъ—12 чел. поступили въ экономію г-жи Апраксиной, въ мѣстечко Глафировку, Ростовскаго—на—Дону уѣзда, срокомъ съ 1-го мая по 26-е октября. Плата каждому рабочему—по 53 р., полурабочему—по 36 р., на экономическомъ содержаніи, за неявку кого—нибудь отвѣчаютъ всѣ круговой порукой—25 рублями за 1 человѣка; за прогулъ 3 руб. въ день; задатку дано работнику—10 р., полуработнику—6 р.; проѣздъ туда и обратно—на счетъ самихъ рабочихъ.

Въ этомъ случаѣ „косовица" сливается уже съ отхожимъ батрачествомъ, такъ что ихъ даже трудно отличить одно отъ другаго...

Всего за лѣто рабочій на косовицѣ заработаетъ отъ 50—80 рублей. Проѣздъ ему стоитъ туда и обратно, среднимъ числомъ около 15 р. стало быть у него остается чистой выручки отъ 35—65 руб. или среднимъ числомъ 50 р., которые онъ получаетъ за 4 мѣсяца работы. Если принять во вниманіе, что за этими 50 рублями рабочему приходиться тащиться иногда за 300—400 верстъ, и при томъ—оставлять свое собственное хозяйство въ самое горячее рабочее время безъ лишней пары рабочихъ рукъ, то заработокъ этотъ ничуть не покажется большимъ.—Всѣ вмѣстѣ 6030 косарей вырабатываютъ на косовицѣ около 301500 рублей.

Конопляно-пеньковое производство.

Сѣверной своею частію наша Курская губернія примыкаетъ къ конопляно-пеньковому району, обнимающему собою, кромѣ того, Калужскую, Орловскую и Тамбовскую губ. Въ этомъ райнѣ лежатъ всѣ 5 изслѣдуемыхъ нами уѣздовъ, за исключеніемъ южной половины Суджанскаго, населенной малороссами, которые вмѣсто конопли культивируютъ на своихъ усадьбахъ другія растенія, вродѣ рапса, табаку, подсолнуховъ etc. Отсюда пенька и конопля, передѣланная въ масло, идетъ за границу тѣми же двумя путями, которыми отправляютъ туда хлѣбъ разнаго рода: на Кёнигсбергъ—черезъ Кіевъ и на Ригу—черезъ Орелъ.

Въ настоящее время конопля сѣется только на крестьянскихъ земляхъ, помѣщики же считаютъ культуру ея для себя невыгодною, потому что обработка и уборка ее стоитъ очень дорого: прежде чѣмъ появиться на рынкѣ,

конопля, по словамъ крестьянъ, должна „побывать въ рукахъ 26 разъ", и при каждомъ „разѣ" помѣщику нужно было бы нанимать рабочихъ; при здѣшней дороговизнѣ рабочихъ рукъ, это обошлось бы несомнѣнно гораздо дороже, чѣмъ стоимость самой пеньки и конопли въ продажѣ. Крестьянинъ же работаетъ надъ нею самъ и затраченнаго труда не считаетъ, тѣмъ болѣе, что, для обработки конопли и пеньки, требуется, главнымъ образомъ, трудъ женскій, который въ глазахъ крестьянъ, разумѣется, не имѣетъ такой цѣнности, какъ трудъ мужчины. Прежде, при крѣпостномъ трудѣ, помѣщики здѣшняго края также занимались культурой конопли, наравнѣ съ крестьянами, и имѣли обширныя запашки конопли; тогда это было для нихъ очень выгодно, потому что обработка и уборка ея не стоила имъ никакихъ затратъ, такъ какъ производилась трудомъ барщинныхъ крестьянъ. Нѣкоторые владѣльцы вздумали было продолжать культуру конопли и послѣ освобожденія, посѣяли года 4, но потомъ должны были отказаться отъ нея, такъ какъ ничего, кромѣ убытковъ, отъ этого не получили. Съ тѣхъ поръ всѣ убѣдились, что культура конопли выгодна и возможна только въ мелкомъ хозяйствѣ, гдѣ отсутствуетъ наемный, капиталистическій трудъ, гдѣ обработка и уборка производится самимъ хозяиномъ и его семьей. Теперь эта культура окончательно демократизировалась и перешла въ руки крестьянъ.

Наибольшее количество конопли сѣется на земляхъ крестьянъ государственныхъ; собственники сѣютъ ее гораздо меньше. Это и понятно, въ виду того, что крестьяне государственные владѣютъ, въ общемъ итогѣ, большимъ количествомъ земли, чѣмъ крестьяне, бывшіе помѣщичьи. У первыхъ, какъ уже мы видѣли изъ предъидущаго отдѣла, на каждый надѣльный дворъ приходится 11,4 дес., у собственниковъ же всего 5,7 д., т. е. ровно вдвое меньше; при такомъ не равномъ количествѣ земли у той и другой категоріи крестьянъ, и коноплянники у нихъ, конечно, не могутъ быть равны. Крестьяне государственные, у которыхъ усадьба, въ среднемъ выводѣ по 5 уѣздамъ, равняется 0,75 дес. на каждую надѣльную семью, засѣваютъ коноплей по $^1/_2$ дес. на дворъ, тогда какъ собственники всего - по $^1/_4$ дес. Дарственники же сѣютъ еще того меньше, около 0,1 дес. на надѣльный дворъ.

Это средніе, отвлеченные выводы. Дѣйствительность представляетъ, разумѣется въ этомъ отношеніи массу колебаній и отклоненій въ сторону "меньше" и „больше". На сѣверѣ Фатежскаго уѣзда, по волостямъ Поныровской, Хмѣлевской и Смородинской, среди государственныхъ крестьянъ, высѣвается около 1 дес. на наличный надѣльный дворъ, а среди собственниковъ — $^1/_2$ дес. Эти три волости должны быть поставлены на первое мѣсто по развитію коноплянно-пеньковаго производства въ изслѣдуемомъ районѣ. За ними слѣдуютъ волости: Нужне-Реутская, Дмитріевская, Здобниковская, Миленинская,

Больше-Жировская—Фатежскаго уѣзда; на 1 надѣльный дворъ здѣсь высѣвается у крестьянъ государственныхъ около $^{3}/_{4}$ дес., у собственниковъ $^{3}/_{8}$ дес. Въ западной части уѣзда, на суглиноватой и сравнительно менѣе плодородной, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ уѣзда, почвѣ, конопли стали сѣять за последніе годы все меньше и меньше, такъ какъ она „обманывать ужъ больно зачала, не родитъ ничего, сѣмянъ не ворочаетъ.“ Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Горяиновской и Сергіевской волости (подъ села Горяинова, Заболотской, Бобровкѣ etc) культуру ея даже со всѣмъ бросили и стали прежніе коноплянники засѣвать рожью, овсомъ, или огородною овощью. Средній посѣвъ на одинъ дворъ здѣсь у государственныхъ крестьянъ—не болѣе 0,3 дес., у собственниковъ 0,1. Въ Курскомъ уѣздѣ конопля сѣется главнымъ образомъ на востокѣ, по лѣвую сторону теченія р. Тускари, въ волостяхъ Каменевской, Долговской, Троицкой, а также въ Колоденской, Муравлевской, Чермошанской; на западѣ же гораздо меньше. Затѣмъ идетъ Дмитріевскій уѣздъ, въ которомъ посѣвъ конопли по волостямъ, населеннымъ отхожими плотниками и каменьщиками, а также по торгово-промышленной Михайловской волости понижается до 0,3 дес. у государственныхъ крестьянъ и до 0,1 дес. у бывшихъ помѣщичьихъ, по другимъ же волостямъ уѣзда (Кармановская, Киликинская, Бычковская etc), въ которыхъ отхожіе промыслы совсѣмъ не развиты, на 1 дворъ конопли высѣвается, круглымъ счетомъ, до $^{5}/_{8}$ дес. у государстверныхъ и $^{1}/_{4}$ дес. у собственниковъ. Въ Льговскомъ уѣздѣ, за исключеніемъ волости Ивановской, въ которой почти вовсе не сѣютъ конопли, а также въ сѣверной части Суджанскаго уѣзда, населенной русскими, конопли высѣвается на каждый наличный надѣльный дворъ около $^{3}/_{8}$ дес. у государственныхъ крестьянъ и 0,2 дес. у помѣщичьихъ.

Конопля, какъ и всѣ вообще масличныя и прядильныя растенія, принадлежитъ къ категоріи растеній, сильно истощающихъ почву, требующихъ въ среднемъ около 1000 пуд. навоза на 1 дес. Безъ навоза она родиться совсѣмъ не будетъ даже на нашихъ здѣшнимъ курскихъ, сравнительно, жирныхъ и изобилующихъ органическими остатками, почвахъ.

Благодаря этому, запашки конопли по здѣшнимъ краямъ не только не увеличиваются съ теченіемъ времени, а скорѣе уменьшаются. Это подтверждается тѣми цифрами, какія мы приводимъ ниже насчетъ валоваго отпуска конопли изъ городовъ нашего района. Уменьшеніе запашекъ конопли произошло отъ двухъ главныхъ причинъ: 1) отъ уменьшенія абсолютнаго количества скота у крестьянъ и 2) отъ уменьшенія количества навоза, которое доставалось прежде на долю коноплянниковъ, такъ какъ здѣшнему крестьянину въ настоящее время приходится все усерднѣе и усерднѣе унаваживать свои поля, въ виду ихъ крайняго истощенія. Въ сѣверозападной части Фа-

тежскаго уѣзда, на богатой, черноземной почвѣ бассейна р. Свапы, въ Нижне-Реутской волости, назадъ тому 10—15 лѣтъ навоза въ поле совсѣмъ не вывозили и валили весь подъ коноплю; теперь же на конопляникъ валятъ только $^3/_4$ всего навоза, а $^1/_4$ принуждены отвозить на поля (с. Желень, Сучекъ и т. д.); вслѣдствіе чего, запашки конопли здѣсь значительно уменьшились. Тоже самое наблюдается и въ Долговской и Каменевской волости, Курскаго уѣзда, въ восточной части Дмитріевскаго и по нѣкоторымъ селеніямъ Льговскаго уѣзда. Относительно уменьшенія количества скота мы не имѣемъ никакихъ фактовъ и цифръ, кромѣ общихъ показаній самихъ крестьянъ, которые вездѣ жалуются на безкормицу и, сравнивая свое настоящее положеніе съ тѣмъ, что было лѣтъ 15—20 тому назадъ, единогласно и повсемѣстно констатируютъ уменьшеніе какъ мелкаго, такъ и крупнаго скота. Это же подтверждается и нѣкоторыми общими соображеніями статистическаго характера. Въ первой части нашего отдѣла мы уже упоминали о томъ, что здѣшніе крестьяне съ каждымъ годомъ увеличиваютъ свои запашки; это увеличеніе происходитъ главнымъ образомъ, насчетъ выгоновъ и покосныхъ земель: Изъ покосовъ въ настоящее время не распахано только то, что уже совершенно распахать было невозможно—болотины и заливные луга, такъ что, въ среднемъ, покоса осталось по 5 уѣздамъ очень немного, всего по 0,6 дес. на надѣльный дворъ. Съ этого количества болѣе 20 пудовъ сѣна не собирается въ годъ съ среднимъ урожаемъ. При такихъ условіяхъ крестьянину невозможно, разумѣется, прокормить большое количество скота, и онъ долженъ довольствоваться всего $2^1/_2$ гол. крупнаго скота на надѣльный дворъ, а отъ двухъ головъ, (лошади и коровы) навоза получается всего только 1000 пуд. (Сельско-хоз. календарь, Ѳ. А. Баталина)—количество котораго едва-едва хватитъ на слабое удобреніе 1 дес. озимаго и $^1/_4$ дес. конопляника. По здѣшнему району крестьяне кладутъ подъ конопли на 1 дес. до 1000 пудовъ.

Подъ коноплю пашутъ вездѣ 3 раза: первый—съ ранней весны, одновременно съ пашней подъ яровое, овесъ и ячмень; второй разъ—черезъ 2—3 недѣли; третій—подъ сѣвъ, спустя $1—1^1/_2$ недѣли. Сѣютъ на 1 дес. около 2-хъ мѣрокъ. Снимается среднимъ числомъ 15 копенъ; урожай зерна—самъ 4, среднимъ числомъ по всѣмъ уѣздамъ. Чистой пеньки (мятой) съ 1 дес. получался до 20 пуд., конопли—4 четв.; кромѣ того, замашки, т. е. неоплодотворенной, холостой, безсѣмянной пеньки, снимается съ каждой десятины отъ 3—5 пуд. „Замашку" выщипываютъ въ концѣ іюля или началѣ августа, когда конопля отцвѣтетъ и сѣмя начнетъ наливаться. Въ это время стебли замашки бурѣютъ, тогда какъ вся остальная конопля остается ярко-зеленой. По этому замашку легко бываетъ отличить отъ конопли даже для непривычнаго глаза. Замашка бываетъ двухъ родовъ: *моченикъ* и *стланка*. Ее сортируютъ такимъ образомъ: когда послѣ мѣсячной мочки

въ копаняхъ, ее вынутъ изъ воды, то оказывается обыкновенно, что часть ея недомокла", жестка на ощупь и волокно въ ней не отдѣляется отъ кострики. Такую замашку отбираютъ и стелютъ по землѣ, гдѣ-нибудь по низинѣ, въ долу; лежитъ она здѣсь не меньше мѣсяца и только тогда ее снимаютъ и мнутъ, какъ и „моченникъ". На 3 пуда замашки стланки бываетъ обыкновенно около 3/4 пуда. Употребляютъ ее только на веревки, больше она никуда негодится, потому что очень жестка и „костериста". Изъ нея вьютъ веревки для домашняго употребленія (безъ всякихъ инструментовъ—въ ручную), или же продаютъ ее скупщикамъ, по 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. за пудъ. Лучшій сортъ замашки, моченникъ не продается никогда, онъ весь идетъ для домашняго обихода—на рубашки, порты, сарафаны; изъ него же изготовляютъ рушники, скатерти и разныя ткани для приданаго дочерямъ. Коноплю для этого совсѣмъ не употребляютъ; она вся цѣликомъ поступаетъ на продажу.

Работы надъ коноплей пропасть, и вся она, за исключеніемъ пахоты и бороньбы, производится женщинами. Убираютъ ее, выщипываютъ, съ Успеньева дня до 1-го сентября; снопы сначала ставятся въ козлы крестами тутъ же на полосѣ, гдѣ и оставляютъ отъ 3—14 дней,—до тѣхъ поръ, пока она не просохнетъ затѣмъ ее молотятъ на току („сырмолотомъ" прямо, не просушивая въ овинахъ) и потомъ зерно убираютъ, а стебли кладутъ въ „копани"—ямы, наполненныя водой, которыя роются, по большей части, на берегу рѣкъ и ручьевъ.

Къ слову замѣтить, копани эти у государственныхъ крестьянъ составляютъ наслѣдственную, родовую собственность, которою владѣетъ каждый родъ особо. Такъ какъ за послѣднее время роды у насъ измельчали и передѣлились, то иная копань, въ 5—7 арш. длиною и 2 арш. шириною, составляетъ собственность 10—15 дворовъ. Въ с. Понырахъ всего 230 копаней —на 790 дворовъ. Отъ этого происходитъ много неудовольствій среди „свойственниковъ", потому что разомъ въ одну копань всѣмъ положить свою коноплю невозможно, а по очереди—не поспѣть, такъ какъ сезонъ мочки очень не великъ—maximum 2 1/2 мѣсяца; стало быть, вымочить свою коноплю поспѣютъ всего 2—3 двора, не больше. Хорошо, если по рѣчкѣ есть еще мѣсто, что-бы рыть новыя копани; тогда дворы отдѣлившіеся отступаются отъ старой дѣдовской и отцовской копани и роютъ себѣ другія. Но сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что копать новыя ямы по рѣкѣ негдѣ; тогда приходится возить коноплю для мочки въ сосѣднія деревни, къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, и платить имъ по 10—12 к. съ 1 копны (52 снопа, или около 1 1/2 пуда пеньки). Возить ее приходится иногда верстъ за 5—7.

Копанями во всѣмъ районѣ такъ дорожатъ, что ихъ включаютъ даже въ раздѣльные и завѣщательные акты, наравнѣ съ постройками и землею.—Бывшіе помѣщичьи крестьяне, владѣющіе землею на общинномъ правѣ, владѣютъ

копанями, по большей части, на принципѣ „складничества“—по 3—4 двора вмѣстѣ. Роютъ они копань всѣ вмѣстѣ соединеннымъ трудомъ, и всѣ же вмѣстѣ пользуются ею, на правахъ равныхъ „братовъ“. Коноплю для мочки кладутъ въ копань всѣ разомъ въ одно время; имъ это дѣлать тѣмъ удобнѣе, что они вообще сѣютъ конопли гораздо въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ крестьяне государственные. Нѣкоторые собственники, имѣющіе незначительную собственную запашку конопли, тѣмъ не менѣе имѣютъ очень большія копани, которыя они роютъ спеціально для „припуска“ государственныхъ крестьянъ, нуждающихся въ копаняхъ, взимая съ нихъ за это указанную плату.

Въ копаняхъ конопля остается отъ 2-хъ недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ, иногда до самой зимы; въ теченіе этого времени ее постоянно переворачиваютъ,—дней черезъ 5—6, что-бы лучше вымокла. Затѣмъ, когда конопля уже совершенно „очухается“, и „прядево“, т. е. волокно, станетъ свободно отставать отъ кострики, ее вынимаютъ изъ копаней и ставятъ до весны въ небольшія копенки на улицѣ, или на огородѣ. Весною, когда мужики станутъ овесъ сѣять, бабы начинаютъ мять ее и затѣмъ связываютъ въ пучки по 1 пуду вѣсомъ,—„ручене̂къ“ по 30—40 вмѣстѣ (каждый снопъ—„ручен̂ька“).

Сѣмя конопляное распредѣляется такимъ образомъ: одна часть остается для домашняго употребленія въ чистомъ видѣ, другая—передѣлывается въ масло тоже для домашняго обихода и третья, наконецъ, идетъ на продажу. При коноплянникѣ средней величины (³/8 дес.) у себя оставляютъ около 2 мѣрокъ, въ масло сбиваютъ 4 мѣрки *), что составитъ около 30 фунт. масла и наконецъ продаютъ около 5—7 мѣрокъ. Продаютъ сѣмя, по большей части, скупщикамъ, которые ѣздятъ каждую осень по деревнямъ; скупщиками этими, являются крестьяне и городскіе мѣщане, имѣющія свои маслобойныя заведенія. Скупаютъ они сѣмя по 6—7 руб. четверть и потомъ, сбивши его въ масло, продаютъ послѣднее, по 6 р. за пудъ, Курскому купцу Воробьеву, и нѣкоторымъ скупщикамъ, живущимъ въ г. Фатежѣ, которые уже препровождаютъ его въ Кёнигсбергъ и Ригу для отправки за границу. Скупщики деревенскіе, по словамъ крестьянъ, появились очень недавно, всего 10—15 лѣтъ, а прежде крестьяне сами ѣздили въ городъ продавать свое сѣмя и масло, сами непосредственно вѣдались съ купцами, которые вели торговлю конопляными продуктами. Маслобойни деревенскія тогда не играли такой важной роли въ конопляномъ производствѣ, не носили торговаго оттѣнка, а были чисто—промышленными заведеніями съ ремесленнымъ характеромъ; владѣльцы ихъ, точно также какъ и мельники, или крупорушники, ограничивались тѣмъ, что брали сдѣльную плату съ каждой мѣрки конопляного сѣмени, которая проходила черезъ ихъ руки. Теперь же и они „полѣзли въ купцы“, какъ отзываются

*) За сбиваніе масла платятъ по 8—10 коп. съ мѣрки.

крестьяне, и такъ какъ они получаютъ довольно солидную премію отъ своего оборота, то большинство изъ нихъ живутъ богато, „въ свое удовольствіе“.

Всѣхъ маслобойныхъ заведеній зарегистрировано по переписи 1882—83 г. во всѣхъ пяти уѣздахъ—1019. Описывать подробно ихъ механическое устройство здѣсь мы не считаемъ нужнымъ, такъ какъ это уже было сдѣлано въ I т. нашихъ статистическихъ сборниковъ (32 - 33 стр.) Величина годоваго заработка нашего маслобойщика—отъ 50—100 руб. при одной работѣ на заказъ, и отъ 150—300 и даже до 500 руб., при переработкѣ скупленнаго сѣмени. Одной только работой на заказъ безъ скупки, ограничиваются не болѣе 10% всѣхъ маслобойщиковъ (по преимуществу въ Льговскомъ и Суджанскомъ уѣздѣ). Вообще же, среднимъ числомъ, годовой доходъ нашего маслобойщика слѣдуетъ положить въ 200 руб., такъ что годовой доходъ всѣхъ маслобойщиковъ по пяти уѣздамъ будетъ равнятся 203800 рублей.

Назадъ тому лѣтъ 15—20, пеньку, какъ и коноплю и масло сбиваемое изъ нея, крестьяне сами отвозили въ городъ для продажи тамошнимъ купцамъ, но теперь имъ этого дѣлать не нужно, потому что изъ городовъ по веснѣ наѣзжаетъ цѣлая уйма—скупщиковъ „изъ рукъ рвутъ пеньку-то, только подавай“. Скупщики эти двухъ родовъ: одни—свои деревенскіе, изъ мѣстныхъ зажиточныхъ крестьянъ, другіе—городскіе прикащики, отряжаемые купцами—владѣльцами трепальныхъ заведеній гг. Орла, Малоархангельска, Глухова, Льгова, Дмитріева, Фатежа и Щигровъ. Крестьяне—скупщики скупаютъ обыкновенно отъ 2000 -4000 п. пеньки каждую весну и отвозятъ ее въ городъ, на тѣ же трепальныя купеческія заведенія. Скупка продолжается обыкновенно около 3 мѣсяцевъ съ конца апрѣля и до начала іюля. Прикащики, которыхъ купцы посылаютъ для скупки пеньки по деревнямъ, получаютъ за это время по 90—100 р., при хозяйскихъ лошадяхъ. Продовольствіе они получаютъ отъ той же пеньки которую они скупаютъ: купитъ онъ у мужика пуда 2—3 пеньки, набавитъ въ цѣнѣ „гривну“ на 2-хъ пудахъ, на хозяйскій коштъ, и выговоритъ себѣ пятокъ или десятокъ яицъ за это, кусочекъ ветчинки,—ну и сытъ цѣлый день. Цѣна пеньки на мѣстѣ, въ деревняхъ, колеблется обыкновенно между 2 р. 70 к. и 3 р. 60 к. за пудъ. Съ каждымъ годомъ пенька все дорожаетъ и дорожаетъ: въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія пудъ пеньки покупался съ крестьянской доставкой въ городъ за 1 р. ассигн.; въ 30-хъ годахъ—1 р. 20 к.; въ 1865 г. 1 пудъ стоитъ на мѣстѣ 1 р. 65 к.; въ 1880 г.—2 р. 10 к., въ 1883 г.—2 р. 40 к.; въ нынѣшнемъ году цѣна доходила до 3 р. 60 к., а на слѣдующій, въ виду неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ, полагаютъ, что дойдетъ до 3 р. 80 к., даже до 4 р. Въ настоящее время даже „первясло“ *),

*) „Первясло“—это веревка изъ конопли, которою перевязываютъ конопляные снопы при выдергиваніи конопли. Изъ такихъ крученныхъ конопляныхъ веревокъ составляется особый сортъ пеньки, наз. „первясло“.

никуда больше негодное, какъ на веревки, продается по 1 р. 20—50 коп. Даже суволока, *) самый низшій сортъ пеньки, и тотъ продается по 60—90 коп. за пудъ.

Общую сумму годоваго производства конопли и пеньки въ изслѣдуемомъ районѣ исчислить можно такимъ образомъ: государственные крестьяне засѣваютъ коноплю на каждый дворъ въ среднемъ около 1/2 дес. земли, собственники и водворенные на собственныхъ земляхъ—около 1/4 дес., дарственные крестьяне—0,1 дес., крестьянъ первой категоріи 52418 дворовъ, второй 28944 **), третьей 2987, стало быть, коноплею засѣвается:

у крестьянъ государственныхъ - - - - -	26209 дес.
„ собственниковъ - - - - - - -	7236 „
„ дарственниковъ - - - - - - -	298,7 „
Всего - -	33743,7 д.

Если положить, что съ каждой дес. сбирается среднимъ числомъ 4 четв. конопли (сѣмянъ), за исключеніемъ посѣва, и 20 пудовъ пеньки, то со всего указаннаго количества десятинъ можно, стало быть, собрать 134974,8 четв. конопли и 674874 пуд. пеньки. Четверть конопли стоитъ въ продажѣ на мѣстѣ 7 рублей, пудъ пеньки, положимъ, въ среднемъ,—3 рубля. Итого, стало быть, крестьяне получаютъ:

отъ конопли - - - - - - -	944823,6 руб.
„ пеньки - - - - - - -	2024622 „
Всего -	2969445,6 руб.

Это общій итогъ годоваго производства. Если же отсюда исключить стоимость мѣрокъ конопли, которыя идутъ на разныя домашнія потребности (на забѣлку щей, масло etc.), то получится, стало быть, 2530830,8 руб. чистаго ежегоднаго дохода, получаемаго крестьянами съ своихъ коноплянниковъ, если не считать стоимости ихъ обработки и уборки.

Хотя, какъ мы уже выше отмѣтили, производство конопли съ каждымъ годомъ падаетъ, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ коноплянникъ составляетъ одну изъ самыхъ выгодныхъ и доходныхъ статей въ бюджетѣ крестьянина здѣшняго района. Это показываетъ и этимъ, главнымъ образомъ, объясняется доро-

*) Послѣ снятія конопли на полосѣ остаются тонкіе небольшіе стебельки, которые потомъ свозятся бороной къ одному мѣсту. Изъ этихъ стеблей получается особый сортъ пеньки—суволока, который идетъ только на веревки.

**) Въ Суджанскомъ уѣздѣ крестьяне помѣщичьи всѣ изъ малороссовъ и конопли не сѣютъ, или сѣютъ исключительно для домашняго употребленія; поэтому они у насъ не вошли совсѣмъ въ это число.

говизна крестьянскихъ усадебныхъ земель почти по всему изслѣдуемому району. Средняя продажная стоимость 1 дес. пахотной земли у государственныхъ крестьянъ въ Понырахъ, напр., Фатежскаго уѣзда, равняется 91,9 руб. (см. наши статист. сборники по этому уѣзду), тогда какъ десятина усадьбы стоитъ здѣсь 300—250 р.; *) до этой же цифры доходитъ стоимость усадебной земли въ Нижне-Реутской, Гниловодской (Хмѣлевской) и Смородинской вол., гдѣ наиболѣе развита культура конопли и гдѣ подъ коноплянники издавна уже запахана значительная часть полей. Годовой доходъ крестьянина съ коноплянника составляетъ почти 1/3 общаго дохода, получаемаго имъ со всѣхъ статей своего хозяйства. Тѣмъ не менѣе даже въ самомъ центрѣ нашего пеньково-конопляннаго района, въ Фатежскомъ уѣздѣ, волостныя правленія какъ бы игнорируютъ эту культуру и въ своихъ „вѣдомостяхъ“, которыя они прежде ежегодно представляли (а, можетъ быть, и теперь представляютъ) уѣздному земству относительно „урожаевъ разныхъ произрастаній и хлѣбовъ“ по волости, никогда ни единымъ словомъ не заикались о коноплѣ, какъ будто бы и на свѣтѣ ея совсѣмъ не существуетъ. Мы лично переглядѣли массу такихъ „вѣдомостей“ и ни гдѣ не нашли даже и намека на коноплю. Такая халатность со стороны волостныхъ правленій къ этому вопросу болѣе чѣмъ удивительна.

Трепальныя заведенія, куда поступаетъ скупленная отъ крестьянъ пенька, находятся только въ городахъ и такомъ большомъ торгово-промышленномъ центрѣ, какова, слобода Михайловка, Дмитріевскаго уѣзда. Всего

---

*) Такая высокая продажная стоимость усадебной земли едва было не послужила, въ с. Понырахъ, тормазомъ для кореннаго передѣла земли по живымъ, наличнымъ душамъ. Крестьяне здѣсь уже давно надумали этотъ передѣлъ; еще 1½ года назадъ поднялась рѣчь объ этомъ на селѣ. Но ихъ смущалъ одинъ фактъ. Дѣло въ томъ, что отсюда, изъ с. Поныровъ, лѣтъ 20—30 тому назадъ, много семей ушли на Украйну: тамъ поселились на арендованныхъ земляхъ, живутъ и домой, въ Поныры, совсѣмъ не показываются. Тѣмъ не менѣе они не переселились туда совершенно, а живутъ тамъ по паспортамъ. Теперь общество поставлено въ затрудненіе, не знаетъ—давать имъ землю при передѣлѣ, или нѣтъ. Большинство стоитъ за то, чтобы не давать, потому что, хотя надѣлъ земельный остался за ними, но усадьбы свои они попродали навѣчно; а теперь имъ придется нарѣзать землю,—и не только пахотную—это бы еще куда ни шло, но и, какъ думаютъ крестьяне, усадебную, такъ какъ передѣлъ предполагается произвести „по всѣмъ статьямъ“ и уровнять не только одну полевую землю, но и всѣ другія угодья. „Денежки получилъ, говорятъ крестьяне про такихъ сходцевъ, а потомъ ему опять дай землю; онъ и опять ее продастъ, а самъ уйдетъ назадъ,—какой же резонъ нарѣзать ему землю теперь?“ Но непремѣнный членъ Фатежскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія настаиваетъ на томъ, чтобы дать имъ землю наряду съ прочими крестьянами, мотивируя это тѣмъ, что „души ихъ вѣдь не отчислены отъ общества здѣшняго.“ Идетъ изъ—за этого теперь въ обществѣ канитель большая. Канитель эта осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обществѣ есть 9 человѣкъ подкустниковъ, т. е. незаконнорожденныхъ. По мнѣнію большинства они землю не должны получить, но многіе изъ разумныхъ крестьянъ стоятъ за нихъ и говорятъ, что „они вѣдь такіе же крестьяне, какъ и другіе,“ и требуютъ для нихъ выдѣла земли наравнѣ съ другими. Чѣмъ кончится дѣло—неизвѣстно. Что земля будетъ подѣлена по новымъ душамъ—это не сомнѣнно, но получатъ-ли надѣлъ подкустники и сходцы—сомнительно....

трепальныхъ заведеній въ изслѣдуемомъ нами районѣ 34. По городамъ они распредѣляются такимъ образомъ:

въ Фатежѣ	23	[1]
„ Дмитріевѣ	3	[2]
„ Льговѣ	4	[3]
„ Михайловкѣ	4	[4]
Всего	34	трепальни.

Трепальня, по своему наружному виду, очень похожа на корпусъ торговыхъ, ярмарочныхъ деревянныхъ лавокъ, гдѣ продаютъ красный и мелочный товаръ; только переднія отверстія—„окна"—въ трепальняхъ нѣсколько поуже и поменьше, чѣмъ у торговыхъ лавокъ. Такихъ отверстій обыкновенно бываетъ въ рядъ отъ 5—40 штукъ. По своему устройству, трепальня представляетъ длинный и довольно широкій сарай съ землянымъ поломъ. Каменныя трепальни устраиваются, по большей части, въ два этажа. У каждаго окна становиться одинъ рабочій, правой стороной къ свѣту; передъ нимъ стоитъ большая дубовая кадка, куда падаетъ кострика отъ пеньки, въ то время когда совершается процессъ трепанія. Устройство трепальни стоитъ очень дешево: деревянная—бревенчатая на 20 рабочихъ обходиться всего—500 р., на 10 рабочихъ—300 рублей.

Всѣхъ рабочихъ на нашихъ трепальняхъ обыкновенно бываетъ до 700 человѣкъ ежегодно. Контингентъ ихъ рекрутируется, главнымъ образомъ, изъ городскихъ мѣщанъ и крестьянъ ближайшихъ къ городу селеній. Трепачей изъ крестьянъ, по тремъ уѣздамъ изслѣдуемаго района, какъ значится по нашимъ сборникамъ, всего 367 человѣка; по Льговскому уѣзду ихъ считается 68 человѣкъ, по Фатежскому 161, по Дмитріевскому 90 человѣкъ. Мѣщанъ, стало быть, и разныхъ городскихъ обывателей на трепальняхъ ежегодно бываетъ—въ Льговскомъ уѣздѣ—82, Фатежскомъ—191 и Дмитріевскомъ—85 человѣкъ.

---

[1]) Имена владѣльцевъ: Петръ Дан. Аттестатовъ, Алексѣй Яковл. Ледовской, Вас. Вас. Ивановъ, Ив. Егор. Басовъ, Пав. Никол. Щербаковъ, Илья Ѳедор. Пахомовъ, Ив. Ив. Битюковъ, Григор. Петр. Хвалендишевъ, Егоръ Ив. Чаплыгинъ, Андрей Сав. Антиповъ. Мих. Ѳед. Прокоповъ, Егоръ Ив. Прокоповъ, Вас. Мих. Чаплыгинъ, Яковъ Андріановичъ Лактіоновъ, Вас. Як. Золотухинъ, Григорій Сем. Костинъ, Григорій Ив. Глѣбовъ, Вас. Ѳом. Черновъ, Конст. Ив. Выскребенцовъ, Никол. Александр. Выскребенцовъ, Матвѣй Ив. Скорняковъ, Ив. Андр. Золотухинъ. Изъ нихъ—12 человѣкъ имѣютъ трепальни каменныя, 4—плетневыя „глинобитныя" и 7 человѣкъ—деревянныя, бревенчатыя. Всѣхъ рабочихъ на 23 трепальняхъ, бываетъ обыкновенно до 400 человѣкъ.

[2]) Владѣльцы: Морозовъ, Хоботовъ и Каменскій. Рабочихъ всѣхъ около 100 человѣкъ.

[3]) Имена владѣльцевъ: Григоровъ, Астаховъ, Мантульниковъ и другой Астаховъ. 2 трепальни—каменныя и 2 деревянныя. Рабочихъ всѣхъ до 150 чиловѣкъ.

[4]) Владѣльцы: Мих. Петр. Миняевъ, Ал. Ѳед. Шарановъ, Козьма Никит. Шарановъ и Алекс. Александ. Кочергинъ. Всѣ деревянныя. Рабочихъ около 75 человѣкъ.

Прежде много трепачей приходило изъ города Сухиничей (Калужской губерніи) и его пригороднихъ слободъ, но теперь собственной голыдьбы стало много, и она вытѣсняетъ захожихъ трепачей, и сама становится на ихъ мѣсто. Изъ Сухиничей впрочемъ трепачи ходятъ сюда и до сихъ поръ,— не много только: въ нынѣшнемъ, напр., году—въ Фатежскихъ трепальняхъ было всего 48 сухиничанъ; остальные всѣ свои. Сухиничскіе трепачи считаются лучшими изъ всѣхъ, за ними утвердилась уже давняя извѣстность, какъ за спеціалистами этого дѣла. Они могутъ сработать въ день гораздо больше, чѣмъ здѣшніе трепачи, по 3—4 пуда—вытрепываютъ; да и работа ихъ гораздо чище и лучше, чѣмъ работа трепачей домашнихъ.

Плату трепачи получаютъ сдѣльно, съ пуда стрепанной пеньки—25 к. Въ день 1 рабочій средней руки можетъ, при 12—14 часовой работѣ, вытрепать отъ 2—3 пудовъ. Пища своя. Рабочіе городскіе и изъ ближнихъ деревень ночевать ходятъ домой, тамъ и ужинаютъ и завтракаютъ, а обѣдъ приносятъ съ собою. Рабочіе же, пришедшіе изъ дальнихъ деревень и изъ Калужской губерніи, соединяются въ артели, выбираютъ изъ своей среды артельщика, который и закупаетъ еженедѣльно на базарѣ ржаной муки, гречневой крупы, пшена, капусты и др. необходимыхъ припасовъ для продовольствія артели. Для изготовленія кушанья артель нанимаетъ гдѣ—нибудь по близости „хозяйку“, которая варитъ имъ обѣды и хлѣбы печетъ; платятъ такой хозяйкѣ обыкновенно по 1 рублю въ мѣсяцъ съ человѣка. Считая въ мѣсяцѣ 24 рабочихъ дня и принимая въ среднемъ дневной заработокъ трепача въ $62^1/_2$ коп., найдемъ, что каждый рабочій выработаетъ въ мѣсяцъ около 15 р. При городской дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, такая сумма вовсе не такъ велика, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Если работникъ не городской и не изъ пригородной слободы, то онъ долженъ „въ артель“ давать еженедѣльно 2 р. 25 к.,—всего 10 руб. 12 коп. въ мѣсяцъ, да кромѣ того еще рубль въ мѣсяцъ хозяйкѣ,—всего, стало быть, рабочій долженъ издержать въ мѣсяцъ 11 р. 12 коп.; остается у него, за покрытіемъ издержекъ, чистаго заработка 3 р. 88 к.—Рабочій сезонъ продолжается обыкновенно около 4-хъ мѣсяцевъ, съ мая и до августа включительно. Нѣкоторые трепальни работаютъ, правда, и круглый годъ съ весны до весны, но такихъ заведеній по изслѣдуемому нами району всего только 3: два въ г. Фатежѣ и 1 въ Дмитріевѣ. Большинство же въ концѣ августа забастовываетъ свою работу.

Ночуютъ рабочіе или въ тѣхъ же самихъ помѣщеніяхъ, которыя служатъ трепальнями, среди пыли и грязи, которыхъ здѣсь накапливается обыкновенно цѣлая масса, или же подъ особеннымъ, простымъ плетневымъ навѣсомъ, плохо защищеннымъ отъ непогоды, на постоянномъ сквозномъ вѣтру.

Работать приходится рабочимъ безъ рубашки, потому что въ нихъ жарко и пыли очень много набивается за день, „тѣло щекочетъ, чешется очень". Трепанье—работа въ высшей степени тяжелая, утомительная, потому что приходиться постоянно качаться, наклонять свое тѣло и при томъ съ значительнымъ напряженіемъ мускуловъ. Въ каждомъ пудѣ—30 горстей и каждую горсть нужно трепать, т. е. бить трепломъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи 10 минутъ и ударить разъ 40—60, чтобы окончательно отдѣлить волокно отъ кострики; отрепавши горсть, нужно ее еще, кромѣ того, расчесать на щети желѣзномъ гребнѣ,—чтобы волокно къ волокну лежало ровно и гладко. Кромѣ трепла, у трепача имѣется еще широкій ножъ, чипель,—которымъ время отъ времени при работѣ очищаютъ пеньку отъ кострики; передъ каждымъ трепачемъ, какъ мы уже упоминали выше, стоитъ кадка, въ которую летитъ кострика. Всѣ инструменты хозяйскіе; дѣлаются они мѣстными бондарями и кузнецами; общая стоимость ихъ—3 руб. 40 коп.

Изъ 12 пудовъ сырой пеньки, купленной у крестьянъ, получается послѣ трепанья 10 пуд. чистой хорошей пеньки и $1^1/_2$ пуда оческовъ—пакли, которая продается здѣшнимъ веревочникамъ (о нихъ будемъ говорить особо), по 75 коп. за пудъ; затѣмъ остается еще около $1^1/_2$ пуда кострики, которую у насъ употребляютъ на топливо.

Каждая трепальня—среднимъ числомъ, съ 25 чел. рабочихъ—передѣлываетъ въ годъ около 10 тыс. пудовъ пеньки. Если положить продажную цѣну по 3 руб. за пудъ, то найдемъ, что владѣлецъ каждой трепальни перекупитъ каждый годъ пеньки на 30 тыс. рубл. Чистой вытрепанной пеньки изъ 10 тыс. пудовъ сырья выходитъ около 8333 пуд.; трепаную пеньку продаютъ по 3 р. 80—4 р. 20 коп., стало быть, каждый владѣлецъ трепальни выручитъ за чистую пеньку отъ $31^1/_2$—34 тыс. рубл. сер. Всѣ же тридцать пять трепальныхъ заведеній перекупятъ мятой, сырой пеньки около 350 тыс. и продадутъ чистой, трепаной пеньки 291,655 пуд., на сумму 1,224,951 рубль въ годъ.

Съ трепалень пенька сбывается пріѣзжающимъ сюда прикащикамъ извѣстныхъ нашихъ пеньковыхъ тузовъ, купцовъ орловскихъ—Булаткина, Пинеты, Файна, Митчеля и Леветана,*) которые ведутъ заграничную торговлю съ Англіею и Франціею. Первые пять отправляютъ пеньку въ Орелъ въ растрепанномъ видѣ и прессуютъ ее для отправки за границу уже тамъ, въ Орлѣ, а послѣдній, т. е. Леветанъ, завелъ даже здѣсь (15 лѣтъ назадъ) въ Льговѣ и Фатежѣ свои прессовальни, черезъ которыя проходитъ ежегодно

*) Покупаютъ также пеньку съ трепальныхъ заведеній курскіе купцы—Заксъ, Бузанскій и т. д., но въ очень незначительномъ количествѣ да и, кромѣ того, они, кажется, не ведутъ самостоятельной заграничной торговли пенькою, а скупаютъ ее для Леветана и Булаткина.

около 150 тыс. пуд. пеньки, т. е., почти половина всего количества, которое поступаетъ на здѣшнія трепальни. Работа на прессовальняхъ постоянная — и лѣто и зиму. При прессѣ — 6 — 7 чел. рабочихъ; платятъ имъ по 12—15 коп. съ бунта. И харчи, и квартира у рабочихъ свои. Въ день они сработаютъ до 20 бунтовъ, а если не полѣнятся, то и 25 сдѣлаютъ, при 10—12 часовой работѣ; каждый бунтъ — 15 пуд. вѣсомъ. Стало быть, на каждаго работника-прессовальщика приходится въ день, среднимъ числомъ, около 56 пуд., и за это онъ получаетъ 45—48 коп. Годовой же заработокъ каждаго опредѣляется, такимъ образомъ, въ 108—111 руб. 20 коп. (при 240 рабочихъ дняхъ).

Кромѣ этихъ двухъ постоянныхъ прессоваленъ, въ Фатежѣ, Дмитріевѣ и Льговѣ, иногда по веснѣ пріѣзжаютъ съ прессами и со всею снастью прикащики Булаткина, Митчеля и Шперлинга. Они нанимаютъ себѣ здѣсь квартиру и живутъ мѣсяцъ или полтора, занимаясь скупкою пеньки съ трепальныхъ заведеній и ея прессованіемъ.

Прессованная пенька, съ обѣихъ конторъ Леветана, отправляется на Кёнигсбергъ — черезъ Орелъ и Москву, а Булаткинъ и Шперлингъ отправляютъ ее на Ригу по Курско-Московской желѣзной дорогѣ.

Перевозкой пеньки съ трепальныхъ заведеній и конторъ на вокзалы желѣзной дороги занимаются крестьяне ближайшихъ къ городу деревень, получая на этомъ порядочный заработокъ. Изъ г. Фатежа пенька идетъ до Курска (42 версты) — если она направляется въ Кёнигсбергъ, или до станціи Поныровъ — если она идетъ на Ригу. Плата провозная, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, одинаковая, потому что въ разстояніи нѣтъ никакой разницы. Зимою до Курска и Поныровъ съ пуда платятъ по 5—6 к., весною и осенью — 7—8 коп., лѣтомъ въ рабочее время — 9 коп. Нѣкоторые отправляютъ скупленную пеньку на лошадяхъ прямо до г. Орла, съ платою по 11—12 коп. съ пуда въ зимнее время; лѣтомъ же извозчиковъ, которые бы взялись бы доставить туда кладь, и найти невозможно. Изъ слоб. Михайловки и Дмитріева пеньку отправляютъ или въ Орелъ, или Курскъ, изъ Льгова — на ближайшую станцію Курско-Кіевской желѣзной дороги, того же наименованія.

По общему признанію управляющихъ прессовальными конторами и владѣльцевъ трепальныхъ заведеній, отпускъ пеньки изъ здѣшняго района за послѣднее время значительно сократился. По г. Фатежу, напр., въ 1880 г. было отпущено до 200,000 пуд. трепаной пеньки, въ 1883 г. — 150 тыс. пуд., а въ нынѣшнемъ 1884 г. всего только 100,000 пудовъ. Такое же уменьшеніе замѣчается и по другимъ городамъ нашего района. Объясняется такое явленіе просто тѣмъ обстоятельствомъ, что конопля за послѣдніе годы

родиться стала хуже, „обманывать зачала", какъ образно объясняютъ крестьяне. Особенно сильное пониженіе урожаевъ конопли стало замѣчаться съ 1876 г.; а въ послѣдніе два года 1883—4 она и совсѣмъ почти неуродилась, благодаря засухѣ и „мошкарѣ", которая уничтожила ее при самомъ всходѣ. Этимъ же главнымъ образомъ объясняется и страшное возрастаніе цѣнъ на коноплю за послѣднее время. Это-же даетъ ключъ къ уразумѣнію, того страннаго явленія, что Фатежскій уѣздъ, одинъ изъ лучшихъ и плодороднѣйшихъ уѣздовъ Курской губ., сталъ давать за послѣдніе годы такой высокій % промышленниковъ отхожихъ и мѣстныхъ.

Табачная культура.

Табачная промышленность оффиціально стала извѣстна у насъ въ губерніи съ 1839 года, т. е. со времени обнародованія положенія о торговлѣ отъ 31-го марта 1838 года Возникновеніе же этой культуры съ Курской губерніи слѣдуетъ отнести къ половинѣ или концу прошлаго столѣтія, какъ говорятъ объ этомъ сами же крестьяне. Обычай сѣять табакъ проникъ въ югозападные уѣзды изъ Малороссіи, изъ сосѣднихъ губерній: Харьковской, Полтавской и Черниговской. Не нужно забывать, что 1/4 населенія въ нашей губерніи составляютъ „черкасы" малороссы, поселенные здѣсь въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (Сумской полкъ). Живя въ близкомъ сосѣдствѣ съ „черкасами" Полтавскими и Харьковскими, отдѣленные отъ нихъ только одной казенной „границей" они, естественно не прерывали съ ними искони существовавшихъ сношеній и всегда больше „тянули" къ нимъ, чѣмъ къ москалямъ-сѣверянамъ. Чумачество, составлявшее вплоть до начала 60-хъ годовъ одинъ изъ главнѣйшихъ промысловъ малороссійскаго населенія, также соединяло ихъ и заставляло жить въ дружбѣ и согласіи. Когда въ прошломъ столѣтіи появились табачныя плантаціи у „черкасовъ", на сѣверныхъ окраинахъ Полтавской и Харьковской губ., то и наши курскіе хохлы стали пробовать разводить табакъ у себя на огородахъ. Оказалось—можно, климатическія условія вполнѣ благопріятствовали этому, особенно въ южной части губерніи. Сначала наши курскіе малороссы (Суджанскаго и Рыльскаго уѣздовъ) разводили табакъ только для своего домашняго употребленія, но вскорѣ начали производить его и на продажу; въ концѣ же концовъ, нѣкоторыя деревни стали исключительно „жить табакомъ," обративши большую часть своихъ усадебъ и полей подъ табачныя плантаціи. Въ 1838 г. табачная промышленность, при самомъ своемъ возникновеніи, была отдана въ вѣдѣніе Курской казенной палаты; въ 1860 г. она была причислена къ такъ называемому, „малороссійскому табачному округу;" въ 1862 г. она снова перешла въ вѣдѣніе Курской казенной палаты; съ 1-го января, 1865 года, была присоединена къ акцизно-питейной промышленности. До 1847 года никакихъ положительныхъ свѣдѣній о состояніи табачной

промышленности въ нашей губерніи не имѣется; неизвѣстно, сколько было въ то время табачныхъ плантацій, фабрикъ и сколько дохода получалось казной отъ этой „спеціальной культуры.“ Въ 1847 году мы застаемъ въ Курской губерніи одну большую табачную фабрику и 23 „домашнихъ табачныхъ заведеній“. Въ этихъ послѣднихъ „заведеніяхъ“ русскій листовой табакъ, получаемый съ плантацій, сортировался и крошился, или же выдѣлывался въ нюхательный 4-го и 5-го сорта; на фабрикѣ же, кромѣ крошки и выдѣлки табаку, производились также и сигары низшаго сорта. Доходъ казны отъ табачной промышленности по Курской губерніи простирался въ то время до 180 р. Въ 1850 году въ губерніи было уже двѣ табачныя фабрики и 22 домашнихъ табачныхъ заведенія; въ 1858 году—три фабрики и 218 лавочекъ, спеціально занимающихся продажей выдѣланнаго, готоваго табаку; въ 1859 году—4 фабрики и 221 лавочка, въ 1863 году—5 фабрикъ и 440 лавочекъ и т. д. *)

До 1860 года табачная культура существовала только въ трехъ уѣздахъ: Путивльскомъ, Дмитріевскомъ и Суджанскомъ (Мирополье). Въ 1860 году въ Путивльскомъ уѣздѣ было засѣяно табакомъ 12 дес., въ Дмитріевскомъ—12 дес., въ Суджанскомъ уѣздѣ—197 дес. Сѣяли его тогда только одни государственные крестьяне (душевые и четвертные); помѣщичьимъ же некогда было и подумать объ этомъ. Но со времени освобожденія табакъ проникъ и въ другіе южные уѣзды нашей губерніи: Бѣлгородскій, Корочанскій, Старооскольскій, Новооскольскій и Грайворонскій, и притомъ, главнымъ образомъ, въ среду крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ; государственные же продолжали по прежнему культивировать коноплю, гречу, пшеницу, фасоль, лукъ, подсолнухи и др. растенія, къ которымъ привыкли изстари, „изъ предківъ“. Но хотя табачная культура развилась по всему югу Курской губерніи, тѣмъ не менѣе и послѣ 1860 года, до сихъ поръ центромъ табачнаго производства всей нашей губерніи остался Суджанскій уѣздъ, съ г. Миропольемъ во главѣ. Здѣсь, въ этомъ небольшомъ (9616 душъ обоего пола крестьянъ государственныхъ и около 500 душъ мѣщанъ) городкѣ, еще 80 лѣтъ назадъ, при Александрѣ I, уволенномъ „въ за штатъ“ и причисленномъ къ Суджанскому уѣзду, издавна нашла себѣ пріютъ табачная культура, перенесенная сюда изъ сосѣдняго Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Три—четыре года назадъ, всѣ усадьбы и даже значительная часть полей—всѣ ближнія „засельныя“ полосы здѣсь засѣвались табакомъ. За послѣднее время, по показаніямъ людей свѣдущихъ, коротко знакомыхъ съ этимъ

---

*) Труды Губ. Стат. Комитета за 1866 г. „Матеріалы для статистики табачнаго производства“, А. Островскаго.

дѣломъ, табаку разводилось здѣсь, въ количественномъ отношеніи, пожалуй, ни чуть не меньше, чѣмъ въ г. Ромнахъ, который славится у насъ своими табачными плантаціями на всю Россію; только качественно здѣшній табакъ стоялъ гораздо ниже Роменскаго. Сколько именно всего высѣвалось табаку въ Мирополья—опредѣлить довольно мудрено, тѣмъ болѣе, что и книги старыя, въ которыхъ вписывался ежегодный отпускъ табаку, увезены были прежнимъ акцизнымъ надзирателемъ, Тарасьевымъ, въ Симферополь, куда онъ уѣхалъ на службу. На сколько можно полагаться въ этомъ случаѣ на слова крестьянъ, въ Миропольѣ засѣвали табаку отъ 400—500 дес. и съ нихъ ежегодно снималось отъ 64—80 тыс. пуд. сушенаго табаку, годнаго для продажи (по 160 пуд. съ дес., среднимъ числомъ).

Правда, табакъ этотъ былъ простой, „мужицкій"—извѣстная махорка: тѣмъ не менѣе, онъ доставлялъ крестьянамъ громадныя выгоды, потому что цѣна на него стояла довольно высокая: въ 1861 г. онъ продовался на мѣстѣ и на ярмаркахъ по 1 руб. 60 коп.—за пудъ, въ 1864 г.—по 2 рубля за пудъ, въ 1870 году—по 2 рубля 50 коп., въ 1880 года его продавали по 4 р. съ гривной, а въ 1881 г. дошло даже и до 5 руб. за пудъ. Сообразно съ этимъ, были высоки здѣсь и цѣны на усадебную землю; въ продажѣ 1 дес. стоила 300—280 р., въ годовой арендѣ ходила по 35—45 р. Продавать табакъ ѣздили въ Курскъ, Орелъ, Острогорскъ, Ромны, и здѣсь продавали прямо съ воза на ярмаркахъ и базарахъ, или же сдавали въ городскіе табачные магазины (Калфогло, Дурунча и т. д.) и деревенскія бакалейныя и мелочныя лавочки. При довольно высокой цѣнѣ на табакъ и близкихъ рынковъ для сбыта, крестьяне имѣли порядочный барышъ, и если не благоденствовали вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, были сыты... Общее количество наличныхъ дворовъ въ Миропольѣ въ настоящее время 1870.—Всѣ они засѣвали табакомъ среднимъ числомъ около 450 дес.; каждая десятина давала 160 пудовъ сушенаго табаку. Если расчитать по цѣнѣ послѣднихъ лѣтъ—4 руб. за пудъ, то выйдетъ, что годовое производство всѣхъ домохозяевъ равнялось приблизительно 228,000 руб., а ежегодная выручка каждаго домохозяйства отъ табаку равнялась 228000: 1870= 154,1 рубля. Не даромъ крестьяне отзываются, что они кормились и жили прежде исключительно однимъ табакомъ.

Но все это теперь миновало. Съ изданіемъ извѣстнаго послѣдняго положенія относительно табачной торговли (1882 г.), дѣло разведенія табака въ Миропольѣ совершенно рухнуло. По этому положенію, крестьяне не могутъ отвозить табакъ и продавать его куда нибудь на сторону, а должны непремѣнно продавать его на мѣстѣ, въ учрежденныхъ для этого складахъ. При этомъ цѣны устанавливаются не свободной конкурренціей и спросомъ на табакъ, а

просто произволомъ монополистовъ—содержателей складовъ. Въ настоящее время въ Миропольѣ 4 склада изъ которыхъ одинъ содержится мѣщаниномъ Шевченко, а три остальныхъ разбогатѣвшимъ мѣстными крестьянами П. Барановымъ, Дан. Михайличенко и Лопаткинымъ. Складчики даютъ за табакъ крайне низкую цѣну: по 50—60 коп. за пудъ, т. е. въ 8—10 разъ дешевле, чѣмъ это было прежде, при свободной продажѣ табаку; а въ прошлую осень, подъ конецъ, они сдѣлали стачку и стали выдавать продавцамъ крестьянамъ даже по 40 коп. за пудъ. „А ежели не хотите сдавать табакъ по этой цѣнѣ—говорили они обижавшимся на это крестьянамъ,—везите его куда угодно; мы васъ не притѣсняемъ, дѣло ваше“. Но куда, спрашивается, повезетъ крестьянинъ свой табакъ, и есть-ли ему какая возможность сдѣлать это, если продажа табаку въ мѣстныхъ складахъ сдѣлано для всѣхъ производителей обязательною?. Есть, впрочемъ, одно условіе, которое исключаетъ эту обязательность; но это условіе слишкомъ тяжело для нашего крестьянина, что бы онъ могъ имъ воспользоваться. Оно заключается въ томъ, чтобы оплатить акцизъ со всего табаку на мѣстѣ по 1 руб. 60 коп. съ пуда; если бы это возможно было сдѣлать крестьянину, то онъ могъ бы везти свой табакъ куда угодно на сторону и продавать его въ розницу и оптомъ, и на ярмаркахъ, и на базарахъ. Но, повторяемъ, это слишкомъ тяжело, даже прямо невозможно для крестьянина, у котораго наличный капиталъ, обыкновенно, такъ незначителенъ, что его сплошь да рядомъ не хватаетъ на покупку полупуда муки, 2—3 фунтовъ соли. При настоящихъ условіяхъ, разведеніе табака не приноситъ почти никакой выгоды крестьянамъ; поэтому, само собой разумѣется, они должны были необходимо бросить его. Гораздо прибыльнѣе оказывается, въ настоящее время, на огородахъ и усадьбахъ сѣять рожь или пшеницу, потому что земля здѣсь прекрасная и въ хорошіе годы родитъ самъ 8—9. Прошло всего только два года со времени выхода послѣдняго положенія, и результаты его обнаружились со всей ясностью. На огородахъ и усадьбахъ города Мирополья вмѣсто табаку, зацвѣли теперь подсолнухи, появились въ незначительномъ количествѣ кукуруза, картофель, а нѣкоторые хозяева стали засѣвать свои усадьбы даже прямой дикой, травянистой, однолѣтней акаціей, которая употребляется здѣсь въ качествѣ вѣниковъ, для метенья половъ въ хатахъ. Даже и это находятъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ воздѣлывать табакъ при указанныхъ условіяхъ. Изрѣдка только кое-гдѣ встрѣчаются теперь, на ближнихъ задворныхъ огородахъ, 2—3 грядки, засѣянныя табакомъ, да и это дѣлается только по традиціи и при томъ исключительно для домашняго употребленія, а не для продажи.

Когда рухнуло табачное производство, крестьяне принялись за промыслы, такъ какъ культура однихъ только хлѣбныхъ растеній, не смотря на прекрас-

ныя качества здѣшней почвы, очевидно, не могла прокормить наличное количество населенія. Одни изъ крестьянъ пошли на Донъ, въ Черноморье въ „матросы“, слѣдуя примѣру сосѣднихъ селеній, с. Великой-Рыбицы и д. Гарналя, изъ которыхъ большая часть крестьянъ, въ лѣтнюю пору, уходятъ обыкновенно въ Ростовъ и поступаютъ тамъ на торговыя суда каботажнаго Черноморскаго плаванія. Другія пристали къ мѣстнымъ кустарямъ и завели свои мастерскія, или нанялись въ работники къ богачамъ. Въ настоящее время кустарными производствами въ городѣ Миропольѣ занято до 1200 человѣкъ, тогда какъ 2—3 года тому назадъ, кустарей-промышленниковъ насчитывалось не болѣе 800 человѣкъ.

Во всѣхъ мѣстахъ Курской губерніи табакъ сѣется одинаковаго качества—панская амафорка, въ просторѣчіи „махорка“, т. е. табакъ аммерфортскій. Въ послѣдніе годы предъ освобожденіемъ нѣкоторые помѣщики нашихъ южныхъ уѣздовъ развели было у себя плантаціи „виргинки“, или виргинскаго табаку—сортъ, нѣсколько высшій, чѣмъ махорка, но съ освобожденіемъ, кажется, всѣ бросили это дѣло.

Пашутъ подъ табакъ два раза, какъ и подъ озимое; затѣмъ послѣ разсадки табачной разсады, въ то время, какъ табакъ прорастаетъ, но еще „не забралъ силу“, продираютъ землю „сапачками“ (желѣзный крючекъ, насаженный на ручку), чтобы бурьяномъ ее не затянуло. Затѣмъ, когда на стебляхъ табачныхъ начнетъ показываться завязь и цвѣточки, ихъ „пасынкуютъ“, т. е. обрываютъ эти цвѣточки, такъ какъ въ противномъ случаѣ табакъ будетъ рости въ сѣмя, а плантатору нужно, чтобы онъ росъ исключительно въ листья, чтобы эти послѣднія были возможно „жарны“ и широки. Нѣсколько корней, правда, на каждой плантаціи оставляютъ безъ „пасынкованія“, для сѣмянъ, такъ что въ табачномъ районѣ, вслѣдствіе этого, каждый домъ имѣетъ собственныя сѣмяна для посѣва; для этого достаточно „запустить“ 5—6 корней, не больше, такъ какъ съ 20 корней получается обыкновенно около гарнца, которымъ можно обсѣменить 15—20 дес. Для полученія разсады сѣмена сажаютъ въ мокрую землю и держатъ въ корытѣ или ящикѣ въ жилой избѣ, или банѣ. Сажать начинаютъ какъ только минетъ опасность морозовъ, около весенняго Николы (9 мая). Собирать табакъ начинаютъ съ перваго Спаса (1-го августа). Листья тотчасъ же при этомъ нанизываются на мочалу или бичевку и кладутся на землю для „провяливанія“, дня на 3—4. Потомъ ихъ вѣшаютъ въ сараѣ, на плетнѣ, подъ коникомъ, или въ задней свѣтлицѣ-клѣти, гдѣ бы только не было ни вѣтра, ни солнца. Табакъ виситъ въ такомъ положеніи около 2—3 недѣль и высыхаетъ окончательно.

Огородничество и садоводство.

Огородничество и садоводство распространены по преимуществу въ южныхъ уѣздахъ нашей Курской губ.—Грайворонскомъ, Бѣлгородскомъ и Корочанскомъ. Тамъ есть цѣлыя селенія, цѣлые районы даже, которые заняты исключительно садоводствомъ (Хотмыжскъ, съ прилегающими къ нему слободами, Тростянецъ и др.), или огородничествомъ (луковичныя плантаціи въ Стригунахъ, извѣстныя на всемъ югѣ). Здѣсь же въ описываемомъ нами районѣ нигдѣ подобнаго явленія не встрѣчается. Если и существуютъ здѣсь огородныя „бахчи"—преимущественно огуречныя, то они разводятся только въ большихъ промышленно-торговыхъ селеніяхъ, каковы, наприм., слоб. Михайловка, Мирополье, Поныры, и близь городовъ, гдѣ возможенъ легкій сбытъ для этого рода продуктовъ, да и здѣсь практикуется это въ крайне незначительныхъ размѣрахъ.

Въ нашихъ сборникахъ зарегистрировано по 5 уѣздамъ всего 9 огородниковъ, и изъ этого незначительнаго числа только 5 мѣстныхъ, занимающихся у себя дома на огородѣ разведеніемъ огуречныхъ бахчей; другіе же 4 огородника отхожіе, т. е. служащіе по найму на господскихъ экономіяхъ и по городамъ. Послѣдніе служатъ обыкновенно помѣсячно, жалованье получаютъ въ мѣсяцъ по 10—12 р; работаютъ въ продолженіи 5-ти мѣсяцевъ. Годовой заработокъ каждаго, при хозяйскихъ харчахъ и квартирѣ—50—60 руб.—Мѣстные огородники сѣмена для своихъ бахчей берутъ или на ярмаркахъ и базарахъ мѣстныхъ, куда ихъ привозятъ изъ Курска и Бѣлгорода, или же въ городахъ на торгу. Бахчевники обработываютъ свои огороды сами, изрѣдка для полки нанимаютъ поденьщика, дня на 2—3. Изъ деревень пригороднихъ огурцы вывозятъ продавать въ городѣ по праздничнымъ и базарнымъ днямъ, а въ такихъ большихъ центрахъ, какъ Поныры и Мирополье, продаютъ ихъ на мѣстѣ. Цѣна огурцамъ бываетъ различная, смотря по урожаю; иногда продаютъ по 7—10 коп. мѣра (четверикъ), иногда по 20—25 коп., даже до 30—40 коп. доходитъ. Одна десятина подъ огородной бахчей даетъ въ урожайный годъ 60—80 р. Бѣда только въ томъ, что урожаи—то эти бываютъ очень рѣдко; въ три года огурцы родятся порядочно, по замѣчанію крестьянъ, только одинъ разъ. Каждый огородникъ засѣваетъ огурцами не болѣе 1/2 десятины, стало быть въ годъ онъ выручитъ никакъ не больше 40 руб. Общій же годовой заработокъ мѣстныхъ нашихъ огородниковъ, при среднемъ урожаѣ равняется 200 руб.; заработокъ отхожихъ—220 руб.

Садоводство крестьянское въ изслѣдуемомъ нами районѣ также незначительно, какъ и огородничество.

Собственныхъ садовъ у крестьянъ очень немного; всего 36 (мѣстные садоводы). Разводятъ въ нихъ крестьяне яблони—опортъ, лимонное, наливъ бѣлый, титовку, путивку, смоленское крапчатое, леденецъ, сахарное, кармазинъ, крымское, райское и антоновку; груши—дулю польскую и безсѣмянку. Встрѣчаются по временамъ вишни, простыя и испанскія, и черешня, а также крыжовникъ и смородина. Садоводство очень плохо прививается въ нашемъ районѣ, вслѣдствіе отсутствія элементарныхъ знаній по садоводству и вслѣдствіе того, что разведенный садъ требуетъ тщательнаго ухода и приноситъ доходъ далеко не каждый годъ, а только черезъ три—четыре года. Сады крестьянскіе занимаютъ, въ среднемъ, обыкновенно не болѣе ½ десятины, такъ что въ урожайный годъ садъ приноситъ хозяину около 75 руб. чистаго дохода.

Отхожіе садовники (14 чел.) служатъ по найму въ помѣщичьихъ экономіяхъ; получаютъ по 10—12 руб. въ мѣсяцъ. Годовой заработокъ каждаго—50—60 руб.; харчи и квартира хозяйскіе. Впрочемъ, въ изслѣдуемомъ нами районѣ помѣщики очень рѣдко сами занимаются своими садами, по большей части они ихъ сдаютъ. Съемщиками являются въ данномъ случаѣ мѣщане, или тѣ же „посторонніе", живущіе въ деревняхъ, но не приписанные къ крестьянскому обществу, о которыхъ мы уже говорили въ предъидущемъ отдѣлѣ. За 1 дес. сада они платятъ обыкновенно, въ среднемъ, около 150 р. аренды въ годъ и получаютъ иногда до 200% чистаго барыша. Арендуютъ садъ обыкновенно на 1 годъ. Снятые плоды они или прямо и не посредственно продаютъ въ фруктовые городскіе погреба, или же развозятъ ихъ по деревнямъ, вымѣнивая на рожь и овесъ. Для примѣра разскажу одинъ фактъ. Въ нынѣшнемъ году одинъ такой „посторонній" въ д. Любимовкѣ, Петръ Егоровъ, который вотъ уже нѣсколько лѣтъ, изъ году въ годъ, занимается съемкою садовъ у помѣщиковъ, снялъ садъ въ д. Рипинкѣ, Холчинской волости, Фатежскаго уѣзда, у г-жи Шатохиной, за 145 руб. (около 1 дес.). Получено было имъ съ этого сада антоновки—110 пуд., которые онъ и продалъ на мѣстѣ скупщику, мѣщанину г. Фатежа Петру Масленникову, по 1 р. 40 к. за пудъ,—всего на 154 руб. Остальные яблоки и груши онъ развозилъ по мелкимъ базарамъ и по деревнямъ и мѣнялъ на хлѣбъ. Дѣлалось это начиная съ Преображеньева дня до 10 сентября. Ѣздилъ онъ на двухъ подводахъ. Намѣнялъ всего 100 пуд. ржи, которая и была продана здѣсь, въ Курскѣ, по 65 коп., всего на сумму 65 руб.

Садоводы изъ крестьянъ, имѣющіе собственные сады, сбываютъ продукты своихъ садовъ такимъ же способомъ, путемъ мѣны на хлѣбъ, или продаютъ прямо скупщикамъ, наѣзжающимъ сюда изъ Курска, Орла и Харькова.

Лошадные промыслы.

а) *Извозъ.*

По собственному дѣленію крестьянъ извозъ бываетъ тяжелый, „ломовой“ и „легковой“. Первый здѣсь вездѣ, по всему изслѣдуемому району, является только въ качествѣ мѣстнаго промысла, второй же бываетъ и мѣстный, и отхожій. Мѣстные легковые извозчики зарегистрированы главнымъ образомъ въ селеніяхъ, лежащихъ близь вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ и по большимъ, трактовымъ дорогамъ. Они возятъ только однихъ пассажировъ, конкуррируя въ этомъ случаѣ съ правительственною и земскою почтою. И эта конкурренція бываетъ иногда такъ успѣшна, что ямщики, взявшіе на откупъ правительственную почту, принуждены бываютъ жаловаться начальству на этихъ стороннихъ возчиковъ, которые отбиваютъ у нихъ пассажировъ. По этому поводу на нѣкоторыхъ вокзалахъ (какъ напр. въ Кореневѣ, Рыльскаго уѣзда) вывѣшено объявленіе, запрещающее стороннимъ возчикамъ принимать пассажировъ съ вокзала, такъ какъ не это-де есть казенная почта. У каждаго такого „сторонняго“ частнаго возчика есть непремѣнно телѣжка на рессорахъ и саночки для зимы со спинкою и тормозами; немудрено поэтому, что пассажиры сплошь да рядомъ предпочитаютъ частныхъ возчиковъ казеннымъ, съ ихъ неуклюжими „почтовыми“ телѣгами, похожими скорѣе на Ноевъ ковчегъ, чѣмъ на экипажъ для проѣзжающихъ, тѣмъ болѣе, что частный возчикъ, дерущій при иныхъ условіяхъ втридорога,—въ виду конкурренціи съ казенною ямщиною, спускаетъ плату до minimum'а. Насколько выгоденъ этотъ промыселъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: въ с. Поныряхъ занимаются легковымъ пассажирскимъ извозомъ 6 дворовъ. Извозчики здѣшніе возятъ съ Поныровскаго вокзала пассажировъ по двумъ направленіямъ— въ Фатежъ (45 верстъ) и Малоархангельскъ (14 верстъ). До Фатежа берутъ, при хорошей дорогѣ, $1\frac{1}{2}$—2 р., при плохой $3\frac{1}{2}$—$4\frac{1}{2}$ р., до Малоархангельска, при плохой дорогѣ, 2—$2\frac{1}{2}$ р., при хорошей—1—1 р. 20 к. Ѣздить приходится каждый день, иногда даже по 2 раза; при чемъ нерѣдко случается, что и въ обратный путь извозчики найдутъ сѣдоковъ. Ѣздятъ на парахъ. Дневной заработокъ отъ пары лошадей, круглый годъ, никакъ не меньше 2—4 р. 50 к. Ѣздятъ весь годъ не переставая; исключеніе составляютъ только большіе двунадесятые праздники; а чтобы не смучить лошадей, ихъ еженедѣльно мѣняютъ: одну недѣлю одна пара ходитъ, а на слѣдующую—другая пойдетъ. Всего въ теченіе года ѣздить приходится около 320 дней. Если положить, въ среднемъ, дневной заработокъ 2 руб. 50 коп., то выйдетъ, что въ годъ такой возчикъ добудетъ на двѣ лошади 1050 руб. Основной капиталъ (4 лошади, телѣжка и саночки)—700 р.; на его погашеніе ежегодно тратится не меньше 230 руб.; оборотный капиталъ извозчика (сѣно

и овесъ для лошадей, деготь etc.) до 300 р.; стало быть, у него отъ года останется чистой прибыли 520 руб., при 4-хъ лошадяхъ, по 130 руб. на каждую. Въ другихъ мѣстностяхъ изслѣдуемаго района, разумѣется, заработокъ этотъ колеблется то вверхъ, то внизъ. Такъ напр. въ Курскомъ уѣздѣ, въ селеніяхъ привокзальныхъ, онъ понижается до 2 р. въ день или до 640 руб. въ годъ валоваго дохода, („прокормится еле можно"); въ Кореневѣ же онъ повышается до 3 руб. и даже до 3 руб. 25 коп.; такъ что въ среднемъ заработокъ мѣстнаго легкового привокзальнаго извощика можно положить въ 2 руб. 25 коп. Заработокъ сельскаго легкового извозчика, который возитъ пассажировъ не постоянно, а „когда навернется", разумѣется, гораздо меньше, чѣмъ заработокъ у извощиковъ привокзальныхъ. Объясняется это просто тѣмъ, что въ селѣ, хотя бы и большомъ, но удаленномъ отъ желѣзной дороги, пассажировъ бываетъ очень мало. Правда, извощики сельскіе такого рода всегда почти группируются въ крупныхъ и промышленныхъ центрахъ, вродѣ Мирополья, Михайловки etc, но вѣдь и въ этихъ селеніяхъ „проѣздъ", очень невеликъ, такъ что средній годовой заработокъ такихъ извощиковъ очень незначителенъ,—не болѣе 75—100 руб., за вычетомъ издержекъ на погашеніе основнаго капитала и на кормъ лошадей.—Если теперь взять средній нормальный заработокъ легковаго мѣстнаго извощика среднимъ числомъ въ 150 р., то найдемъ, что всѣ мѣстные легковые извощики разсматриваемаго нами района получаютъ въ годъ, среднимъ числомъ, 200 × 152 = 30,400 руб. чистаго заработка.

Извощики легковые отхожіе находятся по преимуществу въ Курскомъ уѣздѣ (87% общаго количества). Они уѣзжаютъ въ города, и промышляютъ здѣсь, въ качествѣ „ваньковъ", или весь круглый годъ (если въ семьѣ есть еще другіе работники), или же только одну зиму, ворочаясь на рабочую пору къ себѣ домой, въ деревню. У „ваньковъ" есть сани и рессорные дрожки (фаэтонъ), если они остаются въ городѣ и на лѣто. Сани городскаго извощика стоятъ около 200 руб., лошадь—50—70 р. Въ городахъ, гдѣ улицы мощены дробнымъ камнемъ, лошадь „сбивается съ ногъ" въ 1—1½ года; это значитъ, что отслуживши извощику столько времени она отбиваетъ себѣ ноги, „въ колѣняхъ слаба дѣлается", такъ что ее приходится продавать за безцѣнокъ, проигрывая при этомъ отъ 35—40 руб., и обзаводиться новою, другою лошадью. Въ городахъ, гдѣ мостовыхъ каменныхъ нѣтъ, лошадь „ходитъ" въ теченіи 2½—3 лѣтъ. Многіе занимаются этимъ промысломъ постоянно и держатъ даже небольшія артели наемныхъ рабочихъ въ 2—4 человѣка, изъ которыхъ каждый ѣздитъ на особомъ фаэтонѣ. Каждый фаэтонъ зарабатываетъ—8—9 рублей среднимъ числомъ, а иногда и 12 и даже 15 руб.

„Въ одинъ конецъ“ берутъ по 10—20 коп., а въ глухую ночь по 25—50 к. Извощики—годовики ѣздятъ въ теченіи года, среднимъ числомъ, 340 дней; „зимники“—120 дней. Годовая выручка первыхъ по всѣмъ пяти уѣздамъ, за исключеніемъ % на погашеніе основнаго капитала и всѣхъ вообще издержекъ 25480, выручка зимниковъ 10140. Легковые извощики, какъ той, такъ и другой категоріи живутъ очень зажиточно, сравнительно съ остальной массой населенія. У нихъ въ дому есть непремѣнно самоварчикъ, что считается здѣсь вообще большою рѣдкостью; на дворѣ у нихъ по 4—5 головъ крупнаго скота и до десятка мелкаго; въ долги они не входятъ, одѣваются чистенько, стараясь въ этомъ отношеніи подражать городскимъ мѣщанамъ. Вообще живутъ состоятельно. Грамотность въ ихъ семействахъ весьма развита.

Городской легковой извощикъ—созданіе послѣдняго времени, точно также, какъ извозъ тяжелый—явленіе, на половину уже отошедшее въ далекое прошлое. Прежде, до постройки желѣзныхъ дорогъ, извозъ, послѣ земледѣлія, составлялъ главный и, въ многихъ мѣстахъ, единственный промыселъ населенія. Весь хлѣбъ, отпускавшійся изъ Курской губерніи за ея предѣлы, шелъ гужевымъ путемъ и на югъ, и на сѣверъ, и вообще во всѣ стороны по слѣдующимъ шляхамъ: Сагайдакомъ, Муравкою, Ромоданомъ, Изюмскимъ и Кальміусскимъ шляхами. „Изъ сѣверо-западныхъ уѣздовъ, изъ Засемья, говоритъ Чаславскій,*) везли его къ Бѣлоруссіи, изъ сѣверныхъ—къ Орлу; изъ восточной части губерніи онъ отправлялся въ Ливны, въ Елецъ, иногда въ Воронежъ; изъ южныхъ окраинъ рожь шла на харьковскіе и частію на воронежскіе винокуренные заводы; въ Харьковскую губернію шелъ и овесъ, но въ небольшихъ размѣрахъ; по временамъ Бѣлгородъ отправлялъ свой хлѣбъ къ Бердянску, изъ Суджи партіи шли и къ Днѣпру, и къ Бѣлорусіи, и на Десну, и на винокурни ближайшихъ уѣздовъ Харьковской губерніи, а иногда даже и къ Бердянску.“ Но съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, существовавшіе прежде для вывоза хлѣба гужевые пути совершенно пали; дальній извозъ уничтожился, потому что почти вся Курская губернія эксплуатируется въ настоящее время желѣзными дорогами; остался теперь одинъ извозъ ближній, да и тотъ, по видимому, съ каждымъ годомъ все уменьшается.

Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что въ рубрику „ломовыхъ извощиковъ“, по нашимъ таблицамъ, вошли всѣ, кто возитъ: хлѣбъ съ мѣста ссыпки въ центральные складочные пункты съ города и на вокзалы желѣзной дороги, свекловицу—съ плантацій на сахарные заводы и съ этихъ послѣднихъ сахарный песокъ на рафинадные заводы; дрова изъ лѣсу въ экономіи и на вокзалы жел. дороги, издѣлія щепнаго промысла съ мѣста производства—въ города, муку съ крупчатокъ и водяныхъ купеческихъ мельницъ—въ городскіе лавки, конопляное

*) Хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ Россіи, часть II, стр. 247.

масло съ большихъ купеческихъ маслобоенъ—къ желѣзнымъ дорогамъ, водку и пиво съ мѣстныхъ винокуренныхъ заводовъ—въ города и къ желѣзной дорогѣ, торфъ съ мѣста добыванія—на винокуренные и крахмальные заводы. Сюда же вошли и всѣ тѣ, которые, въ качествѣ ломовыхъ извощиковъ, занимаются по городамъ возкою различныхъ кладей.

Ломовые городскіе извощики рекрутируются главнымъ образомъ изъ крестьянъ подгороднихъ волостей; такъ напр., въ Курскомъ уѣздѣ всѣ они изъ волостей—Ямской, Казацкой и Стрѣлецкой (186 чел.). Они работаютъ не самостоятельно, а отъ рядчика, который платитъ имъ по 6—7—8 руб. въ мѣсяцъ. Живутъ у него, „поколь здоровья хватитъ.“ Работа эта очень тяжелая, потому что приходится иногда накладывать на возъ тюки по 5—7 пудовъ. Самымъ хорошимъ „ломовикомъ“ считается въ глазахъ рядчика такой работникъ, который поднимаетъ по 10—12 пуд. разомъ и безъ особыхъ усилій, такому платится иногда по 9—10 руб. въ мѣсяцъ. Харчи хозяйскіе. Лошадь и телѣга также. Отъ рабочаго требуется только одна сила. У кого хозяйство дома не заброшено, тотъ служитъ у рядчика впродолженіи одной зимы, а на лѣто уходитъ домой, но такихъ среди ломовиковъ немного; по большей части, все это народъ безхозяйный давно забросившій свою землю. Сплошь да рядомъ бываетъ такъ, что ломовикъ переводитъ въ городъ всю свою семью: самъ у рядчика живетъ, а жена куда-нибудь въ кухарки или няньки поступаетъ. Такъ и коротаютъ весь вѣкъ, видаясь между собою только по временамъ, урывками, въ праздники и воскресные дни... Годовой заработокъ ломоваго извощика, среднимъ числомъ, 84 р. въ годъ, но такъ какъ 50% ихъ служатъ въ извощикахъ только въ продолженіи 6 мѣсяцевъ, то средній заработокъ каждаго въ годъ будетъ равняться всего 63 р. Всѣхъ ломовиковъ, по всѣмъ пяти уѣздамъ, переписью зарегистрировано около 500 чел., стало быть общій годовой заработокъ ихъ будетъ равняться 31500 руб.

Деревенскихъ „тяжеловозовъ“ зарегистрировано больше всего въ Льговскомъ уѣздѣ и именно въ Ивановской вол. (233 чел.) Здѣсь крестьяне с. Ивановскаго возятъ дрова изъ лѣса кн. Барятинскаго къ нему на свеклосахарный заводъ и въ экономію. Плата за 12-ти верстное разстояніе съ 1 кубическ. саж. (дрова въ $1^1/_2$ арш. длиною)—3 рубля. Кромѣ того, швырковыя дрова возятъ въ с. Гапоново, Рыльскаго уѣзда, за 30 верстъ, по $8^1/_2$ руб. съ 1 кубич. саж. Кубическую сажень можно перевести только на 10 подводахъ. При возкѣ дровъ на заводъ и въ экономію можно съѣздить въ сутки только одинъ разъ, а при возкѣ ихъ въ Гапоново, за 30 верстъ, въ двое сутокъ—одинъ разъ. Стало быть, дневной валовой заработокъ дровоноза будетъ ровняться 30—43 коп. Въ первомъ случаѣ, т. е. при возкѣ дровъ на заводъ, возчикъ не даетъ лошади овса, а довольствуется рѣзкой, посыпанной мукою; при поѣздкахъ же до Гапонова, онъ долженъ

обязательно дать лошади овса $2^{1}/_{2}$ гарнца, на 10—15 к. Стало быть, заработокъ какъ въ томъ какъ и въ другомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, уравнивается. Тридцать коп. въ день можно считать среднею установившеюся здѣсь нормой заработка для дрововозовъ не только по Льговскому уѣзду, но и вообще по всему изслѣдуемому намъ району; это справедливо и для Криничанской вол., откуда возятъ дрова въ Красную Яругу, и для с. Фатѣевки, Дмитріевскаго уѣзда, и для Сергіевской вол., Фатежскаго уѣзда.

Въ деревняхъ, смежныхъ съ сахарными заводами, крестьяне возятъ на заводъ крейду (мѣлъ) и извёстку. Въ с. Груновкѣ возятъ крейду въ Тростянецкій заводъ. Плата за разстояніе въ 50 верстъ съ пуда по 5 коп. зимою. Наваливаютъ на возъ по 25 пуд. По такой же цѣнѣ возятъ и известку. По другимъ мѣстамъ, въ Льговскомъ и Фатежскомъ уѣздѣ, гдѣ только есть сахарные заводы, плата вездѣ такая же: за 40 верстъ—по 4 к. съ пуда, за 50 верстъ—по 5 и т. д, за 10—20 верстъ—по 3 к. съ пуда. Путину въ 20—30 верстъ возчикъ дѣлаетъ въ 1 день и на обратный путь теряетъ 1 день,—всего 2 дня. Путину въ 40—60 верстъ онъ дѣлаетъ въ два дня и день на обратный путь, всего 3 дня. Стало быть, за каждый день въ пути возчикъ съ лошадью получаетъ по $37^{1}/_{2}$ коп. въ первомъ случаѣ и по $41^{2}/_{3}$ коп. во второмъ. Вообще можно положить, что зарабатокъ возчика крейды и извести = 40 коп. въ день валоваго дохода, не считая корма для лошади; чистаго же дохода опять таки около 30 коп. Занимаются извозомъ въ теченіи года не болѣе 100 зимнихъ дней. Стало быть, валовой годовой заработокъ каждаго 40 р., чистый же 30 р.

Свекловицу, или какъ здѣсь говорятъ, бураки возятъ съ плантацій на заводы по такой же цѣнѣ. Изъ с. Криничнаго, Суджанскаго уѣзда, возятъ, напр., свекловицу отъ г. Глуховцева въ с. Грязное, на заводъ, получая по 3 к. съ пуда (20 верстъ). На возъ набираютъ 2 берковца чищеной свекловицы (т. е. около 25 пудовъ). Возка свекловицы продолжается не болѣе мѣсяца. Заработокъ на лошадь 10—12 руб. На заводы возчики ѣздятъ почти всегда безъ предварительнаго найма; но нѣкоторые заводы, какъ напр. Куяпскій, г. Барбасова, предпочитаютъ нанимать возчиковъ заранѣе, по условію, заключенному въ волостномъ правленіи. Плата въ такомъ случаѣ идетъ съ берковца—по 10—15 коп. за 3—8 верстъ. Харчи и кормъ лошадямъ должны быть у рабочаго свои, а подножный кормъ для лошадей въ ночное время—отъ завода. Одинъ возчикъ легко управляется съ парой подводъ; при трехъ же лошадяхъ онъ обыкновенно беретъ съ собой изъ дому мальчика, лѣтъ 12—14; если своего нѣтъ, нанимаетъ его за 2—3 руб. въ мѣсяцъ у какого нибудь бѣдняка—сосѣда.

Сахарный песокъ возятъ или на рафинадный заводъ Терещенко, въ Черниговской губ., или въ Курскъ. Изъ Черноолешанской волости возятъ его

въ Курскъ и получаютъ за 100 верстъ 12—15 коп. съ пуда; возятъ бочками, по 25—30 пудовъ въ каждой. Въ Курскъ попадаютъ на 3-й день къ обѣду; въ пути, значитъ, съ обратной дорогой, проводятъ 5 дней. Всего получитъ, считая среднимъ числомъ по 14 коп. съ пуда, каждый возчикъ 3 р. 78 коп. и даже до 4 рублей; въ день, стало-быть, приходится отъ 70—80 коп., или чистой выручки 60—70 коп. на лошадь.

Муку съ крупчатокъ возятъ въ города и на станціи желѣзной дороги, при чемъ за 30-ти верстное разстояніе берутъ 2—4 к. съ пуда. Изъ с. Банищъ Льговскаго уѣзда, съ крупчатки г. Дерюгина, муку возятъ прямо до Курска, за 100 верстъ, по 7 к. съ пуда. Изъ д. Малыхъ-Угоновъ возятъ муку также прямо до Курскаго вокзала (75 верстъ), по 5 коп. съ 1 пуда. На 1 возъ накладываютъ обыкновенно 25 пудовъ; стало-быть за возъ платится, за 30 ти верстное разстояніе, 75 коп., ѣзды 1½ сутокъ; за 100-верстное—1 р. 75 к., ѣзды 3½ сутокъ; за 75-ти верстное разстояніе—1 р. 25 к., ѣзды 2½ сутокъ (съ обратнымъ путемъ). Слѣдовательно, за 1 сутки возчику съ 1-ю лошадью приходится круглымъ числомъ по 50 коп., не считая харчей и корма для лошадей.

Средній дневной валовой заработокъ ломоваго сельскаго извощика всѣхъ видовъ можно положить въ 45—50 к.; чистый доходъ отъ 25—30 к. Каждый изъ нихъ возитъ по найму никакъ не болѣе 100 дней въ теченіи года. Стало быть, чистый годовой заработокъ возчика будетъ равняться 30 р. Всѣхъ тяжеловозовъ деревенскихъ зарегистрировано переписью около 600 чел.; стало быть, чистый годовой заработокъ всѣхъ тяжеловозовъ равняется 37,800 р.

Тяжелый извозъ нисколько не вредитъ интересамъ крестьянскаго земледѣлія. Занимаясь извозомъ, крестьянинъ не бросаетъ своей полосы, такъ какъ извозу въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ посвящаетъ только досужные, гулевые, дни, когда ни въ полѣ, ни на гумнѣ никакихъ работъ за нимъ не стоитъ. Извозъ—промыселъ по преимуществу зимній; въ рабочее, горячее время крестьянинъ съ одною лошадью ни за что не повезетъ кладь, потому что это будетъ прямо въ ущербъ его земельному хозяйству, которое составляетъ главный базисъ его благосостоянія. Управляющій торговой конторой Фрумана Леветана, въ г. Фатежѣ, жаловался намъ, что въ страду въ іюлѣ и августѣ мѣсяцѣ—„хоть закрывай контору“, потому что невозможно найти подводчиковъ, которые бы согласились везти пеньку до Поныровъ. Въ обыкновенное время зимою контора оплачиваетъ провозъ пеньки до ст. Поныровъ (40 верстъ) по 5—6 коп. съ пуда; въ рабочее же лѣтнее время контора даетъ по 9—10, даже по 11—12 коп., но и за такую цѣну порою не можетъ отыскать подводчиковъ; и цѣлыхъ два мѣсяца, вслѣдствіе этого, лежатъ готовые тюки на дворѣ конторы, къ великой досадѣ управляющаго... Если же и бываютъ случаи, когда крестьянинъ берется везти

кладь въ рабочую пору, то, навѣрное можно сказать, что у него на дворѣ 3—4 лошади и 2—3 работника; въ противномъ случаѣ онъ ни за что не поѣдетъ, не покинетъ своихъ полевыхъ земледѣльческихъ работъ. Вслѣдствіе этого извозъ приноситъ не ущербъ земледѣльческому хозяйству крестьянъ, а напротивъ составляетъ большое подспорье для него.

Легковой извозъ уже самымъ фактомъ своего существованія въ семьѣ говоритъ о болѣе или менѣе высокомъ экономическомъ уровнѣ ея, такъ какъ отхожій и мѣстный легковой извозъ требуетъ прежде всего довольно значительнаго основнаго капитала (экипажи и лошади). Оттого то легковой извозъ находится по преимуществу въ общинахъ четвертныхъ крестьянъ—однодворцевъ, и занимаются имъ по большей части семьи многочленныя, для которыхъ не составляетъ большаго ущерба отпустить одного работника на промыселъ; а между тѣмъ, заработокъ этого извозчика настолько значителенъ, что можетъ не только оказать поддержку семьѣ, но и прямо создать благосостояніе. Онъ позволяетъ домохозяйству арендовать землю у помѣщика и брать на обработку сдаваемые сосѣдскіе надѣлы; онъ покрываетъ всѣ подати и повинности и, кромѣ того, даже даетъ возможность семьѣ обзавестись предметами роскоши—самоваромъ, ситцевыми платьями и рубашками etc. Стало быть, этотъ промыселъ, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ онъ здѣсь существуетъ, т. е. при извощикахъ, отпускаемыхъ многочленными семьями, не только не вредитъ земельному хозяйству, но и поддерживаетъ, и расширяетъ его.

б) Обработка наймомъ чужихъ надѣловъ и помѣщичьихъ земель.

Измельчаніе надѣловъ, вызванное увеличеніемъ населенія и сильной тенденціей къ семейнымъ раздѣламъ, а также повсемѣстно замѣчаемое истощеніе почвы, проявляющееся въ уменьшеніи урожаевъ за послѣдніе годы,—эти двѣ главныя причины произвели то, что многіе дворы въ настоящее время не въ состояніи уже содержать лошадь на своемъ надѣлѣ и принуждены продавать свой скотъ и поступать въ разрядъ безлошадныхъ, „маломочныхъ“ домохозяевъ. Такихъ дворовъ, какъ это видно по нашимъ таблицамъ, считается въ Льговскомъ уѣздѣ—3511, или 22% общаго числа домохозяевъ, въ Дмитріевскомъ—2997, или 21%, въ Суджанскомъ—3979, или 21%, Фатежскомъ—3866, или 25%, и Курскомъ—5332, или 25% общаго количества всѣхъ дворовъ. Всего по 5 уѣздамъ, безлошадныхъ дворовъ 19688, или 23% общаго количества всѣхъ надѣльныхъ дворовъ. Лишившись рабочаго скота, часть этихъ домохозяйствъ порвала окончательно всякія отношенія къ землѣ; члены ихъ сдали свои земельные надѣлы сосѣдямъ и сами разбрелись па заработки по городамъ и заводамъ, пошли „по мастерщинѣ“, взялись за сапожное шило, за топоръ, за лопату,—словомъ, кто что съумѣлъ, тотъ за то и принялся. Другіе же—и такихъ была большая часть—не по-

смѣли оторваться окончательно отъ земли и остались коротать свой вѣкъ въ деревнѣ, а надѣлы свои стали обработывать наймомъ. Такихъ домохозяйствъ была большая часть, говорю я, потому что сильна въ нашемъ крестьянинѣ, исторически, вѣками сложившаяся, традиціонная любовь къ землѣ; жалко ему кинуть свою кормилицу, тѣмъ болѣе, что если уйти отъ земли, то и впереди, тамъ гдѣ-то далеко, въ городѣ, не горы золота найдетъ онъ; онъ это знаетъ по нѣкоторымъ уже имѣющимся примѣрамъ, и къ тому же древняя мудрость говоритъ ему: нечего ловить журавля въ небѣ, коли есть синица въ рукахъ.. Въ Льговскомъ уѣздѣ, изъ общаго количества безлошадныхъ, только 822 домохозяйства сдаютъ свои надѣлы, а 2692, т. е. 77%, обработываютъ ихъ наймомъ; въ Фатежскомъ уѣздѣ 1038, сдаютъ и 2828, т. е. 73%, обработываютъ наймомъ; въ Суджанскомъ уѣздѣ тоже самое: 1015 домохозяйствъ сдаютъ свои надѣлы, а 2963, т. е. 75%, обработываютъ ихъ наймомъ. Какъ ни сильно, стало быть, гнутъ здѣшняго крестьянина обстоятельства, какъ ни стараются безкормица и безхлѣбица выгнать его вонъ, изъ деревни въ городъ, на „вольные заработки“,—тѣмъ не менѣе онъ крѣпко держится за землю и бросаетъ ее только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Обработывать чужіе надѣлы по найму берутся всегда сосѣди, у кого есть для этого достаточное количество скота и излишнія рабочія руки. За полную обработку одного надѣла и въ озимомъ полѣ, и въ яровомъ, со свозкою сноповъ, берутъ по 4—5 руб.; за одно озимое—два раза вспахать и взборонить, и посѣять—3 р., за яровое—2 р. Полный надѣлъ для уу. Фатежскаго, Суджанскаго, Льговскаго и Курскаго 2,3 дес. на рев. душу; стало быть, въ каждомъ клину на надѣлѣ приблизительно будетъ около 18—20 погонныхъ саж. Въ Дмитріевскомъ уѣздѣ надѣлъ нѣсколько больше (2,9 дес. на рев. душу); поэтому здѣсь и платятъ за его обработку дороже, чѣмъ въ упомянутыхъ 4-хъ уѣздахъ, а именно: за обработку 1 дес. подъ озимое и яровое и свозку сноповъ—5—6 р., за одно озимое—3—3 р. 50 к., за яровое—2 р. 50 к. и 3 р.

Крестьяне государственные четвертнаго права сдаютъ свои земли для обработки подесятинно; плата за обработку такая же какъ и въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Экономическія же земли обработываются на слѣдующихъ условіяхъ: полная обработка и уборка,—съ возкой сноповъ и кладкой въ скирды, по 6—7 руб. за 1 дес. озимаго и по 4—6 руб. за 1 дес. яроваго. Или поденно: по 70 коп. и 1 руб. въ маѣ и іюнѣ и по 65—90 коп. осенью; кормъ для лошади въ этомъ случаѣ у крестьянина свой.

Промыселъ этотъ, конечно, никоимъ образомъ нельзя назвать доходнымъ, въ лѣто крестьянинъ съ парой лошадей и при своихъ 2 надѣлахъ можетъ выручить на нихъ не болѣе какъ 20—25 руб., но за то заработокъ этотъ для крестьянина очень удобенъ и сподрученъ, такъ крестьянину при этомъ не приходится отлучаться надолго изъ дома и забрасывать собственное хозяйство.

II. Фабрично-заводскіе и желѣзнодорожные рабочіе.

Фабрика въ излѣдуемомъ районѣ всего только 1—бумажная, г. Абрикосова, арендованная имъ у Д. Б. Голицына, въ д. Дерюгиной, въ 10 верстахъ отъ г. Дмитріева. Рабочихъ на ней постоянно бываетъ до 50 чел. Производство ведется здѣсь круглый годъ. Каждый рабочій получаетъ въ мѣсяцъ 6—7 руб. на своихъ харчахъ. Работаютъ по-смѣнно: первая смѣна отъ 12 час. дня до 12 час. ночи, вторая съ 12 час. ночи до 12 дня. Работаютъ и женщины; получаютъ по 4—5 руб. въ мѣсяцъ.

Изъ рабочихъ заводскихъ главный контингентъ составляютъ *рабочіе сахарно-заводскіе*. По всѣмъ 5 уѣздамъ ихъ считается 701 чел., въ томъ числѣ 154 мѣстныхъ и 547 отхожихъ. Сахарныхъ заводовъ въ изслѣдуемомъ нами районѣ всего 3; два—въ Дмитріевскомъ уѣздѣ *) и одинъ въ Суджанскомъ уѣздѣ (въ Переверзевкѣ, г-на Шубина). Формы заработка здѣсь различны: можно работать и на производствѣ въ самомъ заводѣ и „на буракахъ“ (прорывка, полка, посадка etc), можно и боронить, и пахать на заводскомъ полѣ, и дрова возить, колоть, рубить, пилить... Заводъ всѣмъ даетъ заработки—и ремесленникамъ, и мастеровымъ, и простымъ чернорабочимъ. На одномъ только производствѣ въ каждомъ заводѣ обыкновенно бываетъ ежегодно отъ 200—200 чел. взрослыхъ рабочихъ муж. пола и до 150 чел. женскаго; кромѣ того, мастеровъ и прикащиковъ 40—50 чел. Жалованья имъ идетъ по 7—5 р. рабочему муж. пола и по 4—5 р. женщинѣ работницѣ, при хозяйскихъ харчахъ. На полку заводскихъ бураковъ ходятъ только одни бабы да молодые ребята, потому что работа эта „не сурьезная“, требуетъ только одной снаровки и терпѣнія, а не физической силы. Процессъ полки собственно раздѣляется на три отдѣла: сперва свекловицу „пухтятъ“, пробиваютъ особенной изогнутой лопаточкой, „сепачкой“. Это бываетъ около Троицы, когда бураки только что начинаютъ показываться изъ подъ земли; затѣмъ, недѣлю спустя, ихъ „прорываютъ“, т. е. вырываютъ лишніе корни, при чемъ наблюдается, чтобы изъ оставшихся корней каждый отстоялъ отъ другаго не менѣе, какъ на 5—6 вершковъ; въ противномъ случаѣ бураки станутъ глохнуть и получаются очень мелкіе. Затѣмъ уже, недѣлю или полторы спустя послѣ прорывки, бураки полютъ, т. е. очищаютъ плантацію отъ сорныхъ травъ. Каждая баба на полкѣ въ день получаетъ 25—30 коп. на своихъ харчахъ и 15—20 коп. на заводскихъ. Убирать бураки, копать ихъ начинаютъ обыкновенно около 15 сентября. Копка продолжается 1½—2 не-

---

*) Одинъ изъ нихъ находятся въ д. Дерюгиной, въ 10 верстахъ отъ Дмитріева. пренадлежитъ Д. Б. Голицыну и состоитъ въ настоящее время въ арендѣ у купца Абрикосова; другой—въ Прилѣпахъ, пренадлежитъ Б. К. и А. Е. Мейендорфъ, въ 47 верстахъ отъ г. Дмитріева.

дѣли. Въ копкѣ буряковъ принимаютъ участіе и женщины, и мущины; плату получаютъ сдѣльно, по 20 коп. съ берковца накопанной свекловицы (берковецъ — 12 пуд.)—на заводскихъ харчахъ, и по 35—30 коп.—на своихъ. Харчей полагается на человека въ день 3 ф. печенаго хлѣба, около чайнаго стакана пшена (мѣрочка такая особенная есть), сало $^1/_{10}$ фунта, а по постнымъ днямъ конопляного масла $^1/_8$ фунта на человѣка. Кашу варитъ каждый про себя, про свое семейство, и котелокъ для этого у каждаго рабочаго есть особенный; дрова для приготовленія пищи идутъ отъ завода. Одинъ человѣкъ въ день можетъ нарыть, maximum, 1 берковецъ свекловицы, да и то при усиленной 12—13 часовой работѣ. Уплата денегъ производится понедѣльно и помѣсячно.

Изъ Льговскаго уѣзда, гдѣ нѣтъ свеклосахарныхъ заводовъ, многіе уходятъ на заводы Харитоненко, въ Сумскій уѣздъ (д. Благодатная, с. Вышняя-Груня, с. Густомоя, д. Обуховка, с. Новосергіевское, с. Благовѣщенское). Нанимать рабочихъ сюда пріѣзжаетъ нарочно подрядчикъ изъ г. Сумъ. Является онъ всегда по веснѣ, когда подати собираютъ, и тотчасъ же на мѣстѣ выдаетъ задатки изъявившимъ желаніе вступить на заводъ; задатокъ обыкновенно равняется мѣсячному жалованью рабочаго, т. е. 7—8 руб.

Условіе съ рядчикомъ вписывается всегда въ волостномъ правленіи въ „книгу сдѣлокъ и договоровъ“. Въ этомъ условіи точно означается время, когда рабочіе должны явиться на заводъ, договоренная помѣсячная или поденная плата, неустойка, которой подвергается сторона, не исполнившая какихъ-либо пунктовъ условія. Въ нѣкоторыхъ условіяхъ есть даже особая рубрика относительно лошадей, которыхъ приводятъ рабочіе съ собою изъ дома; относительно ихъ крестьяне обыкновенно выговариваютъ при заключеніи условія „ночное пастьбище отъ помѣщика“.

Уходятъ на работу въ августѣ мѣсяцѣ, чтобы поспѣшить къ началу заводскаго производства. Производство продолжается обыкновенно 3—4 мѣсяца. Харчи всегда отъ конторы завода.

Изъ Курскаго, Фатежскаго и частію Дмитріевскаго уѣзда (Генеральшинская вол.) крестьяне уходятъ: въ Обоянскій уѣздъ на свеклосахарный заводъ гр. Клеймихель, въ Сумской—къ Харитоненко и Грайворонскій (Красная-Яруга)—къ Харитоненко же. Нанимаютъ ихъ также подрядчики, нарочно пріѣзжающіе оттуда. Плата такая же, 6—7 руб. въ мѣсяцъ на заводскихъ харчахъ.

На *винокуренныхъ заводахъ* работаютъ всегда мѣстные крестьяне изъ деревень, прилегающихъ къ заводамъ. Взрослые получаютъ здѣсь обыкновенно 5 рубл. въ мѣсяцъ, подростокъ—2—3 рубля на заводскихъ харчахъ. Работаютъ и поденно, по 20—25 коп. въ сутки, на своихъ харчахъ. Изъ нѣкоторыхъ селеній Суджанскаго и Льговскаго уѣзда (напр. с. Скородное)

ходятъ на винокуренные заводы, въ Харьковскую губ. и уу. Путивльскій и Рыльскій. Плата такая же, какъ и на мѣстѣ.

На крахмальныхъ заводахъ Н. К. Рутцена (Фатежскаго уѣзда) работаютъ только изъ ближайшихъ селеній, прилегающихъ къ заводамъ—преимущественно изъ с. Покровскаго. На картофельно-крахмальномъ заводѣ поденьщики получаютъ по 25 коп. въ сутки; мѣсячные—6 р. Харчи хозяйскіе и, кромѣ того, каждый рабочій, ни въ чемъ ни провинившійся, ежемѣсячно получаетъ 1 рубль награды. На пшенично-крахмальномъ заводѣ рабочіе получаютъ больше, по 8—9 рубл. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ, потому что работа здѣсь гораздо труднѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ; рабочимъ *приходится часто быть въ холодной водѣ, отчего они часто болѣютъ.* Здѣсь получаютъ работу (обрѣзать крахмалъ) не только одни мужчины, но и женщины, и даже подроски 14—15 лѣтъ. Женщины получаютъ по 3 р., подростки—2—3 руб. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ. Необходимо при этомъ отмѣтить отрадный фактъ, характеризующій отношенія конторы, заводовъ г. Рутцена къ рабочимъ. Эти послѣдніе получаютъ разсчетъ въ конторѣ когда имъ угодно, по своему усмотрѣнію, безъ задержки, неустоекъ никакихъ за это съ нихъ не взыскиваютъ. Рабочіе вообще очень довольны хозяиномъ и управленіемъ завода. Мы никогда и нигдѣ не слышали такихъ единодушныхъ похвалъ, какія расточаются крестьянами с. Покровскаго своему барину...

Изъ с. Карманова и д. Воронаевки, Льговскаго уѣзда многіе уходятъ въ Екатеринославскую губ. на чугунно-литейный заводъ г. Юза. Обыкновенные чернорабочіе получаютъ тамъ по 80 коп. въ день лѣтомъ и по 60 коп. зимою на своихъ харчахъ; тѣ-же которые стоятъ у доменныхъ печей получаютъ лѣтомъ отъ 1 руб. до 1 руб. 50 коп. за смѣну. Въ день двѣ смѣны: первая съ 6 часовъ утра до 6 вечера, вторая—съ 6 час. вечера до 6 утра. Зимою плата истопникамъ понижается до 70—80 коп. за смѣну. Харчи обходятся рабочему очень дорого: коп. 30 въ день, потому что мѣсто здѣсь бойкое, торговое и при томъ же станція желѣзной дороги (Юзово, на Екатеринославской жел. дорогѣ). Ходятъ туда больше на осень и зиму, съ 15 сентября, послѣ уборки хлѣбовъ. Чистаго заработка, за исключеніемъ расходовъ на харчи, остается у рабочаго за 150 дней отъ 50—60 рубл.

Средній годовой заработокъ здѣшняго заводскаго рабочаго, безъ различія производства, можно опредѣлись 30—35 руб. Стало быть, годовой заработокъ всѣхъ вообще городскихъ рабочихъ, зарегистрированныхъ нами по пяти уѣздамъ, равняется приблизительно 31,500 руб.

Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, для здѣшнихъ крестьянъ явился новый видъ заработка—*работа и служба на желѣзной дорогѣ.* Сюда ходятъ обыкновенно изъ селеній, которыя лежатъ по близости отъ линій. Одни

работаютъ просто въ качествѣ чернорабочихъ: снѣгъ расчищаютъ во время зимнихъ заносовъ, клади грузятъ въ вагоны, работаютъ въ ремонтѣ etc. Другіе занимаютъ на линіи разныя должности—будочниковъ, стрѣлочниковъ. кондукторовъ, сторожей и т. д.

Простыхъ желѣзнодорожныхъ чернорабочихъ по всѣмъ пяти уѣздамъ насчитано переписью 734 чел., въ томъ числѣ: мѣстныхъ 130 чел., отхожихъ 604 чел. Самое большее количество ихъ приходится на Льговскій уѣздъ (38% общаго числа); что же касается до Суджанскаго и Дмитріевскаго уѣздовъ, то они не соприкасаясь нигдѣ съ желѣзными дорогами, даютъ ничтожный % такого рода промышленниковъ (всего 20 чел. въ обоихъ уѣздахъ). Ремонтщики нагрузчики и др. постоянные рабочіе служатъ помѣсячно, получая по 9—10 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. Тѣ-же, которые расчищаютъ на желѣзной дорогѣ снѣгъ во время заносовъ, приглашаются правленіемъ дороги только въ экстренныхъ случаяхъ, на время, съ поденной платой отъ 30—70 коп.

Будочниковъ, стрѣлочниковъ, смазчиковъ, сторожей и др. служащихъ на желѣзной дорогѣ считается по нашимъ сборникамъ 81 чел.; въ томъ числѣ 25 мѣстныхъ и 56 отхожихъ. Получаютъ они отъ 12—20 р. въ мѣсяцъ.

Во многихъ мѣстахъ желѣзно-дорожные заработки за послѣднее время вытѣснили всѣ другіе виды промышленности, какъ напр. въ д. Дьяконовой и Износковой Льговскаго уѣзда, гдѣ прежде, до проведенія желѣзной дороги многіе семьи занимались плотничествомъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьяне такъ привыкли къ желѣзно-дорожнымъ заработкамъ, что въ случаѣ недостатка работы на ближайшей линіи желѣзной дороги ходятъ „по той же части“ на Харьково-Николаевскую, Харьково-Азовскую и Лозово-Севастопольскую желѣзныя дороги. Такъ дѣлаютъ крестьяне нѣкоторыхъ селеній Вышне-Деревенской, Городенской и Бобринской волостей Льговскаго уѣзда. Изъ д. Раковой, напр., ходятъ на Харьково-Николаевскую желѣзную дорогу, изъ слоб. Спасской, Бобринской волости—на Севастопольскую дорогу. Рабочихъ заманиваетъ туда и высокая плата, какую получаютъ тамошніе рабочіе: на Севастопольской дорогѣ, говорятъ, служащіе въ ремонтѣ заработываютъ по 18—22 руб. въ мѣсяцъ, на Харьково-Николаевской—15—20 руб.

III. Торговцы разнаго рода.

Нѣтъ сомнѣнія, что торговля—одинъ изъ самыхъ выгодныхъ и легкихъ видовъ промысловой дѣятельности населенія, такъ какъ она, въ большинствѣ случаевъ, не заставляетъ крестьянина затрачивать много физической силы, и зачастую, при счастливыхъ условіяхъ, даетъ выгоды 100 на 100. Но такъ

какъ этотъ промыселъ требуетъ значительнаго оборотнаго капитала и кромѣ того особой изворотливости и смѣтливости, то имъ занимаются большею частію не крестьяне, а отставные солдаты, приглядѣвшіеся и привыкшіе во время своей службы къ разнаго рода городскимъ гешефтмахерствамъ, посторонніе, живущіе въ деревняхъ постоянно, и городскіе мѣщане, пріѣзжающіе сюда только на время. Въ большихъ и крупныхъ промышленно-торговыхъ центрахъ, какъ напр. Михайловка и Мирополье всѣ торговцы - изъ своихъ мѣстныхъ крестьянъ., Промышленный духъ здѣсь уже давно развился и укрѣпился въ населеніи; нѣкоторыя семьи уже въ теченіи трехъ-четырехъ поколѣній отпускаютъ своихъ работниковъ „по торговой части" и такимъ образомъ давно уже выработали въ себѣ традиціонную историческую привычку къ этому виду промышленной дѣятельности. Если у родителей есть собственная лавка, они держатъ мальчика съ 12 лѣтъ постоянно у себя въ лавкѣ; сперва онъ „приглядывается" только, а потомъ начинаетъ торговать и самъ. Если же собственной лавки нѣтъ, мальчика отдаютъ въ чужую лавку въ качествѣ ученика или „мальчика", что бы онъ постигъ здѣсь всю суть коммерческой науки. Искусъ продолжается обыкновенно три года; въ теченіе этого времени мальчишка успѣваетъ „навостриться" въ коммерціи до того, что бѣлое можетъ продать за черное и на оборотъ. По прошествіи трехъ лѣтъ „ученикъ" или уходитъ отъ хозяина и заводитъ собственную торговлю, или же остается у него въ качествѣ прикащика, съ жалованьемъ на первый разъ 50 руб., на второй 80 руб. и т. д. до 200—300 руб., при хозяйской квартирѣ и готовомъ столѣ. Всѣ прикащики обыкновенно грамотны: они поступаютъ въ мальчики, по большей части, уже окончивши курсъ въ низшемъ народномъ или уѣздномъ училищѣ.

Что-бы имѣть хоть какое нибудь понятіе о состояніи хозяйства у торговцевъ и объ ихъ экономическомъ положеніи, мы возьмемъ цифры относительно ихъ по слоб. Михаиловкѣ, Дмитріевскаго уѣзда.

Торговцевъ разнаго рода здѣсь числится 103 чел., въ томъ числѣ есть лавочники, торговцы веревками, горшками, лѣсомъ, etc. Мы возьмемъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, не исключая даже шибаевъ и прасоловъ.

Всѣхъ семей, занимающихся торговлею въ томъ или другомъ видѣ, здѣсь считается 102; торговцевъ всѣхъ—103 чел. Душъ муж. пола въ этихъ 102 семьяхъ—231, женск. п.—228, всего обоего пола 459 чел. Грамотныхъ и учащихся среди торговцевъ 129 чел. муж. пола и 38 чел. женск. пола, т. е. 36% общаго количества (56% муж. п. и 16% женск. п.); на каждый дворъ приходится 1,6 чел. грамотныхъ. Всѣ они имѣютъ собственные надѣлы, но только 15 семей обработываютъ ихъ собственнымъ инвентаремъ, 1—наймомъ, а 83,5% сдаютъ свои земли. Землю арендуютъ изъ нихъ толь-

ко трое, да и то не для собственныхъ потребностей, а для раздачи другимъ крестьянамъ по мелочамъ; одинъ арендуетъ 40 дес., другой—10 дес., третій—30 дес.—Лошадей приходится на каждый дворъ—0,5 головъ, коровъ 0,5, мелкаго скота—1 голова. Безлошадныхъ домохозяевъ среди торговцевъ —59, т. е. 57,5% общаго количества, домохозяевъ съ 1 лошадью—36, съ 2-мя—7, съ 4-мя—1.

Для поясненія этого представить такого рода сравнительную табличку:

	Количество дворовъ.	Душъ.			Грамотныхъ и учащихся (въ %%).			Обработка надѣла въ %%.			Количество скота на 1 над. дворъ.		Домохозяевъ безлошадныхъ.	% домохозяевъ арендующихъ землю.	% домохоз. имѣющихъ купчую землю.
		Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Обоего пола.	Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Обоего пола.	Своимъ инвентар.	Наймомъ.	Сдаютъ.	Крупнаго	Мелкаго.			
Торговцы слоб. Михайловки . . .	102	231	228	459	56	16	36	15	1	84	0,5	1	57,5	3	0
Михайловская волость, вся вообще .	769	1845	1854	3699	37,4	6,4	21,9	36,9	4,5	52	1,2	2.3	59%	1.4	0.001
Дмитріевскій уѣздъ . . .	15026	50024	48135	98159	11,9	0,3	6,1	78	12	10	2,7	6,5	21%	51з	8,3

Если посмотрѣть на эту табличку съ точки зрѣнія нашего обыкновеннаго статистическаго критеріума крестьянскаго благосостоянія—количества скота, то мы необходимо придемъ къ заключенію, что торговцы Михайловскіе живутъ гораздо хуже и менѣе обезпечены, чѣмъ обыкновенная средняя крестьянская семья по Дмитріевскому уѣзду. Но въ томъ-то и дѣло, что такого критеріума, какъ количество скота, никоимъ образомъ невозможно прикладывать къ промышленникамъ, занятія которыхъ отвлекаютъ ихъ совершенно отъ земледѣлія и, въ силу тѣхъ или другихъ условій, отодвигаютъ это послѣднее на задній планъ. Центръ тяготѣнія, по отношенію, къ крестьянскому бюджету, здѣсь переносится отъ земледѣлія къ промыслу—и такимъ образомъ количество скота никакъ не можетъ въ данномъ случаѣ служить мѣриломъ крестьянскаго благосостоянія. Тутъ долженъ быть поставленъ, вмѣсто количества скота, кокой-нибудь другой критеріумъ, но какой?—вопросъ, трудно разрѣшимый. Можетъ быть грамотность, количество построекъ; можетъ быть что нибудь еще иное, но во всякомъ случаѣ—никакъ не количество скота.

Вслѣдствіе всего этого, изъ приведенной таблички мы можемъ сдѣлать только тотъ выводъ, что такъ какъ количество скота у торговцевъ меньше,

чѣмъ у всѣхъ другихъ крестьянъ, то *и земельное хозяйство ихъ ведется, стало быть, гораздо хуже,* чѣмъ у этихъ послѣднихъ. Это единственное, что позволяетъ намъ заключить приведенная таблица; она констатируетъ только фактъ упадка земельнаго хозяйства у торговцевъ. На это указываетъ и количество безлошадныхъ среди нихъ, и почти полное отсутствіе арендной и купчей земли, и, наконецъ, то обстоятельство, что громадное большинство торговцевъ сдаютъ свои надѣлы, а не обработываютъ ихъ сами. Но все это еще не даетъ намъ ни малѣйшаго права заключить вмѣстѣ съ тѣмъ объ упадкѣ экономическаго благосостоянія среди торговцевъ, потому что сплошь и рядомъ попадаются въ той же Михайловкѣ такіе крестьяне, которые, не имѣя совершенно скота и забросивъ окончательно земельное хозяйство, вмѣстѣ съ тѣмъ ежегодно производятъ по своимъ лавкамъ, ренсковымъ погребамъ и инымъ заведеніямъ 10—20000-ные годовые обороты. Цифры нашей таблицы, повторяемъ, указываютъ только на упадокъ земледѣльческаго хозяйства у торговцевъ, но ни какъ не на низкую степень ихъ экономическаго благосостоянія,

Не безъ намѣренія приведены нами и цифры, указывающія количество дворовъ и душъ муж. и женск. пола у торговцевъ и вообще по Михайловской вол., и Дмитріевскому уѣзду. Изъ этихъ цифръ, до нѣкоторой степени, можно видѣть вліяніе торговли на семью. По Дмитріевскому уѣзду на каждый дворъ душъ обоего пола приходится 6,5, по Михайловской вол. 4,8, у нашихъ торговцевъ 4,5. Значитъ, семьи у торговцевъ мельче чѣмъ у всѣхъ другихъ крестьянъ; торговля, стало быть, дѣйствуетъ отрицательно на устои и формы старой патріархальной семьи, разрушаетъ ее и на мѣстѣ ея строитъ новую семью' главный принципъ которой—индивидуальная воля, „какъ кому взглянется"...

Семьи съ прикащиками, по состоянію своего хозяйства, составляютъ полную аналогію съ семьями торговцевъ. Только у прикащиковъ % сдающихъ свой надѣлъ еще выше чѣмъ у торговцевъ, какъ это оказывается въ той же Михайловкѣ, гдѣ считается по нашимъ сборникамъ 37 чел. прикащиковъ; среди нихъ % сдающихъ доходитъ до 95, головъ крупнаго скота на надѣльный дворъ—0,9; безлошадныхъ--77% общаго количества.

Но это также какъ и у торговцевъ не значитъ еще, чтобы уровень экономическаго благосостоянія прикащиковъ былъ очень низокъ сравнительно съ общимъ уровнемъ крестьянскаго населенія. Напротивъ, предполагая, что каждый изъ нихъ получаетъ, среднимъ числомъ по 200 руб. въ годъ, мы найдемъ, что они и безъ земли могутъ содержать себя прекрасно (при среднемъ составѣ ихъ семей—въ 5 человѣкъ) и живутъ если не богато, то, по крайней мѣрѣ, безбѣдно.—Грамотность у нихъ развита еще сильнѣе чѣмъ среди торговцевъ: грамотныхъ и учащихся у нихъ мужескаго пола—63%, женскаго пола—25%, обоего пола—45%; на каждый дворъ приходится, среднимъ числомъ, по 2,1 громотныхъ и учащихся.

Изъ торговцевъ разнаго рода, поименованныхъ въ нашихъ таблицахъ, особенно замѣчательны торговцы косами и шибаи. Главный районъ косной торговли—Рыльскій уѣздъ, разсмотрѣніе котораго уже не входитъ въ нашъ настоящій очеркъ; поэтому мы откладываемъ анализъ этой торговли до слѣдующаго общаго выпуска. О шибаяхъ же не мѣшаетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Шибай—это необходимое лицо въ нашей деревнѣ. Онъ лучшій и незамѣнимый коммиссіонеръ въ дѣлѣ торговли между деревней и большими торговыми центрами—городами, слободами и т. д. Онъ охотно скупаетъ у крестьянъ всѣ продукты ихъ труда: конопляное сѣмя, пеньку, сало, масло, яблоки, кожи даже старое тряпье и битое стекло,—ни отъ чего не откажется и все это отвозитъ въ городъ, въ лавки и на заводы; въ въ свою очередь, изъ города въ деревню онъ везетъ мыло, гвозди, спички, керосинъ и др. издѣлія и товары, которыхъ сама деревня не производитъ. Деревня разбираетъ все на расхватъ, тѣмъ болѣе, что шибай, соблюдая свои выгоды, по большей части денежной платы не требуетъ, и довольствуются натуральной: корцомъ овса или жита, нѣсколькими „рученьками" льну или пеньки. Мужики и бабы довольны шибаемъ за то, что онъ такой сговорчивый: какую сдѣлку ему ни предложи—на все соглашается и даже не торгуется нисколько. Шибай, въ свою очередь, доволенъ мужиками, потому что при этихъ сдѣлкахъ, ему всегда перепадаетъ мало—мало 75—100% чистаго барыша... Предметами торговли шибая можетъ быть рѣшительно все, что только продается и покупается, но онъ, разумѣется, руководится при этомъ не своими личными вкусами и симпатіями, а современными потребностями города и деревни. Завелись, напр., въ Михайловкѣ веревочники—онъ началъ скупать пеньку въ окружности и продавать веревочникамъ; въ Льговскомъ уѣздѣ онъ торгуетъ, по большей части, кожлянскими и дроняевскими горшками; въ Суджанскомъ уѣздѣ—Миропольскими сапогами и желѣзнымъ товарамъ. Въ слободѣ Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда, возитъ иконы и кіоты, а съ открытіемъ здѣсь альбуминнаго завода, онъ повелъ большую торговлю яйцами, которые скупаетъ по окрестнымъ деревнямъ. Открылся въ д. Дерюгинѣ бумажный заводъ Абрикосова—онъ сталъ скупать тряпку для него... И почти все это скупается не на деньги, а въ обмѣнъ за мелочный товаръ (иголки, булавки, крестики, сережки, шнурочки etc.), который покупается имъ въ городахъ. Бабы, съ которыми въ большинствѣ случаевъ ведетъ свои дѣла шибаи, предпочитаютъ часто этотъ товаръ, деньгамъ, потому что въ деревнѣ иголокъ и крестиковъ достать трудно, а въ городъ нарочно за ними ѣхать не стоитъ труда; поэтому они охотно отдаютъ свое тряпье, яйца, холстъ, иногда даже замашку за нѣсколько паръ иголокъ и крестиковъ. За веревки, горшки, иконы шибай тоже деньги беретъ рѣдко,—больше хлѣбомъ или

пенькою. Тутъ же, при мѣнѣ товаровъ, онъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти попроситъ себѣ „уваженія“—хлѣба кусочекъ, мотивируя это тѣмъ, что, де—скать, „товары то ужь очень дороги стали, себѣ въ убытокъ мѣнять приходится“... Тѣмъ и питается шибай все время, пока находится въ пути, да еще изъ насбираннаго хлѣба домой нѣсколько краюхъ привозитъ—на сухари дѣтишкамъ. Ѣздитъ шибай всегда почти на одной лошади, стоимость которой никакъ не привышаетъ 25—30 руб.; телѣга у него „изъ щепокъ сдѣлана и вѣтромъ подбита“ какъ смѣются крестьяне, слава, только что телѣгой называется. Товару забираетъ онъ въ городѣ не больше какъ на 2½, на 3 рубля. Оборотный капиталъ его, стало быть, очень не великъ; сообразно съ этимъ незначителенъ и чистый годовой заработокъ; въ среднемъ выводѣ онъ равняется 80—100 руб. Кстати замѣтить—у каждаго шибая есть свой особый районъ, куда уже не суются другіе шибаи не изъ за какого нибудь принципа, разумѣется, а просто боясь „неудовольствіевъ“ могущихъ произойти изъ за этого.

По характеру торговли на шибаевъ нѣсколько похожи *прасолы*,—тоже временемъ наѣзжающіе въ деревню скупщики разныхъ издѣлій крестьянскаго хозяйства. Но прасолы вербуются исключително изъ городскихъ обывателей, тогда какъ шибай—самъ сынъ деревни, крестьянинъ, или, по крайней мѣрѣ, дворовый; затѣмъ прасолъ пріобрѣтаетъ товары не мѣною, а покупкой на чистыя деньги. Третья и послѣдняя отличительная черта прасола заключается въ томъ, что онъ скупаетъ товары, примѣняясь не къ характернымъ особенностямъ мѣстности, какъ шибай, а смотря по сезону. Къ Покрову осенью крестьяне вездѣ рѣжутъ телятъ, которыхъ не хотятъ пускать на зиму,—прасолы ѣдутъ и скупаютъ опойковыя телячьи кожи. Съ первой недѣли великаго поста они пріѣзжаютъ въ деревню скупать ягнятъ, которыя идутъ отъ нихъ или къ мясникамъ, или къ гуртовщикамъ, ведущимъ крупную торговлю скотомъ съ Москвою. Весною и лѣтомъ они пеньку собираютъ по деревнямъ, въ качествѣ прикащиковъ отъ крупныхъ купцовъ, имѣющихъ собственныя трепальни. Осенью они ѣздятъ по деревнямъ для покупки яблокъ и др. садовыхъ продуктовъ; дѣлаютъ они это или по порученію городскихъ лавочниковъ, или же сами отъ себя и потомъ продаютъ въ лавки же въ городѣ. Годовой чистый доходъ прасола 150—200 рублей.

Содержаніе *постоялыхъ дворовъ* въ прежнее время, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, когда существовали здѣсь гужевые хлѣбные пути, представляло очень выгодное занятіе для крестьянъ, живущихъ по большимъ дорогамъ. Въ д. Большой Жировой,—Фатежскаго уѣзда, на большой военной Московско-Севастопольской шоссейной дорогѣ, прежде было до 25-ти постоялыхъ дворовъ. Такъ какъ самая деревня эта находится не на самой большой до-

рогѣ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, то всѣ постоялые дворы выселились сюда на свой прежній выгонъ и выстроились по дорогѣ однимъ порядкомъ. Въ настоящее время постоялыхъ дворовъ здѣсь всего 3. Въ выселкахъ с. Колычева прежде было 4 постоялыхъ двора, теперь остался одинъ, да и тотъ патента не беретъ, — „потому не изъ—за чего; ежели брать патентъ да платить за него, то пожалуй и съ сумой пойдешь". Колычевскіе постоялые дворы стоятъ на дорогѣ изъ Курска въ Михайловку; прежде здѣсь, по этой дорогѣ шелъ хлѣбъ изъ Курска на Ригу и держать дворы было очень выгодно: за послѣдніе годы передъ постройкой Московско-Курской желѣзной дороги, по 700—1000 руб. въ годъ чистаго барыша на каждый дворъ заработывали. Теперь извоза почти нѣтъ, хлѣбъ пошелъ по желѣзнымъ дорогамъ; здѣсь возятъ только сахаръ и бичеву съ Михайловки, и доски и лѣсъ съ Дмитріева и Сѣвска—на Курскъ, соль съ Курска на Дмитріевъ и Сѣвскъ. Годовой доходъ нынѣ существующаго двора колеблется между 120—150 р. Всѣхъ постоялыхъ дворовъ и до нынѣ еще существующихъ въ изслѣдуемомъ нами районѣ считается по нашимъ сборникамъ—27, въ томъ числѣ въ Курскомъ уѣздѣ—16, въ Дмитріевскомъ—4, въ Суджанскомъ—1, въ Фатежскомъ—6. Средній годовой доходъ каждаго—200 руб. Стало быть, общій годовой доходъ всѣхъ 5400 рублей.

IV. Профессіональныя занятія.

Всѣ профессіональныя занятія, какъ занятія строго-спеціализированныя, представляютъ, точно также какъ и торговля, одинъ изъ самыхъ доходныхъ видовъ промысловой дѣятельности населенія. Занятія эти—не родовыя, не передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ напр., кустарныя производства и ремесла; они опредѣляются иногда личными способностями и наклонностями промышленника (пѣвчіе, музыканты, рядчики, охотники, рыбаки etc.); или же возникаютъ, благодаря разнымъ внѣшнимъ случайностямъ. Для иллюстраціи этого послѣдняго положенія разскажу здѣсь одинъ любопытный случай.

Въ дер. Градьковѣ, Ваблинской вол., Дмитріевскаго уѣзда, въ настоящее время большинство домохозяевъ занимаются отхожимъ водовознымъ промысломъ; возникъ здѣсь этотъ промыселъ всего два года тому назадъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Весною, четыре года тому назадъ, пошелъ вмѣстѣ съ прочими плотниками одинъ молодой парень; артель пришла въ Кіевъ. Работы сразу отыскать имъ не удалось, и пришлось долгое время всѣмъ сидѣть на пищѣ св. Антонія. Парень изъ артели куда то скрылся, не сказавшись никому; „браты" поискали—поискали его и наконецъ бросили: „не маленькій, де—

скать, и затеряется, что иголка въ сѣнѣ". Подобравши свои котомки и топоры, они отправились искать работы куда-то дальше, на югъ. По осени приходятъ своимъ порядкомъ домой; приходитъ вмѣстѣ съ ними и парень нашъ... Въ деревнѣ ахнули всѣ, не узнали его: на немъ была новенькая суконная поддевка, барскіе часы съ цѣпочкой, сапоги съ бураками; и деньгами къ тому-же бренчитъ въ карманѣ, въ кабакъ ходитъ и дома праздники справляетъ... Совсѣмъ богачемъ выглядитъ, а пошелъ на заработки совершеннымъ голякомъ. Стали къ нему приставать, распрашивали: „гдѣ ты, парень, такую деньгу добылъ?" —А все, говоритъ, по плотницкой же части, съ топоришкомъ, значитъ, ходилъ да постукивалъ, — вотъ и выстучалъ"... — Не можетъ быть этого рѣшили градьковцы; отъ топора экой деньги не заработаешь. Не путемъ, видно, нажиты его деньги"... А на слѣдующую весну парень опять въ Кіевъ отправляется и хвастается, что еще больше денегъ привезетъ. Поѣхалъ. Слѣдомъ за нимъ тронулась артель плотничья, чтобы найти тамъ какую нибудь работу и кстати „досмотрѣть", что тамъ парень дѣлаетъ, изъ какихъ источниковъ деньги достаетъ. Безъ особыхъ стараній имъ удалось узнать, что парень ни больше ни меньше, какъ воду возитъ „по господамъ"; заработокъ этотъ оказался очень выгоднымъ и такимъ образомъ появленіе у парня часовъ съ цѣпочкой и суконной поддевки объяснилось очень просто. Какъ только узнали объ этомъ на деревнѣ, на слѣдующую же весну снарядилось нѣсколько человѣкъ съ бочками въ Кіевъ. Парень на этотъ разъ уже не скрывалъ, а, напротивъ, всталъ во главѣ артели новыхъ водовозовъ, своихъ однодеревенцевъ, и училъ ихъ какъ слѣдуетъ дѣло повести, чтобы съ барышемъ домой вернуться... Теперь почти изъ каждаго дома въ дер. Градьковѣ ходятъ водовозами въ Кіевъ, и крестьяне очень довольны новымъ своимъ заработкомъ, такъ какъ онъ имъ приноситъ значительный доходъ и даетъ возможность существовать безбѣдно.

Профессіональныя занятія вч большинствѣ случаевъ представляютъ не массовое, а единичное явленіе (газетчики, пѣвчіе, артельщики, наборщики, музыканты) и своихъ особыхъ районовъ не имѣютъ; въ особенности это относится къ тѣмъ занятіямъ, которыя опредѣляются личными спеціальными способностями и наклонностями человѣка. Но тѣ изъ профессіональныхъ занятій, для которыхъ нужны не спеціальныя какія нибудь способности и склонности а простой навыкъ, умѣнье, — которыя, стало быть, похожи, по своимъ внѣшнимъ признакамъ, на „мастерщину", — сплошь да рядомъ организуются въ формѣ цѣлыхъ районовъ, группъ съ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. Таково, напр., булочное отхожее производство въ Курскомъ уѣздѣ, таковы упомянутые водовозы въ Дмитріевскомъ уѣздѣ и матросы въ Суджанскомъ.

Матросы. Матросы есть у насъ только въ Суджанскомъ уѣздѣ, въ Замостянской и Криничанской волости, всего 85 человѣкъ. Ходятъ они въ Таганрогъ, Маріуполь, Бердянскъ нанимаются на купеческія парусныя суда рѣч-

ного и каботажнаго черноморскаго плаванія. Служатъ только въ теченіе 7-ми лѣтнихъ мѣсяцевъ; на зиму приходятъ домой. Получаютъ по 15 р. въ мѣсяцъ; приносятъ домой по 60—70 р. каждый. Работа трудная и опасная,—„завсегда подъ Богомъ ходитъ, говорятъ крестьяне, завсегда у смерти въ глазахъ". Но не смотря на это, количество матросовъ съ каждымъ годомъ все увеличивается и увеличивается по Суджанскому уѣзду, такъ какъ промыселъ этотъ оказывается гораздо выгоднѣе, чѣмъ всѣ другіе здѣсь существующіе отхожіе промыслы и мѣстныя кустарныя производства. За послѣднія два года много народу стало уходить на этотъ заработокъ даже изъ Миропольской волости, благодаря тому, что здѣсь рухнула окончательно культура табаку, составлявшая главный и, для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, семей единственный, промыселъ здѣшнихъ крестьянъ. Въ бытность нашу въ г. Мирополье мы насчитали тамъ—въ самомъ городѣ и слободахъ, къ нему прилегающихъ,—до 40 семей, которыя за послѣдніе два года стали отправлять своихъ работниковъ въ Черноморье, въ качествѣ матросовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что это движеніе въ будущемъ разростется еще шире... Если чистый годовой заработокъ матроса принять среднимъ числомъ въ 65 р., то общая сумма заработка всѣхъ 85 зарегистрированныхъ въ сборникахъ матросовъ будетъ равняться 5525 рублямъ.

Не смотря однако на свою сравнительную выгодность, промыселъ этотъ отзывается на крестьянскомъ хозяйствѣ очень неблагопріятно, такъ какъ отвлекаетъ рабочія руки отъ земли на все время земледѣльческихъ, полевыхъ работъ. Точно также неблагопріятно отзывается этотъ промыселъ и на здоровье промышленниковъ. Они приносятъ съ чужой стороны разныя заразительныя болѣзни вродѣ сифилиса, прививаютъ ихъ къ своей семьѣ. Кромѣ того, чужая сторона развиваетъ въ нихъ наклонность къ самостоятельности, которую они вносятъ въ семью, разрушая тѣмъ ея старые, патріархальные „устои"...

Мѣстные жители уже такъ сжились и сроднились съ этимъ промысломъ, что среди нихъ уже сложилась масса разнообразныхъ пѣсенъ про заманчивый, далекій край, про веселые города тамошніе. Вотъ напр. начало одной изъ такихъ пѣсенъ:

„Драгоцѣнная мамаша,
На что меня родила?
Лучше-бъ ты меня, мамаша,
На Дунай рѣчку снесла...
Я поплылъ бы въ ту сторонку,—
Во столичный Таганрогъ... И т. д."

О деревенскихъ грамотѣяхъ, обучающихъ крестьянскихъ ребятъ, см. въ отдѣлѣ о грамотности.

О булочникахъ см. „Статист. Сборникъ по Курскому уѣзду".

V. Интеллигентно-профессіональныя занятія.

Эта група является, собственно говоря, подрубрикою предъидущей IV группы — „Профессіональныя занятія“ вообще. Но мы сочли нужнымъ выдѣлить ее въ особый отдѣлъ, что бы показать, какъ далеко ушло наше населеніе по пути образованія и интеллигентности. Необходимо оговориться здѣсь, что названіе „интеллигентный“, по отношенію къ тѣмъ занятіямъ, которыя вошли въ V групу нашу, слѣдуетъ принимать нѣсколько условно, такъ какъ мы включили сюда не только такихъ завѣдомо-интеллигентныхъ „промышленниковъ“, какъ адвокаты, нотаріусы, землемѣры, но и писарей волостныхъ, и конторщиковъ, и прикащиковъ, и столоначальниковъ, и даже писцовъ, служащихъ въ разныхъ канцеляріяхъ. Интеллигентность этихъ „промышленниковъ“, интеллигентность, въ общемъ смыслѣ слова, конечно очень сомнительна или весьма низкопробна. Но во всякомъ случаѣ писарь *для деревни* есть все-таки интеллигенція, такъ какъ онъ по своему образованію стоитъ выше массы сѣраго люда. У него есть кое-какіе книжныя познанія, газеты, которыя онъ просматриваетъ частію „по должности“, частію pour passer le temps, отъ нечего дѣлать, расширяютъ его умственный горизонтъ; наконецъ, постоянныя столкновенія съ людьми и необходимость рѣшать разныя сложныя вопросы юридическаго характера, которые ставятся и самой жизнію, и практикой волостныхъ правленій, все это дѣлаетъ его до извѣстной степени *умственнымъ*, интеллигентнымъ, человѣкомъ, — интеллигентнымъ, разумѣется, относительно и условно. Также условно причислены нами къ „интеллигенціи“ конторщики, управляющіе, служащіе въ разныхъ канцеляріхъ etc. А кто захочетъ опредѣлить количество „настоящей“ интеллигенціи, интеллигенціи въ собственномъ смыслѣ, въ нашихъ деревняхъ, тотъ можетъ это легко сдѣлать по приложенной при семъ таблицѣ (см. 60—69 стр.).

Всѣхъ промышленниковъ, причитанныхъ нами къ групѣ интеллигентныхъ профессіональныхъ занятій, считается по 5 уѣздамъ 653 чел.: въ томъ числѣ — мѣстныхъ 307 и отхожихъ — 346. Къ общему количеству всѣхъ промышленниковъ разныхъ категорій они относятся, какъ 1:90; къ общей же массѣ населенія мужскаго пола, какъ 1:440.

VI. Кустарныя производства.

Выше, въ первомъ общемъ отдѣлѣ нашего очерка, мы уже говорили о томъ, что промышленность вообще очень мало развита у насъ, въ черноземной полосѣ, и въ частности въ томъ районѣ, который составляетъ предметъ нашего изслѣдованія. Мы говорили уже тамъ, что если нашъ Курскій крестьянинъ и принужденъ силою обстоятельствъ за послѣднее время взяться за топоръ, за дратву и шило, то онъ во всякомъ случаѣ до сихъ поръ еще очень плохой промышленникъ, „слишкомъ мало подготовленъ къ занятію промыслами и производствомъ.“ Мы указывали на отсутствіе организаціи въ нашихъ промыслахъ; приводили разительные примѣры отсутствія спеціализаціи въ занятіяхъ и раздѣленія труда, и въ концѣ концовъ пришли къ тому заключенію, что характеръ населенія здѣшняго—исключительно земледѣльческій. И дѣйствительно, главнымъ базисомъ существованія здѣшнихъ крестьянъ служитъ земледѣліе, которое даетъ около 90% всѣхъ цѣнностей, производимыхъ населеніемъ нашего района. На долю промысловъ и кустарныхъ производствъ падаетъ, слѣдовательно, лишь ничтожная часть въ общемъ итогѣ крестьянскаго доходнаго бюджета. Они даютъ только 1/10 часть всѣхъ доходовъ, какіе получаетъ здѣшніе населеніе отъ всѣхъ своихъ занятій. Если мы вспомнимъ, что въ Московской губерніи крестьянинъ получаетъ отъ земледѣлія всего 44%, отъ промысловъ же и заработковъ разнаго рода 66% (В. И. Орловъ въ своихъ діаграммахъ, о которыхъ мы уже упоминали выше, см. стр. 3), и сопоставимъ эти цифры съ нашими выводами относительно Курской губерніи, то окажется, что промышленность даетъ здѣшнему крестьянину почти въ 7 разъ меньше, чѣмъ московскому. Еще разительнѣе эта разница между нашею губерніею и Московской по отношенію къ кустарнымъ производствамъ. У насъ, по 5 изслѣдованнымъ уѣздамъ, кустарными производствами занято всего 6,2% общаго числа всѣхъ промышленниковъ; въ Московской же губерніи, по количеству рабочихъ, производства эти занимаютъ первое мѣсто; ими занято около 80% общаго числа всѣхъ промышленниковъ.

Такое слабое развитіе кустарной промышленности у насъ, въ изслѣдуемомъ районѣ, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстные крестьяне издавна привыкли обходиться во всемъ собственными средствами. Понадобится крестьянину веревка—онъ самъ ее и приготовитъ изъ своей пеньки, не поѣдетъ за нею на базаръ въ городъ или сосѣднюю слободу; нуженъ ему кирпичъ для печки, сани, телѣга—и это все сдѣлаетъ самъ, не прибѣгая къ базару, къ издѣліямъ спеціалиста—кустаря. Если г. В. В. констатируетъ крайне низкую степень раздѣленія труда промыш-

леннаго и земледѣльческаго вообще во всей Россіи, то тѣмъ болѣе приложимо это къ нашей Курской губ., жители которой въ этомъ отношеніи могутъ быть поставлены на одномъ уровнѣ развѣ съ зырянами Вологодской губерніи (См. „Народы Россіи“, „Лѣсная глушь“ etc.).

По отношенію къ общему числу всего населенія обоего пола, кустари здѣшніе составляютъ всего 0,6%, т. е. одинъ кустарь приходится, стало быть, на 157 жителей. Въ частности, по уѣздамъ это отношеніе будетъ таково:

Въ Курскомъ уѣздѣ на 100 жителей	.	0,3	кустарей.
„ Суджанскомъ „ „ „ „	.	1,4	„
„ Дмитріевскомъ „ „ „ „	.	0,5	„
„ Фатежскомъ „ „ „ „	.	0,3	„
„ Льговскомъ „ „ „ „	.	0,7	„
По всѣмъ 5-ти уѣздамъ	.	0,6	„

При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, собственные наши деревенскіе кустари не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ мѣстнаго населенія, какъ мы уже говорили объ этомъ выше. Потребности эти удовлетворяются отчасти самими крестьянами, отчасти-же кустарями изъ такъ называемыхъ „посторонних“, живущихъ по деревнямъ, въ чертѣ деревенской осѣдлости, но не приписанныхъ къ крестьянскому обществу, изъ мѣщанъ, дворовыхъ, недоучившихся дьячковскихъ и пономарскихъ сыновей и т. д. По 4-мъ уѣздамъ кустарей и ремесленниковъ изъ постороннихъ мы насчитали 1484 чел. (См. выше, стр. 17), т. е. около 50% собственныхъ деревенскихъ кустарей изъ мѣстныхъ крестьянъ—земледѣльцевъ. Съ другой стороны, недостатокъ собственныхъ кустарей въ деревняхъ здѣшнихъ восполняется „нахожими“ промышленниками, которые приходятъ сюда „съ чужи“ на время только, на извѣстный сезонъ, когда происходятъ тѣ или другія работы. Таковы, напр.: бондари, столяры, овчинники, шерстобои etc.

Всѣхъ кустарей по нашему району переписью зарегистрировано 3631 чел. Самое большее количество ихъ приходится на Суджанскій уѣздъ—48% общаго количества, самое меньшее—на Фатежскій уѣздъ—9,2 %.

Въ Курскомъ уѣздѣ кустарныя производства распространены болѣе всего въ волостяхъ: Ямской, Стрѣлецкой и Казацкой, затѣмъ въ Каменевской, Чаплыгинской и Долговской. Въ Фатежскомъ уѣздѣ—въ Миленинской и Паньковской вол.; въ Дмитріевскомъ—въ Михайловской вол.; въ Льговскомъ уѣздѣ—въ Кожлянской, Ивановской и Нижне-Деревенской вол.; въ Суджанскомм уѣздѣ—въ Черноолешанской, Миропольской и Замостянской.

Вообще кустарныя производства у насъ группируются всегда въ крупныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ, вродѣ Мирополья, Поныровъ и Михайловки, и въ селеніяхъ, прилегающихъ къ этимъ крупнымъ центрамъ и къ

городамъ. И это естественно, такъ какъ здѣсь только кустарь—специалистъ можетъ найти вѣрный сбытъ своимъ издѣліямъ. Но тутъ представляется еще такого рода соображеніе: если кустарныя прозводства развиты, по преимуществу, въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Михайловка и Мирополье съ селеніями, къ ними прилегающими, и если пригородныя селенія даютъ также очень высокій % кустарей—промышленниковъ, то нельзя-ли заключить изъ этого, по аналогіи, что и города здѣшніе также принимаютъ не малое участіе въ кустарныхъ производствахъ,—и не косвенно, при посредствѣ только тѣхъ выходцевъ, которые разсматривались уже нами, какъ „посторонніе", живущіе въ деревнѣ, а прямо—путемъ заведенія собственныхъ мастерскихъ, образованія собственныхъ работниковъ? Съ большою вѣроятностью можно заключить, что города дѣйствительно принимаютъ большое участіе въ кустарной промышленности нашего края. Многіе производства главнымъ центромъ своимъ имѣютъ города. Таково веревочное производство, выдѣлка овчинъ, чулочный и кружевной промыселъ etc. Но въ настоящее время мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить даже приблизительно, насколько важную роль въ этомъ дѣлѣ играютъ города, какъ велико количество производимыхъ ими предметовъ и сколько именно рабочихъ рукъ среди городскаго населенія занято кустарнымъ производствомъ. Для того, чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы, необходимо произвести повсемѣстную перепись городского населенія. Только тогда, можно надѣяться, мы будемъ имѣть полную картину промышленной жизни нашего края.

Въ г. Курскѣ была разъ, когда-то, произведена такая перепись; это было очень давно но цифры, добытыя этой переписью и до сихъ поръ не потеряли своего значенія и интереса. Всего въ Курскѣ тогда насчитано было 20030 чел. мужескаго и 17291 женскаго пола. Въ томъ числѣ, занимающихся кустарнымъ производствомъ—3208 чел. муж. пола, или 18,5% общаго количества. Изъ этихъ послѣднихъ было зарегистрировано:

Бондарей - - - - - - -	163	чел.
Шапошниковъ и картузниковъ - -	94	„
Сапожниковъ и башмашниковъ - -	1003	„
Пушнарей и шубниковъ - - -	102	„
Булочниковъ и хлѣбниковъ - - -	226	„
Кожевенниковъ и сушниковъ - - -	341	„
Кузнецовъ - - - - - -	193	„
Столяровъ и токарей - - - -	331	„
Веревочниковъ - - - - - -	142	„
Кирпичниковъ и кафельщиковъ - -	110	„
Шорниковъ - - - - - -	43	„

И т. д., и т. д. Стало быть, кустарей въ Курскѣ въ 1865 году было почти столько же, сколько ихъ оказывается въ настоящее время по всѣмъ изслѣдуемымъ 5-ти уѣздамъ, съ населеніемъ въ 571,000 чел!... Кромѣ перечисленныхъ здѣсь, въ Курскѣ переписью зарегистрировано было тогда очень много рукавишниковъ, вязальщиковъ недоуздковъ, игрушечниковъ, гребеньщиковъ, шорниковъ — т. е. представителей такихъ отраслей промышленности, которыя даже и не встрѣчаются по деревнямъ изслѣдуемаго района. И такое громадное количество кустарей — промышленниковъ зарегистрировано было въ одномъ только г. Курскѣ, и еще въ 1865 году, девятнадцать лѣтъ тому назадъ! Какіе же выводы могли бы получиться, если бы мы имѣли теперь подъ руками переписи всѣхъ городовъ, входящихъ въ изслѣдуемый нами районъ? — Если и по всѣмъ другимъ городамъ нашего края кустарныя производства также сильно развиты, какъ и въ Курскѣ, то изъ этого необходимо заключить, что кустарная промышленность у насъ носитъ по преимуществу городской характеръ. Но, къ сожалѣнію, мы ничѣмъ, кромѣ приведенныхъ цифръ по г. Курску, не можемъ подтвердить и обосновать своего вывода и онъ остается простымъ предположеніемъ, за которымъ есть только небольшая доля достовѣрности.

Кустарныя производства, равно какъ и всѣ вообще промыслы, создаются подъ вліяніемъ одной общей обусловливающей ихъ причины, заключающейся въ томъ, что земледѣльческія занятія не въ состояніи прокормить населеніе извѣстной мѣстности. Но выборъ извѣстнаго промысла, приложеніе народныхъ силъ къ тому или другому виду промышленности зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ тысячи причинъ, самыхъ разнообразныхъ и непостоянныхъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить только одно, — это то, что здѣшніе крестьяне, какъ истые земледѣльцы, съ молокомъ матери всосавшіе привязанность къ землѣ — кормилицѣ, охотнѣе всего берутся за земледѣльческія промыслы, если есть къ тому хоть какая-нибудь возможность. Никогда крестьянинъ не бросится на фабрику или на заводъ, никогда не пойдетъ въ „Адестъ“ съ топоришкомъ, или въ Ростовъ въ кучера, если у него подъ бокомъ есть барская экономія, гдѣ требуется наемный трудъ, наемные рабочіе, или по близости живутъ четвертные многоземельники и богачи, которые также не въ состояніи убрать свои поля безъ помощи батраковъ и поденщиковъ. Только тамъ, гдѣ уже нѣтъ никакой возможности удержаться за землю — или потому, что естественная производительность земли весьма незначительна, или потому, что предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ спросъ на нихъ со стороны землевладѣльцевъ, — только тамъ крестьяне берутся за что-нибудь стороннее, не относящееся къ земледѣлію; только въ этомъ случаѣ крестьянинъ и въ Адестъ пойдетъ, и овчины выдѣлывать, и горшки лѣпить примется. Эту общую тенденцію нашего крестьянства къ земледѣльческимъ промысламъ отмѣчаютъ и др. изслѣдователи по другимъ

губерніямъ, такъ что нашъ районъ не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія.*) При выборѣ сторонняго, не—земледѣльческаго занятія, не замѣчается, чтобы крестьяне руководствовались какими-нибудь разумными соображеніями, обусловливающими необходимость появленія извѣстнаго промысла въ данной мѣстности,—нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ они принимаются за промыселъ подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ. Возникновеніе въ деревняхъ разныхъ отраслей промышленности вполнѣ самородно, стихійно, сказалъ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ изслѣдователей кустарнаго производства. Мы видѣли уже выше, какъ возникъ водовозный промыселъ въ д. Градьковѣ, Дмитріевскаго уѣзда. Также случайно возникло здѣсь поясное производство въ Фатежскомъ и Щигровскомъ уѣздѣ. Какая-то баба, „изъ подъ Орла“, выданная сюда за-мужъ познакомила жителей здѣшнихъ съ техникой производства кушаковъ и цвѣтныхъ праздничныхъ поясовъ. Штука оказалась немудреная, приспособленій требовалось немного,—и въ скоромъ времени всѣ бабы въ околодкѣ обзавелись станами и стали ткать кушаки и плесть поясья. Точно также выросли и развелись у насъ овчинники, появившіеся только въ очень недавнее время и перенявшіе свое „рукомесло“ у Орловскихъ овчинниковъ, которые приходили, бывало, сюда каждое лѣто и деньгу большую наживали.

Въ частности, если взять только одни кустарные промыслы, то изъ всѣхъ случайныхъ, непостоянныхъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на возникновеніе извѣстнаго промысла въ данномъ районѣ, особенно рельефно выдѣляются три главныя: 1) случайное ознакомленіе съ техникой производства; 2) близость сырого матеріала, изъ котораго приготовляются издѣлія, и 3) близость рынка для сбыта. Эти три фактора имѣютъ важное, даже первостепенное значеніе, не только въ дѣлѣ возникновенія, но и въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія и распространенія промысла. Если веревочное производство возникло здѣсь, главнымъ образомъ, благодаря тому, что здѣсь издавна существовала конопляно-пеньковая культура, то оно и поддерживается до сихъ поръ и развивается, только благодаря ея существованію, и можно смѣло сказать, что уничтожится въ первый же день послѣ того, какъ Курская губ. перестанетъ производить коноплю. Если разные виды щепнаго производства развились здѣсь вслѣдствіе обилія лѣсовъ въ прежнее время въ здѣшнемъ краѣ, то съ уничтоженіемъ этихъ послѣднихъ они гибнутъ теперь и исчезаютъ, какъ исчезли во многихъ промышленныхъ и густонаселенныхъ уѣздахъ Московской губ., гдѣ не осталось ни прута лѣсу. Точно также горшечники и каменотесы—могутъ работать и заниматься своимъ производствомъ только до тѣхъ поръ, пока не истощатся въ мѣстной почвѣ глина и камень, существо-

---

*) См. напр. И. А. Вернера—„Кустарное ткачество въ Московской губ.“ Промыслы Московской губ., т. V, стр. 5.

ваніе которыхъ вызвало на свѣтъ Божій оба эти промысла. Правда, бываетъ иногда такъ, что кустарь, лишившійся вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ матеріала для своихъ издѣлій, который находился до сихъ поръ у него подъ руками, начинаетъ закупать сырье на отдаленномъ рынкѣ, какъ дѣлаютъ, напр., въ настоящее время Черноолешанскіе повозочники; но это происходитъ только въ тѣхъ случаяхъ, если промыселъ достигъ извѣстной степени развитія, если онъ получилъ уже капиталистическую организацію, отлился въ форму крупнаго производства;—если населеніе, занимаясь производствомъ въ теченія цѣлыхъ десятковъ или даже сотенъ лѣтъ (Московское ткачество), привыкло къ нему, сроднилось съ нимъ и если, наконецъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, сопровождающихъ добываніе сыраго матеріала, производство это продолжаетъ быть почему-либо выгоднымъ для населенія. Въ противномъ случаѣ, при несуществованіи какого-либо изъ этихъ условій, кустарь не переживаетъ окончательнаго уничтоженія сырого матеріала въ той мѣстности, гдѣ онъ живетъ, и сходитъ со сцены вмѣстѣ съ послѣднимъ кускомъ глины, который онъ вырываетъ въ своей горѣ, вмѣстѣ съ послѣднимъ бревномъ, которое вывозитъ изъ своего лѣса.

Съ другой стороны, близость рынка для сбыта также всегда очень чувствительно отзывается на развитіе производства и сильно вліяетъ на его организацію. Съ проведеніемъ желѣзной дороги веревочники—ремесленники Льговскаго уѣзда расправили свои крылья и стали производить издѣлія не только по заказу, но и на продажу; веревка—простая цѣнность, производимая имъ, получила значеніе товара. Въ виду легкаго сбыта своихъ издѣлій, промышленникъ началъ стараться производить ихъ какъ можно больше. Наряду съ этимъ, стало увеличиваться и общее количество рабочихъ рукъ, занятыхъ веревочнымъ производствомъ, такъ какъ, въ виду того же легкаго сбыта и обилія сырья, оно являлось занятіемъ весьма выгоднымъ. Въ слоб. Михайловкѣ, Дмитріевскаго уѣзда, наоборотъ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и съ уничтоженіемъ гужевыхъ путей, уничтожился мѣстный рынокъ для сбыта; некому стало закупать веревокъ, производимыхъ здѣшними кустарями. Производство подверглось вслѣдствіе этого сильному кризису и если не пало, то только благодаря тому, что исконная привычка населенія къ веревочному промыслу, равно какъ и обиліе сыраго матеріала въ здѣшней мѣстности, поддержали его. За то кризисъ отразился на производствѣ инымъ образомъ. Благодаря уничтоженію мѣстнаго рынка для сбыта, оно приняло систему крупной организаціи, такъ какъ при настоящихъ условіяхъ кустарю—одиночкѣ стало невозможно сбывать свои издѣлія прямо и непосредственно потребителю или торговцу, потому что для этого понадобилось бы возить каждому свои издѣлія, по меньшей мѣрѣ, въ Курскъ, за 80 верстъ.

Въ силу этого, производство должно было принять крупную, капиталистическую организацію, потому что, въ противномъ случаѣ, оно здѣсь изве-

лось бы изморомъ отъ собственнаго безсилія и отъ невозможности конкуррировать съ сосѣдями—производителями Фатежскаго и Льговскаго уѣздовъ, которые болѣе гарантированы относительно сбыта близостію желѣзныхъ дорогъ и такихъ крупныхъ населенныхъ центровъ, какъ г. Курскъ.

Заработокъ кустаря въ здѣшнемъ районѣ далеко не такъ высокъ, какъ въ мѣстностяхъ не—черноземныхъ, какъ напр. во Владимірской и Московской губ. Тамъ горчешникъ зарабатываетъ въ годъ 150 р. *) бондарь 175 р. **) овчинникъ 80 р., тележникъ 150. У насъ здѣсь годовой чистый заработокъ горшечника едва равняется 80 р., бондаря 90 р., тележника 90 р., овчинника 50 р. Зависитъ это во—первыхъ оттого, что у здѣшняго кустаря количество рабочихъ дней въ году гораздо меньше, чѣмъ у Московскаго или Владимірскаго. Тотъ же Владимірскій горшечникъ работаетъ въ теченіи года 150 дней, тогда какъ нашъ Курскій всего 100—120 дней; сезонъ рабочаго времени у Владимірскаго бондаря продолжается 180 дней, у нашего всего 90 дней и т. д. Владимірскій кустарь—непремѣнно спеціалистъ, занятый почти исключительно однимъ только промысломъ; имъ онъ и живетъ, и кормится, и подати платитъ; на землю ему расчитывать нечего, потому что земля тамъ—не мать, а мачиха для человѣка: „не кормитъ его, не поитъ, какъ говорятъ крестьяне, а сама старается кормиться около него". Поэтому тамошній кустарь, давно уже сознавшій все это, очень немного времени посвящаетъ землѣ; обработываетъ ее „какъ нибудь", на авось, „черезъ пятое въ десято", въ тѣхъ мысляхъ, что какъ ты ее не обрабатывай, все равно никакого толку отъ этого не будетъ, не подаритъ она его золотыми горами; все равно съ Филипповокъ хлѣбъ покупать придется. Большая часть его времени уходитъ на кустарное производство, которымъ нормируется весь строй его хозяйства, отъ котораго зависитъ существованіе его самого и его семьи. Положеніе же нашего кустаря, кустаря на черноземѣ совсѣмъ иное. Здѣсь земледѣліе составляетъ, какъ мы уже не разъ упоминали объ этомъ, главное коренное занятіе жителей, а промыселъ играетъ роль подсобную, второстепенную. На какое—нибудь телѣжное производство здѣсь смотрятъ, какъ на занятіе „между дѣломъ", разумѣя въ этомъ случаѣ подъ „дѣломъ" трудъ чисто земледѣльческій, полевой. Во Владимірской губ. даже такія мелкія кустарныя производства, какъ, напр., гончарное, бондарное, шаповальное, оказывается, расшатываетъ земельное хозяйство двора, лишая его лошади и заставляя сдавать свои надѣлы сосѣдямъ. У нашихъ кустарей, слишкомъ тяготѣющихъ къ землѣ и занимающихся промысломъ только „между дѣломъ," такіе примѣры обезлошадѣнія дворовъ кустарей встрѣчаются очень рѣдко,—только въ тѣхъ производствахъ и въ тѣхъ районахъ, гдѣ кустарь въ силу

*) Пром. Влад. губ., вып. V С. А. Харизоменова, стр. 141.

**) ibid., стр. 165.

извѣстныхъ, бытовыхъ и историческихъ условій вступилъ на путь крупнаго, домашняго производства (веревочники въ Михайловкѣ, богомазы и обряжальщики иконъ въ Борисовкѣ, сапожники и кузнецы въ Мирополья).

Во вторыхъ, болѣе низкій заработокъ нашихъ Курскихъ кустарей объясняется также тѣмъ, что продуктивность ихъ труда далеко не такъ велика, какъ продуктивность кустаря Владимірскаго или Московскаго. Объясняется это опять таки тѣми же обстоятельствами, о которыхъ мы только что говорили. Занятіе производствомъ только „между дѣломъ,“ въ свободное отъ полевыхъ работъ время, разумѣется, не можетъ выработать въ нашемъ кустарѣ привычки къ быстротѣ работы, не говоря уже объ отчетливости, изяществѣ и болѣе или менѣе совершенной, красивой отдѣлкѣ разныхъ кустарныхъ издѣлій,—этого послѣдняго нечего и искать у нашихъ кустарей. По быстротѣ работѣ нашему промышленнику никакъ не угнаться за спеціалистомъ-Владимірцемъ, который работаетъ чуть не вдвое скорѣе его. Телѣжникъ напр. въ Фуниковогорской волости, Покровскаго уѣзда, дѣлаетъ по 3 саней въ недѣлю,[1]) тогда какъ нашъ Курскій телѣжникъ (с. Рѣчица, Льговскаго уѣзда) 3 саней дѣлаетъ въ 11—12 дней,—стало быть, вдвое медленнѣе Владимірскаго.

Кромѣ того, есть и еще одна причина, почему заработокъ кустаря нашего ниже, чѣмъ заработокъ его собрата-кустаря центральныхъ губерній. Причина этого—дешевизна кустарныхъ произведеній въ здѣшнемъ краѣ, сравнительно съ Московской и Владимірской губ. Горшокъ въ Переславскомъ ѣздѣ, Владимірской губ., стоитъ 5 к.[2]), у насъ—2—3 к. (на мѣстѣ, въ покупкѣ у кустаря). Простыя сани-розвальни въ Покровскомъ у., той же губ., стоятъ 4—5 р. [3]), у насъ здѣсь, по изслѣдуемому району 2—3 руб. etc. И это не потому чтобы матеріалъ, изъ котораго приготовляются эти издѣлія былъ у насъ дешевле, чѣмъ тамъ, въ Влад. губ.,—далеко нѣтъ. Нашему горшечнику обходится пудъ глины въ 10—12 к., Владимірскому—въ 5—6 к.; нашему повозочнику на 1 сани нужно матеріала на 1 р. 80 к., Владимірскому—всего 1 р. 50 к. Стало быть, дешевизна матеріаловъ тутъ ни при чемъ; главная же причина дешевизна кустарныхъ издѣлій въ здѣшнемъ краѣ заключается въ томъ что здѣсь въ черноземномъ районѣ хлѣбъ и всѣ вообще средства къ жизни стоятъ гораздо дешевле, чѣмъ въ губерніяхъ центральныхъ; да и minimum потребностей рабочаго, отражающійся на цѣнности его издѣлій, или даже прямо опредѣляющій ее, у здѣшняго некультурнаго кустаря, несомнѣнно, ниже, чѣмъ у кустаря Владимірскаго, человѣка въ большинствѣ случаевъ „полированнаго“, покушавшаго уже яблоковъ съ „древа познанія добра и зла“ нашей городской, „самоварной“ цивилизаціи.

---

[1]) Промыслы Влад. губ., вып. IV. В. С. Пругавина.

[2]) Пром. Влад. губ., выпускъ V, С. А. Харизоменова.

[3]) Пром. Влад. губ., вып. IV.

Чистый годовой заработокъ здѣшняго кустаря среднимъ числомъ можно опредѣлить въ 50 рублей.

Общая же сумма заработка всѣхъ здѣшнихъ кустарей будетъ равняться 50×3631 чел.=181,550 р. Какъ незначительна кажется эта цифра съ заработкомъ земледѣльческихъ рабочихъ промышленниковъ! *) Если подвести итоги заработкамъ этихъ послѣднихъ, то получится весьма почтенная цифра до 5,000,000 р., въ сравненіи съ которой общая сумма годоваго заработка кустарей кажется каплей въ морѣ.

Экономическое состояніе здѣшнихъ кустарей, разумѣется, далеко не вездѣ одинаково. Тамъ, гдѣ производство стоитъ еще на первой стадіи своего развитія и представляетъ типъ мелкой промышленности, оно служитъ значительнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ и никакого отрицательнаго вліянія на него не оказываетъ. Давая крестьянамъ занятіе только во время свободное отъ полевыхъ работъ, промыселъ въ этомъ случаѣ не оказываетъ пагубнаго вліянія на состояніе земледѣлія среди кустарей, не отрываетъ ихъ отъ сохи и бороны и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ возможность заработать лишніе 50—60 р. на покрытіе хозяйственнаго дефицита, который остается ежегодно у средней крестьянской семьи. Таковы производства—бондарное, валяльное, угольное, кирпичное, шорное и многіе виды щепнаго промысла (деревянныя издѣлія—прялки, улья, сани, колеса etc.)

Но совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся тѣ производства, которыя получили капиталистическую, крупную организацію. Здѣсь экономическое положеніе и уровень земледѣлія стоятъ на очень низкой ступени. Промыселъ, вторгаясь въ патріархальную жизнь деревни, сильно вліяетъ на неравномѣрное распредѣленіе экономическихъ благъ, разбиваетъ населеніе на два противоположные и другъ другу враждебные лагеря, давая однимъ—промышленныя орудія, землю и скотъ, а другимъ оставляя только голыя рабочія руки.

Къ этому типу относятся нѣкоторыя производства, распространенныя въ большихъ торговыхъ центрахъ—Мирополье и Михайловкѣ, какъ-то: веревочное производство, кожевенное, сапожное и отчасти кузнечное. Теперь мы не будемъ подробно разсматривать экономику и уровень земледѣлія у кустарей разныхъ типовъ, потому что при детальномъ разсмотрѣніи разныхъ производствъ намъ, все равно, придется останавливаться на этомъ и говорить объ экономическомъ положеніи кустарей.

Веревочники.

Веревочное производство тѣсно связано съ пеньковой культурой, поэтому оно существуетъ вездѣ, гдѣ только разводятъ коноплю. Въ пяти разсматриваемыхъ нами уѣздахъ веревочники разсѣяны повсемѣстно или въ видѣ цѣ-

*) См. таблицы промышленныя, группу I, здѣсь мы принимаемъ, кромѣ того, доходы, получаемые крестьянами съ конопляно-пеньковой культуры.

лыхъ районовъ съ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. Въ формѣ организованнаго промысла, имѣющаго свой районъ, производство веревокъ здѣсь встрѣчается—въ Курскомъ уѣздѣ въ слоб. Казацкой, въ Фатежскомъ—въ селеніяхъ Миленинской вол., прилегающимъ къ самому городу, въ Дмитріевскомъ—въ большой и торговой слободѣ Михайловкѣ, въ Льговскомъ—въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Вышне-и Нижне-Деревенской вол., и въ Суджанскомъ—въ слоб. Бѣлой.

Вообще веревочное производство распространено здѣсь довольно значительно и повсемѣстно. Но главными центрами производства являются у насъ несомнѣнно, города: Фатежъ, Дмитріевъ и Льговъ, въ которыхъ мы насчитали до 20-ти крупныхъ „прядильныхъ заведеній“. Производство веревочное здѣсь было вызвано къ жизни трепальными заведеніями (см. „коноплянопеньковое производство“), которыя издавна стягивали сюда всю мѣстную пеньку для окончательной ея обработки. Здѣсь, на этихъ трепальныхъ заведеніяхъ, получается обыкновенно отъ пеньки много отбросовъ—пакли, „костылевки“ etc., которые ни на что больше и не годятся, какъ только на веревки. Это и подало поводъ горожанамъ начать веревочное производство, чтобы утилизировать такимъ образомъ отбросы. Какъ содержатели—хозяева этихъ прядилень, такъ и рабочіе здѣсь всѣ изъ городскихъ обывателей; поэтому Бюро наше, занимающееся изслѣдованіемъ одного только крестьянскаго хозяйства, никакихъ свѣдѣній о городскихъ веревочныхъ заведеніяхъ не имѣетъ и не можетъ, даже приблизительно, опредѣлить количества рабочихъ рукъ занятыхъ по городамъ этимъ производствомъ. Намъ извѣстно только, что производство на этихъ прядильняхъ ведется наемными рабочими, которые набираются по большей части изъ бѣднѣйшей части городскаго населенія. Извѣстно также, что производство здѣсь довольно значительно, какъ говорятъ объ этомъ люди компетентные,—гораздо значительнѣе даже, чѣмъ производство деревенскихъ кустарей. Изъ Фатежа веревка отправляется въ Курскъ, изъ Дмитріева—въ Льговъ, гдѣ ее разбираютъ отчасти здѣшніе торговцы для своихъ лавокъ, отчасти-же пріѣзжающіе сюда скупщики изъ Кіева, Екатеринослава, Одессы etc.

Главнымъ же центромъ производства деревенскаго, исключительно крестьянскаго, считается у насъ слоб. Михайловка, Дмитріевскаго уѣзда, въ которой переписью нашей зарегистрировано 194 челов., занимающихся веревочнымъ производствомъ.

Всѣхъ веревочниковъ къ кустарямъ причислить невозможно, потому что значительная часть ихъ работаетъ только по заказу, изъ принесеннаго хозяевами—заказчиками матеріала. Эти веревочники—ремесленники, собственно говоря, должны бы были быть отнесены нами къ послѣдней группѣ, гдѣ по-

мѣщены всѣ ремесленники и мастеровые, производящіе свои работы по найму и по заказу. Но чтобы не разбиваться, мы помѣстили ихъ вмѣстѣ съ кустарями и скажемъ здѣсь за-одно о тѣхъ и другихъ.

Одиночекъ—веревочниковъ, съ ремесленнымъ характеромъ, въ изслѣдуемомъ нами районѣ, по нашимъ сборникамъ считается всего 50 чел. По уѣздамъ они распредѣляются такимъ образомъ: въ Курскомъ 12 чел., въ Дмитріевскомъ 3, въ Льговскомъ 27, въ Фатежскомъ 8. Инструменты и орудія у нихъ такіе-же, какъ и у кустарей. Работаютъ они отъ аршина—по 1 к., или по 25 коп. за „спускъ“ (25 арш.—спеціальный терминъ). Работаютъ только по веснѣ, начиная съ половины апрѣля и до 20 іюля. Въ это время крестьяне заготовляютъ себѣ веревки на рабочую пору и у веревочника бываетъ постоянно на рукахъ масса заказовъ. Рабочій сезонъ—продолжается не дольше 70 дней. Въ 1 день веревочникъ, при помощи бабы или мальчика подростка, сработаетъ около 2 выпусковъ; стало быть, въ 70 дней онъ всего спрядетъ 3500 арш. Считая по 1 к. за арш., выходитъ, что воловой его заработокъ равняется 35 руб.; изъ того числа на ежегодное погашеніе основнаго капитала (колесо) и ремонтъ идетъ 50 к. остается значитъ чистой выручки 34 руб. 50 коп. А всѣ вмѣстѣ веревочники—ремесленники выручаютъ стало быть 1725 р. Производство ведется прямо на улицахъ, предъ окнами, или во дворѣ. Сорты издѣлій: веревки *правильныя* (тяжи для телегъ), *возовыя* и *возжи*; по нуждѣ сдѣлаютъ и *канатъ*.

Веревочниковъ—кустарей во всѣмъ указанномъ нами районѣ 496 чел., въ томъ числѣ въ Дмитріевскомъ уѣздѣ 191 чел., Фатежскомъ 87 чел., Суджанскомъ 13 чел., Курскомъ 28 чел. и Льговскомъ 75 чел.

Когда именно возникло здѣсь производство веревки—сказать объ этомъ невозможно. „Такъ изстари ведется“, вотъ отвѣтъ, который мы получали постоянно отъ здѣшнихъ крестьянъ на всѣ наши вопросы о времени возникновенія этого промысла. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что производство веревочное существуетъ здѣсь дѣйствительно издавна. Сначала, вѣроятно, каждый домохозяинъ вилъ веревки самъ для себя; потомъ, съ теченіемъ времени, когда въ занятія здѣшнихъ крестьянъ стала проникать мало по малу спеціализанія и въ деревенской жизни обозначилась потребность въ спеціалистахъ—промышленникахъ, стали появляться здѣсь и спеціалисты веревочники, съ ремесленнымъ характеромъ, какія были только что описаны нами.

Нѣтъ сомнѣнія, что такія веревочники—ремесленники, работающіе только по заказу, составляютъ явленіе стараго, уже нынѣ отживающаго порядка. Это было первою стадіею въ промышленномъ развитіи веревочнаго производства. Затѣмъ, когда началась здѣсь торговля пенькою, появились и кустари, вслѣдствіе того, что торговое движеніе создало крупные промышленные центры, куда стека-

лось громадное количество нетрепанной крестьянской пеньки для окончательной обработки и отправки за-границу. Въ этихъ то центрахъ пеньковой торговли, которыми на первыхъ же порахъ сдѣлались города и большія слободы (гг. Фатежъ, Льговъ, Дмитріевъ и сл. Михайловка), и появились въ первое время веревочники—кустари, работавшіе уже не по заказу какъ ремесленники, а на продажу. Съ теченіемъ времени, благодаря тому что это производство оказалось довольно выгоднымъ, за него взялись и крестьяне ближайшихъ къ названнымъ центрамъ селеній,—и такимъ путемъ образовались цѣлые районы кустарей-веревочниковъ. Пеньковая торговля не только создала веревочное производство въ нашихъ краяхъ, но она нормировала этотъ промыселъ и въ дальнѣйшемъ его развитіи. Всѣ колебанія этой торговли, какъ-то: перемѣщеніе ея центровъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ условій, уменьшеніе сбыта пеньки, уменьшеніе ея посѣвовъ etc..—все это ощутительнымъ образомъ отражалось и на веревочномъ производствѣ.

До половины 60-хъ годовъ главнымъ центромъ производства считали слоб. Михайловку и это было безспорно справедливо, потому что Михайловка въ то время служила главнымъ рынкомъ для пеньки. Вся пенька Рыльскаго, Льговскаго, Дмитріевскаго, Курскаго и половина Фатежскаго уѣздовъ шла тогда въ Петербургъ и Ригу, и Михайловка, вмѣстѣ съ неподалеку отъ нея лежащею слободою Лужками (Орловской губ., въ 8-ми верстахъ), была центральнымъ мѣстомъ, куда стекалась почти вся пенька названныхъ уѣздовъ и откуда она, вытрепанная и задѣланная при помощи прессовъ въ тюки, направлялась уже на сѣверъ, къ побережью Балтійскаго моря. Черезъ Михайловку постоянно, и лѣто, и зиму тянулись обозы съ пенькою изъ Дмитріева и Рыльска. Въ самой Михайловкѣ въ концѣ 50-хъ годовъ считалось до 15-ти трепаленъ, которыя отпускали ежегодно громадное количество готовой пеньки. Вслѣдствіе этого и веревочное производство здѣсь шло ходко. Количество веревочниковъ было очень значительно; издѣлія здѣшняго производства наполняли рынки всей Курской губ., доходили до Харькова, до Кіева и Ростова—съ одной стороны, и до Риги и Петербурга съ другой. Производство дошло до своего апогея, до высшей степени процвѣтанія во время Севастопольской компаніи, когда на театрѣ военныхъ дѣйствій потребовалась масса веревокъ разныхъ сортовъ. Большая военная Московско-Крымская шоссейная дорога, построенная въ 1854 г. спеціально для прямаго сообщенія Москвы съ Севастополемъ, прошла отъ Михайловки въ очень близкомъ разстояніи, такъ что доставка веревки до Фатежа (35—40 верстъ), стоявшаго какъ разъ на шоссейной дорогѣ не представляла ни какого затрудненія. Дѣло шло какъ по маслу. Цѣна на веревки въ теченіе 1853—55 гг. дошла до баснословной высоты. Веревочники Михайловскіе ликовали и съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ расширяли свое производство. У кого было до этого времени 1—2 колеса, тотъ за три года дошелъ до 8—10

колесъ; у кого было прежде 2—3 челов. наемныхъ рабочихъ, тотъ сталъ теперь держать 10—12 челов. Завелось много новыхъ прядиленъ. Производство увеличилось вчетверо или впятеро.... Но эта ажитація скоро прошла, война прекратилась—и сбытъ сталъ опять меньше. А тутъ, черезъ 10 лѣтъ после этого, провели Московско-Курскую желѣзную дорогу, за ней Курско-Кіевскую—и Михайловскіе веревочники очутились въ самомъ неказистомъ положеніи, потому что центръ пеньковой торговли здѣшняго района перешелъ отсюда въ гг. Дмитріевъ, Льговъ, Фатежъ и Курскъ. Пенька стала привозиться сюда мало. Количество трепаленъ сразу упало до 6, а затѣмъ и до 4. Самый сбытъ веревокъ сдѣлался гораздо затруднительнѣе: прежде издѣлія здѣшнихъ веревочниковъ закупались на мѣстѣ пріѣзжавшими сюда купцами, которые вели торговлю пенькою, или же купцамя мѣстными, которые отправляли ихъ на сѣверъ къ Петербургу вмѣстѣ съ пресованной пенькою. Теперь, съ постройкою желѣзныхъ дорогъ и съ уничтоженіемъ гужевыхъ путей, веревочникамъ приходится самимъ, своими собственными средствами, отправлять веревки въ мѣстности, которыя нуждаются въ подобнаго рода издѣліяхъ. А это значительно усложняетъ дѣло и естественно повышаетъ цѣну на веревки. Да это еще бы куда ни шло; но дѣло въ томъ, что съ прекращеніемъ извоза, некуда стало сбывать веревку, не стало совсѣмъ рынковъ для нея. Главный сбытъ ея прежде былъ на сѣверъ, въ Смоленскую, Тверскую и Петербургскую губ., (Орловская губ. въ веревкахъ привозныхъ не нуждается, потому что она входитъ въ составы пеньково-конопляннаго района и имѣетъ своихъ веревочниковъ), и это устраивалось прежде очень легко, благодаря тому, что веревку отвозили туда, между прочимъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ и пенькою. Въ настоящее же время пришлось бы везти ее туда нарочно, а это повлекло бы за собою большія затраты, которыя несомнѣнно отразились бы очень невыгодно на цѣнѣ. Отправлять же веревки на сѣверъ по желѣзной дорогѣ для Михайловки также невозможно, потому что ближайшая Московско-Курская линія проходитъ отъ нея въ 80 верстахъ. Это солидное разстояніе уничтожаетъ всякую выгоду транспортированія веревокъ по желѣзной дорогѣ Остается, стало быть, для Михайловской веревки только одинъ внутренній рынокъ—своя Курская губ. Но и здѣсь встрѣчается большое затрудненіе въ томъ, что всѣ ближайшіе города: Дмитріевъ, Льговъ, Фатежъ и Щигры, имѣютъ и свои прядильныя заведенія, и своихъ веревочниковъ. „Некуда сунуться съ веревкой, хоть къ туркѣ поѣзжай“, юмористически подтруниваютъ веревочники надъ своимъ положеніемъ. Единственнымъ мѣстомъ для сбыта остается Курскъ, но при помощи его одного уѣхать далеко нельзя...

Благодаря этимъ двумъ главнымъ обстоятельствамъ—уничтоженію пеньковаго извоза и недостатку рынка для сбыта, веревочное производство слоб. Михайловки за послѣдніе годы значительно пошатнулось. Количество рабо-

чихъ рукъ, занятыхъ имъ, по общему отзыву, значительно уменьшилось; уменьшилась вмѣстѣ съ тѣмъ и сумма общаго производства. У рабочихъ-кустарей Михайловскихъ въ настоящее время существуетъ общая тенденція перемѣнить свой промыселъ на что—ниб. другое, болѣе существенное, такъ какъ заработная плата ихъ очень понизилась. Въ слободѣ Жидяевой, находящейся рядомъ съ Михайловкою, крестьяне занимались прежде производствомъ веревокъ вмѣстѣ съ Михайловкою; теперь же промыселъ этотъ они почти совсѣмъ бросили и ударились всѣ по каменьщицкой части. Въ нынѣшнемъ 1884 г., съ весны, ушло отсюда, въ качествѣ каменьщиковъ, человѣкъ 70—80, и, говорятъ, количество этихъ отхожихъ промышленниковъ здѣсь съ каждымъ годомъ все увеличивается и увеличивается. Что-нибудь подобное этому мы увидимъ, вѣроятно, скоро и въ слоб. Михайловкѣ... По количеству и качеству своихъ издѣлій Михайловка до сихъ поръ еще занимаетъ первое мѣсто среди другихъ деревенскихъ веревочныхъ районовъ, но, благодаря измѣнившимся условіямъ сбыта и перемѣщенію центра пеньковой торговли въ другія мѣстности, Михайловка, вѣроятно, должна будетъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, уступить свое первенство другимъ районамъ.

Въ такомъ же положеніи находятся Фатежскіе и Дмитріевскіе городскіе и пригородные кустари, которые тоже не могутъ найти рынка для своихъ издѣлій.

Совсѣмъ иное явленіе представляетъ веревочное производство въ южной половинѣ изслѣдуемаго района: въ слободѣ Казацкой, Курскаго уѣзда, въ Вышне и Нижне-Деревенскихъ волостяхъ, Льговскаго, и слоб. Бѣлой, Суджанскаго уѣзда. Здѣсь производство не падаетъ, а развивается съ каждымъ годомъ.

До проведенія желѣзныхъ дорогъ въ г. Льговѣ. собственно говоря, не было рынка для пеньки; трепальныхъ заведеній, около которыхъ группируется вся пенька, скупаемая у крестьянъ, здѣсь было всего одно или два. Вслѣдствіе этого здѣсь мало было и веревочниковъ, какъ среди мѣщанъ, такъ и крестьянъ подгородныхъ деревень. Но съ тѣхъ поръ, какъ прошла здѣсь Курско-Кіевская желѣзная дорога, Льговъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ пеньковой торговли. Въ настоящее время въ немъ уже 4 большихъ трепальныхъ заведенія; такіе тузы пеньковой торговли, какъ рижскій Фруманъ Леветанъ и К⁰ считаютъ необходимымъ держать въ Льговѣ свою транспортную контору и постояннаго агента. Сообразно съ этимъ возрастаніемъ пеньковой торговли, возрастаетъ съ каждымъ годомъ и количество кустарей веревочниковъ,—тѣмъ болѣе, что и сбытъ для веревокъ здѣсь очень легкій; ихъ скупаютъ пріѣзжіе или же здѣшніе скупщики, купцы г. Льгова, и затѣмъ отправляютъ по желѣзной дорогѣ въ Кіевъ, Одессу, Ростовъ, Екатеринославъ etc. Тамъ, на югѣ, гдѣ не сѣютъ своей пеньки и не произво-

дятъ веревокъ, Льговскія издѣлія находятъ легкій и вѣрный сбытъ. При такихъ условіяхъ можно не опасаться за будущность здѣшнихъ кустарей...

Такой же легкій сбытъ находятъ себѣ издѣлія Казацкихъ и Бѣловскихъ веревочниковъ. Первые сбываютъ веревки въ г. Курскѣ лавочникамъ и торговцамъ, вторые—въ слоб. Бѣлой, мѣстнымъ крестьянамъ и лавочникамъ, а также въ сосѣднемъ г. Мирополье. Необходимо замѣтить здѣсь еще, что веревочный промыселъ въ этихъ двухъ мѣстностяхъ возникъ не вслѣдствіи обилія пеньки (въ Бѣловской волости ее сѣютъ очень мало; мѣстность эта лежитъ внѣ пеньковаго района, южнѣе его), а вслѣдствіе того, что въ этихъ мѣстностяхъ былъ большой спросъ на издѣлія прядильнаго производства. Въ слоб. Казацкой производство существуетъ изстари, „отъ стариковъ заняли;“ въ Бѣлой же оно возникло въ не очень давнее, сравнительно, время, всего лѣтъ 30—40 тому назадъ.

Веревки вьются у ремесленниковъ—на открытомъ воздухѣ, на дворѣ или на улицѣ передъ окнами жилой избы; у кустарей же всегда на дворѣ, подъ особымъ продолговатымъ навѣсомъ, покрытымъ соломою; навѣсъ этотъ прислоненъ обыкновенно одной стороной къ дворовому плетню, а съ трехъ сторонъ рѣшительно ничѣмъ не обгороженъ. Въ длину навѣсъ дѣлается нѣсколько длиннѣе веревочнаго спуска въ 25 арш., сложеннаго вдвое, т. е. около 15 арш., и аршина 3 шириною. Подъ каждымъ такимъ навѣсомъ помѣщается обыкновенно одно колесо, съ 3—4 рабочими; при двухъ, трехъ etc. колесахъ навѣсъ дѣлается нѣсколько шире—до 6—8 арш. шириною. Навѣсы у каждаго хозяина—веревочника, разумѣется, свои. Устроить такой навѣсъ стоитъ очень недорого: солома для крыши у крестьянина своя, а дерева на подставы и верхи пойдетъ не болѣе, какъ на 4 руб., всего соломы и дерева пойдетъ на него рублей на 6 среднимъ счетомъ. Служитъ такой навѣсъ, при ежегодныхъ поправкахъ, приблизительно около 10 лѣтъ; на ремонтъ идетъ ежегодно нѣсколько десятковъ сноповъ ржаной соломы; всего на 50 коп. въ годъ.

Кромѣ этого, у хозяевъ прядильныхъ заведеній есть еще 2 спеціальныхъ плетневыхъ сарая—для склада пеньки и веревокъ. Стоимость обоихъ—20—30 рублей.

Рабочіе ночуютъ или у себя дома, если нанялись на работу въ своей деревнѣ, или же примащиваются гдѣ-нибудь на сѣновалѣ, или въ сараѣ у своего хозяина, а зимою—у него въ избѣ на полу, или на полатяхъ, вмѣстѣ съ его домашними.

Главнымъ орудіемъ при производствѣ служитъ *деревянное колесо*, сдѣланное изъ тонкихъ жердочекъ, аршина 2—2 1/4 въ діаметрѣ; оно вращается

на оси утвержденной па двухъ небольшихъ столбикахъ. Рядомъ съ колесомъ — утверждаются на площади широкой и короткой доски, поставленной ребромъ, „скалки,“ т. е. небольшіе, но широкіе колеса, по ребрамъ которыхъ проходитъ безконечный ремень, соединяющій ихъ съ большимъ колесомъ; въ центрѣ каждаго маленькаго колеса, каждой „скалки“ вбивается небольшой желѣзный крючекъ, къ которому прицѣпляютъ веревку, когда она крутится. Количество скалокъ — отъ 2—4 на одномъ колесѣ. Колеса и скалки ставятся рядомъ; веревка, которую вьютъ, идетъ отъ нихъ перпендикулярно на 12—15 арш., и на этомъ разстояніи поставлено обыкновенно 3—4 граблей, зубьями вверхъ; они служатъ для того, чтобы поддерживать веревку на одномъ уровнѣ съ скалками, потому что, въ противномъ случаѣ, веревка станетъ волочиться по землѣ и выйдетъ неровною. Поэтому грабли дѣлаются вышиною не болѣе $1/2$ арш. и не менѣе $1/4$ арш.; укрѣпляются они, разумѣется, прямо въ землѣ.

Кромѣ того, при производствѣ употребляютъ:

1) „*Мочевку*“, т. е. веревку, сплетенную изъ волосъ конскаго хвоста; ею протираютъ уже свитую готовую веревку, чтобы сдѣлать ее ровнѣе и очистить отъ кострики. Конскіе волосы покупаютъ у шебаевъ; 1 ф. — 50 коп.; на 1 мочевку идетъ ихъ около $1/2$ фунта, хватаетъ одной на два дня, т. е. на 4—5 пудовъ веревки.

2) *Смигало*. Это ни больше, ни меньше, какъ жгутъ, свитый изъ нѣсколькихъ обыкновенныхъ веревокъ: длина его около 1 арш.; вѣсъ — фунта 2—3; формою своею онъ напоминаетъ „завертку,“ которою привязываются оглобли къ санямъ въ зимнее время. Употребляется смигало для того, чтобы очистить окончательно веревку отъ кострики; дѣлается это при помощи лошади. Смигало дѣлается обыкновенно самими кустарями изъ своихъ веревокъ, стоимость его 8—10 коп.; одного смигала достанетъ на 20 пуд. веревки.

3) *Чекмарь* — колотушка, которою пробиваютъ веревку; дѣлаютъ сами; стоимость дерева 5—7 коп.

4) *Щетъ* — составляетъ, собственно говоря, принадлежность трепаленъ, но сплошь и рядомъ бываетъ и на прядильныхъ заведеніяхъ, такъ какъ и здѣсь приходится иногда расчесывать пеньку, которая идетъ на веревки. Состоитъ она, какъ мы уже выше упоминали, изъ желѣзныхъ зубьевъ, вколоченныхъ въ толстую доску остріями вверхъ на очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Зубья въ щети бываютъ вышиною около $2-2^1/_2$ четв., вѣсу въ каждомъ — $1/4$ фун. Каждая щеть состоитъ приблизительно изъ 30 зубьевъ. Желѣза на всѣ пойдетъ $7^1/_2$ фунтовъ, на $52^1/_2$ коп. Онѣ дѣлаются мѣстными кузнецами, вколачиваются же въ доски самими кустарями. Стоимость доски — 10 коп. Щеть можетъ служить долго, по нѣскольку лѣтъ.

5) *Заячья шкурка*, которою обертывают правую руку во время сканья веревки, чтобы не обрѣзать и не испортить руки кострикою. Стоимость ея 10—15 коп. Покупают на мѣстѣ, въ лавкахъ.

Матеріалами въ производствѣ служатъ:

1) *Пакля*—отрепки пеньки; покупаютъ ее съ трепальныхъ заведеній, или у заѣзжихъ прасоловъ (сл. Бѣлая, Нижнія-Деревеньки); цѣна 1 пуда—70 коп. Изъ 1 пуда пакли выходитъ 30 фунтовъ веревки.

2) *Костылевка*—отрепки замашки, покупается у шибаевъ и прасоловъ, которые собираютъ ее по деревнямъ, вмѣстѣ съ пенькою. Стоимость 1 пуда—70 коп., веревки выходитъ столько же, сколько и изъ пакли.

3) *Суволока*—волокно, которое получается изъ стеблей конопли, собранныхъ съ полосы бороною. Это самый низкій сортъ пеньки, изъ него дѣлаютъ только одну „возжевку", самый дешевый сортъ веревокъ; изъ него же приготовляютъ дешевые канаты. Цѣна за 1 пудъ—50 коп.; покупаютъ у шибаевъ и прасоловъ, иногда на базарѣ съ возовъ у самихъ хозяевъ—крестьянъ. Изъ пуда суволоки выходитъ 20 фунтовъ веревки.

4) *Перясло*—пенька изъ тѣхъ жгутиковъ, которыми перевязываются снопы конопли на полосѣ; покупается этотъ сортъ также у прасоловъ, по цѣнѣ 1 р. 50 коп. за пудъ.

5) *Замашка—моченникъ*, по своимъ качествамъ немногимъ только уступающая настоящей пенькѣ. Берутъ ее также у прасоловъ и крестьянъ съ возовъ на базарахъ. Стоимость ея—2 руб. пудъ.

Послѣдніе два сорта, какъ слишкомъ дорогіе и слишкомъ хорошіе для простыхъ веревокъ (нѣмецкой и возжевки), употребляются только для голландской нити, которую работаютъ исключительно въ слоб. Михайловкѣ.

Для окончательной обработки издѣлій употребляютъ клей, которымъ „протираютъ" веревку при помощи волосяной мочевки. На 25 пуд. веревки клею идетъ 3 фунта, на 75 коп. При смиганіи употребляютъ конопляное масло, которымъ смазывается слегка „смигало"; на 25 пудовъ веревки масла идетъ около 1 фунта, на 20 коп.

У прасоловъ и съ трепаленъ матеріалъ покупается только хозяевами крупныхъ прядильныхъ заведеній, которые имѣютъ возможность держать въ оборотѣ болѣе или менѣе крупный капиталъ. Мелкіе же производители, имѣющіе только 1 колесо, пріобрѣтаютъ его у особыхъ мѣстныхъ скупщиковъ которые забираютъ оптомъ всю паклю съ трепалень и у шибаевъ, и затѣмъ раздаютъ ее по мелочамъ производителямъ—одиночкамъ, работающимъ у себя на дому. По большей части такими скупщиками являются хозяева—соб-

ственныхъ большихъ прядильныхъ заведеній, имѣющіе по 5—10 собственныхъ колесъ. Матеріалъ мелкимъ производителямъ они всегда отпускаютъ въ кредитъ, по цѣнѣ чуть не вдвое превышающей нормальную стоимость его. Пудъ пакли у нихъ въ продажѣ стоитъ 1 руб. пудъ; костылевки—1 руб.; суволоки—отъ 60 коп. до 70 коп., да и то подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы покупщикъ—веревочникъ сбывалъ имъ же свои издѣлія, а не продавалъ куда—нибудь на сторону, въ лавки, или другимъ какимъ скупщикамъ. Цѣна на веревки при этомъ заранѣе выговаривается скупщикомъ,—обыкновенно за каждый пудъ на гривенникъ ниже нормальной установившейся цѣны. Это служитъ въ качествѣ наградного % „за пожданье“, хотя это пожданье продолжается никакъ не болѣе одной, въ крайнемъ случаѣ—двухъ недѣль. Нѣкоторые изъ такихъ хозяевъ, имѣютъ лавки съ чернымъ и мелочнымъ товаромъ, какъ напр. Петръ Васильевъ Кочергинъ въ слоб. Михайловкѣ, и вмѣсто денегъ платятъ веревочнику—производителю товаромъ—мукою, крупою, масломъ, ленточками и т. под. Товары отпускаются лавочниками, какъ сказываютъ они сами, „по своей цѣнѣ“, т. е., говоря проще, съ накидкою вѣрныхъ 50—100% на нормальную ихъ цѣну.

Паклю на прядильняхъ сначала треплютъ такимъ-же „трепаломъ“, какія употребляются и въ трепальняхъ, потомъ ее расчесываютъ на щети, чтобы удалить изъ нея всю кострику и распутать волокно, которое спуталось и смялось во, время трепанья. Затѣмъ уже переходятъ къ самому производству. Для этого къ одному изъ крючковъ, которые вбиты въ колеса—скалки, прицѣпляютъ горсть пакли. Прядильщикъ беретъ эту горсть въ руки и, выравнивая ее начинаетъ мало-по-малу удаляться отъ скалокъ по направленію къ „грабельямъ“. Въ это время кто нибудь вертитъ большое колесо; безконечный ремень начинаетъ двигаться и приводитъ въ движеніе и скалки, къ которымъ прицѣплена пакля; послѣдняя оттого раскручивается. У прядильщика за поясомъ заткнуто 2—3 фунта пеньки; удаляясь отъ колеса, онъ постоянно выдергиваетъ паклю изъ-за пояса по одной щепоти и присыкаетъ ее къ пасму. Чтобы не порѣзать себѣ, или какъ нибудь не испортить, руки, прядильщикъ надѣваетъ на руку кожаную голицу или за неимѣніемъ ея—заячью шкурку. Дойдя до послѣднихъ четырехъ граблей, онъ, наконецъ, останавливается, привязываетъ скрученный жгутъ, или пасмо, къ столбику и отправляется опять къ скалкѣ. Здѣсь онъ отцѣпляетъ конецъ скрученнаго пасма, отводитъ его нѣсколько въ сторону, а также привязываетъ его къ небольшой тычкѣ; затѣмъ нацѣпляетъ на скалку новую рученьку пеньки и начинаетъ сучить новое пасмо; потомъ третье, четвертое и т. д. Наготовивъ достаточное количество пасмъ, рабочій привязываетъ ихъ всѣ однимъ концомъ къ скалкѣ, другой беретъ самъ въ руки; нѣсколько оборотовъ большого колеса—и получается веревка.

Сучить пасмы могутъ разомъ по 2—3 и даже по 4 человѣка на одномъ колесѣ, потому что у каждаго колеса подѣлано обыкновенно по 3—4 скалки. Чтобы не мѣшать другъ другу, становятся не въ рядъ, а одинъ за другимъ, на разстояніи 2—3 арш. другъ отъ друга.

Колесо вертитъ всегда какой-нибудь подростокъ лѣтъ 12—15, или дѣвочка, или старая баба, которая уже не можетъ „прясть" жгуты и веревки, такъ какъ при этомъ требуется извѣстная ловкость и поворотливость. Прядильщики же рекрутируются одинаково и изъ женщинъ, и изъ мущинъ, но бабій трудъ цѣнится нѣсколько ниже мужицкаго. потому что баба прядетъ обыкновенно не такъ успѣшно какъ мужчина: послѣдній 20 спусковъ пройдетъ, тогда какъ баба едва за это время 15 сдѣлаетъ.

Раздѣленія труда въ производствѣ почти не существуетъ никакого. Оно замѣчается только, до нѣкоторой степени, въ крупныхъ мастерскихъ, съ 20—30 чел. наемныхъ рабочихъ. Тамъ, въ этихъ мастерскихъ, треплютъ и расчесываютъ пеньку, равно какъ и смигаютъ готовыя веревки,—не сами прядильщики, а особые рабочіе; для трепанья и смиганья нанимаются обыкновенно мужчины, а для расчески—женщины. У мелкихъ же кустарей производителей такого раздѣленія труда не существуетъ: одинъ и тотъ же рабочій здѣсь—и прядильщикъ, и трепальщикъ, и чесальщикъ.

Въ такихъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, каковы, напр., города, слоб. Михайловка и сл. Бѣлая, гдѣ крестьяне и безъ того давно побросали землю и живутъ „на городскомъ положеніи", производство продолжается постоянно и зиму, и лѣто; въ Льговскомъ же районѣ, въ Вышне- и Нижне-Деревенскихъ волостяхъ веревочники въ большинствѣ случаевъ работаютъ только зимою и во время, не занятое полевыми работами.

Одно колесо съ 3-мя рабочими (одинъ вертитъ, два другіе прядутъ(въ мастерской производитъ въ 1 день отъ $1^1/_2$—$2^1/_2$ пудовъ веревки, смотря по качеству ея. Кустарь—одиночка сдѣлаетъ меньше, чѣмъ наемный рабочій въ мастерской, потому что онъ самъ долженъ и за матеріаломъ сходить, и вытрепать, и расчесать паклю, тогда какъ рабочій въ мастерской получаетъ паклю уже въ готовомъ видѣ,—приходи и работай безъ заботы. На разныя подготовительныя работы, а также на окончательную обработку своихъ издѣлій—смиганье, у производителя—одиночки ежедневно уходитъ 2—3 часа времени; поэтому онъ вырабатываетъ среднимъ числомъ не болѣе $1^1/_2$—2 пуд. веревки на 1 колесо, при 2-хъ рабочихъ—прядильщикахъ и 1 „вертѣльщикѣ" (подростокъ—сынъ, или отецъ—старикъ).

Сорты издѣлій нашихъ веревочниковъ:

Тонье, употребляемое по преимуществу для упаковки ящиковъ въ лавкахъ. Продается въ Курскѣ и др. городахъ по 3 р. за пудъ. Дѣлается изъ пакли.

2) *Возжевка,* обыкновенная возжевая веревка; стоимость ея въ Курскѣ 2 р. 60 коп. за пудъ. Производится изъ костылевки.

3) *Нѣмецкая веревка,* нѣсколько тоньше, „благороднѣе", какъ говорятъ веревочники, возжевки и толще тонья. Пудъ—2 р. 60 коп. Тоже изъ костылевки.

4) *Правильная* веревка,—изъ которой тяжи къ телѣгамъ дѣлаютъ; она дѣлается еще толще, чѣмъ возжевка. Пудъ 2 р. 20—40 коп. На выдѣлку ея употребляютъ суволоку и костылевку.

5) *Канатъ* колодезный. Пудъ 2 руб. 60 к. и 3 р. Дѣлается, только по заказу, изъ пакли и костылевки. *)

6) *Голландская бичева* („нить", по мѣстному названію)—производится только въ Михайловкѣ. Работать ее начали недавно всего 10 лѣтъ тому назадъ. Первый завелъ ея производство здѣсь нѣкто Губинъ, бывшій Орловскій купецъ. Кто, или что натолкнуло его на мысль завести здѣсь производство голландской нити неизвѣстно; только онъ долго разъискивалъ мастера, который бы взялся обучить рабочихъ, служащихъ въ его прядильнѣ, приготовлять издѣлія этого рода. Наконецъ онъ какъ-то случайно узналъ, что въ Грайворонѣ живетъ какой-то Калужскій мѣщанинъ, умѣющій прясть голландскую бичеву. Губинъ тотчасъ-же выписалъ этого мастера и съ нимъ еще двухъ дѣвокъ, и завелъ на своей прядилнѣ новое производство. Выписаннаго мастера и дѣвокъ онъ содержалъ отлично, платилъ имъ большое жалованье и кормилъ говядиной, кашей etc., вполнѣ увѣренный, что затраты будутъ возвращены съ избыткомъ. Дѣло, дѣйствительно, пошло на ладъ; бичева оказалась хоть куда, и могла соперничать даже съ настоящей англійской. Отъ Губина переняли это дѣло и другіе прядильщики—Степанюченковъ и Орхипенко,—и они ввели у себя производство „нити". Особенно ходко шла она во время послѣдней турецко-русской компаніи, 1876—78 гг. Въ то время нить пряласъ здѣсь на 14 колесахъ: у Орхипенкова ее работали 7 колесъ, у Степанюченкова 5 и у Губина 2 колеса. Стоила она въ то время 9—10 руб. за пудъ. Не говоря уже о дороговизнѣ матеріала, который идетъ на бичеву (перевясло и моченникъ), производство ея требуетъ очень много труда и времени; въ день 1 колесо съ 3-мя рабочими можетъ спрясть не болѣе 25 - 30 фунтовъ. Изъ 1 пуда пеньки выходитъ всего, послѣ окончательной расчески, 20 фунт. нити. Въ настоящее время цѣна на бичеву упала до 5—7 рублей; при этихъ условіяхъ работать ее оказывается нисколько не выгоднѣе, чѣмъ простую нѣмецкую ве-

*) На мѣстѣ производства издѣлія стоятъ гораздо дешевле, а именно: тонье—2 р. 60 - 80 к., возжевка и нѣмецкая веревка—2 р. 20 к., правильная—2 р., канатъ—2 р. 50—70 к. за пудъ.

ревку или возжевку, поэтому всѣ почти ее бросили. У одного только Орхипенкова до сихъ поръ 2 колеса работаютъ бичеву, да и то больше „для близиру“, какъ объяснилъ онъ намъ, а существенной выгоды отъ этого не получается никакой.

Среди крестьянъ самые лучшіе мастера—прядильщики находятся, по общему отзыву и по нашимъ наблюденіямъ, въ слоб. Михайловкѣ. Михайловская веревка, Михайловскій мастеръ—прядильщикъ славятся вездѣ и извѣстны далеко за предѣлами губерніи.

По своей организаціи, веревочное производство почти вездѣ, во всемъ изслѣдуемомъ нами районѣ, принадлежитъ къ типу крупной домашней промышленности. Это наблюдается въ Михайловкѣ, слоб. Казацкой и Миленинской вол.; только сл. Бѣлая и нѣкоторыя части Льровскаго района представляютъ исключеніе изъ этого общаго правила, да и то, конечно, только потому, что производство здѣсь еще не развилось и находится на первобытной, зачаточной ступени. Разъ оно разовьется, охватитъ большее количество рабочихъ рукъ, капиталистическая организація неизбѣжно проникаетъ въ него и по этимъ мѣстамъ. Веревочный промыселъ можетъ держаться въ рукахъ кустаря—одиночки только до тѣхъ поръ, пока веревка находитъ себѣ сбытъ на мѣстномъ рынкѣ, а когда окажется, что мѣстный рынокъ вслѣдствіе приращенія количества рабочихъ рукъ и увеличенія общей суммы производства, переполненъ издѣліями кустарей—веревочниковъ; когда наступитъ надобность вывозить издѣлія изъ мѣста производства на сторону,—то сейчасъ же обнаруживается реакція, выгоды одиночнаго производства значительно уменьшатся и промыселъ начнетъ организоваться въ форму крупнаго домашняго производства, такъ какъ только въ этой формѣ производство данной мѣстности можетъ выдерживать конкурренцію съ производствомъ другихъ сосѣднихъ районовъ. Въ слоб. Михайловкѣ, съ уничтоженіемъ хлѣбнаго и пеньковаго извоза, вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ, кустарь—одиночка совершенно потерялъ почву подъ ногами, потому что ни закупать матеріалъ, ни сбывать свои издѣлія на мѣстѣ, онъ уже теперь не можетъ. Этимъ и объясняется то явленіе, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ добрая половина здѣшнихъ веревочниковъ были кустари—одиночки, а теперь ихъ осталось здѣсь всего 15 человѣкъ, да и тѣ, если присмотрѣться къ нимъ внимательно, очень недалеко ушли отъ наемныхъ рабочихъ, работающихъ въ прядильняхъ богатыхъ мастеровъ.

Въ настоящее время по изслѣдуемому району встрѣчаются четыре типа кустарей—веревочниковъ: 1) хозяева, владѣющіе болѣе или менѣе обширными прядильнями и ведущіе производство при помощи наемнымъ рабочихъ; 2) кустари—одиночки, ведущіе производство самостоятельно, средствами своей

семьи; 3) наемные рабочіе, на прядильныхъ заведеніяхъ, и 4) рабочіе, которые берутъ у крупныхъ хозяевъ матеріалъ для выработки. Мы не ставили здѣсь въ счетъ тѣхъ „купцовъ“, которые покупаютъ паклю и потомъ отдаютъ ее на выработку кустарямъ, такъ какъ купцы эти не производители, а просто скупщики и кулаки.

Хозяевъ, владѣющихъ прядильнями и имѣющихъ наемныхъ рабочихъ, по изслѣдуемому нами району, мы насчитали 20 чел.; въ томъ числѣ въ Михайловкѣ ихъ 10 чел. *). Рабочихъ у нихъ у всѣхъ ежегодно бываетъ около 325 чел. Нѣкоторые пригородніе крестьяне ходятъ, въ качествѣ наемныхъ временныхъ рабочихъ, на городскія купеческія прядильни. Большая часть прядильщиковъ Миленинской вол. ходятъ на работу въ г. Фатежъ, изъ Вышне и Нижне-Деревенскихъ вол.—въ Льговъ. На прядильняхъ крестьянскихъ, деревенскихъ работаютъ, по большей части, крестьяне того же селенія, гдѣ находится прядильня. Рекрутируются они изъ бѣднѣйшей части населенія, изъ тѣхъ семей, которыя не въ состояніи даже завести своего собственнаго станка для производства, чтобы работать самостоятельно, или по крайней мѣрѣ брать матеріалъ для выработки у скупщиковъ. Работаютъ они на прядильняхъ или поденно, съ платою—вертельщику колеса 15—20 к., прядильщику—30 к., женщинѣ-прядильщицѣ—25 коп.; женщины „на щетяхъ“, т. е. тѣ, которыя расчесываютъ пеньку, получаютъ 20 к. за день, трепачи—25 коп. ;или же нанимаются на мѣсяцъ, съ платою за 24 рабочихъ дня 7—8 руб. прядильщику, 6—7 руб. прядильщицѣ и трепачу, 5—6 руб. вертѣльщику и чесальщицамъ. Какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ харчи и квартира свои. Иногда нанимаются и погодно; прядильщикъ получаетъ въ такомъ случаѣ 80—90 и даже 100 руб. въ годъ, прядильщица съ трепачемъ—70—80 р. всѣ остальные по 60—70 руб., на своемъ содержаніи. При наймѣ годоваго рабочаго росписокъ никакихъ стороны не берутъ другъ отъ друга, но всегда заключаютъ условіе въ волостномъ правленіи. Приведемъ здѣсь на выдержку одинъ изъ такихъ договоровъ:

„1883 г., ноября 23 дня. Мы, нижеподписавшіеся, Дмитріевскаго уѣзда, Михайловской вол., слободы Михайловки, крестьяне-собственники: Михаилъ Степановъ Тертишниковъ и Анна Землякова заключили сіе условіе съ крестьяниномъ одной съ нами слободы Михайловки, Федоромъ Васильевымъ Фильчаковымъ, въ слѣдующемъ: 1) изъ насъ я, Тертишниковъ, отдаю своихъ племянниковъ, а я, Землякова—своихъ родныхъ дѣтей, Афанасія Александрова и Марью Александрову Земляковыхъ, на прядильное заведеніе къ Фильчакову,

*) Ем. Орхиненковъ—7 колесъ, Моисей Панченковъ—5 колесъ, Мих. Степанюченковъ—4 кол., Фед. Котляровъ—4 колеса, Минаевъ—7 колесъ, Вас. Котляровъ—7 колесъ, Федоръ Ткачевъ—2 колеса, Василій Степановъ—3 колеса, Егоръ Синюченковъ—4 колеса, Фед. Фильчуковъ—3 колеса.

срокомъ на одинъ годъ, считая со дня заключенія сего условія, за сумму 240 р.; 2) при написаніи сего условія, мы, Тертишниковъ и Землякова, деньги отъ Фильчакова получили сполна; 3) если произойдетъ отъ моихъ, Тертишникова, племянниковъ и отъ моихъ, Земляковой, дѣтей прогульные дни по своему нерадѣнію, лѣности или пьянству, кромѣ болѣзни, чего Боже сохрани, то предоставляемъ право Фильчакову высчитывать, по стоимости, изъ жалованья за каждый день; 4) если же мои, Тертишникова, племянники и мои, Земляковой, дѣти не доживутъ до срока, то обязуемся уплатить, кромѣ забранныхъ денегъ впередъ еще неустойки 50 р.; 5) если и Фильчаковъ до срока расчитаетъ кого нибудь, то и онъ долженъ уплатить 50 р., не доводя до суда." Подписи.

Инструментъ у рабочихъ, поступающихъ на прядильное заведеніе, весь хозяйскій, начиная съ колеса и кончая чекмаремъ и смигаломъ. Какъ поденьщики, такъ и годовые прядильщики, лѣтомъ работаютъ по 13—14 часовъ въ сутки, зимою по 12. Плата же какъ за лѣтній, такъ и за зимній день—одинаковая. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ не работаютъ. Впрочемъ, при спѣшныхъ заказахъ не соблюдается и праздниковъ: „хозяинъ велитъ идти—что супротивъ его сдѣлаешь?" Такъ было, напр., при экстренныхъ заказахъ во время войны 1876—78 г.. Мѣсячные рабочіе получаютъ жалованье свое, разумѣется, по-мѣсячно; поденьщики—какъ придется. Какъ тѣ, такъ и другіе сплошь и рядомъ забираютъ у хозяина заработную плату натурою—мукою, рожью, овсомъ etc, а если есть лавка—товаромъ: керосиномъ, табакомъ, платками, солью и т. под. При этомъ, разумѣется, случаются со стороны хозяевъ и плутни. Зачастую хозяинъ, чтобы запутать своего рабочаго,—особенно хорошаго, выдающагося мастера, которымъ обыкновенно очень дорожитъ—даетъ ему денегъ впередъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы тотъ прослужилъ у него извѣстный срокъ, какой ему хозяинъ назначитъ.—При средней задѣльной рабочей платѣ, въ 30 коп. въ день, рабочій получаетъ 7 рублей 20 копѣекъ въ мѣсяцъ, или 86 руб. 40 копѣекъ въ годъ. На эти деньги ему нужно самому прокормиться, заплатить подати и прокормить свою семью; отъ земледѣлія веревочники въ большинствѣ случаевъ не получаютъ ничего, или получаютъ очень мало, такъ какъ землю свою они почти всегда сдаютъ за окладъ, за подати.

При исчисленіи крестьянскаго бюджета здѣшней мѣстности мы нашли, что у средней семьи крестьянъ помѣщичьихъ ежегодно остается въ дефицитѣ около 70 руб. (за продажею конопли); это при веденіи земледѣльческаго хозяйства при обработкѣ поля собственными руками, при 9 четв. собственной ржи и 9,5 четв. яроваго, которыя семья получаетъ отъ земли. Если же земля будетъ сдана, то дефицитъ еще больше увеличится и дойдетъ до 150 р. Онъ будетъ покрытъ только въ томъ случаѣ, если на прядильномъ заведеніи изъ семьи будутъ работать двое. Въ такомъ случаѣ заработокъ будетъ рав-

вяться 150—170 р. въ годъ, и дефицитъ покроется. Но одна какая--ниб. несчастная случайность—болѣзнь, напр., одного изъ работниковъ семьи, временное затишье въ работѣ—чувствительно поколеблетъ равновѣсіе между доходами и расходами семьи. А такихъ непредвидѣнныхъ случаевъ,—развѣ ихъ мало въ жизни нашего крестьянина?..

Вообще веревочники, ходящіе въ мастерскія живутъ не особенно состоятельно. Головъ крупнаго скота на 1 надѣльный дворъ у нихъ приходится 0,3; безлошадныхъ считается у нихъ 90% и безхозяйныхъ 82%. Отхожіе каменщичество, распространенное въ окрестностяхъ. слоб. Михайловки, считается гораздо болѣе выгоднымъ чѣмъ веревочное производство, пот. что каменьщикъ каждое лѣто приноситъ среднимъ числомъ рублей 80, а зиму онъ можетъ посвятить себя какому—ниб. другому заработку и промыслить еще рублей 30—40. Такимъ образомъ 1 каменьщикъ можетъ заработать почти столько же, сколько заработаетъ веревочникъ, вдвоемъ съ подросткомъ. Не даромъ же с. Жидяево, промышлявшее прежде тоже веревками, бросило теперь этотъ промыселъ и пошло все въ „отхожую"—въ каменьщики и плотники. Михайловцы же покамѣстъ никуда нейдутъ только потому, что очень сроднились съ веревочнымъ производствомъ, привыкли къ нему и не хотятъ ловить журавля въ небѣ, пока есть еще синица въ рукахъ...

Самостоятельные кустари-одиночки пріютились главнымъ образомъ въ Вышне-и Нижне-Деревенской вол., Льговскаго у. Здѣсь ихъ считается около 60 чел., кромѣ того въ Михайловкѣ ихъ 13 чел., и въ Милепинской вол.—20 чел.; всего, стало быть, 93 человѣка. Каждый изъ нихъ имѣетъ собственное колесо и работаетъ исключительно силами своей семьи. Работа производится или на улицѣ передъ окнати (лѣтомъ), или у себя на дворѣ; для зимы и непогоды устроенъ на дворѣ особый навѣсъ—не во всю длину веревочнаго спуска, какъ на большихъ прядильняхъ, а только надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоитъ колесо, аршинъ на 5—7. Инструменты у кустаря одиночки такіе-же, какъ и на большихъ прядильняхъ; только щеть бываетъ не у всякаго, многіе замѣняютъ ее простыми деревянными рѣдкими гребнями. Кустари производятъ только болѣе дешевые сорты издѣлій—„возжевку", „нѣмецкую" и „правильную" веревку; соотвѣтственно этому они употребляютъ и матеріалъ очень дешевый—преимущественно костылевку, суволоку и паклю. Матеріалъ—отчасти свой, отчасти покупается у мѣстныхъ шибаевъ, или крупныхъ скупщиковъ веревокъ; у послѣднихъ она забирается въ кредитъ. Въ семьѣ кустаря-одиночки замѣчается нѣкоторое раздѣленіе труда: одинъ треплетъ пеньку, другой прядетъ, третій вертитъ колесо. Въ годъ кустарь-одиночка, при обработкѣ земли, „прядетъ" веревки 180 дней; если же земля сдана и семья занимается исключительно веревочнымъ производствомъ въ теченіе всего года, то рабочихъ дней, посвященныхъ производству, можно считать 320; стало быть, среднимъ

числомъ, въ теченіе года кустарь работаетъ на производствѣ 250 дней. Въ день на одномъ колесѣ, при одномъ прядильщикѣ (составъ семьи у кустарей—одиночекъ 4,2 чел., или 1,5 работника), можно сдѣлать до 2 пуд. веревки; стало быть, всего кустарь одиночка выработаетъ въ годъ, среднимъ числомъ, около 500 пуд. веревки. Общая же *сумма годоваго производства* всѣхъ кустарей—46,500 пуд., на 111,000 руб.

„Хозяинъ“—скупщикъ отпускаетъ ему матеріалъ, какъ мы уже упоминали объ этомъ выше, гораздо дороже обыкновенной цѣны и принимаетъ отъ него веревку нѣсколько дешевле обыкновенной рыночной цѣны; если напр. возжевка и нѣмецкая веревка продается на мѣстѣ по 2 р. 20 к., то хозяинъ дастъ за нее кустарю всего 2 рубля. Десять копѣекъ производитель долженъ уступить ему „изъ уваженія“, да при покупкѣ матеріала въ кредитъ хозяинъ „прижметъ“ его на 10—15 коп. въ пудѣ,—вслѣдствіе чего барышъ кустаря одиночки значительно уменьшается. За каждый пудъ низкосортной, идущей на веревки, пеньки онъ платитъ по 80—90 коп.; на каждый пудъ веревки идетъ $1^{3}/_{4}$ пуда низкосортной пеньки; стало быть, пудъ выдѣланной веревки обходится самому промышленнику, считая здѣсь и разные мелкіе расходы (стоимость мочевки, смигала etc.); въ 1 руб. 60 коп. Скупщикъ же даетъ за каждый пудъ всего 2 рубля, стало быть, у кустаря остается отъ 1 пуда чистаго заработка 40 коп. При такихъ условіяхъ, въ 1 день онъ можетъ выработать на 1 колесѣ 80 коп., а въ продолженіе всего года—200 рублей. Общая же *годовая выручка* всѣхъ кустарей этой категоріи—18,200 рублей.

Хозяевъ, которые даютъ кустарямъ матеріалъ на выработку, всего считается въ изслѣдуемомъ районѣ 7 челов.; самыми значительными, несомнѣнно, являются Минаевъ и Кочергинъ, въ слоб. Михайловкѣ. Первый даетъ работу 10-ти колесамъ и второй—15-ти. Платятъ они своимъ работникамъ по 40 коп. съ пуда выдѣланной веревки. Дадутъ, напр., рабочему 10 пуд. пакли, изъ нихъ онъ выдѣлаетъ 8 пудовъ веревки и за это получаетъ $8 \times 40 = 3$ руб. 20 коп. Въ день, стало быть, рабочій выручитъ столько же сколько и самостоятельный кустарь—одиночка, т. е. 80 коп., а въ теченіе всего года—200 руб. Всѣхъ рабочихъ, берущихъ у хозяевъ матеріалъ для выработки, считается 53 чел. Стало быть, общая сумма годоваго производства всѣхъ рабочихъ равняется 13,250 пуд., на сумму 35,000 руб. Годовой же чистый заработокъ всѣхъ рабочихъ этой категоріи 12,000 руб.

Колесъ у всѣхъ веревочниковъ по изслѣдуемому району—307. Изъ нихъ на большихъ прядильняхъ съ наемными рабочими—150 колесъ, у кустарей одиночекъ—104 колеса, у рабочихъ, берущихъ матеріалъ на выработку у крупныхъ хозяевъ, 53 колеса. Каждое колесо въ большихъ прядильняхъ работаетъ около 320 дней. Въ день колесо при двухъ прядильщикахъ и при готовомъ матеріалѣ, предварительная обработка котораго производится осо-

быми рабочими, производятъ до $2^{1}/_{2}$ пуд. обыкновенной веревки; стало быть въ годъ одно колесо, при правильной систематической работѣ, даетъ до 800 пуд. веревки, а всѣ 150 колесъ производятъ 120,000 пуд. обыкновенной веревки, на сумму 275,000 р. Стало быть, общая годовая сумма производства веревочниковъ всѣхъ категорій, исключая веревочниковъ—ремесленниковъ, будетъ равняться 179,750 пуд. на 475,000 р. Въ томъ числѣ производятъ:

a) Крупныя прядильныя заведенія . .	120,000 п. на 275,000 р.
b) Самостоятельные кустари - одиночки .	46,500 п. на 111,000 р.
c) Рабочіе, берущіе матеріалъ на выработку у крупнымъ хозяевъ	13,250 п. на 35,000 р.
Всего. .	179,750 п. на 421,000 р.

Санитарныя условія веревочнаго производства очень благопріятны для рабочихъ. Постоянное пребываніе на открытомъ свѣжемъ воздухѣ дѣйствуетъ на нихъ очень благопріятно, тѣмъ болѣе, что здѣсь рабочій находится въ постоянномъ движеніи, и ему не приходится возиться съ тяжестями. Работаютъ въ мастерскихъ у хозяевъ по 12—13 часовъ въ сутки; у себя на дому по 11—12 часовъ - лѣтомъ, и по 10 — 11 час. зимою. Къ производству сплошь и рядомъ привлекаются дѣти—подростки 12—13 лѣтъ, но работа ихъ настолько легка (вертѣть колесо и бѣгать на посылкахъ), что она скорѣе развиваетъ ихъ организмъ, чѣмъ оказываетъ вредное вліяніе. Разумѣется, мы не спеціалисты въ гигіенѣ и не можемъ взять на себя смѣлость утверждать этого, но во всякомъ случаѣ по нашему крайнему разумѣнію, одного простаго наблюденія достаточно, чтобы придти къ тому заключенію, что отъ промысла этого не страдаютъ ни дѣти, ни взрослые. Видъ у рабочихъ вообще очень здоровый, веселый, чѣмъ они разительно отличаются отъ другихъ кустарей—производителей, горшечниковъ, напр., ситниковъ etc.

Но не оказывая отрицательнаго вліянія на здоровье рабочихъ, веревочное производство, по—видимому, растлѣвающимъ образомъ дѣйствуетъ на ихъ нравственность. Впрочемъ, здѣсь, кажется, вліяетъ на рабочихъ не столько самое производство, сколько близость большихъ культурныхъ центровъ (городовъ). Грамотность развита среди веревочниковъ довольно сильно; изъ мужчинъ здѣсь грамотныхъ и учащихся около 15%, изъ женщинъ—3%, обоего пола 9%, тогда какъ напр. по Дмитріевскому уѣзду всѣхъ грамотныхъ и учащихся считается 6% обоего пола и 12% мужеск. и 0,3% женск., по Льговскому—муж. пола 9,1, женск.—0,4, обоего пола—4,9.

Тѣсно связанное съ пеньковой культурою, веревочное производство и въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи вполнѣ зависитъ отъ состоянія этой культуры. Будетъ существовать здѣсь конопляно—пеньковое производство,—сохранится и веревочный промыселъ, развиваясь и совершенствуясь съ теченіемъ времени

въ техникѣ и издѣліяхъ. Если же, въ силу тѣхъ, или другихъ причинъ, падетъ пеньковая культура,—рухнетъ вмѣстѣ съ нею и веревочное производство, такъ какъ оно держится здѣсь только благодаря этой культурѣ, издавна утвердившейся въ нашей сторонѣ. Но во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ пока будетъ здѣсь держаться пеньковая культура, удержится и веревочное производство. Единственное измѣненіе, которое ему можно предсказать въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ,—это окончательный переходъ на почву крупнаго домашняго производства, такъ какъ мелкому кустарю скоро будетъ совсѣмъ невозможно конкуррировать съ крупными производителями.

Производство скатертей и рушниковъ.

На всемъ пространствѣ пеньково-конопляннаго района, который указанъ былъ въ отдѣлѣ земледѣльческихъ промысловъ, женщины крестьянскія занимаются тканіемъ скатертей и узорчатыхъ рушниковъ, разукрашенныхъ драконами, двуглавыми орлами, фениксами и т. д. Въ Суджанскомъ уѣздѣ, впрочемъ, салфеточницы пріютились уже за предѣлами пеньковаго района—въ г. Миропольѣ. Въ первыхъ четырехъ уѣздахъ производство это едва еще только начинаетъ получать организацію промысла. Здѣсь тканіемъ скатертей и рушниковъ занимаются почти всѣ женщины, но работаютъ онѣ не на продажу, а для себя,—дѣвушки для приданаго, бабы „для дому". Продавать свои издѣлія многія изъ нихъ считаютъ даже „зазорнымъ": „какъ это я продавать пойду? говоритъ такая баба: а ну, какъ сосѣди узнаютъ,—вѣдь скажутъ, что нужда заѣла... Нѣту, куда ужъ намъ продавать скатерти да рушники; пущай лежатъ про домашній обиходъ,—не хлѣба просятъ". У иныхъ, вслѣдствіе этого, накопляется въ сундукахъ до 50 штукъ скатертей разныхъ узоровъ. Скатерти работаютъ здѣсь больше пеньковыя, рѣдко льняныя, такъ какъ льну въ здѣшнемъ районѣ почти вовсе не сѣютъ *). Для производства его покупаютъ, насколько намъ извѣстно, только въ Фатежскомъ и Курскомъ уѣздахъ; берутъ его въ Курскѣ, по 8—10 коп. за 1 ф., или по 3 р. 20 к. за пудъ; по большей же части свои однодеревенцы привозятъ его изъ Полѣсья, (Жиздра, Калужской губ.), съ Оки, когда возятъ туда купеческій хлѣбъ по найму. Въ Дмитріевскомъ и Льговскомъ уѣздахъ льну никогда не покупаютъ, а производятъ скатерти и рушники изъ одной „замашки". Скатерть изъ „замашки" очень толста и груба—"хрестьянская", какъ характеризуютъ ее сами производители. Льняная скатерть въ сравненіи съ нею кажется положительно шелковой.

*) Ленъ не сѣютъ здѣсь, во первыхъ, потому, что онъ родится плохо, а во вторыхъ—и это самое главное, потому, что на здѣшнихъ черноземныхъ земляхъ ленъ почти никогда не улеживается; пролежитъ мѣсяцъ,—съ виду глядѣть какъ будто-бы и ничего, ленъ видный такой, а на самомъ дѣлѣ „иструхлѣетъ" весь, рваться начнетъ, такъ что сплошь и рядомъ приходится волокно совсѣмъ въ навозъ бросать. Потому и не сѣютъ его совсѣмъ.

Ткутся скатерти также, какъ и холстъ, на обыкновенныхъ станахъ, при помощи только нѣкоторыхъ особыхъ приспособленій. Устройство стана стоитъ до 3 руб. Основа бываетъ не болѣе 15—20 арш. Вѣсъ основы въ 15 арш. —1½ ф., утка пойдетъ на такую основу фунтовъ до 6. Стало-быть, вся штука скатертной ткани вѣситъ около 7 фунтовъ. Скатерти дѣлается обыкновенно въ двѣ „точи", длиною въ два съ половиною аршина; стало-быть, на каждую пойдетъ около 5 арш., или 2½ ф. пеньки, на 20 к.; кромѣ того, въ тѣхъ скатертяхъ, что идутъ на продажу, въ срединѣ между двумя точами, вшивается неширокое кружево, также изъ пеньковой пряжи. Кружева эти крестьянки—скатертницы сами не производятъ, а берутъ у городскихъ мѣщанокъ, изъ которыхъ въ Курскѣ и Фатежѣ многія только живутъ и кормятся исключительно производствомъ такихъ непрезентабельныхъ кружевъ. Шириною кружево бываетъ обыкновенно около 1½ вер. Они также идутъ на обшивку рушниковъ, употребляющихся въ крестьянскомъ быту. Кружева эти по своему рисунку представляютъ крайнее однообразіе; стоятъ они по 3—5 к. за аршинъ. Подъ Фатежемъ, въ Сергіевской, Горяиновской и Миленинской волостяхъ, нѣкоторыя скатертницы сами научились вязать такія кружева, но пользуются ими только для скатертей и рушниковъ собственнаго издѣлія; на сторону же никогда не продаютъ. Если считать по средней цѣнѣ 4 к. за 1 арш. то, стало-быть, на 1 скатерть кружева пойдетъ на 10 к. Продаются скатерти, также какъ и кушаки мѣстнаго издѣлія, по большей части на мѣстныхъ ярмаркахъ и базарахъ, а также въ городѣ на рынкѣ, на вокзалахъ желѣзной дороги и мѣстнымъ скупщикамъ-прасоламъ. Продаются они по большей части уже готовыми, сшитыми, по 60—90 к. за штуку. Но иногда въ деревню пріѣзжаютъ агенты-скупщики отъ Фатежскихъ купцовъ: Скорнякова и Битюгова; они берутъ не готовыми скатертями, а прямо „цѣлинами", т. е. цѣлыми „штуками", по 10 к. за аршинъ пеньковой ткани и по 18—20 к. за аршинъ льняной скатерти. Но это бываетъ впрочемъ очень рѣдко, такъ какъ прежде чѣмъ Скорняковъ и Битюговъ вслухъ выразятъ свое желаніе имѣть крестьянскія скатерти,— бѣднота тотчасъ-же нанесетъ имъ этого добра цѣлыя горы; въ городъ, въ лавку сами принесутъ,—только возьми Христа ради...

Въ Курскомъ, Дмитріевскомъ, Льговскомъ и большей части Фатежскаго уѣзда, скатерти дѣлаютъ некрашеныя, просто изъ выбѣленной на снѣгу пеньки. Въ сѣверо-восточной же части Фатежскаго уѣзда, въ волостяхъ — Поныровской, Горяиновской и Смородиновской пряжа для скатертей красится какъ и на югѣ нашего района, въ Мирополья, Суджанскаго уѣзда. Здѣсь, въ Поныровской и Горяиновской вол., производство за послѣднее время начинаетъ развиваться. Мы зарегистрировали даже 4 ткачихъ, которыя живутъ исключительно производствомъ скатертей, сбывая ихъ въ Курскія лавки. Одна изъ нихъ начала „кормиться" спеціально этимъ промысломъ лѣтъ 12 назадъ.

Очевидно, здѣсь производство вступаетъ уже въ новый фазисъ, начинаетъ специализироваться и пріобрѣтать извѣстную организацію...

Рушниковъ въ указанныхъ 4 уѣздахъ на продажу совсѣмъ не производятъ, ихъ ткутъ только для домашняго употребленія. Узоры ихъ поражаютъ своимъ однообразіемъ: двуглавые орлы, фениксы и еще въ добавленіе къ этому 4—5 поперечныхъ, красныхъ полосокъ—вотъ обыкновенный рисунокъ здѣшнихъ рушниковъ. Расшитые рушники употребляются только для свадебныхъ подарковъ и для украшенія комнатъ. Въ обыкновенное время они постоянно лежатъ подъ замкомъ въ сундукѣ у хозяйки, но передъ праздникомъ, или въ ожиданіи какого-нибудь особенно уважаемаго гостя, ихъ вынимаютъ и развѣшиваютъ по стѣнамъ хаты и около иконъ. Зажиточные крестьяне покупаютъ для свадебъ на городскихъ базарахъ рушники льняные и бумажные, расшитые шелками; они привозятся сюда изъ Лебедина, который издавна славится своими рушниками и снабжаетъ ими почти всѣ рынки нашего юга.

На югѣ нашего района, въ Суджанскомъ уѣздѣ, въ Мирополья, ткутъ рушники, но уже не изъ пеньки или льну, а изъ бумаги. Прежде назадъ тому лѣтъ 40, здѣсь рушники тоже изъ пеньки ткали, потому что „тогда народъ проще былъ, не брезговалъ и посконію.“ А теперь, при „новыхъ порядкахъ“, пеньковыми издѣліями уже не удовлетворяются, а требуютъ „чего повеликатнѣе.“ Промыселъ существуетъ здѣсь, по слоб. Пѣнянкѣ и Студенку изстари; откуда онъ занесенъ—никто незнаетъ и не помнитъ. Производство здѣсь издавна получило правильную организацію, такъ что оріентироваться въ немъ очень легко. Занимаются имъ въ настоящее время 9 семей, 16 человѣкъ, всѣ женщины. Становъ всѣхъ 9. Работа—и на продажу и на заказъ. Матеріалъ для производства, т. е. бумагу, мастерицы берутъ здѣсь же въ Мирополѣ, у торговца Хоруженко. На основу берется „суровая“, не бѣленая бумага, а для „підкання“ (утокъ)—бѣлая и красная. Цѣна бѣлой бумаги и суровца—одинаковая—65 к. фунтъ, красной—75 коп. за фунтъ. Въ 10 аршинахъ основы—суровца не болѣе $1/2$ ф., підкання же пойдетъ—около 2 фунтовъ бѣлой бумаги и около 2 фунтовъ красной. Стало быть, въ каждомъ аршинѣ матеріи заключается нѣсколько менѣе полуфунта вѣсу. Аршинъ продается отъ 40—60 коп. Работа кропотливая требуетъ сноровки, ловкости и большой осмотрительности.

Въ день одна женщина можетъ соткать не болѣе $1^1/_2$ арш. матеріи, при 12-ти часовой работѣ. Если же на каждый арш. идетъ около $1/2$ фун. шерсти; среднимъ числомъ на 35 к., то на $1^1/_2$ арш. матеріи, стало быть, пойдетъ $3/4$ арш. бумаги, на $52^1/_2$ к. Аршинъ матеріи въ продажѣ стоитъ, среднимъ числомъ, 50 коп.; слѣдовательно, на каждомъ аршинѣ мастерица

получаетъ 15 коп. пользы для себя, а на $1^1/_2$ арш. она получитъ $22^1/_2$ коп. Это—средняя величина дневнаго заработка на 1 станъ, а такъ какъ почти при каждомъ станѣ здѣсь работаютъ по двѣ женщины (9 становъ и 16 женщинъ), то дневной заработокъ каждой работницы будетъ 13 коп.

Тканьемъ занимаются и зимою и лѣтомъ, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, всего около 180 дней въ теченіе года. Если каждый день „ткаля" производитъ $1^1/_2$ арш., то въ теченіе года она вытчетъ 270 арш., на сумму (по 50 коп. арш.) 135 рубл. Всѣ 9 мастерицъ, имѣющихъ станы, въ день производятъ $13^1/_2$ арш., а въ 180 дней—2430 арш., на сумму 1215 рублей; въ томъ числѣ, за вычетомъ издержекъ на матеріалъ, чистой выручки падаетъ на всѣхъ 364 руб. 50 коп., на каждую же работницу 22 руб. 78 коп.

Прежде, когда рушники ткали изъ пеньки, узорами служили разныя животныя и птицы („орлы"—какъ называли здѣшніе крестьяне всѣ такіе узора безъ различія). Теперь же, съ тѣхъ поръ, какъ перешли къ бумажнымъ рушникамъ, „орлы" замѣнились простыми красными продольными и поперечными полосками, расположенными очень правильно и симметрично.

Сбываютъ свои издѣлія Миропольскія ткачи или здѣсь, на базарахъ и ярмаркахъ, или продаютъ прасоламъ, пріѣзжающимъ сюда изъ Сумскаго уѣзда, сосѣдней Харьковской губерніи.

Производство кушаковъ.

Производствомъ кушаковъ занимаются въ восточной половинѣ Фатежскаго и Курскаго у., по теченію рр. Сновы и Тускари. Заняты или одни только женщины, вслѣдствіе чего общее количество рабочихъ рукъ, занимающихся этимъ промысломъ, въ нашихъ по-уѣздныхъ сборникахъ не проставлено.

Промыселъ этотъ существуетъ здѣсь издавна. О происхожденіи его въ въ с. Понырахъ намъ разсказывали слѣдующее: одинъ богатый крестьянинъ взялъ себѣ жену откуда-то „изъ-подъ Орла"; она первая и стала здѣсь ткать кушаки и другихъ познакомила съ этимъ дѣломъ. До 1861 г. промыселъ этотъ былъ исключительно только въ деревняхъ, населенныхъ четвертниками-однодворцами; подневольнымъ, крѣпостнымъ крестьянамъ некогда было заниматься имъ. Но съ освобожденіемъ онъ начинаетъ появляться и у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ; эти послѣдніе набросились на него на первыхъ же порахъ, какъ на занятіе очень выгодное и доходное. Въ то время производство кушаковъ было, дѣйствительно, выгодно и доходно, какъ вслѣдствіе дешевизны матеріала (шерсть въ 1860 г. была 3—4 р. пудъ), такъ и по легкости сбыта, и по дороговизнѣ продуктовъ производства. Матеріалы для

производства закупались тогда на мѣстной Коренной ярморкѣ, которая находилась почти въ самомъ центрѣ кушачнаго производства (Коренная пустынь). Тамъ же сбывались кушаки, въ прасольскія будки или прямо и непосредственно потребителямъ, „съ рукъ на руки". Цѣна кушака изъ простой русской шерсти, окрашеннаго зеленою и красною краскою, была тогда 1 р.—1 р. 50 коп.; изъ „шленки" и „шпанки"—3—4 руб. за штуку. При такихъ условіяхъ „промышлять" кушаками было разумѣется очень выгодно; за годъ женщина выручала около 50—60 рублей, т. е. столько же, сколько заработывалъ мужчина съ топоромъ, или киркой, ходя по чужой сторонѣ.

Но съ той поры, какъ прошла здѣсь желѣзная дорога (1867 г.) и вмѣстѣ съ нею проникъ сюда машинный кушакъ Московской фабрикаціи; съ той поры, какъ Коренная ярмарка потеряла свое прежнее значеніе,—промыселъ этотъ совершенно упалъ потому что не стало сбыта для продуктовъ производства. Въ настоящее время кушаки сбываются только на мѣстныхъ торгахъ и базарахъ въ Понырахъ, Курскѣ, Коренной, Вышнемъ-Дайменѣ (Щигровскаго уѣзда), мѣстнымъ торгашамъ-лавочникамъ, прасоламъ изъ-подъ Курска, изъ Томаровки (Бѣлгородскаго у.) и Борисовки (Грайворонскаго у.), случайно заѣзжающимъ сюда съ разными товарами, а также пассажирамъ проѣзжающимъ по Московско-Курской жел. дорогѣ—на вокзалахъ Поныровскомъ и Коренскомъ. „И рады бы мы работать, отзываются бабы здѣшнія, да вѣдь куда ты его (кушакъ. т. е.) дѣвать-то будешь? никто не беретъ у насъ"... Такимъ образомъ, отсутствіе сбыта на этотъ промыселъ дѣйствуетъ гибельно. Съ другой стороны, также дѣйствуетъ на него и дороговизна матеріала для производства, увеличивающаяся со каждымъ годомъ. Если простая „русская" шерсть въ 60-хъ годахъ по здѣшнимъ мѣстамъ стояла въ трехъ рубляхъ, то теперь она до 8—9 руб. дошла. При такихъ условіяхъ, работать кушаки представляется выгоднымъ (да и то только по видимому) только для тѣхъ домохозяйствъ, которыя имѣютъ собственную шерсть, съ своихъ собственныхъ овецъ; всѣ же другія семьи, не имѣющія собственныхъ овецъ и принужденныя вслѣдствіе этого покупать шерсть для производства кушаковъ съ рынка, не получаютъ отъ нихъ никакой, даже фиктивной, выгоды.

Впрочемъ, такія семьи шерстяныхъ кушак . почти совсѣмъ не производятъ; они ткутъ кушаки изъ пеньки, или правильнѣе изъ „замашки", т. е. неоплодотворенной, холостой конопли. Это—самый дешевый сортъ кушаковъ. Дѣлаются они обыкновенно въ $1/4$ арш. шир. и $3^1/2$ арш. длины. На 20 кушаковъ идетъ около 5 фунтовъ пеньки, по 10 коп. за 1 фун., всего на 50 коп., или по $2^1/2$ коп. на кушакъ.

Пеньку для кушаковъ красятъ въ желтый или красный цвѣтъ; для перваго употребляютъ инбирь,—на 20 кушаковъ его идетъ около 1 фун., что

стоитъ 20 к., или по 1 к. на кушакъ. Для окраски въ красный цвѣтъ идетъ фуксинъ, по 50 коп. фунтъ; на 20 кушаковъ его выйдетъ около 1/2 фун., на 25 к.; стало быть окраска 1 кушака будетъ стоить 1 1/4 к. Продаютъ ихъ по 20—25 коп. за штуку. Стало быть, отъ каждаго кушака такого ткачиха получаетъ около 15 к. барыша. Въ день можно сработать 3 кушака; стало быть, дневной заработокъ ткачихи равняется 45 к. То есть, могъ бы равняться, хотѣли мы сказать, если бы только было гдѣ сбывать кушаки эти, а теперь, если баба не сойдется въ цѣнѣ ни съ лавочникомъ мѣстнымъ, ни съ проѣзжимъ шибаемъ, которые, по пословицѣ, „сами на обухѣ рожь молотятъ", то сплошь да рядомъ кушаки у нея лежатъ по цѣлому году непроданными, не принося никому никакой пользы.

Шерстяные кушаки—дороже пеньковыхъ, и работа надъ ними нѣсколько сложнѣе, чѣмъ надъ этими послѣдними. Сначала шерсть нужно вымыть въ горячей водѣ; затѣмъ ее расчесываютъ на простыхъ прядильныхъ гребняхъ и отдаютъ волнобоямъ, которые по большей части приходятъ сюда изъ г. Козельска, Калужской, и г. Трубчевска, Орловской губ. Своими волнобоями наша губернія вообще еще запастись не успѣла; въ ней еще не выработался этотъ типъ спеціалиста-ремесленника, и мы должны пробавляться волнобоями чужими, прихожими. На это явленіе мы уже указывали въ первой части нашего отдѣла. Волнобою платится по 3 коп. съ пуда. Послѣ, того какъ волнобой своей струною разобьетъ шерсть, ее вертятъ въ кудельки и прядутъ на „пряхѣ" съ колесомъ. Потомъ начинаютъ „цвѣтить", т. е. красить. Краски для этого берутся въ Малоархангельскѣ, Курскѣ или Коренной; употребительнѣйшія изъ нихъ: *кошениль* (красная) *) по 1 рублю за фунтъ; къ ней прибавляется кремортаторъ, стоющій 50 коп. фунтъ; *сандалъ*—по 8 коп. фунтъ, къ нему спиртъ; на 1 фунтъ краски—1/2 фун. спирта на 40 коп.; *инбирь*—20 коп. за 1 ф. Одинъ фунтъ кошенили идетъ для окраски 8 фунт. пряжи; одинъ фунтъ инбиря—на 6 фунт. пряжи; фунтъ сандала—тоже самое. Краски разводятся въ горшкахъ; для каждой краски—особый горшокъ. Чтобы получить особые оттѣнки, густыя и блѣдныя тѣни одной и той же краски, краску въ особыхъ горшкахъ не завариваютъ, а поступаютъ такимъ способомъ: наливши въ горшокъ съ краскою воды, опускаютъ туда и шерстяную пряжу; потомъ ставятъ въ печь; даютъ водѣ вскипѣть одинъ разъ, и затѣмъ моты изъ краски вынимаютъ и развѣшиваютъ для сушки. Получается пряжа ярко-окрашенная. Затѣмъ, доливши нѣсколько горшокъ водою, кладутъ другую пряжу и снова кипятятъ въ печкѣ; окраска пряжи получается на этотъ гораздо блѣднѣе прежней, потому что краски еще не под-

*) Фуксинъ не употребляется для шерстяныхъ кушаковъ, потому что онъ скоро и легко линяетъ. Въ пеньковомъ кушакѣ онъ, по выраженію крестьянъ, „сойдетъ" за хорошую краску потому что и цѣна-то этому кушаку 10 коп.

бавлено, а воды долито. Затѣмъ, вынувши изъ горшка вторые моты, кладутъ туда третьи, доливая опять горшокъ водою, и потомъ четвертые, пятые, и т. д. Мастерицы такимъ путемъ получаютъ до 20 разныхъ оттѣнковъ одного и того же цвѣта. Также окрашивается и шерсть для ковровъ, и пряжа для скатертей. Окраска каждаго кушака кошенилью стоитъ не менѣе 50 коп., сандаломъ—8—10 коп. и инбиремъ—около 4 коп.

Кушакъ изъ простой русской шерсти стоитъ—50—70 коп. Величина его—7 вершковъ ширины и около 4 аршинъ длины. На каждый кушакъ идетъ около 1/2 ф. шерсти, на 10 коп., да окраска его стоитъ въ среднемъ около 22 коп.; стало быть, въ барышахъ у работницы отъ каждаго кушака остается отъ 18—38 коп. Если предположить, что каждая работница въ день вытчетъ 3 кушака, то ея дневной заработокъ опредѣлится стало, быть, въ 54 коп.—1 руб. 14 коп.—цифра очень высокая, хоть бы и не для здѣшняго кустаря. Но все это имѣло бы значеніе только при болѣе или менѣе правильной, строгой постановкѣ и организаціи сбыта. Теперь же этотъ заработокъ, какъ имѣющій случайный, непрочный характеръ, не имѣетъ ровно никакого значенія. Подвернулась счастливая случайность—и ткачиха урвала на кушакѣ 38, даже 50 коп. барыша; не выискался случай—и копѣйки не получишь, потому что некому продать, никто покупать не ѣдетъ...

Нѣкоторыя бобылки ткутъ кушаки изъ шпанской и шленской шерсти. Сбываютъ ихъ въ Курскѣ въ красномъ ряду, по 2—3 руб. за штуку; но такихъ мы насчитали всего три ткачихи по всему поясному району. Двѣ изъ нихъ, по настоянію секретаря здѣшняго губернскаго статистическаго комитета г. Бѣльченко, даже на Московскую выставку 1882 г. свои кушаки посылали (Анна Анпилогова изъ с. Никольскаго и Марья Горяинова, изъ полсела Горяинова Фатежскаго уѣзда), и одна изъ нихъ, Марья Горяинова, похвальный листъ получила. Кушаки были посланы одинаковые—бѣлые съ красными пересновочками, основа—шелковая, утокъ изъ шленки. Марья Горяинова 8 лѣтъ назадъ случайно какъ то достала козьяго пуха и сдѣлала изъ него такой кушакъ—„на славу“, продала его за 8 руб. По ея мнѣнію, такіе кушаки, несомнѣнно, „пошли“ бы, да дѣлать ихъ невозможно: матеріала достать негдѣ...

Относительно общей цифры производства мы затрудняемся сказать что либо опредѣленное. Вообще можно сказать, что она очень незначительна. Это можно видѣть изъ того, что такая искусная мастерица, какъ Марья Горяинова, четыре года тому назадъ купила 5 фунтовъ шленки и до сихъ поръ извела всего 4 фунта, а 1 ф. еще цѣлъ и до сихъ поръ; въ теченіе этихъ 4 лѣтъ она сдѣлала, кромѣ того, десятокъ кушаковъ изъ простой шерсти. Если ужь такая „записная“ мастерица производитъ такъ мало, то что нужно сказать о другихъ ткачихахъ, которыя занимаются этимъ промысломъ только à propos, „между дѣломъ“?..

Ткачество пеньковыхъ и шерстяныхъ матерій.

Ткачество пеньковыхъ и шерстяныхъ матерій въ здѣшнемъ районѣ вездѣ носитъ ремесленный характеръ. Ткачей всѣхъ зарегистрировано нашей переписью 9 человѣкъ: въ Курскомъ уѣздѣ 3, въ Суджанскомъ и Фатежскомъ—по 2 человѣка, въ Дмитріевскомъ и Льговскомъ—по 1 человѣку. Работаютъ одни мужчины, по большей части бездомовые и безхозяйные, занимающіе себѣ уголъ у какой нибудь одинокой бобылки. Ткутъ они по заказу изъ готоваго материала; сукно—изъ простой овечей шерсти для зипуновъ и кафтановъ, и холсты—изъ замашки („рядно"), изъ готоваго матеріала, который приносится имъ заказчиками. Въ Суджанскомъ уѣздѣ одинъ ткачъ производитъ запаски (юпки) и плахты—сокирчастыя и уздечковыя. Вообще же; какъ запаски, такъ и плахты здѣсь производятся въ незначительномъ количествѣ; онѣ идутъ сюда изъ Ахтырки, которая славится этимъ производствомъ на всю округу. За 1 арш. сукна ткачи берутъ по $2^1/_2$—3 к.; за 1 аршинъ рядна—$1^1/_3$ к. Въ день можно соткать 8 аршинъ рядна и 5 аршинъ сукна, такъ что въ день, стало быть, ткачъ выработаетъ всего 12—15 коп., а за 120 рабочихъ зимнихъ дней 14—18 руб. Въ виду этого мы даже не рѣшаемся сравнить доходы ткача съ его потребностями, потому что получится сказочная несоотвѣтственность между тѣми и другими. Тѣмъ не менѣе этимъ промысломъ занимаются, не бросаютъ его—и занимаются очень многіе: кромѣ тѣхъ 9-ти чел., которые занесены въ наши сборники, по деревнямъ есть много ткачей изъ „постороннихъ" лицъ, къ обществамъ не приписанныхъ.

Въ Суджанскомъ уѣздѣ такихъ ткачей мы насчитали 7, въ Дмитріевскомъ 6 ч., въ Льговскомъ и Фатежскомъ по 4 чел.; всего стало быть, 21 чел.

Лѣтомъ ткачи занимаются лѣтними полевыми работами, въ экономіяхъ и у богатыхъ крестьянъ, въ качествѣ полѣтчиковъ, мѣсячныхъ рабочихъ и поденьщиковъ. За станъ садятся съ Покрова, и кончаютъ эту работу передъ Пасхою. Работаютъ, стало быть, около 120 дней. Если предположить что каждый рабочій вырабатываетъ за зиму среднимъ числомъ 16 р., то общій итогъ производства всѣхъ ткачей будетъ равняться 480 р.; въ томъ числѣ на долю крестьянъ—ткачей падаетъ 144 р., а на долю ткачей „постороннихъ" 336 р. При разсчетѣ заработка ткача мы еще не принимали во вниманіе ежегоднаго погашенія основнаго капитала (станъ—$2^1/_2$—3 р.) и ремонта, а также и оборотнаго капитала (воску, клею и т. д.), а на все это у каждаго рабочаго выйдетъ въ годъ ни какъ не меньше рубля.

Можетъ, пожалуй, показаться страннымъ, почему ремесленниковъ—ткачей сравнительно такъ мало въ нашихъ деревняхъ. Неужели 30 чел. ткачей могутъ одѣть четыре уѣзда, съ 432,192 жителей обоего пола? Конечно

нѣтъ,—что объ этомъ и говорить. Дѣло объясняется просто тѣмъ, что къ ремесленникамъ—ткачамъ отдаютъ работу только тѣ немногіе дворы, у которыхъ или нѣтъ собственнаго стана, чтобы соткать нѣсколько аршинъ холста, необходимыхъ для годичнаго потребленія семьи, или же нѣтъ работницы, которая бы могла это сдѣлать. Всѣ же прочіе дворы, удовлетворяющіе двумъ указаннымъ условіямъ, въ ткачахъ не нуждаются, и какъ шерстяныя, такъ и пеньковыя ткани производятъ для домашняго употребленія сами, силами своей семьи.

Производство ковровъ.

Производство ковровъ—спеціально-женскій промыселъ. Сколько именно рабочихъ рукъ заняты этимъ дѣломъ—опредѣлить трудно. По Курскому и Фатежскому уу. ткутъ ковры почти въ каждомъ селеніи, двора по 2—3 (бобылки и вдовы); въ Льговскомъ уѣздѣ ковры изготовляются только въ селеніяхъ прилегающихъ къ р. Сейму. Дѣлаются они разной величины: отъ 3/4 арш. квадр. до 4—5 арш. въ длину. Основа ихъ всегда пеньковая, утокъ по большей части изъ простой русской шерсти. По наружному виду они бываютъ двухъ родовъ: „махровый“—бахромистый, шерстою вверхъ и „гладцовый“—съ совершенно гладкой поверхностью. Цѣна ихъ различна; коверъ въ 1 кв. арш. стоитъ 1—2 руб. Работаютъ ихъ по большей части на продажу, рѣдко по заказу. Женщина, живущая въ семьѣ и заваленная всевозможными заботами и хлопотами по хозяйству, больше 5—6 ковровъ за годъ не сдѣлаетъ. Отъ каждаго ковра изъ простой русской шерсти, при покупномъ матеріалѣ, барыша чистаго получаютъ 50 коп.—1 руб.

Производство существуетъ издавна. Кѣмъ, и когда, и откуда оно занесено—неизвѣстно. „Такъ изстари ведется,“ слышали мы вездѣ. Теперь работать стало меньше народа, потому что „хлопотно за ними, а толку мало, на хлѣбъ не заработаешь“. Главнѣе всего—рынка нѣтъ, гдѣ бы издѣлія сбывать можно было. Прежде сбывали, главнымъ образомъ, на Коренной ярмаркѣ; ковры отсюда шли къ Москву, Нижній, Казань, а теперь сбыта имъ совсѣмъ нѣтъ. Въ виду этого можно думать, что не нынче—завтра производство это и совсѣмъ рухнетъ, если, разумѣется, не придутъ къ нему на помощь, если не устроятъ для него правильнаго кредита на закупку сырья и не организуютъ сбытъ издѣлій...

„Дорогіе“, доброкачественные ковры ткутся только въ с. Никольскомъ и Прилѣпахъ, Фатежскаго уѣзда, Анной и Варварой Анпилоговыми. Работаютъ они только по заказу, опять-таки вслѣдствіе того, что сбыта нѣтъ; некуда бы было пристроить свои издѣлія, если бы они начали работать на продажу. Заказчиками являются духовные и помѣщики изъ окрестныхъ се-

леній, а также чиновники ближайшихъ городовъ, Малоархангельска, Щигровъ и Курска (слѣдователи, доктора etc.).

Когда заказовъ на ковры нѣтъ, то мастерицы работаютъ кушаки изъ шпанки и шленки, сбывая ихъ въ Курскѣ торговцамъ.

Основа у ковровъ—пеньковая; утокъ и махры—шерстяные. Шерсть идетъ—на половину простая, русская, на половину шпанка. Простой шерсти мастерицы не покупаютъ: хватаетъ своей. Анна Аппилогова своихъ овецъ держитъ 40 головъ и шерсть съ нихъ употребляетъ исключительно на ковры. Шпанку берутъ на базарѣ въ Вышнемъ-Дайменѣ (Щигровскаго уѣзда), Курскѣ и Коренной; купцы ее привозили прежде съ Украйны, а теперь берутъ въ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ помѣщичьихъ экономій, такъ какъ наши помѣщики стали за послѣднее время въ своихъ имѣніяхъ дѣлать опыты разведенія тонкорунныхъ овецъ. Красится шерсть для ковровъ точно также, какъ и для кушаковъ (см. „производство кушаковъ"); только для ковровъ уже никогда не употребляютъ липючій фуксинъ и другія дешевыя краски; сюда идетъ кошениль, инбирь etc. Кромѣ того, тѣни дѣлаются для ковровъ еще старательнѣе и выходятъ отчетливѣе и разнообразнѣе. Красить шерсть для ковровъ умѣетъ только одна мастерица—Анна Аппилогова, Варвара же „не обучена" этому искусству и отдаетъ для окраски свою шерсть Аннѣ. За окраску шерсти для ковра въ 1 квадр. аршинъ Анна беретъ $1^1/_2$ рубля (1 рубль за краски и 50 коп. за работу). На такой коверъ шерсти идетъ около 3 фунтовъ; стало быть, за окраску каждаго фунта Анна Аппилогова беретъ 50 коп.

Рисунки и узоры для ковровъ составляютъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ ковроваго производства. Ковры обыкновенные, „мужицкіе", составляются почти всѣ по одному шаблону—разноцвѣтными клѣточками „шашечками", какъ ихъ называютъ крестьяне, вершка въ $1^1/_2$ квадр.; иногда встрѣчаются ковры съ двуглавыми орлами или драконами по срединѣ (Курскій уѣздъ, по р. Сейму). Записныя же мастерицы, упомянутыя Анна и Варвара Аппилоговы для своихъ „господскихъ" ковровъ добываютъ рисунки въ Ливнахъ и Курскѣ на базарѣ (изъ „Нивы", „Моднаго Свѣта" и т. д.), въ Курскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, у монахинь. У Анны Аппилоговой мы видѣли цѣлую массу рисунковъ изъ разныхъ иллюстрированныхъ изданій, а также узоры изданія Knechtel dè K° in Berlin; послѣдній она достаетъ въ монастырѣ и иногда за весьма дорогую цѣну.

Анна Ап—ва работаетъ не одна, а со своими семейными—сестрой 25 лѣтъ и матерью старухой, лѣтъ 60; участіе послѣдней въ работѣ ограничивается, впрочемъ, тѣмъ только, что она прядетъ шерсть и пеньку. Кромѣ того, Анна держитъ еще изъ—за хлѣба дѣвочку, 16 лѣтъ, которая прихо-

дится ей какой-то дальней родственницей; дѣвочка также занимается подготовительными работами: варитъ краски, снуетъ основу etc. Выработываетъ Анна Анпилогова около 100 квадратныхъ аршинъ въ годъ. За аршинъ махроваго ковра платится обыкновенно 5 рублей. а гладцоваго—3 рубля, такъ что, стало быть, полагая, среднимъ числомъ, по 4 руб. за аршинъ, найдемъ, что въ годъ Анна заработаетъ до 400 рублей. Если вычесть отсюда на погашеніе основнаго капитала и ремонтъ орудій и инструментовъ 1 рубль и оборотнаго капитала (на каждый аршинъ 3 ф. шерсти, по 20 коп., и на 30 коп. красокъ) 90 коп.×100 арш.=90 рублей, то выйдетъ, что Анна Анпилогова получаетъ въ годъ чистой прибыли 309 рублей. Другая мастерица Варвара Анпилогова работаетъ только вдвоемъ со своей племянницей; годовое производство ея—30 квадр. арш., на 120 рублей; за вычетомъ основнаго капитала и оборотнаго (шерсти на 1 аршинъ—60 коп., на краски—50 коп., пот. что Варвара сама шерсть не красить, а отдаетъ ее въ окраску Аннѣ Анпилоговой) остается 87 рублей прибыли. Годовое производство обоихъ семействъ равняется 520 рубл., прибыль—496 р.

По своему качеству ковры этихъ мастерицъ представляютъ далеко незаурядное явленіе. При долговѣчной прочности, они очень красивы и поражаютъ замѣчательно-изящнымъ и гармоничнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ и красокъ. Особенно хороши издѣлія Анны Анпилоговой, у которой это мастерство „въ роду“: и мать ея, и бабушка ткали „дорогіе“ ковры для „господъ“. По указанію секретаря нашего Курскаго статистическаго комитета г. Бѣльченко, Анна посылала два ковра—махровый и гладцовый—на Московскую выставку 1882 г. и получила тамъ серебряную медаль—„за пеньково-шерстяные ковры, какъ сказано въ дипломѣ, чистой и ровной работы, отличающіеся качествомъ матеріала, яркостію и сочетаніемъ красокъ и изяществомъ рисунка.“ Для ковровъ, посланныхъ на выставку, рисунокъ былъ взятъ въ Курскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (Knechtel de K^{0} in Berlin, № 3183)—по сѣрому полю розы и лиліи съ цвѣтами и листьями. За маленькій листочекъ, въ четвертушку, на которомъ былъ начерченъ этотъ рисунокъ, Анна Анпилогова заплатила 3 рубля.

Производство ковровъ, въ особенности дорогихъ „господскихъ,“ городскихъ ковровъ, какіе дѣлаются Анной и Варварой Анпилоговыми—несомнѣнно промыселъ очень выгодный, хотя и требуетъ нѣкоторыхъ затратъ на первоначальное обзаведеніе и довольно значительнаго оборотнаго капитала. И нѣтъ сомнѣнія, промыселъ этотъ, благодаря своей выгодности, могъ бы развиваться и крѣпнуть, при иныхъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Если что мѣшаетъ ему стать на ноги, такъ это отсутствіе рынка для сбыта. Потому въ немъ нѣтъ и организаціи никакой, нѣтъ даже строго очерченнаго района

о которомъ бы можно было прямо, ни обинуясь, сказать: вотъ здѣсь занимаются производствомъ кушаковъ; въ крестьянскомъ населеніи не выработалось никакихъ строго опредѣленныхъ формъ для этого промысла. Статистика, какъ наука точная, цифровая, положительно теряется передъ такими, напр., показаніями крестьянъ: „какіе у насъ ковры? Въ прошломъ году мы вотъ, семьей то, три коврика сработали, а нынѣшній годъ и со всѣмъ работать не будемъ, потому что старые не проданы, лежатъ вонъ у жены въ сундукѣ... Дожидайся, когда ихъ продашъ, когда покупатель какой навернется," Сбытъ, стало быть, подчиненъ случаю, а отъ него вѣдь зависитъ и все производство. Благодаря этому, промыселъ падаетъ и умираетъ медленною, но вѣрною смертію. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что его возможно бы было поднять на ноги и поставить на правильную дорогу, точно такъ же, какъ и умирающія салфеточное и кушачное производства. Рынка для сбыта этихъ издѣлій, разумѣется, *создать* нельзя, да его и создавать не нужно, потому что онъ *есть*: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не сѣютъ конопли и гдѣ нѣтъ такого рода производствъ (Поволжье, Украйна), наши Курско-Фатежскіе кушаки, ковры и салфетки всегда найдутъ себѣ покупателей. Бѣда только въ томъ, что доставлять-то ихъ туда некому. Собственныхъ скупщиковъ здѣсь не выработалось; производство всѣхъ указанныхъ издѣлій основано на началахъ мелкой кустарной промышленности. Съ чужи скупщики также не являются, потому что, можетъ быть, не знаютъ даже о существованіи здѣшняго производства (Это у насъ сплошь да рядомъ бываетъ: Борисовка, напр., не знаетъ, что̀ производитъ Милорополье; Мирополье, въ свою очередь, не имѣя прямаго отношенія къ Борисовкѣ, не вѣдаетъ, что̀ производится въ ней; а вѣдь все разстояніе между ними не болѣе какъ верстъ 150—200). Такимъ образомъ, здѣшней ткачихѣ, если она наготовитъ кушаковъ, ковровъ или скатертей, приходится съ ними, или таскаться на базаръ въ ближайшій торговый пунктъ, или сидѣть у моря да ждать погоды;—ждать, когда пріѣдетъ въ деревню какой-нибудь случайный покупщикъ ея издѣлій. Постоянно бѣгать по базарамъ и вокзаламъ—надоѣстъ, да и неудобно крестьянской женщинѣ, у которой на рукахъ цѣлое хозяйство, иногда даже съ кучей маленькихъ ребятишекъ въ придачу. Точно также неудобно и ждать....

Мы полагаемъ, что все это легко могло бы быть устранимо, какъ ковровое, такъ и салфеточное и кушачное производства могли бы быть направлены на правильный путь, могли бы съорганизоваться и сдѣлаться однимъ изъ самыхъ существенныхъ вспомогательныхъ средствъ въ бюджетѣ здѣшняго крестьянина. Стоитъ только людямъ благомыслящимъ, кому дороги интересы народа, приняться за это дѣло,—и все пойдетъ, какъ нельзя лучше. Но усилія единичныхъ личностей въ данномъ случаѣ не повели бы ни къ чему; тутъ нужна помощъ не копѣечная, а крупная, и не столько денежная, сколько

нравственная и организаціонная. Такую задачу всего скорѣе можетъ взять на себя земство, прямая цѣль котораго—вѣдать мѣстныя „нужды и пользы“ и стоять на стражѣ мѣстныхъ интересовъ. Какъ и въ какой формѣ можетъ осуществиться эта помощь земства нашимъ кустарямъ, мы объ этомъ говорить теперь не будемъ, отлагая это до слѣдующаго общаго сборника по всей Курской губерніи, гдѣ мы надѣемся подробно говорить о мѣрахъ, какія необходимо предпринять для поднятія нашей кустарной промышленности.

Шапочное производство.

Шапочное производство, на сколько намъ извѣстно, существуетъ больше по городамъ здѣшняго района. Среди же крестьянъ оно является только въ г. Миропольи, Суджанскаго уѣзда, гдѣ переписью нашей зарегистрировано 12 человѣкъ мѣстныхъ и 1 отхожій шапочникъ. Въ Миропольи занимаются шапочнымъ дѣломъ преимущественно мѣщане; крестьяне же составляютъ очень незначительный процентъ. Всего мѣщанъ въ г. Миропольи занято производствомъ до 70 челов. и мужчинъ, и женщинъ.

Шапки здѣсь дѣлаются простыя, крестьянскія. Фасонъ издѣлій никогда не измѣняется, но техника производства не очень давно подверглась значительному измѣненію: вмѣсто простой штопальной иглы, шапочники стали употреблять швейныя машины. Появились онѣ здѣсь въ первый разъ лѣтъ 5 тому назадъ; „бырыня“ одна посовѣтывала имъ это; сначала „швейку“ пріобрѣлъ одинъ мастеръ—Николай Прядко, который былъ побогаче, посостоятельнѣе остальныхъ, а за нимъ уже бросились и всѣ другіе. Въ настоящее время всѣ 47 домохозяевъ, занимающихся этими промыслами, имѣютъ у себя „швейки“, безъ нея шапочнику работать теперь не изъ за чего: выгоды нѣтъ. Прежде машины покупали въ городѣ Суммахъ, Харьковской губ. (40 верстъ), по 56—60 руб.; но такъ какъ спросъ на нихъ за послѣдніе 3 года былъ здѣсь очень великъ, то Харьковское агенство „Зингеръ и К°“ устроило здѣсь, въ Миропольи, особый складъ своихъ машинъ. Цѣна имъ 40—50 р. Это-- если покупать машины за чистыя деньги, но агентство продаетъ мастерамъ свои машины въ разсрочку,—подъ росписку, разумѣется и за поручительствомъ волостнаго старшины и при этомъ накладываетъ на нихъ невозможно высокій %: за штуку беретъ обыкновенно по 60—70 руб. Выплачиваютъ мастера за нихъ помѣсячно, или по третямъ—по условію.

Шапочники занимаются всѣ самостоятельно; рабочихъ никто не держитъ; у мастеровъ здѣшнихъ бываютъ иногда ученики, которые отдаются на выучку на 5 лѣтъ безплатно. Впрочемъ, къ здѣшнимъ шапочникамъ учениковъ отдаютъ рѣдко; если кому нужно обучить своего сына этому „рукомеслу“—отвозятъ въ Сумы и Бѣлополье (Харьковской губ.), которые счи-

таются славными центрами шапочнаго производства, распространеннаго по здѣшней сторонѣ.

Матеріалами для производства служатъ.

a) Для околыша:

Пеньковый поддѣльный барашекъ, чернаго цвѣта; одинъ аршинъ, 14 вершковъ ширины, стоитъ 30—40 к. Изъ 1 аршина выйдетъ 5 околышей.

Трипъ, чернаго цвѣта, 1 арш (14 верш. шир.) стоитъ 1 рубль. Изъ 1 аршина выйдетъ 5 околышей. Трипъ этотъ употребляется только на дорогіе сорты шапокъ; на дешевые же идетъ трипъ, по 50—55 коп. за арш. такой же ширины, какъ и дорогой трипъ.

Барашекъ настоящій. Выдѣланный стоитъ 25—30 коп., не выдѣланный—20 коп. Первый покупается у двухъ шапочниковъ-богачей Германа Фил. и Петра Осоулица, которые каждую осень ѣздятъ за барашками въ Полтаву; тамъ они покупаютъ ихъ невыдѣланными, по 10—12 к., за штуку и по пріѣздѣ домой отдаютъ мѣстнымъ овчинникамъ на выдѣлку, съ платою по 2—3 коп. отъ штуки. Затѣмъ продаютъ ихъ въ готовомъ видѣ мѣстнымъ кустарямъ по 25—30 коп. за штуку. Иногда кустари покупаютъ невыдѣланныя баршковыя шкурки на мѣстѣ, у шибаевъ, которые скупаютъ ихъ по окрестнымъ деревнямъ и потомъ ихъ отдаютъ сами выдѣлывать здѣшнимъ овчинникамъ. Съ выдѣлкою шкурка обойдется кустарю въ 22—23 к. На каждый околышъ пойдетъ въ среднемъ 2 барашковыхъ овчинки.

b) Для верха матеріалъ:

Черное сукно, въ 1—1 р. 20 коп. арш.

Коричневое сукно—такой же цѣнности.

Какъ того, такъ и другаго 1 арш. хватитъ на 10 „верховъ“.

c) Для подкладки:

Коленкоръ, окрашенный въ малиновый или черный цвѣтъ; берутъ цѣлыми штуками, по 8 коп. за аршинъ. На 1 шапку пойдетъ не болѣе $^3/_8$ арш., т. е. на 3 коп.

Шерсть, простая овечья, $^1/_4$ фунта на шапку, на 5—7 коп.

Кромѣ того, шапошники покупаютъ еще сафьянъ, зеленый и красный; его рѣжутъ узенькими ленточками, въ 2 дюйма шир. и $2^1/_2$—3 четв. длиною и затѣмъ эти полоски вшиваютъ тамъ, гдѣ проходитъ шовъ между подкладкою и околышемъ. Дѣлается это, кажется, больше „для красы“ чѣмъ для прочности. На каждую шапку пойдетъ сафьяну не болѣе, какъ на 1 коп. Кромѣ того, кустари покупаютъ еще для себя нитки на базарѣ; за простой мотокъ платятъ 10 коп.; за крашеный—15 к. Мотка хватитъ на 3—4 шапки.

На 1 дешевую шапку матеріала пойдетъ: поддѣльнаго барашка—на 7 коп., сукна—на 10 коп., коленкору для подкладки—на 3 коп., шерсти—на 6 коп., нитокъ на 3 коп. Сафьянъ на дешевыя шапки нейдетъ; вмѣсто его, употребляютъ просто отброски и обрѣзки остающіеся отъ коленкора. Всего, стало быть, на 1 шапку понадобится матеріалу на 29 коп. Продается же шапка на мѣстѣ по 35—45 коп. за штуку; стало быть отъ каждой шапки у рабочаго останется, въ среднемъ, около 11 коп. Въ день 1 рабочій можетъ сработать 2—3 шапки стало быть дневной его заработокъ будетъ равняться 27—28 коп.

На дорогую барашковую шапку матеріала идетъ нѣсколько больше, а именно: 2 барашковыхъ овчинки—на 45—50 коп. и 22 коп. на все остальное—на подкладку, на верхъ и т. п. Стало быть, шапка самому кустарю обходится въ 70 коп. Продаетъ же на мѣстѣ такая шапка за 85 коп. Значитъ, дневной заработокъ рабочаго на дорогихъ шапкахъ равняется 37—38 коп.

При такой дешевизнѣ издѣлій на мѣстѣ, здѣшнему производителю было бы совершенно невыгодно заниматься производствомъ, если бы онъ ограничивался въ сбытѣ издѣлій однимъ своимъ мѣстнымъ рынкомъ; но большинство кустарей, по крайней мѣрѣ, изъ крестьянъ, имѣющихъ собственную лошадь, сбываетъ свои издѣлія не на мѣстномъ рынкѣ и не пріѣзжающимъ сюда скупщикамъ изъ Криги (г. Бѣлополье, Харьковской губ.) и Сумъ, а сами ѣздятъ съ своими издѣліями по ярмаркамъ—въ Краснополье (Харьк. губ.), Тимофеевку и Графовку, гдѣ и продаютъ дешевый сортъ шапокъ по 40—50 коп. за штуку, дорогой—по 1 р. и 1 р. 20 коп. Ѣздятъ, разумѣется только въ свободное время, осенью и зимою; если самому хозяину ѣхать недосужно, онъ отпускаетъ на базаръ бабу,—она еще лучше и выгоднѣе распродаетъ товаръ, чѣмъ самъ мужикъ, и деньги всѣ домой привезетъ, въ кабакъ не заѣдетъ „погрѣться". При такихъ условіяхъ, заработокъ здѣшняго кустаря, изъ крестьянъ, повышается до 40—50 коп. въ день.

Только эта возможность сьывать свои издѣлія на чужомъ стороннемъ рынкѣ и дозволяетъ существовать здѣшнему кустарю. Положеніе кустаря безлошаднаго, принужденнаго ограничиваться однимъ мѣстнымъ рынкомъ—куда какъ незавидно. Онъ можетъ сбывать свои издѣлія двумя путями: или выносить ихъ на базаръ каждый праздникъ, или продать мѣстному скупщику, который отправляетъ шапки въ Харьковъ. На базарѣ всѣхъ издѣлій распродать невозможно, пот. что кустарей здѣсь много, предложеніе, стало быть, большое а спросъ, сравнительно, очень незначителенъ. По этому, какъ сказывали намъ, у иныхъ производителей издѣлія остаются на рукахъ по 8—9 мѣсяцевъ и больше. Что же касается торговца-скупщика, то онъ, во первыхъ, спеціально

шапочной торговлею не занимается, а только такъ, „значитъ, вызволитъ кого изъ нужды“ порою; во вторыхъ, беретъ за это слишкомъ ужъ большую премію: изъ настоящаго барашка шапку онъ покупаетъ за 80—90 к., изъ поддѣльнаго 40 к. При такихъ условіяхъ, разумѣется, кустари ему несутъ свои издѣлія только въ случаѣ самой крайней нужды.

Вслѣдствіе всего этого, шапочное производстве распространяется только между крестьнами, имѣющими лошадей; семьи же, лишившіяся, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, собственной лошади бросаютъ это занятіе и идутъ въ „челядинцы“ (мѣстн. назв. помѣщичьяго батрака), или начинаютъ ходить на косовицу, въ матросы, съ топоромъ въ Адестъ etc. Крестьянинъ Яковъ Волковъ былъ въ обученіи у мастера Дацека 4 года, потомъ завелъ было свою мастерскую; но когда, „отъ Божьей воли“, пала у него лошадь онъ, не будучи въ состояніи пріобрѣсти другую, бросилъ и мастерство свое, и домъ, и ушелъ въ Доньщину, въ челядинцы. А такихъ Волковыхъ здѣсь, по общему отзыву крестьянъ, очень много.

Мѣщане также начинаютъ бросать это занятіе, потому что „сколь ни работаешь, сытъ не будешь“, такъ какъ сбывать издѣлій некуда.

Производство вообще здѣсь падаетъ; количество рабочихъ рукъ, занятыхъ имъ, съ каждымъ годомъ уменьшается. Можно съ увѣренностью сказать, что не пройдетъ и 10 лѣтъ, какъ этотъ промыселъ останется только въ семьяхъ болѣе или менѣе зажиточныхъ, имѣющихъ лошадь и могущихъ выждать покупщика безъ затрудненія для себя.

И все это происходитъ потому, что, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ (Курско-Кіевской, на которой стоитъ г. Бѣлополье, и Сумской вѣтви, соединяющей Харьковъ съ Курско-Кіевской линіей), главный центръ шапочнаго производства перешелъ въ Сумы, Ахтырку и Бѣлополье, расположенныя по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Миропольскимъ-же издѣліямъ сбыта совсѣмъ не стало.

Въ прежнее время шапки, производившіяся на границѣ Курской и Харьковской губерній, въ гг. Сумахъ, Мирополья, Бѣлополья и слоб. Ахтыркѣ и въ прилегающихъ къ нимъ селеніяхъ, расходились отсюда во всѣ стороны, благодаря существовавшимъ гужевымъ путямъ. Они шли и къ Кіеву, и къ Харькову, и къ Рыльску, а отсюда на Михайловку, по Московскому и Петербургскому трактамъ. Въ то время гг. Сумы и Бѣлополье, относительно сбыта своихъ издѣлій, не могли имѣть никакого преимущества предъ г. Мирропольемъ потому что скупщики, которымъ сбывались издѣлія шапочнаго производства, не отдавали никакого предпочтенія предъ г. Мирропольемъ и закупали шапки какъ тутъ, такъ и тамъ одинаково охотно. Миропольскіе ша-

почники вслѣдствіе этого шли вровень съ Харьковскими и могли съ ними успѣшно конкуррировать. Шансы какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ были одинаковые. Но уничтожились гужевые пути и прошли желѣзныя дороги, счастіе перешло на сторону Бѣлопольскихъ и Сумскихъ шапочниковъ; Миропольскіе же остались ни при чемъ, потому что чужіе скупщики къ нимъ пріѣзжать теперь перестали, ограничиваясь издѣліями Сумскихъ, Бѣлопольскихъ и Ахтырскихъ шапочниковъ, которые живутъ вблизи отъ желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ, Миропольскіе производители были выброшены за бортъ внѣшняго, дальняго рынка. Сами они, разумѣется, не могутъ доставлять своихъ издѣлій на этотъ внѣшній рынокъ, потому что это потребовало бы громадныхъ затратъ, и потому должны ограничиваться въ сбытѣ издѣлій однимъ мѣстнымъ базаромъ и окружающими торговыми селеніями. При такихъ условіяхъ, при возможности пользоваться однимъ только мѣстнымъ рынкомъ, производство должно будетъ, какъ мы уже упомянули выше, сосредоточиться въ рукахъ лишь немногихъ зажиточныхъ производителей, которые сами имѣютъ возможность доставлять свои издѣлія, по крайней мѣрѣ, на ближайшіе сосѣдніе торги и базары. Кромѣ того, появленіе машинъ въ производствѣ показываетъ, что оно имѣетъ сильную тенденцію къ крупной, капиталистической организаціи. Зачатки ея, первыя проблески уже видны въ томъ, что за послѣднее время стали появляться среди шапочниковъ крупные продавцы сырого матеріала (барашекъ), за которымъ сами они ѣздятъ въ Полтаву. Это только первая ступень къ „свѣтелкѣ,“ къ крупной мастерской съ наемными рабочими. Вѣроятно, появленіе такихъ мастерскихъ здѣсь уже не далеко. Контингентъ рабочихъ—наймитовъ уже готовъ, въ видѣ безхозяйныхъ крестьянъ и мѣщанъ, въ большинствѣ случаевъ побросавшихъ теперь свое производство, вслѣдствіе его маловыгодности.

Въ теченіе года каждый работникъ можетъ приготовить, среднимъ числомъ, до 400 шапокъ, считая въ зиму 160 рабочихъ дней. Принимая стоимость шапки, въ среднемъ, 70 коп., найдемъ, что каждый работникъ въ годъ производитъ на 280 рублей, а всѣ вмѣстѣ 280 × 13 = 3640 руб. Дневной заработокъ шапочника равняется въ среднемъ, 32 коп.; слѣдовательно, въ годъ онъ заработаетъ всего 51 руб. 20 коп. Основной капиталъ шапочника—60 руб. погашается въ 5 лѣтъ. Стало быть, за вычетомъ 12 руб. на погашеніе основнаго капитала, остается у рабочаго чистой выручки 39 р. 20 коп. Общая же чистая выручка всѣхъ шапочниковъ 509 руб. 60 коп.

Горшечное производство.

Производство горшковъ встрѣчается всего въ 8 селеніяхъ: Понырахъ, Фатежскаго уѣзда, Мирополья и Замостьи, Суджанскаго уѣзда, с. Кожлѣ и

д. Нижне-Дроняевѣ, Льговскаго уѣзда, Михайловкѣ и с. Куткѣ, Дмитріевскаго уѣзда, и д. Звегинцовѣ, Курскаго уѣзда. Ими занято всего на-всего въ изслѣдуемомъ районѣ 265 человѣкъ.

Кожлянская волость (с. Кожля и Нижне-Дроняево) считается центромъ и главнымъ пунктомъ производства горшечнаго по всей восточной половинѣ Курской губ. Отсюда горшки идутъ на востокъ до Глухова, Черниговской губ., на Малоархангельскъ, Орловской губер., на Сумы, Харьковской губерніи. Курскъ, Щигры и Тимъ, насколько намъ извѣстно, торгуютъ также Кожлянскими горшками. Промыселъ здѣсь существуетъ издавна; „гдѣ теперь ни копни около нашей деревни, отзываются Кожлянцы и Дроняевцы, нигдѣ до настоящаго грунта не дороешься, вездѣ аршина на два черепки—нашего издѣлія". Поэтому уже можно судить, какъ давно начали заниматься горшечнымъ дѣломъ въ этихъ двухъ селеніяхъ. Точно также съ давнихъ, незапамятныхъ поръ существуетъ горшечное производство и во всѣхъ др. указанныхъ мѣстахъ, кромѣ Попыровъ, куда оно было занесено лѣтъ 10 тому назадъ изъ Нижняго Дроняева, Льговскаго уѣзда. Никакихъ преданій относительно исторіи этого промысла намъ записать нигдѣ не удалось. Къ слову замѣчу здѣсь, что крестьянинъ нашей черноземной полосы вообще плохо помнитъ свое прошлое и совсѣмъ не знаетъ исторіи своей мѣстности. Поглощенный исключительно весь земельными интересами, которые здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ напр. въ Московской или Владимірской губ., онъ забываетъ обо всемъ остальномъ, обо всемъ мірѣ божьемъ, кромѣ земли, своей полосы, съ которой такъ тѣсно связано его существованіе. Онъ весь отдался ей всѣми своими помыслами и желаніями, всей душой своей. „Власть земли", констатированная нашимъ талантливымъ художникомъ — мыслителемъ, проявляетъ здѣсь себя сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. У здѣшнихъ крестьянъ не только нѣтъ историческихъ преданій о своемъ прошломъ, но мало даже своихъ собственныхъ пѣсенъ и сказокъ,— все это по большей части принесено изъ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній, создано творческимъ духомъ сѣверныхъ крестьянъ... Но это только „къ слову"...

Горшечники наши, вѣроятно, и сто лѣтъ назадъ употребляли тѣже орудія производства и также сбывали свои издѣлія, какъ и въ настоящее время. Только въ общинахъ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ условія производства нѣсколько измѣнились за послѣднія 25 лѣтъ. Въ с. Кожлѣ, напр., до 61 года горшечниковъ было „по указу господскому" только 40 дворовъ, они платили оброкъ барину, по 5 руб. съ тягла; остальные же всѣ ходили на барщину и обязаны были съ каждаго тягла обработать для экономіи по 8 десят. озимаго и яроваго ежегодно.

Горшечники получали отъ барина изъ экономіи лѣсъ и глину безплатно и жили, благодаря этому, „сполагоря", не терпя особенной нужды. Послѣ освобожденія у нихъ не стало ни лѣсу, ни глины. Тѣмъ не менѣе производство не только не остановилось, но даже расширилось, потому что послѣ выхода на волю (на дарственный надѣлъ) и другіе дворы, прежде бывшіе на барщинѣ и не занимавшіеся горшечнымъ дѣломъ, теперь взялись тоже за кругъ и превратили свои жилыя избы въ мастерскія. Это казалось на первыхъ порахъ очень выгоднымъ, потому что лѣсъ, необходимый для обжиганія горшковъ, былъ спачала очень дешевъ, дрова въ господскихъ экономіяхъ продавались за безцѣнокъ. Но прошло 6—7 лѣтъ послѣ воли—и обстоятельства круто измѣнились. Въ концѣ 60-хъ годовъ прошла здѣсь неподалеку (въ 12-ти верстахъ отъ Кожли) Курско-Кіевская желѣзная дорога. Лѣсныя помѣщичьи дачи стали переходить въ руки лѣсопромышленниковъ, которые немилосердно сводятъ ихъ и кормятъ ими чугунку. Цѣна на лѣсъ поднимается съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ. Горшечникамъ пришлось очень трудно; многіе изъ нихъ, забросивъ свой кругъ, ушли на косовицу и въ Одессу, по плотницкой части; другіе еле—еле держатся.

Въ с. Нижне-Дропяевомъ, лежащемъ въ одномъ районѣ съ Кожлею, неподалеку отъ нея, такихъ измѣненій быть не могло, потому что тамъ крестьяне государственные четвертные имѣютъ на 140 дворовъ 100 дес. своего лѣса и собственныя глиняныя копи. Въ количествѣ промышленниковъ здѣсь замѣчается скорѣе увеличеніе, чѣмъ уменьшеніе. Всего занимается горшечнымъ промысломъ 102 семьи.

Въ Суджанскомъ уѣздѣ гончарное производство зарегистрировано, собственно говоря, въ 4-хъ пунктахъ: въ слоб. Гончарной, Замостянской вол., въ д. Гарналѣ, Миропольской, въ Ржавской волости и Гонтаровской. Преимущественно оно сосредоточено въ двухъ первыхъ пунктахъ, изъ которыхъ слоб. Гончарная (54 чел.) лежитъ подъ самымъ г. Суджей, а д. Гарналь (13 чел.) —рядомъ съ Миропольемъ; въ Ржавской вол. гончаровъ отмѣчено три, изъ которыхъ только 1 мѣстный и 2 отхожихъ, въ Гонтаровской вол. всего—на—всего 1 горшечникъ. Въ слоб. Гончарной—крестьяне старозаимочные имѣютъ немного собственнаго лѣсу, живутъ вообще сравнительно безбѣдно. Промыселъ здѣсь развивается; этому благопріятствуетъ, съ одной стороны, легкость сбыта (въ Суджѣ), съ другой еще и то обстоятельство, что глина у большинства горшечниковъ своя; роютъ ее на своей надѣльной землѣ. Въ дер. Горналѣ промыселъ, если не развивается, то и не падаетъ, потому что здѣсь есть всѣ необходимыя условія для него; лѣсъ у крестьянъ (государств. душев.) свой 273 дес. на 163 двора, глину они имѣютъ возможность за—дешево покупать у сосѣдняго монастыря.

Въ слоб. Куткѣ, Генеральшинской вол., Дмитріевскаго уѣзда, промыселъ этотъ падаетъ, не смотря на то, что глина у крестьянъ—своя, некупленая. Главная причина этого—недостатокъ лѣса и даже невозможность пріобрѣтать его путемъ покупки, такъ какъ сосѣднія экономіи совсѣмъ его продавать перестали; своего-же лѣса у крестьянъ нѣтъ ни прута. Всѣхъ горшечниковъ здѣсь 49 человѣкъ мѣстныхъ и 1 отхожій. Въ слоб. Михайловкѣ промыселъ этотъ существуетъ лѣтъ 40; совсѣмъ не развивается: сколько было горшечниковъ 10 лѣтъ тому назадъ, столько же ихъ и теперь. Происходитъ это отъ недостатка лѣса и глины. Послѣднюю привозятъ сюда изъ с. Суччка, верстъ за 8, и продаютъ по 60—70 коп. за возъ.

Горшки работаютъ и лѣтомъ, и зимою въ жилыхъ избахъ, здѣсь же ихъ и просушиваютъ, а обжигаются они въ особо устроенныхъ горнахъ, которые помѣщаются обыкновенно „на задахъ“ усадьбы, или на выгонѣ. Въ послѣднемъ случаѣ горнъ огораживается 5—6—аршиннымъ плетнемъ. Онъ представляетъ опрокинутый полукругъ, сажени въ 3 кругомъ и $2^3/_4$ арш. вышины. Сверху—отверстіе, около $^3/_4$ арш. въ діаметрѣ. Внизу подъ куполомъ—ровный „подъ“ или полъ, на который ставятся обжигаемые горшки. Сбоку горна, въ землѣ, устраивается печь, отъ которой проведены подъ поломъ горна дымовые трубы, оканчивающіяся цѣлыми рядами отверстій (2 вершка шир. и 3 длины) въ „поду“ очага, или горна. Черезъ эти отверстія проходитъ въ горнѣ огонь и обжигаетъ горшки, которые ставятся обыкновенно въ горнѣ вверхъ дномъ, одинъ на другомъ, рядами. Какъ подъ, такъ и горнъ дѣлаются изъ глины, рѣдко изъ кирпича. Стоимость горна—отъ 5—12 рублей.

Инструменты гончара просты и дешевы. Главный инструментъ—*кругъ*, стоитъ отъ 30—50 коп. Потомъ—деревянный *ножикъ*, которымъ выравниваютъ неровности на горшкѣ, во время его вращенія на кругѣ; деревянная *лопатка*, чтобы брать глину изъ кучи; *ожигъ*, длинная (2 арш.) палка, которой вынимаютъ горшки изъ горна; *ковшъ деревянный*. Всѣ инструменты дѣлаются самими горшечниками; стоимость ихъ не превышаетъ 1—$1^1/_2$ руб. „Грошъ—цѣна нашему струменту,“ отзываются сами горшечники.—Если присчитать къ стоимости инструментовъ стоимость горна, то окажется, что основной капиталъ, необходимый для горшечника, равняется 6—7 рублямъ при глиняномъ, самодѣльномъ горнѣ и 13—14—при кирпичномъ, складенномъ нарочно для этого нанятымъ каменьщикомъ. Ремонтируютъ горны черезъ 3—4 года; на это тратится отъ 2—3 рублей.

Матеріалъ, изъ котораго приготовляютъ горшки—сѣрая *глина*. Въ с. Понырахъ и слоб. Куткѣ, Дмитріевскаго у., глина у гончаровъ своя; крестьяне роютъ ее на своихъ земляхъ. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ глину покупаютъ. Въ слоб. Гончарной, Суджанскаго у., горшечники снимаютъ у своего

общества ежегодно часть выгона за 15 руб. и добывают здѣсь глину для себя. Въ д. Горналѣ и г. Миропольи глину покупают у сосѣдняго Бѣлогорскаго монастыря; за каждый возъ, при своей конкѣ платятъ по 50 коп. и по 1 „глечику,“ т. е. горшку для молока. Какъ только прiѣзжаютъ за глиной,—тутъ же нужно и глечикъ везти; возлѣ копей стоитъ монахъ, который собираетъ и глечики и деньги. Кожлянскiе горшечники покупаютъ глину у Нижне-Дроняевскихъ четвертниковъ, по 50—70 коп. за возъ, въ которомъ обыкновенно бываетъ отъ 5 до 10 пуд. Глина покупается уже совершенно готовая: дроняевцы привозятъ ее въ Кожлю на базаръ каждую недѣлю.

Для поливы употребляется въ Михайловкѣ и Кожлѣ *свинецъ листовой* (съ цибиковъ, изъ подъ чаю); покупаютъ его въ городахъ, въ бакалейныхъ лавкахъ, по 3 р. 50 к.—4 руб. за пудъ. На 100 штукъ 2—3 копѣечныхъ горшковъ идетъ свинцу около 2 фунтовъ.

Къ свинцу иногда примѣшивается 1/8 часть „хрусталя“ (т. е. просто стекла бѣлаго отъ разбитыхъ стакановъ и бутылокъ, оконное стекло почему то не употребляется), который для этого растирается между камнями. Кромѣ того, на 1 ф. свинца прибавляютъ горсть, около 1/4 ф., простаго *песку*. Въ этомъ случаѣ полива получается самаго лучшаго качества; горшки съ такой поливой цѣнятся на 1—2 коп. дороже обыкновенныхъ.

Сурикъ употребляется также для поливы; 1 ф. его стоитъ 12 коп. На 100 штукъ горшковъ идетъ около 2 1/2 ф. Разводятъ его на „подквасьѣ“ и на дегтѣ. Какъ свинецъ, такъ и сурикъ употребляется для красной поливы. А если нужно сдѣлать поливу зеленую, то для этого идетъ *мѣдь красная*, которую пережигаютъ при помощи сѣры и потомъ стираютъ въ мелкiй порошокъ „курантомъ“ на „леденцѣ.“ 1 фунтъ мѣди стоитъ 75 коп.; на 100 горшковъ идетъ 1 1/2 фун.

Чтобы сдѣлать желтую поливу, къ свинцу подбавляется 1/4 часть кузнечнаго „*шквару*,“ или „дрызги,“ какъ называютъ ее въ Михайловкѣ (выгорки). Шквару этого можно купить въ любой кузницѣ; „за 3 коп.—сколько хошь бери“; „дрызгу“ также перетираютъ между камнями, курантомъ и леденцомъ.

Кромѣ того, при закаливанiи горшка употребляется *овсянная мука*. Одинъ фунтъ ея разводится въ 1/2 ведрѣ воды, и этимъ растворомъ обливаютъ горшки передъ тѣмъ, какъ положить ихъ въ горнъ. При такомъ способѣ обмыванiя, горшковъ лопается въ горнѣ несравненно меньше, чѣмъ при обмыванiи простой водой; да и кромѣ того мучной овсянный растворъ придаетъ горшкамъ болѣе красивый, пестрый видъ. На 1 горнъ, въ 400 горшковъ, пойдетъ муки 2—3 фунта.

Вохра для окраски горшка покупается въ городахъ, 1 фун. стоитъ 2 коп. Вохрой проводятъ ободочки (зигзагами, волнистые) на шейкахъ „ринокъ,“ употребляемыхъ для храненія молока, а также по краямъ нѣкоторыхъ другихъ сортовъ горшка. Вохра въ Кожлѣ употребляется иногда и для „поливы;“ если нужно сдѣлать поливу желтую, то кладутъ 1/2 свинцоваго порошка и 1/2 вохры, смѣшиваютъ ихъ вмѣстѣ и посыпаютъ горшки этой смѣсью. Въ Мирополье и Горналѣ краски никакой не покупаютъ. Узоры-же различные на горшкахъ выводятся особой краской, которую они находятъ здѣсь на берегу рѣки Усожи; краску эту намъ самимъ видѣть не удалось. Крестьяне называютъ ее камнемъ „самородомъ“. Они стираютъ камень этотъ на леденцѣ и потомъ разводятъ въ простой водѣ; окраска выходитъ по цвѣту коричневая, довольно прочна и долго не линяетъ.

Деготъ товарный („половикъ“) употребляется для смазки горшка, чтобы полива (свинецъ, вохра, мѣдь etc) пристала къ нему крѣпче. Покупаютъ его на базарѣ; 1 ф. стоитъ 5—7 коп. На 100 штукъ горшковъ идетъ его до 5 фунтовъ.

Въ Мирополье и Горналѣ поливы на горшкахъ совсѣмъ не дѣлаютъ и потому продаютъ ихъ очень дешево, по 1—2 коп. за штуку. Горшки же съ поливой привозятъ сюда изъ Суджи (сл. Гончарная) и изъ Сумъ, Харьковской геберніи.

Для обжиганія горшковъ употребляется обыкновенно или осиновыя дрова, или солома. Хорошіе дрова нейдутъ—дороги. Покупаютъ ихъ или на базарахъ (Михайловка и Мирополье), или ѣздятъ за ними въ сосѣдніе помѣщичьи лѣса. Безлошадные для этого нанимаютъ лошадь у своихъ сосѣдей, по 30—40 коп. (верстъ за 3—7) съ воза. За 1 возъ пней платятъ экономіи по 1 р. и 1 р. 20 коп., среднимъ числомъ 1 р. 10 коп.; безлошаднымъ же, которые нанимаютъ для провоза лошадей, каждый возъ обходится въ 1 р. 45 коп. Михайловскіе горшечники берутъ дрова больше въ экономіи Воскобойникова (за 7 верстъ), потому что тамъ хоть и дороже приходится переплачивать на 5—10 коп. съ воза, за то экономія въ долгъ дрова отпускаетъ,—за извѣстный %, разумѣется,—процентъ, который обыкновенно равняется 12—15 к. на каждый возъ. На 1 горнъ идетъ обыкновенно 2 1/2 воза дровъ, такъ что обжиганіе 400 горшковъ стоитъ рабочему съ лошадью 2 руб. 75 коп., а безлошадному—3 р. 60 коп. Безлошадныхъ всѣхъ изъ горшечниковъ—около 75%; стало быть, среднимъ числомъ, на 400 горшковъ выходитъ дровъ всего на 3 р. 36 коп. А на каждую сотню значитъ, круглымъ числомъ, падаетъ 84 коп. (горшечнику съ лошадью обходится сотня около 68 коп., а безлошадному—90 коп.)

Горны, по большей части, устраиваются въ складчину 2—3 „товарищами“ или „братами.“ При обжиганіи между артельщиками очереди никакой не соблюдается; горномъ пользуется тотъ, кому придется. Случается, что и ссоры изъ-за этого происходятъ, но кончаются они по большей части миромъ или, въ крайнемъ случаѣ, выпивкой; до суда никогда не доходятъ. Топитъ горнъ, разумѣется, тотъ, кому нужно свои горшки обжигать. Артельщики стараются только, чтобы горнъ не остывалъ, потому что въ противномъ случаѣ, для того, чтобы разогрѣть его много дровъ требуется; для этого они такъ „подгоняютъ“ свою работу, чтобы перемежки въ обжиганьи не было. Въ случаѣ, если горнъ замерзнетъ отъ продолжительной остановки въ работѣ, его растопляютъ всѣ артельщики сообща. На это иногда уходитъ около 1½ сажени дровъ, которые доставляются всѣми „братами“ поровну.

Годовой оборотный капиталъ гончара нашего колеблется по различнымъ мѣстностямъ отъ 20—36 рублей, смотря по цѣнѣ глины и дровъ въ томъ или другомъ районѣ.

Глина горшечная копается зимою, съ декабря до февраля, потому что, „тогда ее взять удобнѣе“, въ теплое же время рыть ее опасно: завалить можетъ; даже и при зимней копкѣ, сплошь и рядомъ случаются въ копяхъ несчастія съ людьми. Въ каждой мѣстности, гдѣ только копаютъ глину, вамъ раскажутъ цѣлую серію такихъ „несчастныхъ случаевъ“. Оно и немудрено, такъ какъ доставать глину приходится иногда изъ глубины 8 саж. (sic!), какъ, напримѣръ, въ д. Нижне-Дроняевой. Чтобы сподручнѣе было доставать глину, рабочіе соединяются въ артели по 5, 8 10 и даже 13 человѣкъ, смотря по глубинѣ ямы. Въ ямахъ подѣланы ступени на разстояніи человѣческаго роста, и на каждой ступени во время работы становится человѣкъ, который принимаетъ глину отъ находящагося ниже и т. д. На самомъ днѣ ямы, въ разныя стороны, по направленію слоевъ глины, сдѣланы горизонтальные корридоры въ 1½ арш. высоты и около 1 аршинъ ширины. Ходить по нимъ нельзя, можно только ползать на колѣняхъ. Потолокъ корридора подпирается толстыми кольями. Въ корридорахъ страшно душно, такъ что свѣча и керосиновая лампа тамъ тухнетъ; человѣку тяжко, томно. „Мальцы,“ т. е. малые ребята, падаютъ въ обморокъ, ихъ выносятъ оттуда чуть живыми. Для освѣщенія въ корридорахъ употребляются „каганцы“ и „масляки.“ Длина корридоровъ иногда простирается до 15—20 аршинъ. Роютъ глину кривыми англійскими заступами; отламываютъ куски въ 1—1½ пуда вѣсомъ.

Въ день артель въ 8 человѣкъ накопаютъ глины около 4 возовъ. Глину дѣлятъ между всѣми членами артели поровну. Въ с. Куткѣ, Понырахъ, Нижне-Дроняевѣ и слоб. Гончарной, гдѣ глина у горшечниковъ своя, копаютъ сами мастера; за зиму каждый накопаетъ отъ 15—20 возовъ. Въ

Миропольи и Горналѣ глину горшечники хоть и покупаютъ, но копаютъ сами; въ Михайловкѣ и Кожлѣ они покупаютъ глину уже совершенно готовою; ее привозятъ къ нимъ въ Михайловку изъ Сучка, въ Кожлю—изъ Дропяева. Глина вся сваливается обыкновенно на дворѣ, возлѣ избы. По мѣрѣ надобности она вносится въ избу, пудовъ по 5—7 заразъ. Когда она здѣсь оттаетъ, ее начинаютъ мять на полу, сначала ногами, потомъ руками („кулачить") тщательно выбирая изъ нея всѣ камешки, солому, щепки etc. Въ концѣ концовъ получается мягкая, эластичная масса, въ родѣ замазки. Ее сваливаютъ въ одинъ большой комокъ и ставятъ возлѣ скамьи, къ которой прикрѣпленъ кругъ. Затѣмъ начинается работа на кругу. Въ одинъ день, работая 10—13 час., горшечникъ можетъ сработать 25—40 горшковъ. Сырые горшки ставятся, обыкновенно по лавкамъ, на полу, на столѣ, и здѣсь „провѣтриваются", „вянутъ„ въ теченіи сутокъ; затѣмъ они переходятъ на печь. Въ видахъ промышленныхъ печи у большинства горшечниковъ устраиваются по-черному, чтобы экономизировать теплоту, необходимую для просушки горшковъ. Но это обходится слишкомъ дорого для ихъ здоровья, потому что ѣдкій дымъ, наполняющій комнату во время топки, вредно дѣйствуетъ на глаза и причиняетъ угаръ.

Постоянное присутствіе глины въ избѣ производитъ страшную сырость; стѣны здѣсь всю зиму—мокрыя отъ испареній; на полу грязно (полы у гончаровъ всегда земляныя). Когда вы входите въ избу горшечника, то васъ сразу обдаетъ этой сыростью и прѣлью; сами горшечники сознаются, что у нихъ въ избахъ „духъ тяжелый—не продохнешь". Благодаря этимъ условіямъ, изба горшечника служитъ не долѣе 10—15 лѣтъ, т. е. вдвое менѣе обыкновеннаго жилья.

Когда накопится горшковъ 200—400 штукъ, ихъ сносятъ въ горнъ и раскладываютъ огонь въ печкѣ. Черезъ 5—6 часовъ горшки совершенно высохнутъ, запалятся и покраснѣютъ; тогда изъ верхняго отверстія горна показывается пламя. Замѣтивъ это мастеръ, тотчасъ же заваливаетъ отверстіе землею, или кострикою отъ пеньки. Тяга прекращается; въ горнѣ скопляется большое количество дыма и копоти, отъ которыхъ горшки и получаютъ темносиній цвѣтъ. Процессъ обжиганія продолжается обыкновенно 20—22 часа. *) Посуду вынимаютъ изъ горна ожигомъ и крючками. Нѣкоторые сорты горшковъ закаливаютъ въ растворѣ изъ овсяной муки, чтобы сдѣлать ихъ пестрыми и красивыми. Весь процессъ закаливанія состоитъ въ томъ, что горячій горшокъ, только что вынутый изъ горна, опускаютъ въ корыто съ упомянутымъ растворомъ.—Если горшечникъ не же-

---

*) Это для горна въ 400—500 горшковъ; горнъ въ 200 горшковъ можетъ быть обожженъ въ 12—14 часовъ.

лаетъ, чтобы его посуда приняла черный цвѣтъ, то онъ не закрываетъ верхняго отверстія у горна во время обжиганія и даетъ здѣсь свободный проходъ огню и дыму. Вслѣдствіе этого процессъ обжиганія происходитъ скорѣе, нежели при заваливаніи горна (10—15 часовъ), но за то дровъ выходитъ при этомъ нѣсколько больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Цѣнность же горшковъ какъ того, такъ и другого сорта,—одинаковая.

Работа производится повсемѣстно и зимою, и лѣтомъ, Въ работѣ принимаютъ участіе только мужскіе работники; мальчики начинаютъ „пріучаться" къ работѣ съ 7—9 лѣтъ. На первыхъ порахъ онѣ помогаютъ старшимъ членамъ семьи мять глину, „принимаютъ" отъ нихъ готовые сырые горшки и разставляютъ ихъ по лавкамъ и полкамъ для просушки; лѣтъ съ 13—14 мальчугана нерѣдко уже сажаютъ за круги, и онъ работаетъ „покрышки"—самый простой и дешевый сортъ гончарныхъ издѣлій. Женщины въ работѣ совсѣмъ не участвуютъ.—Въ деревняхъ крестьянъ государственныхъ душевыхъ и четвертныхъ горшечнымъ производствомъ заняты по большей части такіе дворы, которые имѣютъ у себя по 2—3 работника; въ помѣщичьихъ же, наоборотъ, всѣ горшечники—одиночки; всѣ они по большей части безлошадные и сдаютъ свои надѣлы сосѣдямъ или обработываютъ ихъ наймомъ.

Всѣхъ рабочихъ дней въ теченіе года на каждаго горшечника падаетъ не болѣе 120. Работа начинается вмѣстѣ съ восходомъ солнца и продолжается, съ небольшими промежутками для обѣда, полдника и ужина, до 10 часовъ вечера. Вечеромъ работаютъ при свѣтѣ лучины или каганца (черепокъ, наполненный саломъ, съ тряпичнымъ или ватнымъ фитилемъ посрединѣ). Освѣщеніе, собственно говоря, не слѣдуетъ относить на счетъ промысла, потому что работа производится въ избѣ, гдѣ живетъ семья, которая бы все равно жгла каганецъ по вечерамъ, если бы „батька" и не работалъ надъ своимъ кругомъ.—Каждый рабочій въ день можетъ сработать среднимъ числомъ около 30 горшковъ, или 3600 штукъ въ продолженіе всего рабочаго года, на сумму 108 р., считая, что каждый горшокъ онъ самъ продастъ изъ первыхъ рукъ по 3 коп. Отсюда слѣдуетъ, что общая сумма производства горшечниковъ достигаетъ 28,620 руб. сереб.

Чтобы вычислить чистый доходъ горшечника, необходимо принять во вниманіе всѣ затраты производства. На каждую сотню 3-хъ-копѣечныхъ горшковъ ему приходится затратить:

Глины	на	15	коп.
Муки	„	5	„
Дегтя	„	30	„
Свинцу	„	20	„
(или сурика . .	„	30)	„

Охры	на	7	коп.
Дровъ	„	84	„
Освѣщеніе . . .	„	3	„
Итого . .	„	1 р. 59 к.	

Стало быть, затраты производства поглощаютъ около 50% всего валоваго дохода. Мы еще не считали при этомъ расходовъ на перевозку готовыхъ издѣлій, которая „тоже, по собственному выраженію крестьянъ, „стоитъ денегъ". Сотню горшковъ рабочій продаетъ за 3 руб., рѣдко за четыре; значитъ, съ каждой сотни онъ выручаетъ чистаго барыша 1 руб. 41 коп., годовая же его выручка равняется 56 руб.

Вотъ сорты горшечныхъ издѣлій, какіе производятся здѣшними гончарами:

Горшки разной величины, отъ 1—5 коп. за штуку. Самый большой изъ нихъ—2 четверти вышиною и 1½ четверти въ діаметрѣ, въ отверстіи; самый маленькій—3 вершка вышиною.

Тазочки, для печенія ситниковъ, 3—4 коп. штука.

Риночка, чтобы картофель жарить, 4 коп.

Глечки, въ которыхъ держатъ молоко, 3—4 коп.

Кувшины квасные, по 10 коп.

Корчаги для бѣленія полотенъ, 8—12 коп.

Чайники для заварки чаю, 5—6 коп.

Плошки для цвѣтовъ, 3—6 коп.

Урыльники—по 4—6 коп.

Черепни, которыя употребляются здѣсь вмѣсто „боровов", на трубахъ, 10 коп. за штуку.

Плошки, которыми накрываютъ ульи отъ дождя и сырости, по 10—20 коп. за штуку. Онѣ похожи на древній рыцарскій щитъ, только безъ всякихъ украшеній. Величина ихъ—1 арш. въ діаметрѣ.

Доенки—5—6 коп. за штуку.

Кружки—2—4 коп. за штуку.

Рукомойники—6—7 коп. за штуку.

И наконецъ chef—d'oeuvre мѣстнаго искусства—*баранъ для водки*. Баранъ этотъ—ничто иное, какъ глиняный боченокъ, къ которому придѣланы четыре ноги и грубое подобіе головы, съ торчащими ушами и рогами. Его обыкновенно разрисовываютъ всевозможными красками, какія только найдутся у гончара въ ту минуту, когда онъ дѣлаетъ своего барана. Вдохновенному

творчеству его при этомъ нѣтъ предѣловъ: глаза у барана онъ дѣлаетъ зелеными, хвостъ—голубымъ, шерсть—красною, а рога окрашиваетъ въ черный цвѣтъ. Бараны дѣлаются теперь только по особому заказу; но прежде, лѣтъ 7—10 тому назадъ, ихъ можно было видѣть въ продажѣ на всѣхъ ярмаркахъ и базарахъ нашей Курской губерніи. Производятъ ихъ только въ Михайловкѣ, Кожлѣ и Нижне-Дроняевѣ. Стоитъ такой баранъ—отъ 40 коп. до 1 рубля. Вмѣстимость его—около штофа.

Раздѣленія труда въ гончарномъ производствѣ, строго говоря, не существуетъ. Оно проявляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Михайловка и Кожля) только въ добываніи глины: ни Кожлянскіе, ни Михайловскіе горшечники глины сами не добываютъ, ее привозятъ сюда на продажу, какъ мы уже упоминали выше, изъ Нижне-Дроняева и с. Сучка.

Въ Кожлѣ, Нижне-Дроняевѣ и слоб. Гончарной нѣкоторые домохозяева нанимаютъ рабочихъ. Всѣхъ дворовъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, 12 (преимущественно въ Нижне-Дроняевѣ). Въ годъ, за 320 рабочихъ дней (работника засаживаютъ вплотную—„безъ отрыва работай“) платятъ 40—60 рублей. Работниковъ никто больше одного не держитъ. Кромѣ работниковъ, у нѣкоторыхъ горшечниковъ есть есть ученики. По изслѣдованному нами району всѣхъ учениковъ насчитывается въ настоящее время 10 человѣкъ—5 въ Нижне-Дроняевѣ, 4 въ Кожлѣ и 1 въ Михайловкѣ. Всѣ они—изъ сиротъ, оставшихся безъ отца и матери на рукахъ родственниковъ—опекуновъ, которые были рады радешеньки сбыть ихъ, какъ лишнюю обузу своей семьи, куда угодно. Содержаніе учениковъ, равно какъ и одежда—отъ хозяина. Отданы они въ ученики на 2—4 года безплатно. Вообще здѣсь система ученичества не въ модѣ; каждый отецъ обучаетъ своего сына,—такъ и передается ремесло изъ поколѣнія въ поколѣніе. Не прививается же ученичество къ этому промыслу, вѣроятно, потому, что производство горшковъ—штука очень несложная, выучиться лѣпить ихъ не представляетъ никакого труда; 14—15 лѣтній мальчикъ можетъ научиться этому въ 1 мѣсяцъ. Поэтому то здѣсь такъ мало находится охотниковъ отдавать своихъ дѣтей на выучку. Мальчикъ, какъ бы онъ слабосиленъ ни былъ, всегда пригодится крестьянину въ собственномъ хозяйствѣ, если таковое есть у него.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ относительно организаціи сбыта гончарныхъ издѣлій.

Въ большинствѣ случаевъ горшечники сами сбываютъ свои издѣлія потребителямъ, не прибѣгая къ услугамъ скупщиковъ. Этотъ способъ сбыта сами крестьяне называютъ „изстариннымъ,“—„такъ де отъ дѣдовъ повелося.“ Такъ дѣлается въ Поныpахъ, Кожлѣ, Гарналѣ, въ Куткѣ и частію

Нижне-Дроняевѣ. У кого есть лошадь, тотъ ѣдетъ продавать на своей лошади; если же лошади нѣтъ, нанимаетъ у сосѣдей, платя по 3 – 5 руб. въ недѣлю, или же отдаетъ на коммисію тѣмъ, у кого есть лошадь, съ платою за это по 1 рублю съ сотни. Ѣздятъ изъ этихъ селеній продавать горшки на мѣстныя ярмарки и базары: изъ с. Кожли—въ Курскъ, Фатежъ, Льговъ, Суджу, Рыльскъ; изъ Горналя—въ Мирополье, изъ Кутка—въ Дмитріевъ, Фатежъ и Михайловку; изъ Нижне-Дроняева—по всей западной полосѣ Курской губ., заходятъ даже въ Харьковскую, Черниговскую и Орловскую губ.

Но главнымъ образомъ выручаетъ горшечника не ярмарка или базаръ—на иной ярмаркѣ не продашь и 50 горшковъ—а деревня. Горшечникъ, переѣзжая съ базара на базаръ, съ мѣста на мѣсто, останавливается въ каждой попавшейся деревнѣ и предлагаетъ бабамъ свои издѣлія. На деньги здѣсь у него покупаютъ рѣдко, больше вымѣниваютъ на рожь, пшеницу и пеньку. Такъ и горшечнику выгоднѣе, и бабамъ „необидно", хотя они и платятъ всегда ему втридорога. Ну, да вѣдь хлѣбомъ то оно „не видно"... Хлѣбъ даютъ, впрочемъ, при этомъ всегда очень плохой, сыромолотный, оставшійся отъ посѣва сѣмянъ. Въ городахъ нашихъ у лавочниковъ, которымъ сбываютъ послѣ горшечники свой хлѣбъ, есть даже особый сортъ хлѣба—такъ и называется онъ „горшечнымъ;" спросите,—его вамъ въ любой лавкѣ хлѣбной покажутъ, и продадутъ дешевле противъ обыкновеннаго на нѣсколько копѣекъ въ пудѣ. Въ прежнее, и еще очень недавнее сравнительно, время, не болѣе, какъ 5—6 лѣтъ тому назадъ, горшечники -продавцы получали за каждый горшокъ свой столько ржи, или иного какого хлѣба, сколько его въ горшокъ убиралось. Насыпаетъ баба полонъ горшокъ жита и высыпаетъ въ мѣшокъ торговцу, а себѣ беретъ за это горшокъ; но въ настоящее время покупательницы наши деревенскія поняли, что такой обмѣнъ для нихъ не выгоденъ и требуютъ къ одному горшку „придачи"—кружку, для квасу или покрышку на кринку. Такъ, безъ придачи, отъ нихъ ни за что не отвяжешься. За деньги въ деревнѣ берутъ горшки рѣдко; развѣ какой кабатчикъ, или изъ духовныхъ кто, или изъ барской экономіи. Даже когда промышленникъ ночевать остановится на селѣ и тогда расплачивается не деньгами, а горшками. Поужинаетъ самъ, хозяйскимъ „ѣдевомъ", чѣмъ Господь послалъ, попроситъ и коня накормить, ночуетъ—и за все про все даетъ хозяйкѣ 2—3 маленькихъ горшка, и эта послѣдняя всегда остается очень довольной, благодарной. Всю дорогу горшечникъ съ лошадью сыты горшками.

Необходимо сказать здѣсь, что всѣ перечисленныя выше издѣлія раздѣляются у гончаровъ на 4 сорта.

1-й сортъ—*полуяловцы*; сюда принадлежатъ издѣлія самаго большаго размѣра—черепки, покрышки для ульевъ, корчаги и т. д.

2-й сортъ—*кашники*, средней величины горшки.

3-й сортъ - *кашничаша*.

4-й сортъ—*махотки* (вѣроятно отъ слова „махонькій" потому что къ этому разряду относятся самые маленькіе горшки); сюда же относятся и такъ называемые „черепушки"—покрышки для кружекъ, молочныхъ крынокъ и т. д.

Въ Михайловкѣ и Горналѣ, у хохловъ, сорта эти носятъ такія названія:

1-й сортъ—*підворотень*.

2-й „ —*підворотня*.

3-й „ —*горщa*.

4-й „ —*мазнечка*.

Горшечникъ, отправляясь въ походъ, обыкновенно беретъ съ собою горшковъ всѣхъ четырехъ сортовъ, но не поровну каждаго, а смотря по спросу со стороны покупателей. Опытные, бывалые горшечники знаютъ, какого сорта слѣдуетъ взять больше, какого меньше, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ и запросамъ деревни и выгодно, и скоро распродать свой товаръ. На возъ кладутъ обыкновенно $1^1/_2$—2 сотни горшковъ разныхъ сортовъ и наименованій. Въ удачливые, урожайные годы горшечникъ выручаетъ иногда на возъ рублей по пяти, потому что бабы сыплютъ ему зерно не жалѣючи; и уѣзжаетъ онъ домой съ большимъ барышомъ: но бываетъ и такъ, что онъ пріѣзжаетъ домой съ 2—3 рублями въ карманѣ.

Изъ всего, что мы сказали здѣсь о гончарномъ производствѣ въ изслѣдуемомъ нами районѣ, можно видѣть, что производство это относится къ области мелкой кустарной промышленности. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и крайне незначительный размѣръ основнаго и оборотнаго капитала, и отсутствіе большихъ мастерскихъ, и, наконецъ, примитивная организація сбыта, при которой горшечникъ – производитель прямо и непосредственно вѣдается съ потребителями.

Если читатель потрудится заглянуть въ нашъ статистическій сборникъ по Льговскому уѣзду, то тамъ, въ отдѣлѣ промысловъ, онъ найдетъ такого рода указаніе торговцевъ горшками, по Кожлянской волости—136 человѣкъ, и всѣ они занесены въ рубрику отхожихъ промышленниковъ. Но пусть онъ не пугается: это не признакъ капитализаціи производства и отъ этого оно не теряетъ своего характера мелкаго кустарничества, такъ какъ торговцы эти —въ большинствѣ случаевъ такая же отчаянная голытьба, какъ и сами горшечники, и при своихъ торговыхъ оперціяхъ думаютъ не о томъ, какъ бы обогатиться, а скорѣе о томъ, какъ бы прокормиться и свести концы съ концами въ своемъ хозяйствѣ. Они набираются изъ лошадныхъ домохозяевъ с. Кожли, Нижне-Дроняева, д. Загрядской и Афанасьева-Дурнева. Они скупаютъ горшки у Кожлянскихъ и Нижне-Дроняевскихъ безлошадныхъ горшечниковъ и затѣмъ развозятъ ихъ по базарамъ и деревнямъ

продавая ихъ здѣсь тѣмъ же способомъ, какъ и сами горшечники—производители, о которыхъ мы только что говорили. Это занятіе издавна сдѣлалось постояннымъ промысломъ здѣшнихъ крестьянъ, какъ въ другихъ мѣстахъ косовица, плотничество и т. д. Барышей тутъ большихъ не получишь, а прокормиться—прокормишься. Забираютъ они у горшечниковъ ихъ издѣлія по 3—4 рубля за сотню; при чемъ въ сотню идетъ по 25 штукъ горшковъ каждаго сорта (полуяловцевъ, кашниковъ, кашничатъ и махотокъ)—всѣхъ по ровну. Цѣна эта, впрочемъ, не всегда одинакова: зимой и осенью они нѣсколько дороже; по 4 р. сотня продается, потому что тогда спросъ на горшки со стороны торговцевъ бываетъ больше, чѣмъ въ какое нибудь другое время. Торговецъ тогда дома не засиживается и постоянно рыщетъ по деревнямъ, выкрикивая свое: „горшки, горшки отмѣнные!“ Распродастъ возъ, тотчасъ же отправляется за другимъ, и опять въ походъ по деревнямъ. Время это горячее; нужно торопиться сбывать крестьянамъ горшки, покамѣстъ они хлѣбъ свой не съѣли, пока „новина“ у нихъ держится, потому что, когда до этого дойдетъ дѣло, въ торговлѣ „заморъ“ наступитъ; съ горшками хоть не ѣзди совсѣмъ. Поэтому весною цѣна на нихъ падаетъ до 2 рублей за сотню; съ масляницы большинство торговцевъ прекращаетъ свои поѣздки. Лѣтомъ цѣна на горшки падаетъ еще ниже, иногда до 1 руб. 50 коп.—1 р. 80 коп. за сотню, а въ горячую пору, во время косовицы и уборки хлѣбовъ, хоть даромъ отдавай, никто невозьметъ, потому что торговцы всѣ заняты полевыми работами и имъ уже теперь не до горшковъ. Цѣны устанавливаться начинаютъ обыкновенно съ Рождества Богородицы (9 сентября). Паспортовъ горшечники не берутъ, потому что выѣзжаютъ изъ дома всегда не более, какъ на двѣ—три недѣли. На возъ накладываютъ около $1^1/_2$ сотни всякихъ горшковъ. Обратно же привозятъ 25 пудовъ разнаго хлѣба, въ урожайные года—40—50 пудовъ. Каждый пудъ продается въ лавки, среднимъ числомъ, по 50 коп. За зиму каждый торговецъ продаетъ возовъ по 10. Годовая его выручка простирается до 95 руб., а валовой доходъ отъ 125 р.—225 руб.

Въ отношеніяхъ между горшечниками—производителями и торговцами, скупающими ихъ издѣлія, издавна утвердилась практика такого рода: торговецъ, забирая товаръ у производителя, денегъ ему тотчасъ же не отдаетъ, а выплачиваетъ договоренную сумму послѣ, когда воротится домой, распродавши горшки. „Заведенье такое“ существуетъ „споконъ вѣку“, по заявленію крестьянъ. Разница между старымъ и новымъ временемъ заключается развѣ въ томъ, что прежде при такого рода сдѣлкахъ не требовалось ни росписокъ, ни свидѣтелей. А теперь безъ этого сдѣлки обходятся рѣдко, потому что „мало у людей совѣсти стало“...

Очевидно, что такіе мелкіе скупщики не способны внести капитализацію въ дѣло производства, не могутъ закабалить рабочаго подъ власть капитала, такъ какъ у нихъ и капитала то нѣтъ никакого. За это ручается уже и то обстоятельство, что „заведенье такое", такая торговля горшками практикуется „споконъ вѣку" и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще система эта не дала намъ ни одного примѣра капитализаціи, хотя попытки къ этому со стороны единичныхъ личностей, несомнѣнно, бывали... Прекрасно обрисованы эти торговцы, равно какъ и самая торговля горшками, въ одномъ изъ нашихъ статистическихъ поселенныхъ бланковъ (по с. Афанасьеву—Дурневу). Въ рубрикѣ промысловъ такъ сказано:

„Прежде ѣздили съ горшками по базарамъ и деревнямъ; покупали ихъ въ Кожлѣ и Нижне-Дроняевѣ. Но за послѣдніе годы, когда начались здѣсь по всей сторонѣ неурожаи, требованіе на горшки вездѣ значительно уменьшилось, такъ что вслѣдствіе этого убыточно стало торговать ими. Года 3—4 тому назадъ ударились было отсюда на косовицу, въ Украйну, но и тамъ не задалось, пришли оттуда пѣшкомъ, побираясь дорогой (машины). Теперь не знаютъ чѣмъ заняться, къ чему руки приложить; терпятъ нужду. За послѣдніе два года нѣкоторые стали брать сучки въ сосѣднихъ экономическихъ рощахъ и выжигать уголья"...

Коротко и ясно. Передъ вами—отчетливый портретъ, типъ здѣшняго торговца горшками, которому рѣшительно все равно— выжигать ли уголья, идти ли на косовицу или поѣхать съ горшками; лишь бы только зашибить на чемъ нибудь копѣйку.

Вслѣдствіе невыгодности торговли за послѣдніе годы, количество мелкихъ торговцевъ, нѣсколько уменьшилось. Такъ мы знаемъ, что въ прежнее время, лѣтъ 20 назадъ въ д. Березуцкой такихъ торговцевъ было человѣкъ 15, теперь тамъ нѣтъ ни одного; мы видѣли также, что въ Афанасьевѣ—Дурневѣ тоже перестали вести такую торговлю.

Теоретически можно бы было пожалуй заключить, что разъ исчезаютъ скупщики—торговцы мелкіе, на ихъ мѣсто являются крупные, обладающіе капиталомъ, способные двинуть гончарное дѣло въ нашихъ мѣстахъ на путь крупнаго кустарнаго производства. Но на самомъ дѣлѣ этого далеко нѣтъ. Уменьшенье количества мелкихъ торговцевъ вызвано было не концентраціей сбыта въ рукахъ крупныхъ скупщиковъ, а просто тѣмъ обстоятельствомъ, что районъ сбыта гончарныхъ издѣлій значительно съузился за послѣднее время, такъ какъ теперь вездѣ стали появляться свои горшечники, которые могутъ удовлетворять потребностямъ мѣстнаго населенія. Таковы, напримѣръ, Поныры и Михайловка, въ которыхъ только недавно, въ послѣднее 20-ти

лѣтіе, появились собственные гончары, уже вытѣснившіе теперь своими издѣліями, издѣлія привозныя изъ Кожли и Нижне-Дроняевой.

Капиталистическія начала въ организація сбыта горшечныхъ издѣлій являются только въ Мирополья, Горналѣ, Михайловкѣ и отчасти въ слободѣ Гончарной,— т. е. въ городахъ, пригородныхъ слободахъ и большихъ торговыхъ, промышленныхъ центрахъ (Михайловка). Здѣсь, по этимъ мѣстамъ, большинство рабочихъ горшечниковъ не ѣздятъ сами по деревнямъ, а продаютъ горшки на мѣстѣ лавочникамъ. Обыкновенная цѣна - таже, что и при сбытѣ мелкимъ скупщикамъ въ Кожлянской волости 3—4 р. за сотню. Въ Михайловки, Горналѣ и Михайловкѣ всѣ гончары продаютъ свои издѣлія лавочникамъ, а въ сл. Гончарной -- продаютъ только 6 семей, съ 9 работниками (Суджанскимъ лавочникамъ). Горшечники находятъ это гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ ѣздить, „таскаться" по деревнямъ за невѣрными барышами; здѣсь, при продажѣ на мѣстѣ, барышъ хоть малъ, за то вѣренъ, а тамъ, по деревнямъ, еще лови журавля въ небѣ. Горшечники въ слоб. Гончарной, не попавшіе въ числоу казанныхъ 6 семей, даже прямо завидуютъ имъ; „лежа на боку, говорятъ денежки-то получаютъ, а ты вотъ тутъ ѣзди, майся".

Вліяніе промысла на разныя стороны крестьянскаго хозяйства можно легко прослѣдить, взявши двѣ общины: Кожлю (дарств. над.) и Нижне-Дроняеву (госуд. четв),

Въ д. Ниже-Дроняевой, какъ значится по нашимъ статистическимъ таблицамъ (см. „сборникъ по Льговскому уѣзду", стр. 50), всѣхъ дворовъ государственныхъ четвертныхъ крестьянъ 143; изъ нихъ 121, т. е. 85%, обрабатываютъ землю собственнымъ инвентаремъ; 17 дворовъ, т. е. 12%, обработываютъ наймомъ и 2 двора, или 3%.—сдаютъ свои земли для обработки сосѣдямъ. Лошадей приходится на каждый дворъ 1,9, коровъ — 1,4 и мелкаго скота — 7,2. Безлошадныхъ -- 14%. Если сравнить эти цифры съ общими итогами по уѣзду, взявши разумѣется тотъ же разрядъ крестьянъ, къ какому принадлежатъ нижне-дроняевцы (государ. четв.) то окажется, что экономическое и хозяйственное положеніе этихъ послѣднихъ нѣсколько лучше, чѣмъ положеніе всѣхъ вообще четвертниковъ по уѣзду. Оказывается, что собственнымъ инвентаремъ обрабатываютъ землю изъ всѣхъ государственныхъ четвертныхъ только 78%, наймомъ — 17% и остальные 5% сдаютъ свои земли; лошадей на 1 дворъ среди четвертниковъ приходится 1,6, коровъ — 1,2 и мелкаго скота 8 головъ; безлошадныхъ дворовъ по уѣзду — 20%.

Но по степени грамотности взятая нами община горшечниковъ стоитъ гораздо ниже другихъ однодворческихъ селеній Льговскаго уѣзда. Грамотныхъ въ Нижне-Дроняевой считается всего 25 чел. мужскаго пола, или 7% общаго количесства, учащихся нѣтъ совсѣмъ, тогда какъ по всѣмъ вообще

селеніямъ четвертниковъ въ уѣздѣ грамотныхъ мужскаго пола по нашимъ таблицамъ насчитывается 21%.

Въ с. Кожлѣ, среди дарственниковъ, получившихъ всего по 1,1 дес. на душу, изъ 215 дворовъ — 147, или 69,2 %, обработываютъ землю собственнымъ инвентаремъ, 4 — или почти 2%, наймомъ и 28,8 % сдаютъ свои надѣлы сосѣдямъ. Лошадей на 1 дворъ приходится — 1, коровъ — 0,7 и мелкаго скота — 2 головы; безлошадныхъ домохозяевъ — 54 или 24% общаго количества. По всему же Льговскому уѣзду у дарственниковъ — обработываютъ землю собственнымъ инвентаремъ только 65%, наймомъ — 25% и 10% сдаютъ свои надѣльные участки. Лошадей рабочихъ на 1 надѣльный дворъ приходится также 1, какъ и въ Кожлѣ, коровъ — 0,9, мелкаго скота — около 4 головъ.

Грамотныхъ и учащихся среди дарственниковъ по уѣзду считается 5,4%, по с. Кожлѣ — 10%, общаго количества обоего пола. Но такое несоотвѣтствіе, вѣроятно, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что село Кожля — издавна промышленное и торговое село. Вообще гончарный промыселъ, на сколько намъ извѣстно, оказываетъ на грамотность очень незначительное и при томъ скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное вліяніе, какъ это мы и видѣли по д. Нижне-Дроняевой,

Вліяніе промысла, несомнѣнно, должно отражаться на здоровьи рабочихъ. Вліяніе это, къ сожалѣнію, отрицательное. Постоянная сырость въ хатѣ отъ глины, здѣсь находящейся, дѣйствуетъ разрушительно на здоровье всѣхъ членовъ семьи, особенно же на малыхъ дѣтей, на молодое подростающее поколѣніе. Дѣти у гончара — всегда съ мертвенно-блѣднымъ, зеленоватымъ цвѣтомъ лица; движенія ихъ вялы, глаза какіе-то мутные. Да и самъ онъ не краше дѣтей своихъ: постоянная продолжительная работа въ сидячемъ и нѣсколько наклонномъ положеніи надъ кругомъ, въ сыромъ, промзгломъ воздухѣ, изнуряетъ его и преждевременно старитъ; въ 25 лѣтъ у гончара уже появляются на лицѣ старческія морщины. На сходѣ всегда сразу узнаешь гончара, по его нездоровому, блѣдному цвѣту лица, по его вялымъ движеніямъ и апатичному взгляду. Сами гончары не хвалятъ свою работу, прекрасно сознавая все это: „казнь египетская — вотъ что наша работа, говорилъ намъ какъ-то одинъ изъ нихъ: сами-то бы мы ничего, притерпѣлись, да вотъ на ребятъ лихо, тошно смотрѣть“...

Гончарное производство находится въ тѣсной зависимости отъ цѣнности лѣса и глины, такъ какъ это — наиболѣе цѣнные элементы оборотнаго капитала горшечника. Глина съ каждымъ годомъ все повышается и повышается въ цѣнѣ, какъ бы пропорціонально увеличивающейся крестьянской нуждѣ. Въ Миропольи и д. Горналѣ изъ-за этого даже бросили дѣлать большіе сорты из-

дѣлій—„підворотни“, которые производились здѣсь (назадъ тому лѣтъ 8—10; въ настоящее время ихъ привозятъ сюда изъ Суджи и Сумъ, Харьковской губ. Вопросъ о лѣсѣ, о дровахъ—роковой вопросъ для здѣшняго гончара. Постоянно повышаясь въ цѣнѣ, лѣсъ въ концѣ концовъ—и кажется въ очень недалекомъ будущемъ—сдѣлается совершенно недоступенъ нашимъ горшечникамъ и принудитъ ихъ бросить кругъ и искать заработковъ гдѣ-нибудь на сторонѣ. Уже и теперь нѣкоторые горшечники въ Нижне-Дровяевѣ побросали свое занятіе и побрели въ Украйну, на косовицу; можно думать, что скоро сдѣлаютъ тоже самое и всѣ другіе горшечники здѣшніе. Они могли бы еще держаться, если бы усвоили себѣ пріемы крупнаго кустарнаго производства, какіе встрѣчаются, напр., въ Жаровской волости, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи *), но этого трудно ожидать, такъ какъ здѣшніе горшечники—народъ не особенно предпріимчивый.

Колесное производство.

Колесниковъ всѣхъ въ изслѣдуемыхъ нами пяти уѣздахъ считается 435 чел. въ томъ числѣ 410 мѣстныхъ и 25 отхожихъ. По уѣздамъ они распредѣляются такимъ образомъ: въ Курскомъ 12 чел., Суджанскомъ—337, Дмитріевскомъ—28, Фатежскомъ—12, Льговскомъ—46 чел. Стало быть, большее распространеніе этого промысла мы находимъ въ Суджанскомъ уѣздѣ, которой даетъ около 77% общаго количества всѣхъ колесниковъ взятаго нами района.

Въ Курскомъ уѣздѣ колесники не концентрируются въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ; они живутъ разбросанно по Долговской, Рождественской Каменевской, Ямской и др. волостямъ, по 1—2 чел. въ одномъ селеніи; Дмитріевскій уѣздъ представляетъ такое же явленіе. Въ Фатежскомъ—колесники встрѣчаются только въ западныхъ волостяхъ уѣзда (Здобниковская, Нижне-Реутская и Дмитріевская вол.) и въ с. Горяиновѣ—на востокѣ. Въ Льговскомъ уѣздѣ—въ с. Ивановскомъ и Ольшанкѣ. Въ Суджанскомъ—въ Большесолдатченской (Козыревка, Берюковка), Криничанской (д. Осоевка, Малая Рыбица), Миропольской (г. Мирополье и Великая Рыбица), Уланковской (с. Богоявл. Бѣлица), Бѣловской (с. Озерки) и преимущественно въ Черноолешанской (с. Черный Олехъ, х. Колодезь, с. Щеголекъ, д. Будищи, с. Меньшій Каменецъ).

Въ Суджанскомъ уѣздѣ производствомъ повсюду почти занимаются изстари, „изъ предківъ“. Дмитріевскіе и Фатежскіе (въ западныхъ волостяхъ прилегающихъ къ Дмитріевскому уѣзду) колесники научились мастерству частью у Сѣвскихъ, частью у Льговскихъ колесниковъ; въ селѣ же Горяиновѣ, Фатежскаго уѣзда, промыселъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ

*) Промыслы Владимірской губ., т. IV.

близости Коренной ярмарки. Сюда, какъ извѣстно, во время оно привозилась масса щепнаго товара разныхъ видовъ изъ Болхова, Орловской губерніи, уѣздъ котораго издавна славился своими начальными и деревянными издѣліями, которыя успѣшно конкуррировали даже съ лучшими по своимъ качествамъ издѣліями ниже, городскими. Благодаря близости Коренной ярмарки, Горяиновцы постоянно сталкивались съ Болховскими колесниками и въ концѣ концовъ „переняли“ у нихъ ихъ мастерство. Случилось это лѣтъ 30 тому назадъ. Въ Ольшанкѣ и Ивановскомъ, Льговскаго уѣзда колесное производство существуетъ издавна, „еще при баринѣ (т. е. при крѣпостномъ правѣ) работали“....

Производствомъ занимаются и зиму и лѣто, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, всего около 160 рабочихъ дней.

Помѣщеніемъ для производства служитъ въ лѣтнее время — простой навѣсъ на дворѣ, крытый соломой, въ зимнее — жилая хата; впрочемъ оттачивать ступицы и зимою выходятъ на дворъ, гдѣ стоитъ точильный станокъ.

Главное орудіе, которое употребляется при производствѣ колесъ, составляетъ упомянутый станокъ, который отчасти напоминаетъ, по своей формѣ и назначенію, станокъ токарный. Онъ имѣетъ такое устройство: два небольшихъ столбика, толщиною въ оглоблю, крѣпко вбиты въ землю на разстояніи 1 арш. другъ отъ друга. Аршина на $1^1/_2$ отъ земли въ столбикахъ вбитъ съ одной стороны неподвижный шпилекъ, а съ другой вставленъ шпилекъ, вынимающійся и движущійся взадъ и впередъ по желанію. Обрубокъ, изъ котораго хотятъ приготовить ступицу вставляется между этими шпильками, такъ чтобы онъ могли вращаться. Вращеніе же производится при помощи веревки, которая обматывается вокругъ обрубка два раза въ томъ мѣстѣ, которое пока не подлежитъ отдѣлкѣ. Одинъ конецъ этой веревки прикрѣпленъ къ длинному упругому брусу, который перпендикулярно вставленъ въ землю, а въ петлю другаго вставляется ступня ноги, которою обрубокъ и приводится въ вращательное движеніе. Иногда при этомъ употребляютъ блокъ, для большаго удобства. Ступица обтачивается при помощи рѣзцовъ крюкобразной формы, разной величины. Рѣзецъ стоитъ 20—30 коп., насаживаютъ его на тонкой деревянной рукояти; онъ можетъ прослужить до 3 лѣтъ. Когда ступицу отточатъ снаружи, то начинаютъ просверливать ее. Первый разъ проходятъ тонкимъ *буравомъ* (70—80 коп.); затѣмъ дыра расширяется при помощи большаго бурава, называемаго *лопаткою* (3—4 р.), и имѣющаго форму длиннаго равнобедреннаго треугольника, согнутаго желобкомъ, съ обточенными, острыми краями. Конецъ бурава согнутъ крючкомъ. При выдѣлкѣ спицъ употребляется *топоръ* (60 коп.) и *стругъ* (50 коп.), съ двумя рукоятками. Строгаютъ спицы на высокой

скамейкѣ, съ особыми приспособленіями, гдѣ эти спицы утверждаются между двумя стойками. Кромѣ того, при производствѣ употребляются двѣ *пилы* маленькія и одна большая (первыя по 50 коп., большая—3 руб.), *долото* (40 коп.), *рубанокъ* (50 коп.).

Ободья для колесъ колесники повсемѣстно пріобрѣтаютъ готовыми, уже согнутыми. Колесники Суджанскаго уѣзда берутъ ободья въ дачахъ кн. Барятинскаго, при с. Груновкѣ. Льговскіе колесники ободья берутъ въ дачахъ купца Макарова, при с. Кожлѣ и Макаровкѣ. Фатежскіе и Дмитріевскіе производители покупаютъ ободья въ Лобановскихъ лѣсахъ, въ дачахъ Минаева, Байкова и Карасева, при сл. Михайловкѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ существуютъ спеціальныя мастерскія для приготовленія колесныхъ ободьевъ, а въ дачахъ Минаева и Байкова, Дмитріевскаго уѣзда, недавно даже начали производить сани, повозки и готовыя колеса, которыя благодаря своей дешевизнѣ и доброкачественности вытѣсняютъ съ рынка таковыя же издѣлія здѣшнихъ крестьянъ.

За ободья (изъ дуба исключительно) для полнаго стана, т. е. для 4 колесъ, колесники платятъ обыкновенно:

за 1-й сортъ—4 руб. 50 коп. и 5 руб.
„ 2-й „ —2 руб. 50 коп. и 3 руб.
„ 3-й „ —1 руб. 25 коп. и 1 руб. 50 к.

Третій сортъ берется для колесныхъ ободьевъ очень рѣдко. Онъ идетъ больше на дуги и на повозки.

На ступицы идетъ берестъ, или простая береза; покупается въ тѣхъ же указанныхъ дачахъ. Покупаютъ для этого обыкновенно цѣлое бревно. На 1 станъ, т. е. на 4 ступицы для 4 колесъ, пойдетъ дерева въ среднемъ на 60 к. Спицы дѣлаютъ дубовыя и ясеневыя; на 1 станъ идетъ дерева на 50 коп. Кромѣ того, смолы для ступицъ на 1 станъ пойдетъ на 5 коп. Миропольскіе колесники покупаютъ лѣсъ для ступицъ и спицъ въ Тимофѣевкѣ и Самотовкѣ (18 и 30 верстъ, Харьковской губ.), у тамошнихъ крестьянъ, имѣющихъ свои лѣса. Работаютъ сами, силами только своей семьи; работниковъ наемныхъ не держатъ. Ученики бываютъ, но только изъ взрослыхъ; живутъ безплатно у колесниковъ, пользуясь только ихъ харчами, по 6—10 мѣсяцевъ; приглядываются къ мастерству и потомъ, уйдя домой, сами принимаются за него.

Производство колесъ, по своей организаціи, представляетъ типъ мелкой промышленности. Только сбытъ издѣлій придаетъ ему до нѣкоторой степени капиталистическую окраску. Въ Суджанскомъ уѣздѣ, не исключая и Мирополья, колесники сбываютъ въ большинствѣ случаевъ свои издѣлія мѣстнымъ скупщикамъ, которые, въ свою очередь, сбываютъ ихъ здѣсь на базарахъ и ярмаркахъ, или отвозятъ въ Грайворонъ, Ростовъ, Таганрогъ, Екатеринославъ

и Одессу. У кого есть лошадь—тѣ иногда сами возятъ издѣлія свои на мѣстныя базары въ города и крупныя торгово-промышленныя селенія. Такой способъ сбыта, разумѣется, выгоднѣе перваго. На базарѣ за 1 станъ платятъ среднимъ числомъ по 6—7 и даже 8 р., тогда какъ скупщики даютъ всего 4 руб. 50 к. за станъ изъ матеріала 2-го сорта и 5-6 руб. за 1-й сортъ. Продаютъ иногда колеса и парами. Пара стоитъ отъ 2—4 р. Колесъ 3-го сорта скупщики не берутъ; ихъ сбываютъ крестьяне только на базарѣ, по 2 руб. 50 к.—3 рубля за станъ.

Колесники Фатежскаго, Дмитріевскаго и Курскаго уѣздовъ часто дѣлаютъ колеса по заказу. По заказу колеса выходятъ обыкновенно прочнѣе и добротнѣе, потому что заказы дѣлаются обыкновенно „по знакомству", стало-быть „безъ фальши", а на рынокъ—„какъ-нибудь", лишь бы сбыть съ рукъ.

Работа производится и зимою, и лѣтомъ; преимущественно лѣтомъ, потому что зимою негдѣ производить работу; подъ навѣсами на дворѣ холодно, въ избѣ тѣсно, а особаго помѣщенія для производства не заводятъ: убыточно. Нѣкоторые поступаютъ, правда, такимъ образомъ: спицы стругаютъ и придаютъ окончательную обработку колесу въ избѣ, а ступицу обтачивать выходятъ на дворъ, къ „колеснѣ." Но это рѣдко практикуется; по большей же части по зимамъ колесъ совсѣмъ не производятъ, тѣмъ болѣе что зимою и сбывать ихъ совершенно некому; даже скупщики до великаго поста туго принимаютъ издѣлія.

Среднимъ числомъ, здѣшній колесникъ занимается производствомъ въ теченіи года не болѣе, какъ 120 дней. Въ 2 дня онъ можетъ сдѣлать 3 колеса, съ отдѣлкой спицъ и ступицъ. Стало быть, въ годъ онъ сработаетъ 180 колесъ, или 45 становъ, на сумму 292 р. 50 к., если положить среднимъ числомъ по 6 руб. 50 коп. за станъ. Производство же всѣхъ колесниковъ, по всѣмъ пяти уѣздамъ, въ годъ на сумму 127,240 рублей.

Чему же равняется чистый годовой заработокъ колесника? Это можно видѣть изъ слѣдующаго расчета.

На 1 станъ пойдетъ дерева:

для ободьевъ	3 руб. 50 коп.
„ ступицъ	— — 60 „
„ спицъ	— — 50 „
„ смолы	— — 5 „
„ ремонтъ и % погашенія основнаго капитала	— — 10 „
Всего	4 руб. 75 коп.

Стало быть, отъ каждаго стана у рабочаго остается 1 руб. 75 коп. Годовой же чистый заработокъ его равняется 78 руб. 75 коп. Затраты производства составляютъ около 3/4 валового дохода.

Просматривая „поселенные“ бланки нашего Бюро и матеріалы, собранные нами во время спеціальнаго изслѣдованія промысловъ, мы находимъ въ нихъ такого рода отмѣтки:

д. Богдановка *), Фатежскаго уѣзда — „количество колесниковъ увеличивается; было ихъ три года тому назадъ — 2, теперь 3;“

д. Любимовка, того же уѣзда — „колесники недавно появились.“

с. Горяиново — „количество колесниковъ увеличивается съ кажд. годомъ.“

Такое же явленіе наблюдается въ Здобниковской волости Фатежскаго у. и по всѣмъ селеніямъ Дмитріевскаго уѣзда, — колесники здѣсь, или только что появились, или „увеличиваются“ въ числѣ.

Съ другой стороны —

с. Богоявленскія-Бѣлицы, Суджанскаго уѣзда, — „колесничествомъ теперь занимается 10 дворовъ, 8 лѣтъ назадъ ихъ было 15;“

д. Козыревка, — „теперь народу меньше стало въ промыслѣ, прежде больше было;“

д. Берюковка, — „промыселъ падаетъ.“ Тоже самое наблюдается и въ Ольшанкѣ и Ивановскомъ и почти во всѣхъ селеніяхъ Суджанскаго и Льговскаго уѣздовъ, занимающихся производствомъ колесъ.

Стало быть, тамъ, гдѣ производство колесъ сильно очень развито, какъ, напр., по нѣкоторымъ волостямъ Суджанскаго уѣзда, *количество рабочихъ рукъ, занятыхъ производствомъ, уменьшается;* наоборотъ, *колесники размножаются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ было до сихъ поръ очень мало*, не смотря даже на повсемѣстное уничтоженіе лѣсовъ, замѣчаемое повсюду почти въ одинаковой степени. Производство, до самаго почти послѣдняго времени сконцентрированное въ однѣхъ мѣстностяхъ, начинаетъ равномѣрно развиваться по всему району. Тамъ, гдѣ 20 лѣтъ тому назадъ, на цѣломъ десяткѣ квадратныхъ верстъ, не было ни одного колесника (Фатежскій, Дмитріевскій и Курскій уѣзды), теперь начинаютъ появляться одиночки — производители; наоборотъ, въ Суджанскомъ и Льговскомъ уѣздахъ, гдѣ колесники считались прежде сотнями, количество ихъ теперь стало значительно меньше.

Схематически исторію распространенія колеснаго производства за послѣдніе 20 лѣтъ по нашему району можно представить такимъ образомъ: Если-бы кто-нибудь 20 лѣтъ тому назадъ вздумалъ начертить карту распространенія колеснаго промысла по нашимъ пяти уѣздамъ, то онъ долженъ былъ бы окрасить Суджанскій и восточную часть Льговскаго уѣзда яркокрасной краской, а все остальное пространство оставить совершенно бѣлымъ, такъ какъ колесное производство концентрировалось тогда именно только въ Суд-

---

*) Беремъ первыя попавшіяся селенія, безъ выбора.

жанскомъ и Льговскомъ у.; во всѣхъ же другихъ мѣстностяхъ его совершенно не было. Десять лѣтъ спустя карта значительно измѣнила бы свой видъ: яркая окраска южныхъ уѣздовъ сдѣлалась бы гораздо блѣднѣе, а на сѣверѣ получились бы небольшія красныя крапинки. Еще черезъ 10 лѣтъ, въ настоящее время, яркая окраска южной части района стала бы еще блѣднѣе. точно также какъ количество крапинокъ на сѣверѣ увеличилось бы еще болѣе. Производство, представлявшее прежде нѣсколько крупныхъ районовъ, какъ будто за послѣдніе годы размѣнивается на мелкую монету.

Вообще же говоря. промыселъ этотъ не продержится здѣсь долго. Тѣсно связанный своимъ существованіемъ съ лѣсами, онъ долженъ будетъ пасть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, вмѣстѣ съ окончательнымъ уничтоженіемъ лѣсовъ по здѣшней мѣстности. А это уничтоженіе лѣсовъ близится къ намъ съ каждымъ годомъ. Громадныя помѣщичьи лѣса, рощи вырубаются наряду съ незначительными по размѣрамъ крестьянскими участками. Тамъ гдѣ двадцать лѣтъ тому назадъ стояли и зеленѣлись почти дѣвственные, непроходимые лѣса, теперь мы видимъ пашню и хлѣба. Земля оголяется, лѣса рѣдѣютъ. При такихъ условіяхъ немудрено предвидѣть будущность колеснаго производства. Оно обречено на гибель—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,—сегодня или завтра, но эта гибель неизбѣжна... Также, и вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ, должны погибнуть и всѣ другіе роды щепнаго производства: санное, телѣжное etc.

Кузнечное производство.

Кузнечное кустарное производство въ чистомъ видѣ встрѣчается только въ Суджанскомъ уѣздѣ, въ волостяхъ Замостянской и Миропольской. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ кузнечный промыселъ имѣетъ строго-ремесленный характеръ и потому мы отдѣлили кузнецовъ послѣдней категоріи въ другую, VII-ю группу. Въ Замостянской вол. считается 55 человѣкъ кустарей, въ Миропольской—52 человѣка.

Работаютъ всѣ самостоятельно, въ своихъ кузницахъ; издѣлія приготовляются изъ своего покупнаго матеріала, такъ что, по своей организаціи, производство это принадлежитъ къ типу мелкой промышленности. Работа производится и лѣтомъ и зимою, но только во время, свободное отъ полевыхъ работъ, такъ что, собственно говоря, въ лѣтніе рабочіе мѣсяцы кузнецу приходится заглянуть въ свою кузню не болѣе 10 разъ: „въ праздникъ развѣ когда сбѣгаешь помахать молотомъ, а въ будни совсѣмъ нѣкогда.“ Всего, круглымъ счетомъ, здѣшній кузнецъ работаетъ около 180 дней въ году.

Замостье и Миронолье, лежащія неподалеку другъ отъ друга, собственно говоря, составляютъ особый районъ. Вообще же кустарное кузнечество

идетъ полосой по всей южной окраинѣ Курской и сѣверной части Харьковской губ., по направленію отъ востока къ западу. Впрочемъ, кустари-кузнецы встрѣчаются здѣсь только въ крупныхъ населенныхъ и промышленныхъ пунктахъ. Самыми важными изъ нихъ считаются: Мирополье и Замостье, Борисовка (Грайворонскаго уѣзда) и Томаровка (Бѣлгородскаго уѣзда). Но такъ какъ каждое изъ этихъ поселеній отстоитъ отъ другаго довольно далеко (50—100 верстъ) и, кромѣ того, въ своемъ производствѣ они нисколько не зависятъ одно отъ другаго, и не имѣютъ между собою никакихъ сношеній, то упомянутые два поселенія, находящіяся въ Суджанскомъ уѣздѣ, можно разсматривать, какъ особый, независимый районъ кузнечнаго производства.

Производство существуетъ здѣсь издавна. Въ прежнее время, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, при существованіи Коренной ярмарки, народу здѣсь работало меньше, по словамъ крестьянъ, и кузнецамъ поэтому жилось лучше, тѣмъ болѣе, что здѣшніе кустари, по качеству своихъ издѣлій, стояли въ то время очень высоко: „Суджанскія подковы" были извѣстны и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и во всѣхъ южныхъ городахъ, и вездѣ ихъ предпочитали или, по крайней мѣрѣ, ставили вровень съ извѣстными „касимовскими подковами". Сбывались издѣлія тогда или на мѣстѣ, окрестнымъ крестьянамъ и скупщикамъ, пріѣзжавшимъ изъ Сумъ и Харькова, или же на Коренной ярмаркѣ, или же отвозили ихъ въ Харьковъ и Полтаву и продавали тамъ на базарахъ съ возовъ, или сдавали ихъ прямо въ лавки. Желѣзо здѣшніе кустари брали тогда или на Коренной ярмаркѣ, или же въ Кременчугѣ, какъ ближайшемъ депо, гдѣ можно было получать Нижегородское желѣзо. *) Въ настоящее время, съ уничтоженіемъ Коренной ярмарки, исчезъ самый важный пунктъ для сбыта издѣлій суджанскихъ кузнецовъ; Харьковъ и Полтава тоже больше не берутъ здѣшнихъ издѣлій, потому что желѣзная дорога примчала въ Харьковъ массу сырья — нижегородскаго и англійскаго полосоваго желѣза и вслѣдствіе этого тамъ явились собственные кузнецы, которые своими издѣліями и выжали Суджанскихъ кустарей съ Харьковскаго и Полтавскаго рынка. Такимъ образомъ эти послѣдніе остались при одномъ только мѣстномъ рынкѣ. Слѣдствіемъ всего этого былъ упадокъ производства въ смыслѣ техники. Прежнюю Суджанскую славную подкову, которая дѣлалась изъ лучшаго пермскаго полосоваго желѣза, теперь смѣнила подкова изъ „лома," т. е. сдѣланная изъ негоднаго матеріала, изъ ржавыхъ отбросовъ и обломковъ. Она очень непрочна и на видъ некрасива. „Для мужика дѣлаемъ говорятъ кузнецы: мужикъ не глядитъ, красиво-ли, прочно-ли она сдѣлана, онъ норовитъ только, какъ бы подешевле"... „Господской" же, доброкачественной

*) Нижегородское желѣзо, т. е. желѣзо выдѣлываемое на заводахъ Пермской и Вятской губ. и затѣмъ сплавляемое на югъ по р. Окѣ, сосредоточивалось прежде главнымъ образомъ въ пяти пунктахъ: въ Ельцѣ, Кременчугѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Ростовѣ-на-Дону.

подковы здѣсь больше не производятъ, потому что „не изъ-за чего - покупать некому.“ Господа берутъ теперь для своихъ экономій и для себя англійскую или нижегородскую подкову, находя, что эти послѣднія выгоднѣе и прочнѣе здѣшнихъ. Теперь англійскую и нижегородскую подкову здѣсь въ каждой городской желѣзной лавкѣ встрѣтишь. Выбитая такимъ образомъ конкурренціей съ городскаго рынка, здѣшняя подкова осталась только въ деревняхъ, да и здѣсь, вѣроятно, вѣкъ ея будетъ не дологъ, потому что нижегородская подкова, разъ проникнувъ сюда не ограничится одними городскими рынками и скоро заберется и въ деревню. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что здѣшній гвоздь вездѣ уже уступилъ въ настоящее время свое мѣсто ворсмскому. Какъ сапожные, такъ и тесовые гвозди здѣсь прежде производились своими кузнецами; теперь же, съ проведеніемъ желѣзной дороги, сюда проникъ гвоздь нижегородскій и своей доброкачественностью и дешевизною отовсюду вытѣснилъ здѣшнія издѣлія.

Крестьяне, занимающіеся этимъ промысломъ, всѣ—государственные, поэтому 1861 годъ здѣсь совсѣмъ не отразился на производствѣ, ни въ отрицательномъ, ни въ положительномъ смыслѣ.

У каждаго кустаря есть своя кузница, стоющая съ горномъ, мѣхами, наковальней и со всѣмъ инструментомъ, около 90 руб. Наковальня покупается всегда готовая въ Сумахъ (клеймо—„Ворсма“), платятъ за нее обыкновенно отъ 6—12 рублей. Покупаютъ ее потому, что сами не могутъ приготовить такъ хорошо и прочно. Молоты и молотки, разной величины, равно какъ и всѣ другіе необходимые инструменты, приготовляютъ сами. Мѣхи дѣлаетъ по заказу одинъ здѣшній Миропольскій крестьянинъ, Яковъ Матяжъ, изъ принесенной заказчикомъ кожи; за выдѣлку ихъ беретъ по 2—3 рубля. Камень для точила сюда привозятъ изъ Суджи и Криги; стоимость его—отъ 2—8 рублей.

Для издѣлій употребляется *ломъ* и *полосовое желѣзо*. Ломъ берется въ желѣзныхъ лавкахъ гг. Сумъ, Суджи и Мирополья, или же у мѣстныхъ шибаевъ, или наконецъ у крупныхъ скупщиковъ здѣшнихъ издѣлій, которые забираютъ „ломъ“ въ Харьковѣ и потомъ распродаютъ его по мелочамъ здѣшнимъ кузнецамъ. Цѣна крестьянскому лому (у шибаевъ) 30—70 к. пудъ, лавочному—1—1 р. 20 к. Полосовое (Уральское) желѣзо бываетъ двухъ родовъ: „казенное“ и „Яковлевское“ („старый соболь“, какъ называютъ его кузнецы). Послѣднее считается лучшимъ и продается по 3 р. 20 коп. за пудъ; казенное же (съ казенныхъ пермскихъ заводовъ)—3 руб. пудъ. Полосовое желѣзо покупается преимущественно въ Сумахъ, а также и въ здѣшнихъ желѣзныхъ лавкахъ. Въ каждой полосѣ—1½—2 пуда вѣсу.

Съ 1 пуда лома, при обработкѣ его, „угару“ бываетъ 10—12 фунт., съ пуда хорошаго, полосоваго желѣза—5—6 фунтовъ.

Изъ лома приготовляется такъ наз. *дробный* товаръ:

приборы къ дверямъ (щеколда, отвертка, скобочка, слесакъ, дужка). Изъ одного пуда выйдетъ 10—15 приборовъ,—на 2 руб. 50 коп.;

колки для бороны, продаются по той же цѣнѣ;

подъоски, id.

рогачи (ухваты), id.

Изъ полосоваго желѣза:

топоры, продаются въ розницу, по 50 коп. за штуку, въ каждомъ— по 5 фунт. дѣланнаго желѣза.

сошники, по 3—4 руб. 50 коп. за пудъ.

Годовой оборотный капиталъ кузнеца достигаетъ до 120 рублей.

Наемныхъ рабочихъ почти нѣтъ; намъ извѣстны только 4 случая найма. Въ годъ на хозяйскихъ харчахъ платятъ по 40—50 р. Рабочій—наймитъ работаетъ не только по кузницѣ, но исправляетъ и разныя другія работы по хозяйству—коситъ, пашетъ, боронитъ etc.

Отсутствіе обширныхъ мастерскихъ и работа исключительно силами своей семьи показываютъ, что кузнечное производство должно быть отнесено къ области мелкой кустарной промышленности. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ и организація сбыта здѣшнихъ кузнечныхъ издѣлій. Обработывая собственный матеріалъ силами своей семьи, кузнецы сами и сбываютъ его, въ большинствѣ случаевъ, прямо потребителямъ. Товаръ у нихъ покупаютъ или прямо изъ кузницъ крестьяне изъ окрестныхъ деревень, или же сами производители—кузнецы отвозятъ его на базары въ Суджу, Новопокровку, Краснополье и Графовку и здѣсь продаютъ съ возовъ. Это для нихъ дѣлать тѣмъ удобнѣе, что у всѣхъ почти кузнецовъ есть собственныя лошади. Въ случаѣ нужды кузнецы обращаются къ мѣстнымъ желѣзнымъ торговцамъ и скупщикамъ и сбываютъ свои издѣлія въ ихъ лавки и склады. Особенно широкую торговлю здѣшними кустарными издѣліями ведетъ Пав. Анпатьевъ, въ г. Мирополье, у котораго есть здѣсь собственная лавка, и который, кромѣ того, снабжаютъ своими товарами Сумы (въ лавку Богатырева), Суджу (Власову) и Бѣлополье. Анпатьевъ иногда даже заказываетъ кузнецамъ работу, когда ему нужно отправить куда нибудь партію товара. За подъоски и колки для бороны онъ платитъ по 80 коп. съ пуда, за сошники—1 рубль, за рогачи 70—90 коп.

Раздѣленіе труда въ кузнечномъ производствѣ замѣчается лишь въ очень слабой степени, потому что наемныхъ рабочихъ нѣтъ, а ничтожные размѣры семейнаго персонала фактически не даютъ возможности строго провести раздѣленіе труда въ производствѣ.

Ученичество есть, но практикуется въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Отдаютъ въ ученики обыкновенно съ 12—13 лѣтъ; мальчикъ на первыхъ порахъ только держитъ полосу клещами, въ то время когда молотобоецъ ее куетъ, подаетъ хозяину необходимые инструменты, раздуваетъ горнъ etc. Служитъ онъ обыкновенно года 2—3 безъ всякой платы; но когда немного подростетъ, возмужаетъ и начнетъ легко поднимать ковальный молотъ (12—10 фунт.), то хозяинъ кладетъ ему въ годъ 10 рубл., при готовыхъ харчахъ и квартирѣ. Впрочемъ, послѣ обученія, хозяева рѣдко оставляютъ „мальчишку" у себя, потому что въ большинствѣ случаевъ предпочитаютъ работать самостоятельно, безъ нанятаго работника. „И самимъ только въ пору кормиться,—гдѣ ужъ тутъ работника держать?" говорятъ крестьяне. Отсутствіе рынка для сбыта не дозволяетъ здѣшнимъ мастерамъ пользоваться наемнымъ трудомъ и придать такимъ путемъ производству крупную, капиталистическую форму.

Рабочій день у кустаря начинается со свѣту и кончается съ сумерками, потому что при масляномъ или свѣчномъ освѣщеніи мастера находятъ работать неудобнымъ.

Въ среднемъ выводѣ, рабочій, вдвоемъ съ сынишкомъ—подросткомъ, или женою, или ученикомъ приготовитъ, въ среднемъ, въ одинъ день подковъ и сошниковъ—1 пуд. 10 фунт., приборовъ къ дверямъ—25—30 ф.; въ среднемъ же онъ приготовляетъ около 1 пуда, „дѣланнаго" желѣза или 180 пуд. на сумму 432 руб. въ годъ (по 6 коп. фунтъ). Слѣдовательно, сумма годоваго производства 107 кузнецовъ равняется 56,224 рубл.

На каждый пудъ пудъ кованнаго, готоваго желѣза идетъ, среднимъ числомъ, 1 пуд. 7 фунт. „сырья," желѣза необдѣланнаго, на сумму 1 руб. 70 коп., и на отопленіе горна, ремонтъ и погашеніе основнаго капитала съ пуда 15 коп., всего стало быть—1 руб. 85 коп.

Такимъ образомъ, отъ каждаго пуда рабочему остается 55 коп.; затраты производства поглощаютъ болѣе 3/4 валоваго дохода. Годовой чистый заработокъ кузнеца будетъ равняться, значитъ, 109 руб. Но это—при особенно счастливыхъ условіяхъ, если рабочій имѣетъ возможность затрачивать такой громадный для крестьянина оборотный капиталъ, какой мы указали выше. Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ кузнецы—народъ бѣдный, то имъ и приходится довольствоваться работой на заказъ, или дѣлать только „дробный товаръ" изъ дешеваго лома. При такихъ условіяхъ, годовой заработокъ ихъ понижается до 70 и даже до 30 рублей.

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ наши кустари начинаютъ мало-по-малу съуживать свое производство, а нѣкоторые такъ прямо бросаютъ его, какъ сдѣлали, напр., нынѣшнимъ лѣтомъ 1884 г. три кузнеца на Пѣнянкѣ

(въ пригородней слоб. Мирополья). Двое изъ нихъ ушли въ Харьковъ на „цегельню“ (кирпичный заводъ), а третій, Семенъ Ковтунъ, нанялся къ одному изъ богачей мѣстныхъ бахчу караулить, за 10 руб. въ лѣто, находя, что и это гораздо выгоднѣе, чѣмъ работать въ кузнѣ. Дороговизна матеріала для производства становится съ каждымъ годомъ все ощутительнѣе. Кустари жалуются, что скоро, при такихъ условіяхъ, работать совсѣмъ нельзя будетъ. А тутъ еще и дрова, также необходимые для производства, съ каждымъ годомъ все дорожаютъ и дорожаютъ. Съ другой стороны, мѣстные скупщики, разные Павлы Анпатьевы, появившіеся здѣсь только въ недавнее время, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и уничтоженіемъ ярмарокъ, забираютъ понемногу производство исключительно въ свои руки. Три кузницы въ г. Миропольи живутъ теперь почти одними ихними заказами. Матеріалъ забираютъ здѣшніе кузнецы также въ большинствѣ случаевъ у нихъ, потому что больше и взять негдѣ. Кузнецы берутъ у нихъ матеріалъ тѣмъ охотнѣе, что они даютъ его въ долгъ, разумѣется, за вычетомъ извѣстнаго приличнаго %. Въ нашу бытность въ г. Миропольи, нынѣшнимъ лѣтомъ (въ іюлѣ), изъ 23-хъ кузнецовъ на Пѣнякѣ, только четверо не были ничего должны двумъ мѣстнымъ скупщикамъ; остальные же всѣ понахватали у нихъ кто на 5, кто на 10, а кто и на 30 руб. невыдѣланнаго желѣза.

При такихъ условіяхъ, будущность промысла врядъ-ли можетъ возбуждать какія-нибудь сомнѣнія. Дороговизна матеріала и трудность сбыта ведутъ промыселъ прямо къ капиталистической, крупной организаціи, заря которой уже начинаетъ заниматься надъ нашими кустарями, въ видѣ г. Анпатьева и ему подобныхъ. Промыселъ въ концѣ концовъ только и можетъ существовать при крупной организаціи; безъ этого онъ уничтожится, изведется измором въ самомъ непродолжительномъ времени. Хорошо было-бы, конечно, если бы мѣстное земство помогло мелкимъ кустарямъ овладѣть этой формой производства на началахъ общинности и взаимопомощи...

Производство гребней.

Производствомъ гребней въ изслѣдуемомъ районѣ занимаются только въ двухъ мѣстахъ—въ сл. Ямской, Курскаго у., и г. Миропольи, Суджанскаго уѣзда. Въ слоб. Ямской занято этимъ промысломъ всего 17 чел. Ямская не составляетъ особаго района; она прилегаетъ къ г. Курску, гдѣ, какъ извѣстно, находится главный центръ производства гребней (по переписи 1865 г. гребеньщиковъ здѣсь зарегистрировано 7 чел.; въ настоящее же время ихъ считается здѣсь до 25-ти человѣкъ). Въ г. Миропольи переписью нашей зарегистрировано 18 гребеньщиковъ; но при спеціальномъ изслѣдованіи въ текущемъ 1884 года мы нашли ихъ уже 21. Вообще въ г. Миропольи за

послѣдніе два года замѣчается сильное приращеніе въ рядахъ кустарей. Сами они приписываютъ это паденію табачной культуры, которая кормила, по крайней мѣрѣ, половину, здѣшняго населенія. Съ ея паденіемъ многіе принуждены были покинуть свое родное гнѣздо и пойти на косовицу, по плотницкой и каменьщицкой части, или же заняться разными кустарными производствами. Вотъ почему здѣсь такъ увеличилось количество кожевниковъ, гончаровъ, ситовниковъ и даже гребеньщиковъ, хотя этотъ послѣдній промыселъ, собственно говоря, представляетъ изъ себя вымирающій типъ промышленности.

Какъ въ Ямской, такъ и въ г. Миропольи промыселъ этотъ существуетъ издавна. Ямскіе мастера заимствовали свое искусство, по преданію, изъ Болхова, Орловской губ., который вообще славится своими деревянными издѣліями (берда, самопрялки, веретена etc.). Миропольскіе же гребеньщики рѣшительно ничего незнаютъ о прошломъ своего производства.

Гребни дѣлаются для пряжи пеньки, съ длинною рукоятью, которая насаживается на донце. Гребеньщики донцевъ не дѣлаютъ; ихъ приготовляютъ простые столяры. При каждомъ гребнѣ есть обязательно гребенка съ небольшой рукояткой, употребляющейся для расчесыванія пеньки на гребнѣ.

Годовое производство всѣхъ кустарей простирается до 20,900 паръ гребней, и гребенокъ на сумму 5016 рубл.

Производство ведется въ жилыхъ избахъ; единственнымъ приспособленіемъ служатъ при этомъ четырехъугольныя неширокія диры, прорѣзанныя въ лавкахъ. Сюда вставляется гребень, когда напиливаются зубья на немъ. Орудія, спеціально относящіяся къ производству: *пила*, цѣною въ 1 рубль (покупается въ Сумахъ, англійскаго издѣлія); ею нарѣзываются зубья на гребнѣ. *Кривой обоюдоострый ножъ*, цѣною въ 50 коп.; имъ прочищаются зубья на-чисто; дѣлаютъ его въ мѣстныхъ кузницахъ по заказу. Кромѣ того, для расколки дерева и окончательной обработки гребня употребляется топоръ, стругъ и скобель—обыкновенные столярные и плотничьи инструменты. Топоръ съ топорищемъ стоитъ 55 коп., скобель и стругъ—по 40 коп.

Стоимость всѣхъ инструментовъ—3 р. 50 коп. Это основной капиталъ гребеньщика.

Матеріаломъ для издѣлій служитъ *кленовое дерево*. Покупаютъ его у мѣстныхъ лѣсоторговцевъ (въ Миропольи—у Данила Михайличенки), или же ѣздятъ за нимъ въ ближайшія помѣщичьи и крестьянскія дачи, гдѣ производится продажа лѣса. За кусокъ дерева, въ 1 арш. длиною и 10—12 вершковъ въ діаметрѣ, платятъ обыкновенно 70—90 коп. Въ лѣсныхъ дачахъ, на мѣстѣ, дерево стоитъ нѣсколько дешевле: за кусокъ, указанной величины, платятъ здѣсь по 75—80 коп., но провозъ вѣдь тоже чего-нибудь

да стоитъ. Купленное дерево гребеньщики сами колютъ, или распиливаютъ на полоски. Изъ одного аршиннаго куска выходятъ 6—10 полосокъ для гребней и 20—для гребенокъ.

5 дворовъ въ Миропольѣ держатъ наемныхъ рабочихъ, съ платою 40—50 руб. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ. Наемнымъ трудомъ стали пользоваться только за послѣдніе три года; до этого же времени каждый дворъ работалъ силами солько собственной семьи. У нѣкоторыхъ есть ученики; живутъ они у хозяина обыкновенно 2—3 года безплатно и потомъ уже получаютъ на первый годъ 10 руб., на второй—15 и т. д.

Кустари Ямской слободы сбываютъ свои издѣлія въ г. Курскѣ, на базарахъ и ярмаркахъ. Что же касается до Миропольскихъ гребеньщиковъ, то сбытъ издѣлій у нихъ организованъ такимъ образомъ. Изъ гг. Рыльска, Сѣвска и Криги (Бѣлополье) по осени сюда пріѣзжаютъ „москали" съ конопляннымъ масломъ, которое доставляется ими братіи сосѣдняго Бѣлогорскаго, Николаевскаго монастыря, а также и Миропольскимъ лавочникамъ. Сваливши здѣсь масло, они нагружаютъ свои телѣги гребнями, скупая ихъ прямо у кустарей по 20—27 руб. за сотню (сотнею считается 100 гребней и 100 гребенокъ,—на каждый гребень по гренкѣ, въ розницу они не продаются) и отвозятъ ихъ въ свои края. Кромѣ того, здѣшніе производители—гребеньщики сами развозятъ свои издѣлія по мѣстнымъ ярмаркамъ—въ Юнаковку (Спасовъ день, Николинъ день и масляница), Суджу и Краснополье. Прежде возили издѣлія и на простые базары, теперь „минулись на нихъ ѣздить, потому—не выгодно, рубль выручишь, а 2 схарчишь". На ярмаркахъ и базарахъ гребни продаютъ прямо съ воза и по большей части въ розницу. За каждый гребень съ гребенкою берутъ 35—40 коп., т. е. по 35—40 руб. за сотню. Сбываютъ также свои издѣлія мѣстнымъ скупщикамъ; въ Мирополья ихъ 5 челов., изъ которыхъ трое сами производятъ гребни, а два остальныхъ ведутъ, кромѣ того, торговлю ситами. Но продажа скупщикамъ очень невыгодна, потому что они больше 15—17 руб. за сотню не даютъ, такъ что къ этому прибѣгаютъ лишь въ случаѣ самой крайней нужды. Скупщики, въ свою очередь, отвозятъ гребни по осени въ Харьковъ, Изюмъ, Полтаву и тамъ продаютъ ихъ или оптомъ—въ лавочки, или въ розницу—на ярмаркахъ.

Работа производится круглый годъ, и лѣтомъ, и зимою. Но такъ какъ всѣ почти гребеньщики имѣютъ лошадей и не бросили своего земельнаго, крестьянскаго хозяйства, обработываютъ надѣлы своими силами, то рабочаго времени въ году, посвященнаго производству, наберется не болѣе 160 дней.

Гребеньщики не ограничиваются въ своей работѣ одними только дневными часами и всегда „прихватываютъ" значительную часть вечера; сидятъ

обыкновенно до „первыхъ пѣтуховъ.“ На освѣщеніе (ночникъ керосиновый) тратится около $1\frac{1}{2}$ руб. въ годъ, которые мы также должны отнести на счетъ производства.

Въ день одинъ рабочій приготовитъ большихъ гребней—5 штукъ, гребенокъ—10; стало быть, въ теченіи года онъ сдѣлаетъ до 550 паръ гребней и гребенокъ, на сумму 132 руб., считая среднимъ числомъ по 24 р. за сотню. Стало быть, общая сумма производста всѣхъ 38 гребеньщиковъ будетъ равняться 5016 руб. сер.

На каждую сотню паръ у гребенщика идетъ дерева minimum на 13 р. 50 коп., на освѣщеніе, ремонтъ и погашеніе основнаго капитала слѣдуетъ положить 20 коп.; итого, стало быть, на 1 сотню производителю придется потратить всего 13 руб. 70 коп. Такимъ образомъ, затраты производства составляютъ около $\frac{1}{2}$ общаго воловаго дохода. Чистый же доходъ гребеньщика равняется 56 руб. 80 коп. въ годъ.

„Едва—едва колотимся“... „Незнаешь какъ свести концы съ концами“... „Скоро, чай, совсѣмъ бросимъ“—вотъ общіе отзывы самихъ гребеньщиковъ относительно своего промысла. Производство это, несомнѣнно, доживаетъ свои послѣдніе деньки, такъ какъ оно находится въ тѣсной зависимости отъ цѣны дерева, а цѣна эта съ каждымъ годомъ все повышается и повышается и дойдетъ, вѣроятно, до такой высоты, что гребеньщикамъ придется совершенно отказаться отъ своего промысла и приложить руки къ чему-нибудь другому. И спасти этотъ промыселъ, направить его на какую нибудь другую дорогу рѣшительно невозможно. Всякая помощь окажется безсильною передъ роковымъ вопросомъ о деревѣ. Производство гребней гибнетъ, какъ гибнетъ масса другихъ щепныхъ производствъ въ южной части нашей Курской губерніи, (колесничество въ Грайворонскомъ уѣздѣ, санное производство—въ Бѣлгородскомъ, телѣжное—въ Черно-олешанской волости, Суджанскаго уѣзда etc.).

Шерстобойно-валяльное производство.

Въ первой части нашего отдѣла, гдѣ мы дали общее обозрѣніе состоянія промышленности по 5 изслѣдуемымъ уѣздамъ, мы уже упоминали, въ какомъ состояніи находится этотъ промыселъ, говорили уже тамъ, что своихъ шерстобоевъ и „валялъ“ у насъ не хватаетъ и потому къ намъ приходятъ таковые „съ чужи“, изъ другихъ мѣстъ -- изъ Калужской и Орловской губ. Такой порядокъ ведется издавна; изстари наши крестьяне разбивали свою шерсть чужими руками и ходили въ „валенцахъ“ чужой работы. И какъ велося встарь, такъ и теперь ведется,—и до сихъ поръ мы еще не выработали своихъ шаповаловъ и шерстобоевъ, хотя и работа—то эта

очень простая, и инструмента требуется всего на полтинникъ. Нѣтъ, мы еще плохіе, очень плохіе промышленники!

Въ чужихъ нахожихъ мастерахъ нуждается Дмитріевскій, Курскій, Фатежскій и часть Льговскаго уѣзда; въ Суджанскій же уѣздъ и южную часть Льговскаго чужіе пришлые шаповалы и шерстобои не заходятъ, потому что здѣсь довольно своихъ. Въ Курскомъ, Дмитріевскомъ и Фатежскомъ уѣздахъ всѣхъ шерстобоевъ „своихъ“ среди крестьянъ зарегистрировано 22 человѣка (на 342,539 челов. населенія); въ Льговскомъ 23 человѣка и Суджанскомъ 44 человѣка. Въ Льговскомъ уѣздѣ шаповалы и шерстобои сосредоточены главнымъ образомъ въ Бобрикской волости (д. Аннино); въ Суджанскомъ— въ Черноолешанской волости (с. Щеголекъ). Остальные всѣ живутъ разсѣянно по волостямъ: гдѣ одинъ, гдѣ два встрѣчаются. Характеръ ихъ производства чисто-ремесленный, на продажу они ничего не работаютъ, ограничиваясь одними только заказами; большинство изъ нихъ не умѣютъ даже „валять“, производить колпаки, сапоги etc., и довольствуются только тѣмъ, что разбиваютъ сырую шерсть при помощи лучка. Всѣ эти по одиночкѣ разсѣянные шерстобои появились въ здѣшнихъ краяхъ весьма недавно, на послѣднихъ 10—15 годахъ; прежде, говорятъ, и этихъ не было.

Главнымъ центромъ валяльнаго производства считается с. Свагость, Рыльскаго уѣзда, гдѣ ежегодно производится масса колпаковъ, подхомутниковъ и валянцовъ, которые развозятся по всѣмъ окрестнымъ городамъ (Сумы, Суджа, Рыльскъ, Путивль и даже Курскъ) и мѣстнымъ ярмаркамъ. Валяльный районъ вдается далеко въ Харьковскую губ., захватываетъ Юнаковку и прилежащія мѣстности и доходитъ до самаго Бѣлополья. Д. Аннино и с. Щеголекъ находятся на восточной полосѣ этого района и составляютъ только незначительную часть его. Впрочемъ, и относительно сбыта издѣлій, и относительно закупки сырья они составляютъ совершенно особое цѣлое, независимое отъ другихъ частей валяльнаго района.

Когда здѣсь возникъ промыселъ—неизвѣстно: „изстари такъ ведется,“ отвѣчаютъ обыкновенно кустари на всѣ вопросы, какіе задаются имъ по этому поводу.

По своей организаціи производство принадлежитъ, несомнѣнно, къ типу мелкой домашней промышленности. Наемныхъ рабочихъ никто изъ производителей не держитъ; ученики если и бываютъ, то рѣдко,—особенно за послѣднее время, когда промыселъ этотъ началъ быстро клониться къ упадку...

Работа производится въ жилыхъ избахъ, никакихъ особыхъ помѣщеній для производства у рабочихъ не имѣется, и это очень вредно отзывается на здоровьи семьи, такъ какъ при работѣ отъ шерсти поднимается масса пыли,

отчего въ семьяхъ шаповаловъ часто страдаютъ грудными и легочными болѣзнями. Въ то время, когда шерсть разбиваютъ, пыли бываетъ такъ много, что сами работники затыкаютъ себѣ носъ ватой или шерстью.

Главный инструментъ шаповала и шерстобоя—*лучекъ*—снярядъ, весьма похожій на лукъ, съ натянутою тетивою, изъ воловьей жилы, которая называется струною. Тронутая пальцемъ, струна эта производитъ сильный ударъ, разбрасываетъ шерсть хлопьями и такимъ путемъ выбиваетъ изъ нея всю пыль и грязь, какая осталась въ ней послѣ мытья въ щелокѣ и горячей водѣ, и растряхиваетъ ее по волосочу. Впрочемъ не всякая шерсть одинаково поддается лучку; „осенняя", т. е. та, что снимается съ овецъ осенью, бьется легко и живо; „весенняя" же разбивается плохо и надъ ней много работы. Кромѣ этихъ инструментовъ, у рабочаго есть еще *рѣшетка, катеринка, копье, крючки, шматъ, и подковы.* Все, считая въ томъ числѣ и лучокъ съ струною, можно справить за 3 рубля.

Для производства служитъ шерсть своя и покупная. Покупаютъ матеріалъ въ городахъ и большихъ торговыхъ центрахъ (Коренево), у купцовъ, которые сами скупаютъ шерсть по деревнямъ. Покупается шерсть всегда грязная, и затѣмъ уже очищается самими производителями у себя на дому. Пудъ шерсти стоитъ отъ 8—12 р. Покупаютъ больше фунтами, по 20—27 к. за 1 фунтъ.

Продавать издѣлія возятъ на мѣстные базары и ярмарки, или же продаютъ мѣстнымъ скупщикамъ.

Производствомъ занимаются только осенью и зимою, въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Приблизительно каждый работаетъ около 120 дней въ теченіе года. Въ день 1 мастеръ можетъ изготовить до 10-ти колпаковъ, 1 валянцы и 3 подхомутника. Цѣна каждаго колпака на мѣстѣ производства—10 коп., валянцы стоятъ на мѣстѣ отъ восьми гривенъ до рубля, подхотутники—30—40 коп. Больше всего здѣсь изготовляется колпаковъ, производствомъ же валянцевъ и подхомутниковъ занимаются въ с. Снагости, Рыльскаго уѣзда. Въ годъ всѣ 57 шаповаловъ взятаго нами района изготовляютъ до 35,000 колпаковъ, около 500 штукъ валянцевъ и 2 тыс. подхомутниковъ,—всего на сумму 5000 рубл.

На каждый колпакъ идетъ около $^1/_3$ фунта шерти. Стало быть, стоимость матеріала на всѣ 35 т. колпаковъ равняется 2600 руб.; на каждые валянцы, среднимъ числомъ, 2 фунта; стало быть, на всѣ 500 штукъ понадобится 1000 фунт., на 220 руб.; на одинъ подхомутникъ шерсти требуется $^3/_4$ фунта, значитъ на всѣ 2000 штукъ—1500 фунт. на 330 рубл. Общая стоимость матеріала для производства 3150 рубл.; если положить

на ремонтъ, погашеніе основнаго капитала и освѣщеніе въ среднемъ 150 рубл., то окажется. что затраты производства составляютъ 3300 рубл. или 66% валоваго дохода.

Чистая выручка каждаго шаповала за 120 рабочихъ дней равняется 48-ми рублямъ.

Промыселъ этотъ считается крестьянами очень выгоднымъ, потому, что занимаются или исключительно „между дѣломъ", въ свободное время. Но не смотря на это, количество промышленниковъ съ каждымъ годомъ все уменьшается, что объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что колпаки, бывшіе до сихъ поръ главнымъ предметомъ производства здѣшнихъ валяльщиковъ, въ настоящее время быстро смѣняются городскими картузами. 20 лѣтъ тому назадъ колпаки носили здѣсь по всему изслѣдуемому району, даже въ мѣстностяхъ пригородныхъ, около Курска, напр., Льгова. Дмитріева etc.; теперь же ихъ можно встрѣтить развѣ въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ, куда еще не проникли новыя культурныя вѣянія, которыя просачиваясь въ деревню, на первыхъ порахъ всегда приносятъ измѣненія во внѣшней обстановкѣ, въ одеждѣ и пищѣ. Это—съ одной стороны, а съ другой, не мало тормозитъ производство и увеличивающаяся съ каждымъ годомъ дороговизна шерсти. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, здѣшніе шаповалы стали бросать свое производство и заниматься по зимамъ шерстобойствомъ. Для этого они расходятся по сосѣднимъ деревнямъ; нѣкоторые заходятъ даже въ Грайворонскій и Обоянскій уѣзды и здѣсь бьютъ, по заказамъ, волну, необходимую бабамъ для прядева. Другіе шерстобои—ремесленники, проставленные въ нашихъ таблицахъ по пяти уѣздамъ, занимаются разбиваніемъ шерсти или у себя на деревнѣ, или же ходятъ съ лучкомъ по сосѣднимъ деревнямъ.

При этомъ, постоянной квартиры шерстобой не имѣетъ, онъ постоянно передвигается съ мѣста на мѣсто, переходитъ изъ дома въ домъ, гдѣ только требуется его работа. Остановится въ дому на день, на два, собьетъ всю шерсть, и затѣмъ идетъ въ другой домъ, къ другому хозяину, по приглашенію. Передвиженія дѣлать ему легко, потому что весь его инструментъ заключается въ *лучкѣ* и *катеринкѣ*,—взвалилъ на плечи и готово, иди куда знаешь. Харчи и квартира для ночлега всегда у него готовыя: кормитъ его обыкновенно тотъ хозяинъ, у котораго онъ работаетъ; здѣсь же онъ и заночуетъ, не платя за это ни гроша. Платятъ ему всегда сдѣльно: по $1^1/_2$ — 2 коп. съ пуда. Въ день онъ собьетъ отъ 20 фунтовъ до 1 пуда шерсти. За зиму такой шерстобой приноситъ домой чистой выручки 50—60 руб.

„Работа выгодная, хвалятъ крестьяне, только хлопотно и безпокойно очень; постоянно шляйся,—ни днемъ ни ночью покоя не знаешь".

Но и шерстобитамъ приходится у насъ за послѣднее время плохо. Три года назадъ появилась здѣсь шерстобойная машина, которая представляетъ весьма опасную конкуренцію ручному труду нашихъ шерстобоевъ. Стоитъ она что-то очень дорого, отъ 70 —100 рублей. Покупаютъ ее обыкновенно мѣстные деревенскіе богачи, а въ нѣкоторые населенные центры ее даже просто на время привозятъ изъ города. Въ прошломъ году, напр., зимою, привозилъ такую машину въ с. Поныры, Фатежскаго уѣзда, одинъ предпріимчивый еврей изъ Орла и, говорятъ, не остался въ накладѣ. Въ нынѣшнемъ же году раззадорившись на это, завелъ здѣсь машину волнотрепальную здѣшній крестьянинъ, Анисимъ Мокроусовъ. За разбиваніе шерсти на машинѣ берутъ нѣсколько дороже, чѣмъ простые шерстобои,—именно по 3 коп. съ пуда, но за то машина и работаетъ превосходно. Наши доморощенные шерстобои, при помощи своего примитивно—простаго орудія, могутъ разбивать хорошо только одну осеннюю шерсть, весенняя же свалявшаяся и спутанная до-нельзя шерсть ими разбивается очень плохо. Что же касается машины, то она одинаково хорошо разбиваетъ и треплетъ какъ ту, такъ и другую. Поэтому крестьяне, разумѣется, ей отдаютъ преимущество предъ ручнымъ трудомъ, и тамъ, гдѣ возможно это, стали избѣгать шерстобоевъ и обходиться безъ ихъ помощи.

Ясно, что при такихъ условіяхъ нашимъ шерстобоямъ существовать не долго. Какъ ни какъ, а имъ придется въ концѣ концовъ уступить свое мѣсто машинѣ и заняться другимъ дѣломъ, другой какой-нибудь отраслью промышленности.

Производство саней и повозокъ (телѣгъ).

Производство саней и телѣгъ въ нашихъ краяхъ не спеціализированы: одинъ и тотъ-же мастеръ занимается и тѣмъ, и другимъ производствомъ вмѣстѣ; зимою онъ дѣлаетъ сани, а лѣтомъ телѣги. Иногда къ этимъ двумъ спеціальностямъ онъ прибавляетъ еще третью—колесничество, какъ это замѣчено было нами, напр., въ с. Богоявленскія-Бѣлицы, Уланковской вол., Суджанскаго уѣзда.

Иначе, конечно, и быть не можетъ. При настоящихъ условіяхъ, при теперешней организаціи промышленности и торговли у насъ, въ Россіи, при нашихъ путяхъ сообщенія, производителю хотя бы тѣхъ же саней положительно невозможно быть спеціалистомъ-санникомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь въ это хорошенько. Зимою на досугѣ онъ занимается производствомъ саней; начинаетъ работать ихъ съ ранней осени и сидитъ за ними вплоть до великаго поста. При чемъ, такъ какъ производство это требуетъ все-таки довольно значительнаго оборотнаго капитала, а кредита у него никакого нѣтъ, то онъ, во

избѣжаніе большихъ затратъ, поступаетъ такимъ образомъ: купитъ матеріалу на двои или трои сани, сдѣлаетъ ихъ и затѣмъ отправляется съ ними на ближній базаръ для продажи; продастъ и опять купитъ матеріалу столько же, и опять, сдѣлавши, везетъ на базаръ и т. д. Такъ и производитъ обороты всю зиму. Но вотъ наступаетъ весна, съ своими жаворонками и ростепелями, саней больше у него на базарѣ не берутъ; даже, пожалуй, смѣяться будутъ надъ нимъ, если онъ вздумаетъ вывезти на рынокъ издѣлія саннаго производства, помому что кто же ѣздитъ лѣтомъ на саняхъ и кому они тогда нужны? Въ виду наступающаго лѣтняго сезона на рынкѣ является совершенно иное требованіе, иной спросъ—спросъ на телѣги. Вслѣдствіе этого, съ наступленіемъ весны, или даже съ самой масляницы санникъ долженъ совершенно забастовывать свое производство, потому что лѣтній рынокъ не нуждается въ его издѣліяхъ, а работать про-запасъ для слѣдующей осени и зимы ему нѣтъ никакой возможности, такъ какъ для этого потребовался бы слишкомъ большой оборотный капиталъ, который цѣлое лѣто долженъ оставаться мертвымъ, въ ожиданіи своей реализаціи осенью. Скупщиковъ такихъ громоздскихъ вещей, каковы издѣлія саннаго производства, совсѣмъ не имѣется. Ихъ нѣтъ не только въ нашихъ краяхъ, но даже и въ такихъ губерніяхъ, гдѣ промышленность сильно развита, каковы, напр., Московская, Владимірская и Нижегородская губ. Городскіе лавочники также не берутъ лѣтомъ издѣлій саннаго производства, руководствуясь соображеніями сезоннаго рынка. Но, переставши работать сани съ масляницы или съ первыхъ, недѣль великаго поста, производитель нашъ видитъ, что у него теперь еще масса свободнаго времени до начала полевыхъ страдныхъ работъ. Какъ утилизировать это время? Первое, что должно придти ему на мысль—это заняться производствомъ телѣгъ, потому что онъ привыкъ уже къ обращенію съ деревомъ, съ топоромъ, рубанкомъ и буравцемъ. Такимъ образомъ санникъ дѣлается тележникомъ и во все время лѣтняго сезона работаетъ повозки, иногда вмѣстѣ даже съ колесами, какъ мы уже упоминали выше, а осенью снова переходитъ къ санному производству....

По всѣмъ пяти уѣздамъ санниковъ и тележниковъ зарегистровано нами всего 409 чел., въ томъ числѣ: въ Суджанскомъ у.—247 чел., Дмитріевскомъ —91, Льговскомъ—58, Фатежскомъ- 9 чел. и Курскомъ—4 чел. Въ Суджанскомъ у. ихъ болѣе всего въ Черноолешанской вол., славящейся вообще своими щепными издѣліями (221 чел.), затѣмъ повозочники есть только въ Уланковской (66 чел.) и Замостянской (6 чел.). Въ Льговскомъ уѣздѣ они сосредоточены преимущественно въ Городенской волости (Рѣчица, 55 чел.) и затѣмъ въ Износковской (3 чел.). Въ Дмитріевскомъ у.—по волостямъ Сковородневской (88 чел.) и Фокинской (3 чел.). Въ Фатежскомъ у. они есть въ Здобниковской вол. (3 чел.), Сергіевской (3 чел.), затѣмъ въ Нижне-

Реутской, Поныровской и Смородинской по 1 чел. По Курскому у.—въ Ямской (2 чел.), Муравлевской (1 чел.) и Стрѣлецкой (1 чел.).

Кромѣ этихъ, зарегистрированныхъ нами, специалистовъ—производителей, изготовляющихъ издѣлія свои на продажу, по здѣшнему району есть много такихъ крестьянъ, которые изготовляютъ телѣги только для себя, для своего домашняго употребленія. При изслѣдованіи намъ часто попадались такія деревни, гдѣ крестьяне всѣ сплошь занимались изготовленіемъ повозокъ и саней для себя. Такіе производители, разумѣется, не вошли въ наши таблицы промышленниковъ. И если мы здѣсь упоминаемъ про нихъ, то только потому, что они представляютъ явленіе въ высшей степени характерное и лишній разъ подтверждаютъ наше положеніе объ отсутствіи среди здѣшняго крестьянскаго населенія правильнаго раздѣленія труда промышленнаго и земледѣльческаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на весьма низкую степень развитія промышленности.

Производство повозокъ въ Черноолешанской и Уланковской вол., Суджанскаго у., началось давно, изстари, какъ говорятъ крестьяне. Въ Рѣчицѣ и Ольшанкѣ, Городенской вол., Льговскаго у., сани и телѣги дѣлаютъ тоже давно,—еще при баринѣ это водилось, но на продажу стали ихъ работать всего только 7—8 лѣтъ назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ повысились арендныя цѣны на земли. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ производство ведется также издавна, но продавать издѣлія начали только недавно, на послѣднихъ 10 годахъ.

Особыхъ помѣщеній у производителей здѣшнихъ никакихъ нѣтъ. Работаютъ лѣтомъ на дворѣ подъ особо устроеннымъ навѣсомъ, зимою—въ жилой избѣ: „хоть и тѣсновато, да вѣдь что будешь дѣлать? не стать же строить особую хату“, отзываются тележники. Устройство лѣтняго навѣса на дворѣ обходится въ 2—3 рубля (плетневый, крытый соломою). Единственное приспособленіе, какое дѣлается кустарями для своей работы, это высокая скамейка—„стойка“, или просто высокій и толстый чурбанъ (стоимость того или другаго—не свыше 50 коп.) на которомъ рабочій обстругиваетъ колки и обрубаетъ вязки. Инструменты, употребляемые повозочникомъ—тѣ же самые, которые необходимы для каждаго столяра: топоръ—стоимостью 60 коп., долото—30 коп., рубанокъ—50 коп., буравецъ—30., стругъ—30 коп.

Весь основной капиталъ повозочника, стало быть, равняется приблизительно 5 рублямъ.

Матеріалы для производства покупаются въ сосѣднихъ помѣщичьихъ лѣсахъ. Суджанскіе повозочники покупаютъ дерево въ дачахъ кн. Барятинскаго, при с. Груновкѣ. Льговскіе—большею частію у купцовъ Назарова, Коновалова и Шевченки. Дмитріевскіе и Фатежскіе—отчасти въ Льговскомъ уѣздѣ

у Макарова, отчасти же—въ купеческихъ дачахъ при сл. Михайловкѣ, Дмитріевскаго у. Курскіе и Фатежскіе (восточной части)—„по разнымъ помѣщикамъ", у которыхъ еще сохранились старинныя, дѣдовскія рощи.

Полозья для саней, точно также какъ ободья для колесъ и телѣгъ, покупаются повозочниками готовыми въ поименованныхъ дачахъ, такъ какъ тамъ владѣльцами устроены обширныя мастерскія, гдѣ изготовляются полозья, гнутъ ободья, пилятъ брусья etc. Цѣна парѣ полозьевъ 1 р. и 1 р. 25 к. Для „*наклезокъ*" покупаютъ обыкновенно или цѣлое дерево (осину) 2 четвертей, по 30—40 коп. за корень, 3 четвер.—50—60 коп., или же обрубокъ—„макушу"—въ $2^1/_2$ арш. за 15—20 коп. Макуши одной хватитъ на цѣлыя сани, т. е. на двѣ наклезки; дерева же двухчетвертнаго—на 3 саней. Пилятъ дерево или сами, или отдаютъ пильщикамъ, по 30 коп. за 1 дерево (4 раза пройти вдоль). На *оглобли* покупается два корня, стоющіе 25—30 коп. Для „*вязковъ*" покупаютъ цѣлые корни тонкаго дубняку, плата за каждый отъ 2—10 коп. Всѣхъ вязковъ въ саняхъ—8, по 4 на каждой сторонѣ; изъ одного деревца выходитъ по 4—5 вязковъ. „*Копылья*" дѣлаются изъ ясени и дуба; на нихъ матеріалу остается обыкновенно отъ полозьевъ, такъ, какъ эти послѣдніе выходятъ изъ лѣсной мастерской всегда длиннѣе, чѣмъ нужно, именно по $4^1/_2$ арш., тогда какъ на сани ставится обыкновенно по 4 арш каждый полозъ. Стало быть, отъ каждаго полоза остается по $^1/_2$ арш. въ пользу работника—производителя, который и употребляетъ эти остатки на копылья. Копыльевъ ставится на сани обыкновенно по 8 штукъ, какъ и вязковъ; только на „дорогія" сани, стоющія 3—3 руб. 50 коп. ставится ихъ 10 штукъ, по 5 съ каждой стороны. Каждый копылъ длиною дѣлается въ 4 вершка, такъ что изъ каждаго $^1/_2$ арш., остающагося отъ полозьевъ выходитъ не болѣе 2 копыловъ; стало быть, на остальные 4 копыла рабочему приходится прикупать дерева. Для этого обыкновенно покупаютъ „чурочки", въ сажень длиною, цѣною по 30—40 коп. каждая; изъ одной такой чурочки выходитъ обыкновенно 12 копыловъ. Кромѣ того, на саняхъ еще есть 2 *стужни*,—каждая стоитъ по 3—4 коп. и *вязокъ* на верху, покупающійся за 3 коп.

Для телѣги нужно, во—первыхъ, *два обода* третьяго сорта (см. выше „колесное производство)", на 75 коп.; затѣмъ *планочки* которыя выпиливаются самими производителями изъ дерева—на 1 телѣгу (15 планокъ) на 30 коп. Двѣ верхнихъ *грядки*—изъ тонкихъ березовыхъ корней, по $2^1/_2$—3 дюйма въ діаметрѣ, по 10 коп. каждая; деревья покупаются для этого не чищенные, производители сами чистятъ его дома. Двѣ нижнихъ грядки—по такой же цѣнѣ. Двѣ *оглобли*, по 10—15 коп. за каждую.

Для 2-хъ *осей* покупаются отрубки, въ 3 арш. длиною и около $1\frac{1}{2}$ четвертей ширины, по 30—40 коп. каждый. Двѣ *подушки*, что накладываются на оси и на которыхъ лежитъ телѣжный кузовъ; для нихъ покупаютъ кряжи березовые въ $3\frac{1}{2}$ четв. въ обрубѣ, за 15—20 коп.; изъ каждаго такого кряжика можно сдѣлать одну только подушку, остальное же идетъ на разные мелкіе подѣлки—на клинья, клепки etc. *Лисичка*, соединяющая перднюю и заднюю подушки,—дубовая „чурочка", въ $2\frac{1}{2}$—3 арш., за 10—15 коп. Спереди и сзади телеги—два *вязочка*, соединяющіе нижнія грядки—по 5 коп. за штуку. Два *задочка*, лежащіе между нижними грядками—по 5 к. Кромѣ того, на телѣгу гвоздей желѣзныхъ пойдетъ на 2 к.

Матеріала берутъ повозочники заразъ понемногу: саней на двое на трое—не больше, такъ какъ большихъ затратъ дѣлать почти ни кто изъ нихъ не въ состояніи. Нѣкоторыя лѣсныя конторы даютъ имъ дерево въ кредитъ, впредь до продажи издѣлій; за это, разумѣется, взимается приличная „накладная копѣйка", въ видѣ 10—15 коп. съ рубля. У Льговскихъ же повозочниковъ и санниковъ, въ Рѣчицѣ, Ольшанкѣ и Городенскѣ, практикуется сплошь и рядомъ такого рода покупка: пойдетъ производитель въ лѣсъ владѣльца, „поработается" тамъ нѣсколько дней и получаетъ за это по своему желанію не деньгами, а деревомъ. Крестьяне утверждаютъ, что въ этомъ случаѣ контора „милостивѣе" къ нимъ оказывается и отпускаетъ дерево лучше и въ большемъ количествѣ, чѣмъ когда оно покупается за деньги.

Каждый покупаетъ матеріалъ для себя, хотя было бы гораздо выгоднѣе пріобрѣтать его оптомъ, въ складчину. Но до этого еще наши производители не додумались. Мы встрѣтили примѣненіе артельнаго принципа при закупкѣ матеріаловъ только одинъ разъ,—именно въ с. Рѣчицѣ, Льговскаго уѣзда. Здѣсь два крестьянина, „первостатейные богачи", какъ отозвались о нихъ сосѣди Плотниковъ и Черкасовъ, въ нынѣшнемъ 1884 г., сложились вмѣстѣ деньгами и купили сообща 35 паръ полозьевъ для саней, по 80 коп. за пару. Стало быть, на каждой парѣ они выиграли minimum 50 коп., а на всѣхъ 35 парахъ—17 руб. 50 коп. Столь очевидная выгодность покупки матеріаловъ соединенными силами, вскладчину и оптомъ, сильно подѣйствовали на рѣчицкихъ повозочниковъ, и они думаютъ теперь соединиться промежъ себя и произвести оптовую закупку сырья. Объ этомъ они толковали нынѣшнимъ лѣтомъ (въ іюнѣ), но покупка эта тогда не состоялась, потому что случившійся въ іюлѣ большой пожаръ въ этомъ селеніи затормозилъ дѣло. Въ другихъ же мѣстностяхъ мы нигдѣ примѣненій артельнаго принципа въ этомъ производствѣ не встрѣчали.

Рабочихъ никто изъ повозочниковъ не держитъ. Работа производится исключительно силами своей семьи. Учениковъ чужихъ тоже не берутъ. Ра-

бочему помогаютъ при производствѣ его домашніе: въ то время, когда онъ стругаетъ наклезки, подростокъ если онъ есть въ семьѣ, или жена сшиваетъ вязки и вколачиваетъ копылья въ полозъ.

Сани на продажу дѣлаютъ простые, безъ грядокъ („дровни"); по заказу же дѣлаютъ и съ грядками,—въ такомъ случаѣ цѣнность ихъ увеличивается на 40—50 к. Стоимость грядки для самихъ производителей—25—30 к. Кстати, относительно работы на заказъ необходимо замѣтить здѣсь, что на заказъ производятъ гораздо лучше, чѣмъ на продажу. Для базара производятъ издѣлія изъ всякаго дерева, изъ сухаго и сыраго, безъ разбора. Издѣлія изъ сыраго дерева бываютъ обыкновенно очень непрочны, потому, что какъ только они высохнутъ, трещины по нимъ пойдутъ, клепки повыскакиваютъ—хоть бросай... „А намъ что за дѣло? разсуждаютъ производители: намъ лишь бы сбыть съ рукъ долой." По заказу же сани и телѣги всегда дѣлаются изъ сухаго дерева („по надежѣ тоже отдаютъ") и потому такія издѣлія оказываются обыкновенно болѣе прочными и служатъ дольше базарныхъ.

Сбывать свои издѣлія производители возятъ на мѣстные базары и ярмарки. Обыкновенная базарная цѣна саней—2 р. 50 к.—3 руб. 50 коп., среднимъ числомъ—3 р. за штуку. Цѣна телѣги безъ колесъ—5 руб.

Въ теченіе года каждый повозочникъ работаетъ около 160 дней и лѣтомъ, и зимою. Санной и телѣжный сезонъ почти равны между собою; стало быть, онъ въ продолженіи 80 дней дѣлаетъ сани, и 80 дней—телѣги. Но изъ этого количества слѣдуетъ исключить по 15 дней на поѣздки за матеріаломъ и покупку его; выйдетъ, значитъ, что какъ тотъ, такъ и другой сезонъ продолжается по 65 дней. Сани одинъ работникъ при помощи домашнихъ подростка или жены, сдѣлаетъ въ $1^1/_2$ дня, телѣгу въ 4 дня. Стало быть, каждый повозочникъ сдѣлаетъ ежегодно 40 саней и 16 телѣгъ, на сумму 200 р. Опредѣлимъ теперь чистый годовой заработокъ производителя.

На матеріалы для одной пары саней расходуется около 1 р. 95 коп.; присчитывая сюда еще % на погашеніе основнаго капитала и расходъ на ремонтъ—5 к., найдемъ, что затраты производства равняются 2 руб. Чистой же выгоды отъ однихъ саней у производителя остается 1 руб.; а на всѣхъ 40 саняхъ, которыя онъ сдѣлаетъ въ теченіи всей зимы, онъ выручитъ 40 рублей.

На матеріалъ для одной телѣги производитель долженъ израсходовать около 3 руб.; стало быть, у него остается отъ каждой телѣги—2 руб., отъ 16-же телѣгъ онъ получитъ 48 руб. чистой выгоды.

Стало быть, всего отъ саней и телѣгъ производитель получитъ въ годъ 88 руб. Мы не считали здѣсь расходовъ, сопряженныхъ съ поѣздками въ городъ для продажи издѣлій и за матеріаломъ въ лѣсные дачи; расходы эти

должны быть тоже, вѣроятно, довольно значительны—(овесъ для лошади, плата за мѣсто на базарѣ etc).

Какъ и колесники, повозочники не переживутъ, разумѣется, уничтоженія лѣсовъ и должны будутъ совсѣмъ сойти со сцены въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Производство углей.

Всѣхъ, занятыхъ этимъ промысломъ, насчитывается по всѣмъ 5-ти уѣздамъ, 189 челов., въ томъ числѣ—въ Льговскомъ уѣздѣ 142 челов., Фатежскомъ—3, Дмитріевскомъ—9, Курскомъ—1 и Суджанскомъ—34 чел.

Угольщики Суджанскаго и Льговскаго уѣздовъ лѣсъ добываютъ главнымъ образомъ въ дачахъ князя Барятинскаго (Ивановская и Черноолешанская вол.); въ другихъ же мѣстахъ—у разныхъ помѣщиковъ и государственныхъ крестьянъ четвертнаго права; у которыхъ въ большинствѣ случаевъ есть еще свои родовые лѣсные участки. Лѣсъ для угольевъ покупается обыкновенно мелкій („хворость") кучами, стоющими отъ 50 коп. до 3 рублей. Процессъ обжиганія производится въ простыхъ земляныхъ ямахъ, въ 2—3 арш. длины и ширины и въ $2^1/_2$ арш. глубины. Такъ какъ производство ведется и зимою и лѣтомъ, то у каждаго угольщика есть двѣ ямы: одна зимняя, другая лѣтняя. Лѣтняя устраивается обыкновенно гдѣ-нибудь на полѣ, на косогорахъ и откосахъ, которые неудобны для распашки и притомъ не ближе, какъ въ 1 верстѣ отъ деревни („на счетъ пожарнаго случая"...); зимняя же яма устраивается на усадьбахъ, недалеко отъ дворовъ. Роютъ ямы всегда сами производители. При обжиганіи, хворостъ, наложенный въ яму, накрываютъ сверху землею.

Инструменты, спеціально употребляемые угольщиками:

1) простая деревянная лопата для выгребанія углей изъ ямы; стоитъ 25 коп.;

2) грабарская лопата, окованная желѣзомъ, для обсыпанія ямы землею; цѣна—50 коп.;

3) топоръ для рубки сучьевъ—60 коп.

Все это покупается въ городахъ и ближайшихъ торговыхъ центрахъ.

Величина основнаго капитала, необходимаго для угольщика, равняется, стало быть, $1^1/_2$ руб. (яма роется самими производителями и не стоитъ имъ ни копѣйки).

Рабочихъ угольщики не держатъ, учениковъ также, потому что, собственно говоря, тутъ и учиться-то нечему. Каждое домохозяйство обжигаетъ угли своими силами. Ясно, что это производство относится къ типу мелкой кустарной промышленности. Это подтверждаетъ и организація сбыта, какая

практикуется угольщиками относительно своихъ издѣлій. Они продаютъ ихъ или на мѣстѣ, по мелочамъ, мѣстнымъ сельскимъ и деревенскимъ обывателямъ и кузнецамъ, или же отвозятъ въ ближайшіе города; но въ томъ и другомъ случаѣ они продаютъ уголь прямо и непосредственно потребителямъ.

Въ теченіе года здѣшній угольщикъ работаетъ въ среднемъ не болѣе 120 дней, въ томъ числѣ 30 дней необходимо положить на отыскиваніе и привозъ матеріала; остальные же 80 дней пойдутъ на обжиганіе углей.

Каждый день угольщикъ обжигаетъ 1 яму (нарубить, сложить, сжечь и выгресть). Съ каждой ямы углей получается около $1^1/_2$ четв., или 12 мѣрокъ. Каждая мѣрка въ продажѣ въ разницу стоитъ 15 коп.; если же у угольщика берутъ оптомъ цѣлую четверть то онъ уступаетъ ее за 1 рубль. Круглымъ числомъ, стало быть, 1 мѣрку онъ продаетъ по $13^1/_2$ коп., четверть по 1 р. 10 коп.

Годовое производство угольщика равняется 135 чет., на суму 148 р. 50 коп.; а всѣ 189 чел. угольщики производятъ 24,515 пуд., на сумму 26,966 руб. 50 коп.

На каждую яму идетъ 1 куча хворосту, стоющая въ среднемъ 90 коп.; стало быть, на всѣ 90 ямъ, что угольщикъ обжигаетъ въ теченіе года пойдетъ матеріалу на 81 руб. Кромѣ того, % на погашеніе основнаго капитала и ремонтъ составляютъ ежегодно до 50 к.; значитъ, затраты производства составляютъ $^3/_8$ общаго валоваго дохода угольщика. Чистаго заработка онъ получаетъ въ годъ 67 руб., а всѣ 189 угольщиковъ—12663 руб.

Производство это продержится въ нашихъ краяхъ, вѣроятно, весьма недолго. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ оно должно сгибнуть наравнѣ, со всѣми другими родами щепнаго и деревяннаго промысла..

Производство ситъ.

Производствомъ ситъ занимаются у насъ, по изслѣдуемому району, только въ г. Мирополья. Занято этимъ дѣломъ здѣсь около 125 дворовъ, какъ это оказалось по спеціальному изслѣдованію, произведенному нами истекшимъ лѣтомъ 1884 г.

Производство ведется „споконъ віку", издавна. Оно разбивается собственно на 2 части: тканье волосянаго полотна для ситъ и вшиваніе его въ обечки (ободья).

Тканьемъ полотна занимаются около 100 чел., въ томъ числѣ 1 чел. изъ здѣшнихъ мѣщанъ, остальные же всѣ крестьяне. Промыселъ производится въ жилыхъ избахъ. Наемные рабочіе ночуютъ тутъ же въ избѣ, вмѣстѣ съ хозяевами.

Инструменты, употребляющіеся при производствѣ:

Красенки—нѣчто вродѣ пялецъ, на которыхъ натягивается основа и производится работа; длиною $1^1/_2$ арш. и шир. въ $^3/_4$ арш. Красёнки дѣлаются здѣшними столярами; стоимость ихъ—10—15 коп. Къ одному концу они дѣлаются обыкновенно шире, къ другому—уже. Основа въ красёнкахъ проходитъ чрезъ *бердо* и *тнѣтокъ* (нитяное бердо). Бердо покупается у бердовщиковъ слоб. Бѣлой, по 50 коп. за штуку; тнѣтки же дѣлаются самими ткачами. Кромѣ того, при работѣ употребляется „*човныкъ*"—челнокъ, продолговатая, около 1 аршина въ длину, узенькая полочка, съ отверстіемъ на одномъ концѣ, въ которое продѣвается волосъ; она постоянно продергивается вмѣстѣ съ волосомъ сквозь основу съ одной стороны на другую; дѣлается это въ высшей степени быстро, какъ и у ткачей на станѣ. Каждый волосъ утка, пропущенный при помощи човныка сквозь основу, приколачивается *поклястскомъ*—большой скалкой, или гладко обточенной палкой. Какъ човныкъ, такъ и поклястокъ дѣлаются самими мастерами рабочими. Широкій конецъ красёнокъ во время работы прикрѣпляютъ обыкновенно гвоздями къ лавкѣ; если же въ избѣ работаютъ разомъ двое, то для того, чтобы занимать какъ можно меньше мѣста, они устраиваютъ такимъ образомъ: ставятъ на полъ аршинный широкій чурбанъ и къ нему прикрѣпляютъ съ обѣихъ сторонъ свои красенки, и такимъ образомъ работаютъ, сидя другъ противъ друга.

Значитъ, основный капиталъ ситовника не превышаетъ 1 рубля.

Матеріаломъ для производства служитъ *конскій волосъ*, изъ хвостовъ „упалыхъ" лошадей. Покупаютъ его въ здѣшнихъ Миропольскихъ лавкахъ и у крестьянъ деревенскихъ, которые привозятъ его сюда, на базары. Въ лавкахъ берутъ всегда по вѣсу, а у крестьянъ сплошь и рядомъ просто „на око". Въ лавкахъ онъ стоитъ 80—75 коп. за фунтъ, на базарѣ—30—50 коп. На 1 фунтъ обыкновеннаго идетъ 3 хвоста „рядовыхъ", настоящихъ. Купленный волосъ сперва вычесывается простой деревянной гребенкой, которую покупаютъ здѣсь же въ Миропольѣ, на базарѣ, у здѣшнихъ гребеньщиковъ, по 5—10 коп. за штуку; затѣмъ волосъ моется въ двухъ водахъ и раздѣляется на „преминцы" для основы; въ каждомъ преминцѣ по 5—10 волосковъ (въ основѣ—10 преминцевъ). Изъ 1 фунта волоса выходитъ обыкновенно 10 ситовныхъ полотенъ, которыя всѣ вмѣстѣ вѣсятъ около $^3/_4$ фунта; стало быть, на каждый фунтъ сыраго, нечесанаго и немытаго волоса потери—$^1/_4$ фунта. Чтобы удобнѣе было связывать волосъ въ преминцы, употребляютъ „*крейду*" (мѣлъ), которою предварительно передъ связкою въ узлы натираютъ концы волосьевъ. На каждые 10 полотенъ крейды идетъ на 2—3 коп.

Ситовныя полотна бываютъ слѣдующихъ сортовъ:

пятерикъ—основа въ 2 пары волосъ, „підткання“ въ 3 пары;

семерикъ—основа въ 3 пары, підткання въ 4;

середнее,—основа и підкання въ 1 волосъ; иначе этотъ сортъ называется *густэ;* онъ продается гораздо дороже другихъ сортовъ и дѣлается только по особому заказу.

Полотно дѣлается обыкновенно одного какого нибудь цвѣта—чернаго или бѣлаго. Но нѣкоторые производители дѣлаютъ разноцвѣтныя пололна. Приготовляются они различно: иногда бываетъ такъ, что основа одного цвѣта, утокъ—другаго, иногда—какъ въ основѣ, такъ и въ уткѣ, черезъ каждые 2—3 черныхъ волоса,—одинъ бѣлый, или наоборотъ. Варіацій въ этомъ отношеніи очень много, всѣхъ и не перечтешь, такъ какъ здѣшніе ситовники отличаются замѣчательною въ этомъ отношеніи изобрѣтательностію. Разноцвѣтныя ситовныя полотна цѣнятся, разумѣется, дороже простыхъ, одноцвѣтныхъ. Послѣдніе продаются за тысячу по 130—140 рублей, тогда какъ разноцвѣтные стоятъ 150—160 руб. тысяча.

Производствомъ заняты только одни мужчины. 30 дворовъ держатъ по 1 работнику,—Миропольскихъ же крестьянъ, изъ числа безземельныхъ и бездомовыхъ. Работники получаютъ по 40—50 руб. въ годъ, при хозяйскихъ харчахъ и готовомъ помѣщеніи.

Нѣкоторые ситовники даютъ матеріалъ рабочимъ на выработку съ платою по 3 р. за сотню. Такихъ „хозяйчиковъ“ мы насчитали 8 чел. и работаетъ на нихъ около 25 чел. Всѣ эти хозяйчики держатъ, кромѣ того, еще домашнихъ годовыхъ работниковъ. Работа въ этомъ случаѣ производится на дому.

Стало быть, производствомъ занято всего:

въ качествѣ хозяевъ - - - -	30 чел.
у нихъ рабочихъ - - - - -	30 „
работающихъ изъ чужаго матеріала - -	25 „
самостоятельныхъ производителей - -	40 „
Итого - -	135 „

Кромѣ рабочихъ, ситовники держать еще учениковъ, которые обыкновенно поступаютъ у мастерскую съ 10—15 лѣтъ. Первый годъ они служать у хозяина безплатно, пользуясь только хозяйскимъ помѣщеніемъ и харчами, на второй же имъ назначаютъ обыкновенно по 10—15 р, въ годъ. Учениковъ всѣхъ въ настоящее время 20 чел.; всѣ они—изъ мѣстныхъ крестьянъ. Мѣщане миропольскіе ситовничествомъ совсѣмъ не занимаются. Ученику ткать сначала, разумѣется, не даютъ; главная его работа въ теченіе перваго года заключается въ продѣваньи волосьевъ въ бердо и нитянки.

Ситовники сбываютъ свои издѣлія здѣсь же, въ Мирополыи, живущимъ „обечникамъ,“ т. е. тѣмъ, кто вшиваетъ ситовныя полотна въ „обечки“. Главные, болѣе крупные скупщики ситныхъ полотнъ—мѣщанинъ Зиновій Клейбенко и крестьяне: Романъ Остапенко и Петръ Селеникъ. Цѣна полотенъ—по 13—14 р. за сотню одноцвѣтныхъ и по 15—16 р. за разноцвѣтныя.

Работа продолжается и лѣто, и зиму. Большинство ситовниковъ совершенно забросили земледѣліе, и занимаются исключительно производствомъ. Среднимъ числомъ, ситовникъ работаетъ въ теченіе года около 250 дней Въ день рабочій можетъ сдѣлать, съ предварительною подготовкою матеріаловъ 7 полотенъ. Стало быть, каждый производитъ въ годъ 1750 штукъ, на сумму 240 руб. Годовое же производство всѣхъ вообще ситовниковъ равняется 236,250 шт., на сумму 29,800 рубл.

На каждые 100 штукъ полотенъ необходимо:

10 фунт. волоса на - - - - -	5 р.
Мѣлу на - - - - - - - -	„ „ 25 к.
% на погашеніе основнаго капитала и ремонтъ -	„ „ 5 к.
Итого - -	5 р. 30 к.

Стало быть, затраты производства составляютъ около 1/3 валоваго дохода. Значитъ, самостоятельный производитель въ годъ получитъ около 130 рубл. чистаго барыша. Рабочій же, который беретъ у хозяина матеріалъ на выработку, получаетъ около 55 руб. въ годъ.

„Обечниковъ“ въ Мирополье, какъ мы уже говорили выше, около 25 семей, въ томъ числѣ 24 двора изъ здѣшнихъ крестьянъ и 1 мѣщанинъ. Въ каждомъ дворѣ есть по наемному работнику, а въ нѣкоторыхъ даже и по 2.

Обечки для ситъ привозятся сюда изъ мѣстечка Нытвы, Черниговской губерніи (изъ подъ Глухова), тамошними крестьянами; здѣшніе же туда не ѣздятъ. Привезя сюда обечки, нытвинцы забираютъ здѣсь готовыя сита для своихъ рынковъ Черниговской губ. Каждая обечка представляетъ изъ себя тонкую и широкую пластинку изъ сосноваго дерева. Привозятъ ихъ сюда кругами, по 25 штукъ въ каждомъ. Браку при этомъ бываетъ обыкновенно по 25 штукъ на каждую сотню; бракъ этотъ впрочемъ утилизируется обечниками: онъ идетъ на швы, которыми скрѣпляется сосновая обечка на ситѣ. Каждый кругъ въ 25 такихъ обечекъ стоитъ 1 руб.

Края обечки сшиваютъ лыками, которыя пріобрѣтаются изъ лѣсовъ кн. Барятинскаго (Груновка), или же покупается у крестьянъ, которые вывозятъ его въ Мирополье на базары. За 100 штукъ лыкъ платится среднимъ числомъ по 75 коп. Сотней лыкъ можно обшить до 500 обечекъ.

Ситовныя полотна къ обечкамъ пришиваютъ простой дратвой которая прядется въ каждомъ дому своею бабой изъ „плоскани“ и „матерка“ (замаш-

ки и пеньки); для этого обечники покупаютъ плоскань у сосѣдей—русскихъ, или же нарочно разводятъ ее на своихъ усадьбахъ и огородахъ. На 100 ситъ идетъ 1 фунтъ пряжи, на 12 коп. Засмаливается дратва смолой, но лавочная смола сюда „нейдетъ"; для дратвы же употребляютъ колесную смолу, которую набираютъ на осяхъ объѣзженной телѣги.

Основной капиталъ обечника очень не великъ. Единственный инструментъ, какой—употребляется имъ, заключаются въ узкомъ и длинномъ ножѣ, который приготовляется здѣсь же въ кузницахъ, за 30 коп., и шилѣ, стоющемъ 3—5 коп. Особыхъ помѣщеній для производства нѣтъ; работа производится лѣтомъ, въ теплое время, на дворѣ, или на крыльчикѣ, у входа въ избу, а зимою—въ жилой избѣ. Обечки помѣщаются въ сѣнцахъ, въ клѣти, на чердакѣ, или просто на дворѣ, подъ навѣсомъ, если у хозяина собаки злыя есть, чтобы охранять ихъ. Только у 3 обечниковъ есть особенные сарайчики, куда складываются обечки и готовыя сдѣланныя уже сита; стоимость такого сарайчика 15—20 рублей.

Работа производится и лѣтомъ, и зимою. Наемныхъ рабочихъ считается около 30 чел., плата каждому по 30—50 руб. въ годъ. Учениковъ не держать. Въ работѣ принимаютъ участіе и малые и большіе обоего пола. Каждый взрослый человѣкъ можетъ обшить въ день около 20 обечекъ; женщина, за семейными хлопотами, обошьетъ 12 штукъ, подростокъ 12—15 лѣтъ—8—10 штукъ. При этомъ замѣтны нѣкоторые признаки раздѣленія труда: одни сшиваютъ лыками самыя обечки, другіе—пришиваютъ къ нимъ полотна:

Готовыя сита, съ нашитыми обечками, производители возятъ на ярмарки въ Суджу, Юнаковку, Изюмъ, Водолаги, Сумы и Харьковъ. Въ особенности выручалъ прежде здѣшнихъ обечниковъ этотъ послѣдній, но назадъ тому 5 лѣтъ въ Харьковъ пріѣхали какіе-то поляки и открыли здѣсь собственныя мастерскія, такъ что Миропольскимъ ситамъ въ настоящее время въ Харьковѣ совсѣмъ нѣтъ ходу. Кромѣ торга на ярмаркѣ, въ указанныхъ пунтахъ обечники сбываютъ свои издѣлія также въ лавки разнымъ скупщикамъ; въ Сумахъ, напр., такихъ скупщиковъ 2, въ Суджѣ—1 и т. д. Торговцы изъ Глухова, Сѣвска и Рыльска посылаютъ сюда иногдъ своихъ агентовъ для закупки ситъ, которыя и отправляются туда цѣлыми партіями.

Въ розницу на ярмаркахъ и базарахъ сита продаются поштучно:

пятерикъ	25—30 коп.
семерикъ	30 коп.
густэ	30—40 коп.
въ среднемъ . .	33 коп. за штуку.

По сотенно же, оптомъ, ихъ продаютъ по 20—25 рубл. *) за сотню.

*) Только одинъ сортъ густэ стоитъ въ продажѣ 30 р. за сотню, но онъ рѣдко производится, потому что спросъ на него очень ограниченный.

Годовое производство всѣхъ обечниковъ равняется 51,964 руб.

Затраты производства на 1 сотню составляютъ:

100 полотенъ ситовныхъ . . .	14 р.	
100 обечекъ, по 4 коп. за штуку .	— р.	
20 лыкъ	на	15 к.
1 фунтъ пряжи для дратвы . .	—	12 к.
Освѣщеніе, ремонтъ и погашеніе основнаго капитала. . . .	—	5 к.
Итого . .	18 р.	32 к.

Стало быть, чистаго дохода обечникъ съ каждой сотни получаетъ 3 р. 68 коп. Общій же итогъ годовой выручки всѣхъ обечниковъ равняется 8,692 руб. 16 коп., т. е. по 347 руб. на каждую семью, занимающуюся этимъ производствомъ. Эта выручка, правда, уменьшается тѣмъ, что въ каждой семьѣ есть наемный работникъ, но даже и при этомъ условіи остается еще у хозяина—производителя солидная сумма, въ среднемъ, около 300 р.—капиталъ, какъ хотите, не маленькій для здѣшняго крестьянина.

Не смотря однако на такую высокую доходность промысла, количество обечниковъ не увеличивается, или если и увеличивается, то слишкомъ туго. Объясняется это исключительно тѣмъ, что затраты производства здѣсь слишкомъ велики; онѣ поглощаютъ около $^5/_6$ всего валоваго дохода промышленника. Это-то и служитъ самымъ сильнымъ тормозомъ увеличенія числа обечниковъ. Наоборотъ, количество производителей ситовныхъ полотенъ въ Мирополья съ каждымъ годомъ увеличивается, особенно же за послѣдніе два года, съ тѣхъ поръ, какъ пала здѣсь табачная культура. Если ткачъ и получаетъ втрое меньше выгоды, чѣмъ обечникъ, то и его затраты на производство не велики, онѣ составляютъ всего какъ мы уже видѣли выше, $^1/_3$, валоваго дохода, и при томъ деньги на покупку матеріала (конскаго волоса и крейды) ткачъ можетъ тратить исподволь, покупая его понемногу, по мѣрѣ производства. Отъ этого онъ ничего рѣшительно не проигрываетъ. Обечнику же такъ дѣлать нельзя: если онъ станетъ покупать полотна ситовныя по-штучно, то онъ можетъ прогорѣть, как грекъ, потому что за полотно, которое въ оптовой покупкѣ стоитъ 13—14 коп., въ розницу онъ долженъ будетъ отдать 17—20 коп. Это разъ. А съ другой стороны—обечки, въ которыя вшиваются ситоныя полотна, привозятся сюда только раза два—три въ годъ, и онъ волей—неволей долженъ покупать ихъ гуртомъ, для всего годичнаго производства; въ противномъ случаѣ, онъ рискуетъ остаться совсѣмъ безъ работы.

Будущность производства представляется довольно прочною. Есть два обстоятельства, которыя могутъ отозваться неблагопріятно на Миропольскихъ ситовникахъ. Это, во первыхъ, близость Харьковскихъ производителей, которые, благодаря усовершенствованію техники (на машинахъ, говорятъ, работаютъ и при томъ—„дуже хорошо") могутъ вытѣснить здѣшнихъ производителей со всѣхъ южныхъ рынковъ, какъ уже вытѣснили съ Харьковскаго; во вторыхъ, такъ какъ это производство весьма близко связано съ существованіемъ лѣсовъ, то ему угрожаетъ гибелью уничтоженіе этихъ послѣднихъ, которое во всякомъ случаѣ должно послѣдовать въ нашихъ краяхъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Обечки съ каждымъ годомъ дорожаютъ; на это уже давно стали жаловаться здѣшніе обечники; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и выгода отъ производства. Конечной гибели промысла, разумѣется, ожидать невозможно; но нѣтъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что онъ долженъ принять иную организацію, перейти на дорогу крупнаго производства. Только при такихъ условіяхъ онъ можетъ сохраниться и даже развиваться съ успѣхомъ. Обособивши ткачество волосяныхъ полотенъ и вшиваніе ихъ въ обечки, исторія уже сдѣлала часть этого дѣла, такъ какъ подобное обособленіе можно разсматривать, лишь какъ первый шагъ къ новой организаціи промысла въ капиталистическую форму. Остается сдѣлать еще немного, чтобы эта новая организація укоренилась совершенно въ производствѣ и захватила его всецѣло. Хорошо было бы, конечно, помочь ситовникамъ, какъ и всѣмъ вообще кустарямъ, которые не успѣли еще вступить на новую дорогу и переживаютъ переходный періодъ,—хорошо было бы помочь овладѣть этой крупной формой производства на началахъ коллективизма, но—кто возьмется за это дѣло? кому оно по силамъ? Для этого нужны силы, люди, нужно много энергіи много денегъ... Единственное учрежденіе, которое можетъ взяться за дѣло организаціи крестьянскихъ промысловъ, которое можетъ совладѣть съ нимъ, это—земство. И дай Богъ, чтобы оно поскорѣе пришло къ мысли о необходимости помочь нашему кустарю—не словомъ только, а самымъ дѣломъ. Сдѣлать это тѣмъ легче, что нашей общественной жизнію создано уже нѣсколько прецедентовъ подобнаго рода (Тверское земство, напр.)

VII. „Мастерщина".

Этимъ названіемъ окрестилъ народъ цѣлую категорію промысловъ, которыя носятъ строго ремесленный характеръ, и составляютъ спеціальность, доступную только послѣ долгаго и тщательнаго изученія. Всѣ промышленники этой группы не самостоятельные производители, а работаютъ всегда или по найму, или по заказу. Это и составляетъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ мастерщины.

Количество мастеровыхъ и ремесленниковъ, зарегистрированныхъ нашей переписью, въ данномъ районѣ довольно значительно; оно равняется 16900 чел., или 28,8 % всѣхъ промышленниковъ. Значитъ мастерщина по числу рабочихъ рукъ занимаетъ первое мѣсто послѣ земледѣльческихъ промысловъ.

Большинство промышленниковъ этой группы, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежитъ къ категоріи отхожихъ, которыхъ считается 12004 чел., или 71 % общаго количества. Отхожіе промышленники преобладаютъ среди плотниковъ, пильщиковъ, каменьщиковъ, кирпичниковъ, слесарей, штукатуровъ, переплетчиковъ, мостовщиковъ, обойщиковъ, часовщиковъ, серебренниковъ, каретниковъ, даже среди печниковъ; процентъ же мѣстныхъ является преобладающимъ только среди кровельщиковъ, сапожниковъ, кузнецовъ, столяровъ, красильщиковъ, портныхъ и грабарей.

По уѣздамъ промышленники этой группы распредѣлены довольно неравномѣрно, что можно видѣть напр. изъ нижеслѣдующей таблицы:

У Ѣ З Д Ы.	Общее число промышленковъ.	% отношеніе.	
		Къ общему числу промышленковъ.	Къ общему числу всего населенія муж. пола.
Курскій	2790	23,8	7,9
Суджанскій	3589	24,8	11,1
Дмитріевскій	5214	45,1	19,9
Фатежскій	3117	29,8	11,6
Льговскій	2190	20,9	8,1
Итого	16900	28,8	11,8

Стало быть, наибольшое число ихъ падаетъ на Дмитріевскій уѣздъ, выставляющій около половины всѣхъ отхожимъ мастеровъ и ремесленниковъ по пяти уѣздамъ. За нимъ слѣдуетъ Фатежскій, потомъ Суджанскій, Курскій и Льговскій.

Такое неравномѣрное распредѣленіе промышленниковъ этой группы по уѣздамъ имѣетъ, разумѣется, свои резонныя причины и основанія. Самое меньшее количество ихъ оказывается въ такихъ уѣздахъ, которые по качеству почвы и развитію земледѣлія занимаютъ высшее мѣсто — въ Льговскомъ, Курскомъ и Суджанскомъ; maximum же ихъ приходится на худшій по качеству почвы, малоплодородный Дмитріевскій уѣздъ: Для объясненія этого явленія напомнимъ читателю табличку распредѣленія земледѣльческихъ промышленниковъ, которую мы приводили уже нѣсколько выше (см. стр. 70). Изъ этой таблички видно, что промышленники земледѣльческаго характера въ распредѣленіи по уѣздамъ представляютъ какъ разъ обратное отношеніе: въ уѣз-

дахъ наиболѣе плодородныхъ они даютъ процентъ болѣе высокій, чѣмъ въ уѣздахъ съ худшею почвою и меньшимъ плодородіемъ. Такимъ образомъ оказывается, что—

ВЪ УѢЗДАХЪ.	% промышленниковъ земледѣл. характера къ общему числу всѣхъ промышленник.	% промышленковъ VII групы къ общему числу промышленниковъ.
Суджанскомъ	59,3	24,8
Льговскомъ	56,1	20,9
Фатежскомъ	53,9	29,3
Курскомъ	48,1	23,8
Дмитріевскомъ . . .	36,7	45,1

Т. е., въ первыхъ четырехъ уѣздахъ процентъ промышленниковъ земледѣльческихъ гораздо выше, чѣмъ въ уѣздѣ Дмитріевскомъ; наоборотъ процентъ промышленниковъ VII-й группы по первымъ 4 уѣздамъ гораздо ниже чѣмъ въ Дмитріевскомъ. Объясняется это исключительно тѣмъ, что Дмитріевскій уѣздъ менѣе плодороденъ, чѣмъ всѣ остальные уѣзды. Отсюда и проистекаетъ такая разительная разница, какая замѣчается въ организаціи крестьянской промышленности въ той и другой мѣстности. Первые четыре уѣзда—по преимуществу земледѣльческіе; почва здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ Дмитріевскомъ у., и если крестьяне уходятъ все-таки отсюда на сторонніе заработки, то—это дѣло недавняго прошлаго; отхожіе промышленники здѣсь неуспѣли еще сдѣлаться настоящими „промышленниками,“ не успѣли еще обучиться какой-ниб. промышленной спеціальности, какъ-то: плотничеству, каменьщичеству, портняжеству и т. д. Они ходятъ на чужую сторону—не на промыслы въ прямомъ и общемъ смыслѣ этого слова, а только на заработки, потому что нельзя, въ самомъ дѣлѣ, назвать „промысломъ“ косовицу или батрачество—эти самыя привычныя формы труда здѣшняго отхожаго „промышленника“,—нельзя потому, что занятія эти не требуютъ предварительной подготовки, изученія дѣла, промышленной эрудиціи, если можно такъ выразиться. Косить и батрачить можетъ всякій, у кого только хватитъ на это физической силы. Поэтому занятія эти мы не можемъ называть и промыслами въ строгомъ смыслѣ; это просто—заработки, которые почти исключаютъ даже всякую возможность организаціи. Крестьяне первыхъ четырехъ уѣздовъ занимаются по преимуществу такими заработками. Наоборотъ, Дмитріевскій крестьянинъ привыкъ къ отхожимъ промысламъ издавна, потому что издавна уже нужда заставляетъ его добывать деньгу на сторонѣ для

покрытія своихъ ежегодныхъ дефицитовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ уже давно понялъ, что промыслы земледѣльскіе даютъ въ сущности очень незначительный барышъ, а какая—нибудь косовица, составляющая одинъ изъ самыхъ главныхъ и распространенныхъ видовъ промысловъ этой послѣдней категоріи, кромѣ того,—вещь непрочная и случайная; одинъ годъ заработаешь на ней, а на другой—и безъ гроша домой воротишься. Вслѣдствіе этого, самымъ выгоднымъ, самымъ лучшимъ, онъ нашелъ—освоиться съ какой-нибудь спеціальностью, которая всегда можетъ дать кусокъ хлѣба. Вотъ по этому-то Дмитріевскій уѣздъ и даетъ высокій % мастеровыхъ и ремесленниковъ разнаго рода, сравнительно съ земледѣльческими работами.

Впрочемъ, необходимо прибавить здѣсь, что и во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ „мастерщина" съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ себѣ все больше и больше правъ гражданства. Количество промышленниковъ этой категоріи растетъ вездѣ не по днямъ, а по часамъ. Куда вы низаглянете, вездѣ вамъ про это скажутъ. „Прежде такъ—по домашности больше работали, а теперь въ мастерщину ударились"... „Прежде конопелькой занимались, а теперь больше мастерщина пошла"... „Прежде табакъ було разводилі, а це вже заразъ народъ въ мастерщину подавсь"... „Прежде помѣщичью землю присѣвали, а теперь по плотничеству пошли"... „Прежде извозомъ жили, а теперь вотъ каменной работой кормимся" и т. д. и т. д. Безконечное множество варьяцій, которыя всѣ, въ существѣ дѣла, сводятся къ тому, что прежде на мѣстѣ жили, кормились по домашности отъ своей земельки и мѣстныхъ заработковъ, а теперь принуж- дены взяться за „рукомесло" какое ни на есть. И это повторяю, слышите вы вездѣ, не только въ Дмитріевскомъ, но и по всѣмъ другимъ уѣздамъ. Такъ что, судя по этому, можно думать, что отхожая промышленность разовьется со временемъ по всѣму изслѣдуемому району въ весьма широкихъ размѣрахъ.

Экономическое значеніе мастерщины въ крестьянскомъ хозяйствѣ, несомнѣнно, мы должны опредѣлить плюсомъ, потому что всѣ эти промыслы даютъ весьма солидный заработокъ, который служитъ значительнымъ подспорьемъ крестьянину въ его борьбѣ съ нуждою. Но нельзя того же сказать относительно вліянія промысловъ на земледѣльческій бытъ населенія. Выше, въ общемъ отдѣлѣ нашего очерка, мы уже касались этого предмета и приводили цифры относительно Дмитріевскихъ плотниковъ. Изъ разсмотрѣнія семи плотничьихъ общинъ Фатѣевской волости, Дмитріевскаго уѣзда, мы пришли къ тому заключенію, что отхожее плотничество оказываетъ отрицательное вліяніе на крестьянское земельное хозяйство. На основаніи непреложныхъ цифръ, мы прямо даже констатировали фактъ упадка земледѣлія среди этого рода промышленниковъ. Такое же явленіе обнаруживается и среди другихъ промышленниковъ этой категоріи—среди кирпични-

ковъ, маляровъ, штукатуровъ, каменьщиковъ etc. Въ особенности вредное вліяніе на состояніе земледѣлія оказываетъ отхожая мастерщина, когда промышленникъ бросаетъ свой домъ, свою семью, и принужденъ шляться по чужой сторонѣ все лѣто, или даже круглый годъ. Въ этомъ случаѣ онъ уже отрывается отъ земли, мало по малу отвыкаетъ отъ нея и въ концѣ концовъ, по большей части, окончательно забрасываетъ ее и перестаетъ быть хлѣбопашцемъ.

Кстати замѣтить, вслѣдствіе этого въ районахъ съ развитою отхожей промышленностію сплошь и рядомъ за обработкою поля мы встрѣчаемъ женщинъ, которыя здѣсь и косятъ, и боронятъ, и молотятъ, а иногда, даже и пашутъ сами, благодаря тому, что мужской персоналъ семьи иногда весь безъ остатка уходитъ на промыселъ. Въ настоящее время явленіе это составляетъ еще правда, большую рѣдкость, такъ какъ, съ одной стороны—семьи здѣсь въ численномъ отношеніи довольно значительны, съ другой—крестьянинъ здѣшній не настолько еще задавленъ нуждою и не настолько отвыкъ отъ земли и пристрастился къ промысламъ, чтобы покидать ради нихъ свой домъ, свою землю. Но съ уменьшеніемъ производительности здѣшней почвы, что засвидѣтельствовано даже правительственными данными *), съ ежегоднымъ пониженіемъ урожаевъ, какое уже издавна замѣчается по всей Курской губерніи, крестьянинъ здѣшній, безъ сомнѣнія, въ концѣ концевъ дойдетъ до того, что принужденъ будетъ бросить свой земельный надѣлъ и уйти на заработки на сторону, забравъ съ собою всѣхъ наличныхъ работниковъ семьи и оставивши дома только малолѣтковъ и бабъ, которые, какъ ни какъ должны будутъ обработывать семейный надѣлъ; и тогда, нѣтъ сомнѣнія, выработается у насъ общій типъ бабы-земледѣльца, какъ выработался онъ, напр., въ офенскомъ краѣ Владимірской и Ярославской губ.

Плотники.

По распространенію плотничества и по количеству рабочихъ рукъ, занятыхъ этимъ промысломъ, первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ Дмитріевскій уѣздъ, въ которомъ зарегистрировано 3634 чел. плотниковъ, т. е. 47,6% общаго количества по всѣмъ пяти уѣздамъ. Плотниковъ мѣстныхъ

---

*) Въ описаніи нашей Курской губ., сдѣланномъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, на основаніи данныхъ 1862—63 год., указывалось, что въ Курской губ. „почва значительно уже истощена, а удобреніе въ надлежащей степени невозможно, за недостаткомъ развитія скотоводства"; нѣсколько ниже прямо констатируется, что „въ послѣднее время производительность Курской почвы значительно ослабѣла", и что „вообще часто являются жалобы на неуспѣшность сборовъ". Точно также и о скотоводствѣ въ Курской губ. говорится здѣсь, что оно „не столь значительно, какъ въ сосѣднихъ съ нею смежныхъ губерніяхъ и къ тому же, какъ оказывается, постепенно годъ отъ году ослабѣваетъ и уменьшается". „(Списки насел. мѣстн., составл. Центр. Стат. Комит." „Курская губернія.)"

мыслы, съ прочной и крѣпкой, уже почти совершенно сложившейся, организаціей; наоборотъ, въ районѣ чисто черноземномъ преобладаютъ промыслы—„заработки,“ въ которыхъ обнаруживается почти полное отсутствіе всякой организаціи.

Начало промысла теряется въ давнемъ прошломъ. Но развиваться правильнымъ путемъ онъ началъ лишь весьма недавно,—всего съ начала шестидесятыхъ годовъ. Главными причинами этого явленія были: 1) освобожденіе крестьянъ, 2) постройка и проведеніе желѣзныхъ дорогъ. До освобожденія на промыслы могли ходить только одни государственные крестьяне; помѣщичьи же въ большинствѣ случаевъ не пользовались этою возможностью, потому что помѣщики ни пускали ихъ никуда, заставляя обработывать землю. Выше мы уже говорили объ этомъ. Намъ извѣстно только одно большее помѣщичье имѣніе, откуда крестьяне отпускали своихъ крестьянъ на чужую сторону „по топорной части,“ это—имѣніе гр. Соллогуба, въ с. Фатѣевкѣ. Другіе помѣщики держали крестьянъ дома, при землѣ; такъ было во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Дмитріевскаго уѣзда. Крестьяне издавна рвались на вольные заработки. Много разъ, увлекаемые разсказами однодворцевъ о легкихъ и выгодныхъ заработкахъ, они обращались къ своимъ господамъ, чтобы тѣ перевели ихъ на оброкъ и отпустили на чужую сторону, но помѣщики оставались непреклонными и оставляли ихъ на „барщинѣ“. Только уже съ освобожденіемъ открылась крестьянамъ возможность вольныхъ стороннихъ заработковъ. Туда потянулись рѣшительно всѣ; каждое многочисленное семейство стало отпускать по 1—2 работника на плотницкую работу.

Прежде плотники отсюда ходили только по сосѣднимъ губерніямъ—Черниговской, Кіевской, Харьковской; но когда, послѣ освобожденія, за топоръ взялись и бывшіе помѣщичьи крестьяне, то рынокъ этотъ оказался переполненнымъ рабочими руками; предложеніе превзошло спросъ на нихъ. Явилась необходимость въ расширеніи рынка, наши новоиспеченныя плотники двинулись дальше на югъ, къ Одессѣ, Каменецъ-Подольску, Ростову. Желѣзныя дороги, проведенныя здѣсь во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ много помогли здѣшнимъ плотникамъ въ отыскиваніи новыхъ рынковъ. Когда не было желѣзныхъ дорогъ, плотники немогли ходить далеко, до Одессы даже рѣдкій пробирался, потому что „на своемъ на двоемъ далеко не ускачешь“. Въ тѣ далекіе края, въ Черноморье, заходили только развѣ по особому какому случаю. Такъ, напр., въ 1856 г. нѣсколько артелей Дмитріевскихъ плотниковъ и каменьщиковъ были сманены изъ Кіева Симферопольскими купцами и подрядчиками и участвовали въ поправкѣ сожженнаго и разбитаго французскими бомбами Севастополя. Но ходили туда только одинъ разъ, на другой годъ никто уже больше туда идти не пожелалъ, потому что до Севастополя оказалось очень далеко: $2^1/_2$ недѣли шли, по 2 пары лаптей истоптали. Съ проведеніемъ же-

лѣзныхъ дорогъ явилась возможность плотникамъ передвигаться скоро и безпрепятственно. Вслѣдствіе этого плотники здѣшніе въ настоящее время расходятся по всей южной окраинѣ государства: ихъ можно видѣть и въ Таврической, и Екатеринославской, и Каменецъ-Подольской губ.; они заходятъ даже въ Галицію и Румынію. Въ ближнихъ же губерніяхъ остаются только очень не многіе, потому что заработная плата плотника стала здѣсь очень низка— по 7—10 руб. въ мѣсяцъ, не больше. Въ с. Фатѣевкѣ мы видѣли двухъ человѣкъ изъ артели, ходившей за Румынскую границу. Ходили они самостоятельнымъ товариществомъ, безъ рядчика. Выгодно, говорятъ, хорошо тамъ работать—по 70—80 руб. чистоганомъ домой принесли. Только ужъ далеко очень. Да и „по нашему" говорить не умѣютъ тамъ. „Ты бы гдѣ посмѣяться, пошутить съ хозяйкой, а она ни вѣсть что лопочетъ на своемъ тарабарскомъ языкѣ. Махаешь, махаешь топоромъ-то—грусть возьметъ". Понравилось нашимъ плотникамъ въ Румыніи особенно то, что водка тамъ дешевая: „на 10 коп. напиться, значитъ, въ лежку можно,—благодать!" Будущимъ лѣтомъ собирается въ Румынію идти еще артель плотницкая,—неизвѣстно только, удастся ли имъ это.

Мѣстные плотники работаютъ у крестьянъ же, въ своей, или сосѣдней деревнѣ, или же на заводахъ и помѣщичьихъ экономіяхъ. Обыкновенная плата каждому изъ нихъ при этомъ 7—10 рубл. въ мѣсяцъ. Харчи—отъ хозяина или подрядчика. Иногда плотники нанимаются къ мѣстнымъ лѣсоторговцамъ; при чемъ плату получаютъ большею частію сдѣльно: отъ сруба по 10—12 рубл., а со свозкою по 15 рубл. Приведемъ здѣсь одно такое типичное условіе лѣсоторговца съ рабочими—плотниками.

Конышевской вол., Льговскаго уѣзда, д. Севенки, дворовый Власъ Ивановъ и дер. Тураевки, запасно-отпускной рядовой Степ. Ковалевъ, подрядились у Льговскаго мѣщанина Никиты Бѣлоборова сдѣлать 20 срубовъ въ лѣсу Любишахъ, получая за каждый срубъ по 15 руб. Лѣсъ для срубовъ рубить и возить обязаны Ивановъ и Ковалевъ 15 срубовъ сдѣлать въ длину 8 арш., а въ ширину 7 арш., 5 срубовъ—въ длину 7 арш. и въ ширину 6 ар. Въ каждомъ срубѣ сдѣлать по 3 окна и пригнать къ нимъ притолки, а также и къ двери. Поставить стропила безъ латвинъ. Въ каждомъ срубѣ двѣ стѣнки сдѣлать подъ рубанокъ. Продовольствіе у рабочихъ свое. Щепки поступаютъ въ пользу Ковалева и Иванова. Работу начать съ первой недѣли поста; окончить—какъ успѣютъ. Деньги получать такъ: въ задатокъ при договорѣ—10 рублей; при постройкѣ на работу—30 руб., а остальныя деньги получать за каждый сдѣланный срубъ, по отработкѣ взятыхъ денегъ. („Кн. сд. и догов." Конышевскаго вол. правл., 1880 года, № 15.)

При наймѣ плотниковъ на работы къ сосѣдямъ—крестьянамъ условій письменныхъ никакихъ не заключается; торгъ заключается на словахъ, по довѣрію и по знакомству. Съ помѣщиками же, лѣсоторговцами и заводскими конторами плотники всегда заключаютъ договоръ, который свидѣтельствуется волостнымъ старшиною и заносится въ правленскую „Книгу сдѣлокъ и договоровъ“. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ иниціаторами являются не плотники, а наниматели, которые, не безъ основанія, всегда опасаются, какъ бы рабочіе не надули ихъ. Плотникамъ же бояться нечего; и они, съ своей стороны, были бы рады-радешеньки избавиться отъ всякихъ сдѣлокъ, заключенныхъ при посредствѣ волостнаго правленія, потому что такія сдѣлки имъ очень не выгодны, такъ какъ сопряжены всегда съ извѣстными расходами. Поэтому плотникъ неохотно идетъ въ правленіе для совершенія сдѣлокъ съ нанимателемъ и готовъ даже спустить, понизить плату на свой трудъ, чтобы только не идти туда.

При наймѣ къ подрядчику, который ведетъ артель куда-нибудь на сторону, въ Кіевъ, Полтаву, Одессу etc., условіе непремѣнно заключается въ правленіи и записывается въ упомянутую „Книгу сд. и договоровъ“. Этого требуютъ не только интересы рядчика, но и самихъ рабочихъ; имъ нужно позаботиться о томъ, чтобы рядчикъ, заманивъ артель на чужую сторону, какъ-нибудь не „нагрѣлъ“ ихъ. Это тоже бываетъ. Впрочемъ, грѣхъ сказать, чтобы это бывало часто. Рядчикъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ обращается съ рабочими хорошо, порядочно кормитъ и содержитъ ихъ, потому что ему важно „сохранить свое имя“ среди крестьянъ Разъ про него пронесется слухъ, что онъ „оквалыжничаетъ“, обманываетъ, или обсчитываетъ рабочихъ, тогда къ нему ни одинъ плотникъ не пойдетъ. Прошлый годъ у подрядчика Синикова, изъ с. Глубаго, Селинской вол., разбѣжалась вся артель, потому что онъ плохо кормилъ своихъ рабочихъ; кромѣ пустаго борща и хлѣба, ничего не давалъ. Въ нынѣшнемъ году Синиковъ долго подъискивалъ себѣ работниковъ по окрестнымъ деревнямъ, но никто изъ плотниковъ къ нему не пошелъ; всѣ понанялись къ другимъ „артельщикамъ“ или пошли на работу самостоятельными товариществами. Такъ и остался Синиковъ безъ рабочихъ и сидѣлъ все лѣто у себя дома, въ то время какъ другіе подрядчики деньгу себѣ зашибали.

Случаи, подобные происшедшему съ Синиковымъ, случаются часто. Какъ только что не понравится артели—она расходится и рабочіе нанимаются или въ другую артель, къ другому рядчику, или-же работаютъ самостоятельно, нанимаясь помѣсячно и поденно въ экономіяхъ и на заводахъ. Въ договорѣ, который заключается между рядчикомъ и плотникомъ, одинъ параграфъ непремѣнно гласитъ о неустойкѣ, которую долженъ внести рядчику каждый

рабочій, который уходитъ изъ артели прежде срока окончанія работъ. Неустойка эта равняется всегда 25—50 руб. съ человѣка. При разбирательствахъ, какія возникаютъ въ волостныхъ судахъ по этому поводу, рабочіе очень рѣдко присуждаются къ уплатѣ всей суммы неустойки. Снисходя къ бѣдности обвиняемаго, волостные суды уменьшаютъ обыкновенно неустойку, которую долженъ выплатить ушедшій съ работы прежде срока плотникъ; вдвое и даже вчетверо-впятеро; такъ что вмѣсто 25 руб. плотникъ платитъ 5—10 руб., вмѣсто 50 р.—10—15 руб. Да и это бываетъ очень рѣдко; по большей же части, такъ какъ рабочіе, убѣжавшіе отъ своего подрядчика, выставляютъ суду какую-нибудь уважительную причину своего преждевременнаго ухода, судъ совсѣмъ не взыскиваетъ съ рабочаго неустойки и ограничивается тѣмъ, что налагаетъ на него какое-нибудь наказаніе, вродѣ однодневной „высидки" въ холодной, или же просто дѣлаетъ ему выговоръ, строгое внушеніе—„впредь такъ не дѣлать".

Подрядчиками бываютъ свои, изъ мѣстныхъ крестьянъ, или же пріѣзжіе изъ Кіевской, Полтавской, даже Екатеринославской губ. Къ своимъ крестьяне идутъ охотнѣе, чѣмъ къ пріѣзжимъ, потому—„свой человѣкъ; обману, стало, бояться нечего". Чужихъ же боятся, такъ какъ они надуть легко могутъ, что неразъ уже здѣсь и бывало. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ, напр., въ Фатѣевскую волость подрядчикъ изъ подъ Кіева; нанялъ здѣсь человѣкъ около 40; задатки хорошіе задалъ, и увелъ артель съ собою. Проработали у него до Петрова дня; стали заработанныя деньги просить.—„А вотъ, говоритъ, погодите; завтра отдамъ"; но на другой день онъ убѣжалъ, скрылся куда-то; такъ и не нашли его. Пошли домой безъ денегъ, ругая подрядчика и самихъ себя за то, что повѣрили такому „стрикулисту". И такіе случаи уже не разъ повторялись съ здѣшними плотниками. Естественно, что они избѣгаютъ чужихъ, пріѣзжихъ подрядчиковъ и предпочитаютъ своихъ деревенскихъ, которые можетъ быть и плохо содержатъ, за то ужь такого кунштюка не выкинутъ. Единственное, что прельщаетъ рабочаго наниматься къ пріѣзжимъ подрядчикамъ, это—болѣе дорогая плата, которую они даютъ рабочимъ. Если здѣшніе подрядчики платятъ лучшему 80—120 р. за лѣто, то пріѣзжіе подрядчики такому же рабочему даютъ 100—130 руб., какъ бы уплачивая премію за рискъ которому подвергается рабочій, нанимаясь къ нимъ въ артель.

У каждаго подрядчика есть, кромѣ артели плотниковъ, еще артель каменьщиковъ. Дѣлается это потому, что вмѣстѣ съ плотничьими работами вездѣ непремѣнно требуются и каменьщицкія.

Рядчики держатъ обыкновенно отъ 40 -200 человѣкъ рабочихъ въ обѣихъ артеляхъ; но за послѣднее время стали появляться и такіе рядчики,

которые имѣютъ у себя въ распоряженіи по 500—800 человѣкъ рабочихъ. Рядчикъ беретъ обыкновенно подрядъ на заводѣ, въ экономіи, или у частнаго лица, при чемъ обязывается поставить извѣстное число плотниковъ, при этомъ плату выговариваетъ онъ не за весь подрядъ, круглымъ числомъ, а помѣсячно—на каждаго рабочаго.

Въ здѣшнихъ краяхъ, въ Курской губ., „около дома,“ рядчики получаютъ по 18—20 р. въ мѣсяцъ за рабочаго; въ Кіевской и Харьковской губ.—по 22—25 руб. на человѣка; въ Одессѣ, Бендерахъ и Ростовѣ—25—35 руб. Изъ этихъ денегъ подрядчикъ долженъ уплатить жалованье рабочему и прокормить его. Иногда, при работахъ въ экономіи, хозяинъ—наниматель берется доставлять свои харчи артели. Обыкновенно по 2 пуда муки ржаной въ мѣсяцъ на человѣка, 25 фунтовъ крупъ, 3 фунта соли и 3 фунта сала; кухарка также въ этомъ случаѣ бываетъ экономическая. При такихъ условіяхъ денежная мѣсячная плата плотнику соотвѣтственно уменьшается, рубля на 3—4.

Плотникамъ же подрядчики платятъ, или также помѣсячно, или же,—что чаще всего—огуломъ, за весь лѣтній сезонъ. Плата плотникамъ:

первой руки	80—120 руб.
второй „	60— 80 руб.
третьей „	40— 60 руб.

Перволѣтчику же (парню лѣтъ 18—20) платится всего 30—40 р. въ лѣто. Плотникъ первой руки, онъ же и староста или десятникъ артели, встрѣчается рѣдко; число плотниковъ первой руки относится къ числу плотниковъ средней руки, какъ 1:50. Большая часть плотниковъ въ артели принадлежитъ къ плотникамъ средней руки; получаютъ, среднимъ числомъ, по 70 руб. въ мѣсяцъ.

Проѣздъ до мѣста работы—на счетъ плотника. Подрядчикъ, правда, покупаетъ на желѣзной дорогѣ билеты всѣмъ рабочимъ своей артели, но потомъ онъ вычитаетъ потраченные на это деньги изъ заработка плотниковъ. Обратный проѣздъ до мѣста жительства плотникъ также долженъ принимать на свой счетъ.

Работаютъ плотники обыкновенно съ Пасхи до Покрова, т. е. около 5½ лѣтнихъ мѣсяцевъ, и за это время приносятъ домой чистой выручки по 30—50 руб., если работали въ артели у подрядчика, и по 50—80 руб., если ходили самостоятельнымъ товариществомъ. Это послѣднее, стало быть, несравненно выгоднѣе; но трудно плотнику воспользоваться этою выгодностію, потому что онъ постоянно запутанъ въ долгахъ у рядчика. Необходимость за-

бирать деньги впередъ у этого послѣдняго,—необходимость, созданная тяжелой нуждой, не позволяетъ ему распустить свободно свои крылья и направиться на заработки въ качествѣ самостоятельнаго работника, ни отъ кого не зависящаго, никому не закабаленнаго.

Работа продолжается ежедневно около 14—15 часовъ, при чемъ на обѣдъ и короткій отдыхъ послѣ него дается 2 часа.

Инструментъ у рабочаго свой. Все „обзаведеніе" плотника стоитъ, среднимъ числомъ, 5—6 руб.; плотникъ же первой руки долженъ имѣть инструментовъ не менѣе, какъ на 15 руб. У него долженъ быть при себѣ, кромѣ чисто плотничьихъ инструментовъ, еще полный „столярный наборъ", такъ какъ онъ обязанъ дѣлать всю чистовую строительную работу, какъ-то: выстрогать и наладить двери, сдѣлать рамы, вывести узорчатый карнизъ на домѣ, украсить ставни „полотенцами" etc.

Для иллюстраціи условій, которыми обставляется работа плотниковъ, приведемъ здѣсь одно условіе плотниковъ съ подрядчикомъ:

Крестьянинъ дер. Алексиной, Дмитріевскаго уѣзда, Іосифъ Исаевъ Поляковъ нанялъ трехъ плотниковъ, крестьянъ села Осоцкаго,—Сороковыхъ, Миронова и Первышина, срокомъ съ 20 февраля по 6 декабря. Плата: Сороковыхъ—120 р., Миронову—52 р. и Первышину—56 руб. Въ праздничное время работы не производить. Съ 14 сентября по 1 апрѣля производить столярную работу до 8 часовъ вечера, а въ другое время—работать съ восхода солнца и до захода. За прогульный день штрафа 1 руб. 50 коп. Издержки на проѣздъ съ мѣста жительства до города Прилукъ—рабочихъ, а далѣе—подрядчика. Инструменты рабочіе имѣютъ свои. Продовольствіе и помѣщеніе—отъ Полякова. Для завтрака полагается $^3/_4$ часа, въ 8 часовъ утра съ 1 апрѣля по 1 октября, а въ остальное время завтракъ до выхода на работу, для обѣда съ отдыхомъ—$1^1/_2$ часа, а съ 15 августа по 1 апрѣля—1 часъ. За „прогулъ по болѣзни"—вычетъ жалованья. Въ задатокъ получили: Сороковыхъ—50 р., Мироновъ—23 р. и Первышинъ—28 руб.; по отработкѣ задатка они получаютъ $^1/_2$ оставшихся денегъ, а по отработкѣ этихъ денегъ еще $^1/_3$, остальные же—по окончаніи работъ".

А вотъ другое условіе, заключенное между помѣщикомъ нанимателемъ и самостоятельною артелью (безъ рядчика) плотниковъ:

Экономія штабсъ-капитана артиллеріи, г. Нельговскаго, въ селѣ Лемешевскомъ, Полтавской губ., Пирятинскаго уѣзда, наняла на плотничьи работы крестьянъ с. Покровскаго—Никиф. Обоянскаго, Авр. Шевелева, дер. Гриневки—Григ. Романова и д. Песокъ—Лар. Тетерина, срокомъ съ 1-го марта по 1 декабря 80 г., цѣной—Обоянскій за 80 р., Шевелева за 50 р., Ро-

мановъ за 70 р., Тетеринъ за 90 руб. За исполненіемъ работъ наблюдаетъ Тетерину. За прогульный день, штрафа 3 р. Въ задатокъ выдано: Тетерину —25 р., Шевелеву—15 р., а остальнымъ двумъ товарищамъ по 20 руб.; остальныя деньги получать 29 іюня и 1 октября, такъ, чтобы у г. Нельговскаго оставался постоянно мѣсячный заработокъ рабочихъ, который они получаютъ уже по окончаніи всѣхъ работъ. Инструменты для работъ—г. Нельговскаго. Харчи отвѣсные,—въ мѣсяцъ на человѣка 2 пуда муки, 30 фун. пшена или крупъ, 5 ф. сала, 5 ф. соли, 1/8 ведра масла. Готовить пищу должна кухарка, нанимаемая г. Нельговскимъ. (Кн. сдѣл. и догов. Старо-Бѣлицкой вол., 1880 г., № 4).

По своей культурности, промышленники этой группы стоятъ несравненно выше, чѣмъ вся остальная масса крестьянскаго населенія. Культурность проявляется и въ костюмѣ, и въ домашней обстановкѣ, и во всемъ образѣ жизни мастеровыхъ, а также въ той ихъ интеллигентности, въ той сравнительно высокой степени умственнаго развитія, которая такъ ярко выдѣляетъ ихъ изъ общей массы крестьянъ.

Мастеровой ходитъ въ чуйкѣ изъ городской матеріи—сукна, казинета, трика, а не изъ сѣрой сермяжной ткани, какую носятъ здѣшніе крестьяне; рубашка у него также не пестрядинная, а всегда ситцевая; сапоги—городской работы съ бураками, приводящими въ умиленіе и сердечный трепетъ всѣхъ деревенскихъ красавицъ.

Избы у нихъ всегда чистыя, высокія, свѣтлыя. Въ избѣ—замѣчательная чистота и опрятность, напоминающія Малороссію. На стѣнахъ всегда вы увидите нѣсколько картинъ и духовныхъ, и свѣтскихъ; тутъ вы найдете и житіе Св. Великомученницы Варвары въ лицахъ, и Илью Муромца, подстрѣливающаго знаменитаго Соловья-разбойника, который расѣлся на 12 дубахъ на дорогѣ „прямоѣзжей". Тутъ и Аника-воинъ, бесѣдующій со смертью, и Бова-королевичъ, метлою побивающій цѣлое войско. Но тутъ-же вы встрѣтите и героевъ послѣдней турецко-русской компаніи: Гурко, Скобелева etc. и даже Бисмарка, вырваннаго въ какой-ниб. иллюстраціи; при чемъ вамъ, если вы обратитесь съ вопросомъ, любезно объяснятъ, что этотъ Бисмаркъ вмѣстѣ съ англичанкой только и дѣлаютъ, что постоянно подсиживаютъ Россію. Видимое дѣло, въ передовой, наиболѣе интеллигентной массѣ крестьянина, среди этого рода промышленниковъ „произошедшихъ" и измѣрившихъ чуть не всю Россію, начинаетъ пробуждаться общественный, политическій интересъ. Про нихъ нельзя уже сказать, какъ говаривали нѣкогда про всю массу крестьянства, что „мышленіе ихъ заключается въ переборкѣ традиціонныхъ общинныхъ понятій, заключеніе они выводятъ подъ вліяніемъ одной общинной, деревенской тенденціи" *) Нѣтъ, мыслительный горизонтъ плотника и камень-

дика гораздо шире и не ограничивается одною своей деревней. Чужая и далекая сторона привила ему способность обобщать факты, дала ему пониманіе — хотя и своеобразное, — „на свой салтыкъ“ — великихъ міровыхъ событій, которыя совершаются гдѣ-то тамъ, далеко, и которыя иногда не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ деревнѣ и не могутъ прямо и непосредственно заинтересовать ее. Вмѣстѣ съ расширеніемъ его, такъ сказать, географическаго горизонта, расширился и горизонтъ умственный, увеличилась сумма знаній, и мысль пріобрѣла способность дѣлать выводы и обобщенія, уже выходящія изъ сферы деревенской жизни. Посмотрите, съ какимъ интересомъ въ мѣстностяхъ съ развитою отхожею промышленностью слѣдятъ за газетами, которыя выписываются мѣстными волостными правленіями. Писаря намъ не разъ жаловались, что „газетъ не напасешься, все разбираютъ по рукамъ и читаютъ, а въ правленіяхъ не остается ихъ иногда даже на подклейку стѣнъ и потолка; а недавать нельзя, потому они сейчасъ тебя грубять: де-скать на наши вѣдь денежки, на общественныя выписываете ихъ, не вамъ однимъ пользоваться-то...“ Многіе изъ подрядчиковъ сами выписываютъ газеты, изъ которыхъ особенно въ большемъ ходу по своей дешевизнѣ “Свѣтъ“ и „Сельскій Вѣстникъ.“

Для характеристики семейно-правовыхъ отношеній приведемъ здѣсь нѣсколько рѣшеній волостнаго суда.

Крестьянинъ д. Лодыгиной, Фатѣевской волости Григорій Самынинъ, жаловался что, послѣ смерти сестры его Евдокіи Козьминой, бывшей за-мужемъ за крестьяниномъ д. Злыдиной, Владиміромъ Быковымъ и не оставившей послѣ себя наслѣдниковъ, Быковъ не возвращаетъ ему, Самынину, сестринаго „приданка“ — корову и двухъ овецъ. На судѣ Владиміръ Быковъ показалъ, что коровы онъ не отдаетъ потому, что бралъ въ „приданокъ“ телочку и самъ ее выростилъ, а что касается до овецъ, то онъ оставляетъ ихъ у себя за свадебныя расходы. Самынинъ на судѣ еще заявилъ претензію на Быкова, что этотъ послѣдній долженъ уплатить ему 6 рублей, такъ какъ жена Быкова умерла въ его домѣ. Судъ приговорилъ, что Быковъ долженъ заплатить Самынину 6 рублей за похороны жены и отдать ему, кромѣ того телочку, родившуюся отъ „приданка“ — коровы. (Изъ „Кн. на зап. рѣшеній волостнаго суда“, Фатѣевской волости, Дмитріевскаго уѣзда, 1883 г. № 11).

Крестьянка с. Бѣлитина, Дарья Чикалина, заявила, что сынъ наноситъ ей дерзости, а невѣстка даже побила ее; поэтому она проситъ наказать виновныхъ, и кромѣ того на судѣ еще словесно заявила, что желала бы раздѣлиться съ ними окончательно. Судъ рѣшилъ; внушить невѣсткѣ полное почтеніе къ матери свекрови, а послѣдней — „строго воспретить дѣлать раздѣлъ семьи“ (ibid, № 43).

---

*) С. Капустинъ. Форма землевладѣнія у Русскаго народа. Стр. 39.

Солдатка с. Меркуловки, Екат. Рюпина, жаловалась, что деверь ея Мих. Рюпинъ не выдаетъ ей части имущества и выгоняетъ вонъ изъ дома. Мужъ Екатерины Рюпиной, Гаврила, находится въ военной службѣ вотъ уже 11 лѣтъ; у Екатерины есть сынъ 19 лѣтъ и 2 дочери—одной 13, другой 16 лѣтъ. Они жили до сихъ поръ въ одномъ домѣ съ Михаиломъ. Судъ по жалобѣ Екатерины выѣзжалъ въ полномъ составѣ въ с. Меркуловку для раздѣла Рюпинскаго имущества. Рѣшеніе же его по этому дѣлу таково: „такъ какъ Михаилъ и его братъ солдатъ Гаврила Рюпинъ—единокровные наслѣдники достоянія умершаго отца Фрола Рюпина, съ тою лишь разницею, что Гаврила годовъ 11 находится въ военной службѣ, а жена его Екатерина и дѣти ихъ: сынъ 19 и 2 дочери 13 и 16 лѣтъ жили совмѣстно съ Михаиломъ въ одномъ дворѣ, въ виду чего имущество отцовское должно быть подѣлено на двѣ ровныя части между Михаиломъ и Гавриловой семьей". (ibid № 14.)

Мы кончили. Многіе промыслы и кустарныя производства даннаго района совсѣмъ не были изслѣдованы и даже затронуты нами въ этомъ очеркѣ. Но это случилось не по нашей винѣ.

Мы призваны сюда съ тѣмъ только, чтобы произвести *основное* статистико-экономическое изслѣдованіе края, которое, въ свою очередь, должно служить базисомъ, исходной точкой всѣхъ дальнѣйшихъ, *спеціальныхъ* изслѣдованій разныхъ сторонъ крестьянской жизни здѣшней мѣстности (хлѣбная торговля, спеціальныя культуры, промыслы и т. д.). Прямая задача нашего учрежденія настолько сложна и обширна (напомнимъ читателю, что она заключаетъ все *основное* изслѣдованіе губерніи и *спеціальное* изслѣдованіе земледѣльческихъ хозяйствъ), что намъ и съ нею едва въ пору справиться. Производя *основное* изслѣдованіе мѣстности детально, по всѣмъ рубрикамъ программы, мы лишены возможности выполнять удовлетворительно задачи нѣсколькихъ *спеціальныхъ* изслѣдованій. Мы можемъ производить ихъ, только въ ущербъ своей прямой обязанности. Осуществленіе универсальной хозяйственно-экономической статистики возможно только, при условіяхъ болѣе значительныхъ затратъ денежныхъ средствъ и болѣе продолжительнаго времени для работъ...

Мы дали въ своемъ очеркѣ все, что могли дать...

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
12	12 снизу	17 р. 90 к.	31 р. 90 к.
12	7 "	2 р. 40 к.	16 р. 40 к.
12	4 "	17 р. 90 к.	31 р. 90 к.
56	8 "	тысячъ	десятковъ
59	3 "	интелигентивно	интеллигентно

69. Въ рубрикѣ: „по всѣмъ уѣздамъ", къ цифрамъ 27629 и 27042, должно бы быть сдѣлано примѣчаніе: „за исключеніемъ батраковъ, поденьщиковъ, полѣтчиковъ, косарей и фабричныхъ заводскихъ рабочихъ по Курскому у., которые по I и II группѣ не вошли въ эту рубрику."

99	9 снизу	прямой	прямо